

Свидетели эпохи

МАРИЯ
БАРЯТИНСКАЯ

*Моя
русская жизнь*

Воспоминания великосветской дамы

1870 — 1918

SHOUT
SHARE

IT

Annotation

Мемуары великосветской дамы Марии Сергеевны Барятинской, праправнучки фельдмаршала Суворова, жены флигель-адъютанта Николая II, Анатолия Барятинского, в мельчайших деталях восстанавливают тонкости придворного этикета и церемониала. Она вспоминает торжественность коронации и празднования 300-летия Дома Романовых, Европу начала века. Барятинская начинает повествование с описания смерти Александра III и восшествия на престол Николая II, рассказывает о Распутине и убийстве Столыпина, начале войны и о том, как организовывала работу военного госпиталя в Киеве. Мария Сергеевна бережно сохраняла записи о важных и мимолетных происшествиях, ценнейшие свидетельства, полные неповторимого очарования утерянного рая.

- [Мария Сергеевна Барятинская](#)

- ☐ [Глава 1](#)
- ☐ [Глава 2](#)
- ☐ [Глава 3](#)
- ☐ [Глава 4](#)
- ☐ [Глава 5](#)
- ☐ [Глава 6](#)
- ☐ [Глава 7](#)
- ☐ [Глава 8](#)
- ☐ [Глава 9](#)
- ☐ [Глава 10](#)
- ☐ [Глава 11](#)
- ☐ [Глава 12](#)
- ☐ [Глава 13](#)
- ☐ [Глава 14](#)
- ☐ [Глава 15](#)
- ☐ [Глава 16](#)
- ☐ [Глава 17](#)
- ☐ [Глава 18](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)
- ☐ [7](#)

- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26

Мария Сергеевна Барятинская
Моя русская жизнь. Воспоминания
великосветской дамы. 1870–1918

*Моей любимой дочери Малышке
посвящается*

Глава 1

Юность

Детство мое было не очень счастливым, я рано лишилась матери – до того, как мне исполнилось три года. Она умерла при рождении моей сестры Эме. В нашей семье было четверо детей – три девочки и мальчик. После кончины моей матери мы оставались два года во Франции под опекой гувернантки, наполовину немки. Потом мы приехали к отцу в Санкт-Петербург, где он занимал очень хорошую квартиру на Морской. Бабушка жила рядом с нами^[1]. Она была старенькой, но стремилась отдавать нам всю свою доброту и заботу. Тогда она была вторично замужем за князем Горчаковым. Она была урожденная Суворова, внучка знаменитого фельдмаршала, который был удостоен титула князя Италийского за руководство боевыми действиями против французской революционной армии в Италии. В 1790 году во главе русской армии он взял Измаил, а после кончины был похоронен в Александро-Невской лавре. По его завещанию эпитафия гласит: «Здесь лежит Суворов». В 1900 году в ознаменование столетия со дня его смерти была организована торжественная церемониальная служба, в ходе которой император Николай II возложил венок на его могилу. Я там присутствовала как потомок Суворова в четвертом поколении.

Я была внучатой племянницей генерал-адъютанта его величества князя Александра Аркадьевича Суворова, который очень любил нас, детей; мы делились с ним нашими маленькими проблемами и радостями, а он симпатизировал нам во всех наших детских проделках. Он был большим другом царя Александра II.

И вот однажды император изъявил желание увидеть оставшихся без матери детей, о которых он так много слышал от их дядюшки. В назначенный день мы вчетвером с нашей гувернанткой отправились в Летний сад, расположенный на берегу Невы. Этот сад был заложен еще Петром Великим и часто служил сценической площадкой для происшествий в яркой жизни императрицы Екатерины II. Я помню, как мы шли по особой дорожке, по которой весной, когда таял снег, всегда прогуливался император, и было так сыро и грязно, что эту дорожку устилали дощечками.

Вдруг появился император, шедший вместе с великим князем Михаилом Михайловичем и моим дядюшкой Суворовым. Я была так взволнована от встречи с императором, что соскочила с

дорожки и упала в небольшую яму. Не помню, как меня оттуда извлекли, но император сказал своим громким голосом: «Бедняжка!» – а потом расхохотался. Я, перепачканная, должно быть, представляла собой смешное зрелище. По возвращении домой гувернантка отругала меня за это происшествие, за мой неопрятный и весьма жалкий вид, но отец произнес, когда я заплакала, что это просто был инстинкт вежливости: я уступила дорогу императору, так как дорожка была очень узкой, а поэтому меня не следует ругать.

В тот же день дядюшка принес нам фотографию, подписанную императором, который, вручая ее, сказал: «Передай ее детям».

Позднее, тем же летом мы потеряли нашего любимого отца. Мы только что переехали на дачу под Петербургом, и нам сообщили, что наш дорогой папа скончался. На одном из погребальных богослужений к нам подошел император Александр II и произнес: «Бедные дети!» Он также поговорил с нашей бабушкой, которая была уже очень стара и частично парализована, называя ее «бедная Варенька», как это она вспоминает в своем дневнике.

Император пообещал быть нашим наставником. У моего отца было крупное состояние, требовавшее больших хлопот в управлении и присмотре. После похорон мы стали жить у его сестры, нашей тети^[2], в Висбадене, и наша бабушка поехала с нами. В то время Висбаден был чем-то вроде Монте-Карло и являлся местом встреч всех интеллектуалов Европы.

У тети была слабоумная дочь, весьма злобно настроенная. Она постоянно щипала нас и чего только не устраивала, но нам не разрешалось жаловаться. Она была всегда права, а мы – всегда не правы.

Помню, как княгиня Суворова (ее прозвище было «итальянская Лиза»^[3]) проиграла в карты огромное состояние, и чуть не разразился скандал. Моя бабушка была взбешена. Помню, как бабушка, привыкшая к тому, что ей потакают всю жизнь, как-то отказалась от хлеба, который ей принесли. Она вызвала пекаря и заявила (чтобы напугать его): «Не забывай, что я из рода Петра Великого. Моя мать – урожденная Нарышкина, и мать Петра Великого тоже была Нарышкиной. Если б ты принес ему такой хлеб, он бы избил тебя!» Пекарь испугался до дрожи в коленках, и для нее был испечен специальный каравай. Я упоминаю это как необычный пример особенностей старческого возраста, описанный моей бабушкой в ее дневнике.

Как только мы приехали в Висбаден, нас повезли навестить князя Николая Нассау, брата герцога Люксембургского, чье

княжество было аннексировано Пруссией. Сейчас удивительный замок в Бибрихе открыт для широкой публики. Семья эта состояла из самого князя Николая Нассау, его жены Натальи, графини Меренберг (дочери поэта Пушкина), его сына, графа Георга (женатого на княжне Ольге Юрьевской, сестре моей бывшей золовки, княгини Юрьевской-Оболенской, певицы), графини Софьи Торби и графини Ады. Эти две девушки были очень симпатичны; мы, как правило, играли с ними каждое воскресенье. И до сих пор мы поддерживаем с ними дружеские отношения. Графиня Торби не изменилась с течением времени, и наши русские беженцы очень признательны ей за ее добрые дела.

После обеда в парке Висбадена давались концерты. Рядом располагалось казино. Здесь охотно бывали королевские особы Европы. Например, Христиан, король датский, каждый год приезжал сюда на воды. Он выделялся из толпы прямой фигурой и высоким ростом и был весьма популярен благодаря простоте и приятности в общении. Многие наши великие князья также посещали Висбаден, который в то время считался очень модным курортом. Среди посетителей обращал на себя внимание старый герцог Кембриджский, которого сопровождал один из его сыновей, полковник Фитц-Джордж. Он всегда занимал одно и то же место и неизменно угощал нас конфетами. Мы всегда старались (по-детски) быть на виду, чтобы он не забыл о нас. Наша английская гувернантка постоянно выговаривала нам, но, должна признаться, это не имело эффекта.

Еще одним посетителем была княгиня Полина Меттерних, подруга императрицы Евгении. Ее шляпки всегда были украшены чересчур большим количеством прекрасных страусовых перьев, но одежда ее была самой элегантной. Именно эти люди наиболее запечатлелись в моей памяти.

После нескольких лет в Висбадене моего брата отправили в военную школу, а мы, девочки, по желанию нашего дедушки вернулись в Россию, где в Санкт-Петербурге у семьи был ряд квартир.

Меня послали в школу княгини Оболенской, где я встретилась с двумя хорошими подругами: княжной Трубецкой, позднее вышедшей замуж за графа Алексея Беловского, и Ольгой Клейнмихель, ныне баронессой Корф.

Однажды утром мы услышали ужасную новость о том, что в результате покушения убит император Александр II. Мой бедный дядюшка был абсолютно безутешен. Мы присутствовали на похоронах и участвовали в похоронной процессии; по возвращении домой у меня поднялась температура и распухло горло, потом все это перешло в скарлатину. Мы все ею

заразились, и наши жизни оказались под угрозой. В результате болезни скончалась моя любимая, всеми обожаемая сестра Варвара.

Утрата нашей любимой сестры стала для нас огромным горем. Она была намного старше остальных членов семьи, у нее был добрый, милый нрав, и она была для младших вроде матери.

После того как мы оправились от последствий скарлатины, нас взяла под свою опеку моя двоюродная сестра, княгиня Гагарина. Эту зиму мы провели в деревне. От нее остались не самые счастливые воспоминания. Ну а потом мы вновь отправились за границу, в Ниццу, к моей тетушке, чей муж вот уже сколько лет был генеральным консулом России.

Тетя моя была несправедливой и суровой, и нам у нее приходилось трудно. Ее психически ненормальная дочь к тому времени скончалась, и всю свою привязанность она сосредоточила на старшей дочери Ваве – девушке, отличавшейся исключительным умом и высокой культурой. Она писала прекрасные стихи, пела и хорошо играла, но, будучи заметно старше всех нас, определенно проявляла некоторое высокомерие. Вторая дочь, Лала, обладала куда более приятным характером. Она вышла замуж за моего брата, но, к сожалению, брак оказался неудачным. У тети также был сын Димитрий, учившийся в школе в Германии. Дядя был самым добрым и приятным человеком. Мы все его обожали; он всегда старался сгладить все наши проблемы и сделать жизнь для нас, маленьких сирот, как можно более легкой.

Поскольку дом моей тети в Ницце был недостаточно вместителен, мы с сестрой жили вместе с нашими гувернантками, мадемуазель Ривуар и англичанкой мисс Уолтон, целиком посвященной в наши дела и кому я лично обязана самыми лучшими воспоминаниями.

Вскоре после приезда в Ниццу мы пережили очень тревожное событие.

Моя жизнь всегда состояла из штормов и переворотов, и очень рано я впервые встретила с землетрясением. Как-то в карнавальную ночь между пятью и шестью часами утра меня разбудила моя верная гувернантка мисс Уолтон, которая, стоя у моей постели в старом красно-черном клетчатом халате, торжественным, но приглушенным, доносившимся откуда-то издалека голосом обратилась ко мне: «Вставайте, Мария, настал наш последний час».

В изумлении я подчинилась ей. И тут я услышала совершенно странный шум и поспешный топот ног на ступеньках лестницы в нашем доме. Я подбежала к окну и выглянула наружу; моим

глазам предстало неописуемое зрелище. Улицы заполнили толпы народу, кричащего и вопящего от ужаса. Люди очертя голову выскочили из своих жилищ в самой нелепой одежде: одни были в маскарадных костюмах, надетых по случаю проходившего в ту ночь костюмированного бала, другие – в ночном одеянии и купальных халатах, в которые они поспешно закутались, выбегая из ванной комнаты. Несколько старух впали в истерику. Из-за криков и визга возник сущий ад, потому что было почти невозможно успокоить толпу и восстановить какое-то подобие порядка. Страх совершенно деморализовал это возбужденное собрание людей.

Какая-то пожилая женщина выбежала из дому полуодетая, надрываясь от крика, а оказавшийся рядом мужчина, не найдя иного способа ее успокоить, просто зажал ей ладонью рот, буквально «заткнув ее».

Тетушка, столь же перепуганная, как и мисс Уолтон, оттащила меня от окна, вытолкнула на улицу. Я увидела, как с крыш домов падает черепица, а потом, наконец, догадалась, что произошло, но толчков не почувствовала. Вдруг мисс Уолтон недовольным голосом сказала девочкам, находившимся под ее опекой: «Пожалуйста, отвернитесь, сударыни!» Потом мы узнали, что очутившийся возле нас господин в спешке накинул на себя лишь пальто и полотенце. На этот раз воистину можно было утверждать, что «не одежда творит человека».

Муниципальные власти Ниццы организовали для пострадавших от землетрясения различные представления в театрах и концертных залах. В казино была устроена благотворительная распродажа, и мы, моя тетя, моя сестра и я, приняли в ней участие, работая в киоске, в котором продавались всевозможные русские сладости и товары, присланные прямо из России. Как-то во время торговли я увидела, как тетя бросилась навстречу высокой красивой даме с изумительно безупречным профилем. Она поцеловала ей руку и приветствовала с глубоким уважением, а потом, сделав нам знак подойти, произнесла: «А это, мадам, две девочки-сироты моего усопшего брата Сергея».

Прекрасная дама поцеловала нас обеих, а бывший с ней старый господин с маленькой бородкой вначале заговорил с тетей, а потом и с нами на немецком. Как только они отошли, мы с нетерпением стали расспрашивать тетушку, кто это такие. Оказалось, что это были король и королева Вюртембергские. Она была дочерью царя Николая I (который умер в 1855 году во время Крымской войны), великая княгиня Ольга Николаевна, отличавшаяся большой красотой. В дни ее молодости фельдмаршал князь Барятинский^[4], тогда еще молодой офицер,

был безнадежно влюблен в нее, но император отказался дать согласие на их брак.

К моей тетушке подошел еще один интересный персонаж, и мы предложили ему цветы, которые он купил. Я услышала, как тетя произнесла его имя с титулом «величество». Я стала ломать голову, кто бы это мог быть. Мисс Уолтон сообщила мне, что это король Бразилии дон Педро II, впоследствии свергнутый с трона.

Потом к нашему киоску подходили и беседовали с тетушкой несколько наших великих князей. Это были фельдмаршал великий князь Николай Николаевич со своим сыном великим князем Петром, который находился в Ницце по причине плохого здоровья, и великий князь Георгий Михайлович, а также княгиня Юрьевская (вдова от морганатического брака с императором Александром II) со своими двумя очаровательными девочками. Старшая, Ольга, вышла замуж за графа Георга Меренберга, брата графини Торби, а младшая вышла замуж за брата моего мужа, Александра.

Несколько дней спустя королева Ольга Вюртембергская послала за нами. Она жила в отеле «Des Iles Britanniques» на бульваре Виктора Гюго. Ее высочество с детских лет дружила с моими дедушкой и бабушкой и сейчас показала нам свои фотографии, включая и групповой снимок, сделанный в пору их счастливой юности. Во время этого визита к Ольге нас принял барон Вольф, ее управляющий, с которым мы часто встречались в последующие годы. Это был самый приятный человек, и он слыл любимцем всей русской колонии в Ницце. Жена его после его смерти вышла замуж за нынешнего итальянского посла в Лондоне, маркиза де ла Торретта. Его брат, барон Паузи Вольф из полка конной гвардии был очень популярен в петербургском обществе, будучи самым искусным танцором.

В доме нашей тетушки мы часто видели двух дам в глубоком трауре. Одна из них была матерью, а другая – тетей известной писательницы и художницы Марии Башкирцевой. Они глубоко скорбели по поводу недавней утраты их обожаемого чада. Несмотря на свою молодость, Башкирцева была весьма знаменита, а одна из ее картин была приобретена Люксембургским музеем. Она была ученицей известного французского художника Бастьена Лепажа, умершего примерно в то же время от чахотки. Хотя эти две дамы сами по себе были не очень интересны, но в их маленьком особняке (с чудесным садом на Английском променаде) можно было часто встретить некоторых из самых знаменитых писателей и художников того времени. Там я познакомилась с Альфонсом Карром, великим французским писателем. Будучи юной девушкой, я не ведала о

его славе и все никак не могла понять, почему его называют в честь фиалок «Альфонс Карр», которые я так часто покупала на Лазурном Берегу!

Знаменитая художница-анималистка Роза Боннер также была частым посетителем этого дома. Мой интерес возбуждал ее необычный костюм: черная круглая шляпа, итонская рубашка, очень узкая юбка и высокие сапоги. Она ходила с хлыстом и всегда в сопровождении крупного мастифа. Художница рассказывала, как несколько раз ради зарисовок ей приходилось проникать в клетки с дикими животными, чаще всего со львами. В молодости ее картины не покупали, и она была вынуждена заключить контракт с неким финансистом. Этот человек сделал себе состояние на ее картинах, но в конечном итоге после многих лет упорного труда она смогла освободиться от его гнета. Эстампы с ее знаменитых картин со львами настолько известны, что не нуждаются в комментариях.

Каролус Дюран, сделавший яркий набросок Марии Башкирцевой, также посещал ее семью. К сожалению, эти две пожилые дамы не обладали даром сохранять жизнь в знаменитом салоне, как это делала Мария Башкирцева, привлекавшая людей своим очарованием и талантом, поэтому эти некогда знаменитые встречи в конце концов стали достоянием памяти. Две дамы спустили свое состояние за столами Монте-Карло, а в последующие годы я потеряла всякие следы их существования.

Когда мне было примерно шестнадцать, я встретила Пьера Лоти, выдающегося французского писателя. Помимо других официальных обязанностей, мой дядя должен был посетить французскую эскадру, стоявшую на рейде в Вильфранше и только что вернувшуюся с Дальнего Востока. Адмирал пригласил его на вечерний чай с танцами, и я вместе с двумя кузинами поехала с ним. Адмирал был исключительно приятный человек и принял нас весьма любезно, представив нам одного из своих старших офицеров, г-на Жюльена Вио. Флагманский корабль был впечатляюще украшен, а когда мы прибыли, оркестр играл вальс.

Капитан Вио тут же закружил меня в его ритме. У него было весьма интересное лицо с большими блестящими глазами. Как только танец закончился, он спросил меня: «Мадемуазель, вы бывали когда-нибудь в Японии? Это самая пленительная и очаровательная страна».

Он рассказал мне много любопытного; с ним было исключительно приятно беседовать: его голос был так мелодичен, а французский – безупречен. Перед тем как нам сойти на берег, он поинтересовался, собираемся ли мы на танцы у князя Монако в честь французской эскадры, которые должны состояться на

следующий день. «Скорее всего, да», – ответила я, а он продолжал: «Не уделите ли вы один танец мне, мадемуазель? Вы не забудете, не так ли – капитан Жюльен Вио? Тогда до завтра».

А на следующий день на дневном спектакле у князя Монако, когда раздавали программки на бал, он написал на моей: «Первый вальс, Пьер Лоти».

Вернувшись домой, я рассказала об этом моим кузинам и сделала при этом совершенно естественное замечание (как мне казалось): «Но почему Пьер Лоти, когда, в конце концов, его зовут просто Вио?»

«Ты маленькая простофиля! – воскликнули мои кузины. – Жюльен Вио и есть Пьер Лоти. Это его литературный псевдоним. Это он написал романы «Мой брат Ив» и «Мадам Хризантема», от которых ты была в таком восторге!»

А теперь можете себе представить, как я была горда.

Несмотря на строгость моей тетушки, мы всюю наслаждались прекрасными солнечными днями и цветами Ривьеры, особенно Ниццей с ее разнообразной жизнью и космополитическим скоплением людей. У нас было много интересных экскурсий по окрестностям, овеванным легендами и фольклором, и мое воображение часто рисовало мне африканские орды, переплывающие синее Средиземноморье, или северных вандалов, переходящих через Альпы, чтобы стать лагерем на здешних берегах.

На мой семнадцатый день рождения, 5 апреля (по старому стилю), мне устроили праздник в Монте-Карло. Мы поехали по живописной горной дороге, ведущей из Генуи в Ниццу вдоль Средиземного моря, в большом фаэтоне. Как только мы успели пообедать в отеле «Париж», в зал вошли три очень молодых человека. Один из них поздоровался с моей тетушкой и поцеловал ей руку, а потом присоединился к своим друзьям, стоявшим неподалеку. Мне особенно приглянулся один из них, которого я нашла очень симпатичным, несмотря на его весьма небрежную и, по правде сказать, безобразную одежду. Моя тетя заметила, что говорившего с ней зовут Ваня и это сын ее двоюродного брата, графа Воронцова-Дашкова, министра императорского двора. «А кто остальные двое?» – спросили мы хором. Моя тетя засмеялась: «Я полагаю, вы более всего имеете в виду того симпатичного! Один из них – молодой князь Анатолий Барятинский, но который из них, я не знаю».

Потом муж признался, что запомнил нашу первую встречу, а мое лицо заворожило его именно в тот день моего рождения.

По пути домой, когда на небе не было видно луны, а дорогу освещали только светлячки, один французский господин, чье

сватовство пришлось очень по душе моей тетушке, сделал мне предложение выйти за него замуж. Я была очень удивлена и определенно не была в него влюблена. Тем не менее я отослала его к моей тете.

По прибытии домой нас ожидал приятный сюрприз. Неожиданно из Санкт-Петербурга приехал мой брат, которого мы не видели два года. Теперь он был офицером полка конной гвардии, в котором вот уже несколько поколений служили мужчины нашей семьи, – фактически это стало семейной традицией.

Мы сразу же заметили, что моя тетя питает надежду женить его на одной из своих дочерей. Хотя мой брат был очень богат и считался завидным женихом, он скоропалительно объявил о помолвке с нашей кузиной Лалой, второй дочерью тети, несмотря на то что мы выражали ему свое тайное несогласие (но вначале просто отделялся смехом, говоря, что любит одну девушку в Санкт-Петербурге). Он женился на Лале следующим летом, и мы все отправились в Россию на его свадьбу, остановившись в Стрельне, неподалеку от Санкт-Петербурга.

В Стрельне у нас случилась беда. Нашу любимую мисс Уолтон хватил удар, и она была парализована. Это событие косвенно привело меня к несчастливому первому браку^[5]. Во время моей помолвки я вновь встретила с молодым князем Барятинским, когда направлялась в город со своим женихом. В этот раз он уже был камер-юнкером при императоре и весьма красивым мужчиной. Он взглянул на меня, а потом рассказал мне, что узнал меня.

Вскоре после заключения первого брака я вернулась на несколько месяцев в Ниццу, поскольку здоровье мое было неважным. По правде говоря, старый афоризм «Кто в спешке женится, у того в избытке времени, чтобы раскаиваться» был слишком справедлив в моем случае. Мой муж не был приспособлен к обычной домашней жизни, и я подолгу оставалась одна. Мы вернулись на Рождество в Санкт-Петербург, где, надо признать, его семья меня очень тепло приняла. В январе меня представили императрице Марии Федоровне на большом придворном балу, устроенном в Зимнем дворце. Я чувствовала себя очень стесненно среди всего этого великолепия. Роскошные залы и комнаты с их впечатляющими украшениями, изысканные наряды и блестящие мундиры произвели на меня такое впечатление, что мне почти казалось, что я оказалась в стране чудес.

Пока я делала реверансы и целовала руку ее величества, я услышала, как император Александр III спросил дядю моего

мужа, который в тот вечер был генерал-адъютантом при императоре: «Кто эта девушка с большими изумрудами?» – «Это моя новая племянница, ваше величество», – ответил генерал. В то время я была очень тонкой и похожей на девочку, а ключицы мои, должно быть, напоминали две куриные косточки, выступающие из-под декольте по русскому этикету. Впоследствии мой дядя сообщил мне, что император не мог поверить, что я уже замужем, и посоветовал мне поменять стиль одежды молодой девушки на другой, более соответствующий моему замужнему положению.

Прошло два года. Мне с горечью пришлось признать тот факт, что мое замужество оказалось ошибкой, и ранней весной я приняла неоднократно повторявшееся предложение моего дорогого брата навестить его в загородном доме. Он также жил один, поскольку жена его часто проводила время у своих родителей в Ницце, а он не мог уезжать вместе с ней, поскольку был предводителем дворянства и не хотел оставлять свои имения в Тамбовской губернии.

За месяц до того, как я уехала из Санкт-Петербурга, я приняла участие в благотворительном базаре, устроенном в Дворянском собрании в помощь голодающим. Мне в киоске помогала графиня Бобринская. Старший брат моего будущего мужа князь Саша Барятинский тоже был там, очень забавляя нас своим смехом и шутками. Вся императорская семья посетила базар; среди них был великий князь Сергей Михайлович, а с ним приходил и мой будущий муж, ныне офицер личной охраны императорской семьи. Я как раз говорила с его братом, который был большим моим другом, когда ко мне подошел великий князь Сергей и сказал: «Позвольте мне представить вам князя Толи Барятинского, брата Саши Барятинского?»

Хотя Саша Барятинский был весьма привлекателен внешне, брат его был много красивее, в высшей степени занимателен и остроумен. Он припомнил нашу прошлую встречу в Монте-Карло и довольно долгое время оставался на базаре. Перед уходом он обернулся ко мне и произнес: «Мой брат говорит, что завтра обедает с вами. Можно мне прийти вместе с ним?» – «Конечно», – быстро ответила я. Не прошло и дня, как мы влюбились друг в друга.

После обеда он рассказал нам забавную историю. Начал следующим образом:

– В тот же день, когда я повстречал вас в Монте-Карло, – возможно, вы это помните, потому что всякий, кто меня хоть раз увидит, уже никогда не забывает, – скромно добавил он, – я купил билет до Ливорно. Оттуда я намеревался отплыть на Корсику,

чтобы посетить великого князя Георгия Александровича (второго сына царя Александра III. – *Авт.*), который находился там по причине своего слабого здоровья. Меня по ошибке приняли за самого великого князя, поскольку губернатору Ливорно была послана телеграмма, в которой говорилось, что великий князь Георгий путешествует инкогнито под именем князя Барятинского. В то время я ничего об этом не знал и, к своему удивлению, добравшись до Ливорно, удостоился государственного приема со стороны важных сановников.

Я прослушал длинную речь, в которой часто упоминалась высокая честь, которую я оказал этому городу своим личным визитом, и, наконец, меня провели к большому внушительному ландо. Я хотел избежать дальнейших почестей, и так как шел сильный дождь, я быстро забрался в карету, сел на место у окна и поспешно закрыл дверь, надеясь, что губернатор поймет, что церемония подошла к концу. Но – увы! Несмотря на проливной дождь, он, обогнув карету, подбежал к другой двери, вскочил в карету и уселся рядом со мной. Я сразу же увидел, что он не понимает моего французского, на котором я отчаянно пытался объяснить ему, что я вовсе не его императорское высочество великий князь. Наконец, я оставил свои попытки, и мы поехали в отель, где я увидел, как он заговорщицки шепчется с привратником. Я очень устал, и мне хотелось спать, но скоро мои сновидения были потревожены оркестром, заигравшим под окном российский государственный гимн.

Это оказалось последней каплей! Я вскочил и неистово попытался разъяснить ситуацию. Но повсюду видел сияющие лица и склоненные фигуры! Ничто из сказанного мною не могло изменить их уважительного отношения, поэтому я отказался от попыток доказать мою истинную личность и в конце концов пошел спать.

Та же программа продолжилась наутро и на борту корабля. На это я мог не обращать внимания, так как был неважным моряком. Море штормило, будто присоединилось к заговору против меня, а потому я провел все время в одиночестве в своей отличной каюте. Когда мы прибыли на Корсику, капитан и пассажиры построились в два ряда, через которые я прошел, чувствуя себя очень глупо и неловко. Наконец, благополучно добравшись до места назначения, я рассказал всю эту историю великому князю, отчего он хохотал от всей души.

Сообщение во всех газетах о моем «императорском визите» гласило, что великий князь Георгий благополучно прибыл в Аяччо, а чтобы избежать церемоний, приличествующих его положению, он путешествует инкогнито под именем князя

Барятинского.

Эту вырезку из газеты мой супруг послал своему отцу, который показал ее императору Александру III, а когда мой муж вернулся в Россию, его величество, улыбаясь, поинтересовался о происшествиях в ходе этой забавной поездки.

Мне понадобилось очень короткое время, чтобы понять, что Толи был действительно моей первой любовью. Примерно в середине марта князь Барятинский сообщил мне, что собирается вместе с друзьями поехать на охоту на медведя, к которой у него была большая страсть. Это достаточно опасный вид спорта. Медведи все еще спят в глубоких берлогах и приходят в ярость, когда их будят ищейки. Полусонных, их надо убивать прямо на месте, иначе раненый медведь становится страшным соперником в поединке с человеком.

Я сама как-то видела трагические последствия одного неудачного выстрела. Полковой друг моего мужа, лейтенант Нефф, выстрелил в медведя, и тот упал. Считая, что зверь мертв, он подошел к нему, и тут, к его ужасу, медведь вдруг поднялся и зажал его в тиски. Лейтенанта спасли лишь друзья, застрелившие медведя, но зверь до этого успел отгрызть большую часть его ноги и бедра.

Князь Барятинский признался мне, что если он будет достаточно удачлив и убьет медведя (а у него было девять или десять ружей), то сочтет это хорошим предзнаменованием (Толи был очень суеверен, да и я такая же). Но, несмотря на мои мольбы, он так и не сказал, что имел в виду. Но полмесяца спустя он приехал ко мне и заявил: «Я убил медведя, и вы должны стать моей женой. Это и есть хорошая примета, о которой я говорил две недели назад». Я ему ответила, что все еще несвободна; хотя мой брат, видя мое несчастье в браке, настаивал на разводе, тем не менее это потребовало времени. Я вернулась в поместье брата. Пройдя через многие затяжки и трудности, в 1894 году я вышла замуж за князя Анатоля Барятинского. К тому времени мой первый муж уже умер.

В период моего второго замужества отец моего супруга исполнял обязанности генерал-адъютанта его величества на службе у вдовствующей императрицы; у него и моей свекрови было три сына и три дочери, и к тому времени никто из них не состоял в браке. Наша свадьба была первой в этой семье. Потом мой молодой деверь Владимир женился на актрисе Лидии Яворской; затем моя самая старшая золовка Анна вышла замуж за князя Щербатова, адъютанта великого князя Николая Николаевича. Мой самый старший деверь Александр женился только в 1901 году, как я упоминала ранее, на княжне Екатерине

Юрьевской, изумительно красивой дочери императора Александра II от морганатического брака с княгиней Долгорукой. Ей был дан титул княжны Юрьевской.

Из оставшихся двух сестер Ирина вышла замуж за капитана Мальцова, морского офицера (моя свекровь какое-то время противилась этому браку), а другая дочь, Елизавета, стала супругой графа Апраксина, впоследствии назначенного к особе ее величества императрицы Александры Федоровны. Это назначение всех удивило, так как у него было слишком мало качеств для столь высокого поста.

Родители моего мужа были исключительно добры ко мне, и у нас всегда были самые лучшие отношения. Моя свекровь была очень добродетельной и набожной женщиной, чьим девизом в жизни был долг. Несмотря на больное сердце, она редко думала о себе, все свои силы она направляла на то, чтобы помочь окружающим. Когда я вышла замуж за Толи, ее старая мать все еще здравствовала и проживала в том же доме вместе с дочерью и зятем. У нее была своя половина из нескольких комнат. Звали ее графиня Стенбок-Фермор, и она была одной из самых богатых женщин в Европе. Ей принадлежали огромные рудники на Урале и в Сибири, дома, деньги и другая собственность. Она была хрупкой женщиной, одевалась очень скромно, была очень религиозной и помогала многим монастырям.

Однажды она позолотила за свой счет купола монастыря Святого Сергия недалеко от Санкт-Петербурга. Это стоило ей невероятных денег. Она была крайне консервативна во взглядах, не одобряла современных новшеств и никогда не ездила поездом, а также не допускала установки телефона у себя в доме. У нее был уникальный характер; ей был присущ исключительный ум, и своими делами она управляла с огромным искусством. В денежных вопросах она часто совершала неожиданные поступки. Как-то случилось, что ее старший сын Алексей, молодой офицер, влез в долги. Она отказалась уплатить их, и его мебель и другие вещи были объявлены к продаже. Лишь посредничество его величества Александра II вынудило ее уладить дела.

В другой раз, однако, мой деверь, ее внук, Александр сообщил семье, что собирается признаться бабушке, что также серьезно задолжал. «Я попрошу сразу же, если она меня примет», – заявил он. Мы думали, он шутит, но он пошел к бабушке, и, вероятно, его благосклонно выслушали, потому что через полчаса он вернулся, сияя, с чеком на 200 000 рублей. «Бабушке очень понравилось, что я был с ней откровенен», – спокойно рассказал он нам. Но потом он по секрету признался мне, что, когда он вошел к старой даме и начал свою историю,

его терзали сомнения. И все же приятные манеры и глубокий ум моего деверя компенсировали его непрактичность.

Когда бабушка умерла в возрасте восьмидесяти трех лет, она оставила после себя огромное богатство в размере примерно 100 000 000 рублей, и, хотя эта сумма была поделена среди очень большой семьи из нескольких поколений, каждому досталось очень прилично.

Глава 2

Мое замужество. – Семья Барятинских. – Смерть царя Александра III. – Восшествие на престол царя Николая II и его женитьба

Я вышла замуж 17 августа 1894 года. Моему супругу, второму сыну генерал-адъютанта его величества князя Барятинского, в то время было только двадцать три, и он обладал очень привлекательной внешностью. Муж был адъютантом и лейтенантом в 4-м стрелковом Императорской фамилии полку, содержащемся целиком на средства, поступающие от членов императорской семьи, которая тогда составляла в нем один из батальонов. Командиром этого батальона в тот период был дядя моего мужа, граф Шувалов по прозвищу Бобби, важная персона старого времени, и подчиненные его очень любили. Он был женат на княгине Елизавете Барятинской – среди друзей ее звали Бетси Шувалова. О ней далеко шла слава чудесной хозяйки и очаровательной женщины, а также много говорили о восхитительных балах и развлечениях, которые она устраивала в своем прекрасном дворце в Санкт-Петербурге.

Происхождение семьи Барятинских восходит к IX веку, к становлению первой правящей династии в России, разделенной в те времена на маленькие княжества, которыми правили князья одного рода, то есть потомки Рюрика. Князья Барятинские правили в Киеве и Чернигове, вот почему на их геральдическом щите присутствуют гербы этих городов: ангел Киева и орел Чернигова.

Мой муж учился в Императорском Пажеском корпусе (военной школе) в то же время, что и его брат Александр. Оба они стремились получить назначение в конную гвардию, но мой свекор, сам одно время командовавший императорским стрелковым батальоном и не любивший кавалерию, хотел, чтобы мой муж поступил на службу в его старый полк, а для моего деверя выбрал Преображенский гвардейский полк, в котором сам начинал свою карьеру.

Наступил день выпуска. Братья купили себе форму и даже лошадей и были очень счастливы, что наконец-то их надежды

воплотятся в реальность. Но после маневров, к огромной радости моего свекра, его величество император Александр III поздравил моего мужа с назначением в императорский стрелковый батальон, а моего деверя – в Нижегородский полк. Так и не осуществилась мечта братьев Барятинских, но они полюбили свои полки и были преданы своим солдатам.

Прежде чем продолжить рассказ, я бы хотела рассказать немного о Пажеском корпусе.

Это училище было основано императрицей Елизаветой и преобразовано императором Павлом I, который, являясь Великим Магистром, сделал его центром Мальтийского ордена^[6]. Посему все ученики, покидая корпус, надевали как отличительный знак белую эмалевую копию креста. Павел I также построил здесь огромный зал, в котором висел его собственный портрет в полной униформе ордена. На территории корпуса также находилась римско-католическая церковь. Он хотел, чтобы ученики брали пример с рыцарства, чьи лучшие черты воплощались во все времена в членах ордена.

Все ученики в этой школе были дворянами, и, когда в последний год учебы отбирались счастливчики в императорские пажи или придворные пажи, наиболее достойные, отвечавшие всем требованиям для этого, становились личными пажами императора, а другие – пажами императрицы или великих княгинь в соответствии со своим рангом. Мой муж был придворным пажом великой княжны Ксении Александровны, сестры последнего императора Николая П. Ксения Александровна сейчас часто живет со своими детьми в Англии или с любимой матерью, вдовствующей императрицей Марией, в Копенгагене. Все, кто был знаком с этой благородной женщиной, любили ее за великую доброту и скромность и восхищались тем, как она достойно и мужественно боролась с тяготами, через которые ей (и всем нам) пришлось пройти, но к которым она была готова менее, чем многие другие.

Семья Барятинских всегда была тесно связана с императорской семьей. Мой муж воспитывался вместе с императором Николаем II и его братом и сестрами.

Мы поженились в тот же год, что и его величество. Свадьба проходила в имении моего брата в Тамбовской губернии.

Опишу весьма забавный инцидент. (Кто бы мог подумать тогда, когда мы все были так беззаботны, а будущее выглядело столь безоблачным, что все мы погрузимся в невероятную катастрофу?) Шафером моего мужа был его лучший друг лейтенант Каховский, в то время офицер императорского батальона. Позднее его назначили управляющим великого князя

Геorgia Михайловича (который так жестоко был убит вместе с другими великими князьями около двух лет назад и чья дочь от его брака с греческой принцессой Марией недавно вышла замуж за американца Вильяма Лидса, сына греческой принцессы Кристофер). В России была традиция, по которой шафер провожал жениха до церкви, а потом возвращался за невестой и сообщал ей, что ее жених вошел в церковь, и в то же время вручал ей свадебный букет от имени ее будущего мужа.

Время шло, и я не понимала, почему мой жених все еще не приехал, а в это же время мой жених в тревоге ожидал меня. Наконец мой брат послал верхового выяснить, что случилось, – и узнали, что лейтенант Каховский из-за сильной жары заснул в карете в тени деревьев в нескольких шагах от окна, у которого я терпеливо дожидалась его.

Когда мы во время медового месяца остановились в Санкт-Петербурге по пути во Францию и Италию, великий князь Сергей Михайлович вручил нам прекрасную икону (складень), подаренную тогдашним престолонаследником, впоследствии императором, великими князьями и офицерами – товарищами моего мужа. На иконе в центре была изображена Пресвятая Богородица, а по обе стороны от нее – наши святые заступники святая Мария и святой Анатолий.

Во время пребывания в Италии на озере Комо мне приснился очень четкий сон, в котором я увидела, что император Александр III тяжело болен. Я рассказала об этом своему мужу, а два дня спустя мы прочли в «Figaro», что его величество внезапно заболел и что к его ложу приглашены знаменитые профессора Лейден из Берлина и Захаров из Москвы. Эта новость вызвала всеобщую тревогу. В бюллетенях сообщалось, что государь страдает от заболевания почек, полученного, несомненно, в Петергофе, месте довольно грязном, где его величество, несмотря на предупреждения, недостаточно заботился о себе.

Новости становились все более настораживающими. К этому времени моему супругу надлежало вернуться к несению службы в Царское Село, где квартировал его полк. Мы отправились из Парижа в Россию через Берлин. Там на вокзале мы увидели великую княгиню Елизавету в сопровождении ее сестры, невесты престолонаследника, принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, которая спешила в Крым к постели больного будущего свекра, а также чтобы утешить своего жениха в трудный момент его жизни. Так я впервые увидела ее. Она была очень похожа на свою сестру, в которой, правда, было больше неземной красоты; но что меня больше всего поразило в будущей императрице, так это ее застенчивость и чрезмерно меланхоличное выражение глаз,

которое было нелегко забыть.

На границе в Александрово, где специальный поезд ожидал, чтобы доставить высоких особ на юг России, принцесса заговорила с моим мужем, которого, как она припомнила, встречала во время первого посещения России, когда еще только ходили слухи о том, что она помолвлена с престолонаследником. Обе сестры сообщили моему мужу, что, хотя, к сожалению, никакого улучшения в состоянии здоровья его величества не произошло, они надеются, что не опоздают с приездом. Они выглядели опечаленными и встревоженными. Так что уже первые шаги будущей императрицы в России были отмечены предчувствием трагедии.

Мы приехали домой, когда приготовления к нашему приезду в нашем деревянном загородном доме только что завершились. По прошествии времени мы в этом доме собрали много прекрасных вещей и провели немало счастливых лет.

Новости о состоянии здоровья императора становились все более безнадежными. Во всех церквях произносились молитвы о его выздоровлении. 20 октября (по старому стилю) великий князь Кирилл позвонил моему мужу и сообщил, что его величество скончался и что первое мемориальное богослужение состоится в три часа того же дня. Я хорошо помню глубокое впечатление, которое оказала на меня эта служба и какое чувство невосполнимой утраты оставила смерть его величества у всех его верных подданных. Его справедливо называли «великим миротворцем». Он привел Россию к зениту, и тогда невозможно было представить, что такая ужасная трагедия случится в будущем.

После панихиды мы все прониклись ожиданием того, что принесет новое правление. Все испытывали глубочайшую симпатию к императрице Марии Федоровне, чья супружеская жизнь была ярким примером для всех.

Тело усопшего императора было забальзамировано и специальным поездом доставлено из Крыма в Санкт-Петербург. На всех остановках огромные толпы народа благоговейно преклонялись и отдавали последнюю дань уважения своему обожаемому царю. После короткой остановки в Москве его останки были привезены в Санкт-Петербург, где должно было состояться погребение в Петропавловской крепости, бывшей местом захоронения членов императорской семьи. Похоронной процессии предстоял длинный путь, так как вокзал находился на большом расстоянии от собора. В ноябрьский день похорон было холодно, пасмурно и тоскливо, как будто скорбела сама природа. Впечатлял похоронный кортеж, имевший огромную

протяженность – возможно, для меня особенно, так как мне никогда не приходилось видеть похороны императора. Русские панихиды и погребальные песнопения прекрасны и печальны сами по себе, и музыка, бесконечные полки в полной форме – все это делало всю церемонию тем более внушительной и производило неизгладимое впечатление на всех присутствующих.

В процессии присутствовали две выдающиеся фигуры, мужчины в одеяниях средневековых рыцарей. Один был верхом на лошади с расшитой золотом попоной, и сам всадник был тоже целиком одет в золото, его сверкающий шлем был откинут назад и украшен тремя перьями черного, желтого и белого цветов – цветов Российской империи. А второй был пешим, одет полностью в черные доспехи, с опущенным на лицо забралом. Они представляли соответственно «Радость» и «Печаль». Каждое губернское правление прислало от себя знаменосца, несущего стяг с гербом губернии и ведущего лошадь со щитом, изображающим герб главного города. Офицеры несли на красных подушках все короны Российской империи, которые символизировали Царство Польское, царя Сибири, Астрахани, Казани и других земель, – самая старая называлась «Шапка Мономаха»; потом следовали все императорские ордена и награды, царская корона, большая и малая печати Царства.

Гроб был закрыт покровом из золота и парчи, отороченным горностаем, и на нем был вышит императорский герб. Похоронную колесницу, которой правил самый старый возница двора его величества, тянули восемь лошадей в черных пополах, а на голове у них были закреплены три пера национальных цветов. По обе стороны от гроба имелись ступеньки, на которых стояли двенадцать генерал-адъютантов, державших стойки балдахина над гробом. Двенадцать генералов свиты держали шнуры от балдахина, а двенадцать адъютантов – кисточки. По обе стороны от усопшего императора шагали камер-юнкеры, неся зажженные факелы. Сразу позади шел молодой император, окруженный членами императорской семьи и представителями иностранных держав. Он был очень бледен и казался глубоко погруженным в свою горе и серьезность момента. Но его добрые глаза как будто просили поддержки от его любимого народа, и наполненные слезами глаза его подданных отвечали пониманием. Когда кортеж проходил мимо Аничкова дворца, заметили, что молодой император пытается незаметно смахнуть слезы.

Самый торжественный момент настал, когда кортеж медленно пересек Неву по мосту, соединяющему город с островом, на котором построена Петропавловская крепость. У усыпальницы, где умерший был предан земле, молодой

самодержец, видимо, чего-то ждал и колебался, но лишь до тех пор, пока граф Воронцов-Дашков не сказал ему, что надо вспомнить, что теперь он – император и что нет никого выше его. Потом муж говорил мне, что после похорон полностью осмыслил французскую поговорку: «Король умер, да здравствует король!» Правители не могут горевать, и молодому императору пришлось отвернуться от умершего и, подчиняясь церемониалу, приветствовать свои войска и принимать приветствия от них. Войска вернулись в казармы под звуки бодрого марша.

14-го числа того же месяца ноября (по старому стилю) очень тихо была сыграна свадьба императора в Зимнем дворце. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, присутствовавшая на ней, была глубоко тронута и с трудом смогла сдерживать свои эмоции. Она всего лишь месяц назад овдовела, и этот день был также ее днем рождения – какие горькие и сладкие воспоминания, должно быть, проносились у нее в мыслях!

Пара молодоженов выглядела печальной и озабоченной. События предшествующих недель все еще были свежи в их памяти. Предчувствие катастрофы и беспорядков, которое они ощутили тогда, впоследствии не покидало императора Николая во время всего периода его правления. После церемонии молодая императорская пара уехала в Аничков дворец, личную собственность вдовствующей императрицы, а потом молодые отправились в Царское Село, предпочтя меньший дворец Александра I дворцу Екатерины Великой, который был слишком огромен и официален.

Ввиду траура императорская чета жила в глубоком уединении, и с прошествием времени императрица продолжала вести все более и более затворническую жизнь, и даже ее придворные дамы – одной из которых была моя тетя, княжна Мария Барятинская, – очень редко ее видели. В 1895 году родился их первый ребенок – дочь Ольга. Это вызвало большое разочарование, поскольку очень надеялись на рождение сына и наследника, и это событие, к сожалению, не прибавило императрице популярности.

На Пасху мой муж был назначен флигель-адъютантом его величества, что оказалось весьма неожиданным, так как он не был самым старшим сыном, и это стало скорее исключением из правил. Нам даже сообщили из надежных источников, что моему деверю вот-вот будет оказана эта честь. Как ни странно, вопреки всякому смыслу у меня было особое предчувствие, что все-таки мой муж получит эту должность. Я сказала ему: «Я уверена, что, несмотря на то что ты младше, император выберет тебя». Но он лишь ответил: «Прошу тебя, не говори чепухи» – и не пожелал

больше ничего слушать на эту тему.

В канун Пасхи он стал торопливо одеваться, чтобы принять участие в праздновании в Санкт-Петербурге, когда зазвонил телефон. Я моментально интуитивно поняла смысл этого звонка и сказала ему, что это сообщение о его назначении. Однако он запретил говорить ему об этом и попросил меня снять трубку. Это был великий князь Александр Михайлович, просивший пригласить князя Барятинского, и, когда он заговорил с мужем, выяснилось, что он хотел его поздравить с назначением адъютантом. Так что мое предчувствие меня не подвело!

Далее мне хотелось бы сказать кое-что о праздновании Пасхи в России и сопровождающих его обрядах, которые я считаю уникальными. Эта великая церемония начинается в полночь на пасхальное воскресенье. Тысячи колоколов своим благовестом напоминают о себе верующим. Колокольный перезвон особенно впечатляет в Москве, в которой, как говорят, сорок сороков церквей, чей звон очень красив и мелодичен. Священники облачаются в роскошные одеяния из золотой и серебряной парчи, некоторые из них – прекрасные копии древних византийских церковных одежд.

Перед полуночью формируется процессия, возглавляемая священниками и членами общины, которые несут святыне иконы, а за ними следуют остальные верующие с зажженными свечами. И затем они торжественно шествуют вокруг церкви, а входя в нее, поют: «Христос воскрес!» А потом многие из них, согласно русскому обычаю, целуют друг друга три раза в щеки, приговаривая: «Христос воскрес!», на что другие отвечают: «Воистину воскрес!»

Также люди одаривают друг друга пасхальными яйцами в соответствии с уровнем жизни. Это могут быть либо обычные вареные крашеные яйца, либо яйца из золота, иногда украшенные драгоценными камнями или эмалью. У меня самой была чудесная коллекция, но, как и все другое в России, она исчезла. В Санкт-Петербурге, в Исаакиевском соборе, проходила самая торжественная церемония, где богослужение проводил митрополит с архиепископами и остальным духовенством православной церкви. Царская семья и все придворные участвуют в пасхальной обедне в церкви в Зимнем дворце. Это роскошное и прекрасное зрелище. И вот на эту обедню торопился мой муж, и у него даже не было времени попрощаться со мной, лишь на ходу он бросил, что я была права! И он ринулся на вокзал, опасаясь опоздать.

В поезде на Санкт-Петербург он встретился со своим командиром, который еще не знал о новом назначении. Толи был

так счастлив и взволнован, что несвязно говорил и забыл упомянуть о своей новой должности, считая, что каждый должен знать об этом сам по себе. Он пожаловался командиру на неспешный ход поезда и сказал: «Мне нужно по приезду явиться к Фокину». Бедняга не понял, о чем говорит мой муж, и произнес: «Чего ради? Кроме того, князь, вы не видите, что уже одиннадцать часов ночи?» На это мой муж ответил: «А мне все равно. Я его разбужу». – «Но зачем?» – вопрошал удивленный командир, который про себя подумал, что мой муж слегка выпил. И вот только теперь муж рассказал ему: «Как – почему? Чтобы получить свои аксельбанты^[7]. Разве вы не знаете, что я назначен адъютантом его величества?»

Настала очередь командира удивить моего мужа, сообщив ему великую новость о том, что мой свекор повышен из генерала свиты в генерал-адъютанты. Так что семье Барятинских оказана двойная честь.

По приезде мой муж ринулся будить несчастного Фокина и в спешке даже оборвал шнур звонка, заметно перепугав доброго хозяина магазина и его семью! Он приветствовал его словами:

«Не дадите ли вы мне пару аксельбантов?» – «Но в это время ночи у меня нет ни одного! Я даже не знаю, где мои продавцы их держат».

Но мой супруг не обратил ни малейшего внимания на извинения старика и сам стал лихорадочно просматривать один за другим ящики, пока, наконец, не отыскал нужное. Так как он был очень хрупкого сложения, а аксельбанты, несомненно, предназначались для более мощной фигуры, то они свободно свисали с его плеча. Но он был так горд своим назначением, что этого даже не заметил.

Глава 3

Санкт-Петербург, его светская и придворная жизнь

Санкт-Петербург был построен Петром Великим, намеревавшимся сделать его достойной столицей новой России, которую он хотел создать. При строительстве столкнулись с огромными трудностями, потому что выбранный участок находился на соленом болоте, где Нева впадает в Финский залив. И до того, как начать что-либо строить, требовалось осушить и укрепить всю эту местность.

Древняя столица была городом, во времена Петра отрезанная от остальной Европы сотнями километров диких и почти бездорожных степей. Петр Великий решил, что его новая столица Санкт-Петербург должна находиться на морском побережье, чтобы дать государству, как он выразился, «окно в Европу». В период Великой войны (Первой мировой войны. – *Пер.*) немецкая форма этого названия была неприятна властям. А посему оно было изменено на более русское и стало Петроградом.

Во времена, о которых я пишу, этот город в социальном смысле был одной из самых ярких и привлекательных столиц в Европе. Он был очень живописен. Через город течет Нева, одна из крупнейших рек России (я полагаю, и Европы тоже), и она заключена в красивые набережные из гранитной кладки, ограничена широкими эспланадами, удостоенными названий набережных. Эта длинная линия причалов, протянувшаяся на несколько километров, делится на части, известные под различными именами. Тут есть и Дворцовая набережная, где стоит Зимний дворец, Адмиралтейская стенка, Английская набережная и т. д. Дворцы великих князей, а также более мелкого дворянства вместе с большинством посольств выходят лицом на набережную и Неву, вид которой изумителен, особенно зимой, когда река замерзает на несколько месяцев.

Удивительно смотреть на санки с высоко вскидывающими ноги лошадьми, мчащиеся сквозь снег... Возницы при этом, чтобы уберечься от мороза, облачаются в толстые шубы из овчины.

В нашем загородном доме тоже была конюшня с лошадьми, и некоторые из них были призовыми, а другие оставались пока весьма дикими и пугались всего незнакомого. Однако наш главный кучер был умелым тренером и сделал все, что мог, чтобы приучить их к виду и шуму города. Некоторых мы продали, а

некоторых послали участвовать в скачках, которые вот-вот должны были проходить в наших краях. Наш конюший особенно гордился одной красивой в яблоках серой лошадью и как-то сказал мне: «А не опробует ли княгиня ее сегодня на санках?»

Я попробовала возразить. «А ты уверен, что она не слишком резвая?» – спросила я. «Да она в отличном состоянии, ваше сиятельство! Не извольте сомневаться!»

Я дала согласие. Он запряг лошадь в небольшие санки, привязал шнурками на петли и застегнул на пуговицы на обоих бортах тяжелую меховую полость, которую было нелегко отвязать. На мне была громоздкая одежда без рукавов (шуба), так что руки были спрятаны под ней. Какое-то время санки быстро и ровно бежали по мягкому снегу. Какое наслаждение было вдыхать свежий чистый воздух! Мне казалось, что я лечу. Это создавало во мне ощущение почти неопишемого воодушевления.

Так мы домчались до моста, по которому шел трамвай. Грохот трамвая и звон колокола, который раздался в этот самый момент, вдруг перепугал нашу ретивую лошадь, и, вместо того чтобы мчаться прямо, она вдруг развернулась и опрокинула санки. Кучер вылетел из седла и сломал ногу (и, как оказалось, бедняга остался инвалидом на всю жизнь). А я оставалась в санках в то время, как лошадь, обезумевшая от страха, продолжала лететь сломя голову. Санки неслись на одном боку, и их заносило то в одну, то в другую сторону меж трамвайными линиями. Я, скованная своей тяжелой шубой, не могла даже отстегнуть полость и уже думала, что вот-вот наступит моя последняя минута. Городовой попытался было остановить лошадь, но, хоть он и отчаянно вцепился в нее, его отбросило на землю.

К этому времени мы домчались до конца моста, туда, где находился университет. Несколько студентов бросились мне на помощь, стараясь схватить лошадь и поставить в нормальное положение санки, и когда мне, наконец, удалось высвободиться из полости и вывалиться из санок, первое, что я увидела, – я нахожусь возле какого-то дома, студенты оттирают мне руки снегом, чтобы привести в чувство. Городовой (который был залит кровью от своих ранений, полученных при попытке остановить лошадь) стал выяснять, кто я такая, и сразу же позвонил моему мужу, который довез меня до дому на одноконке. Бедная лошадь, пораненная и поцарапанная, так перепугалась, что ее пришлось отправить назад в деревню. Я чуть не погибла и до сих пор не могу вспоминать об этом случае без содрогания.

Мой свекор сам на следующий день отправился поблагодарить студентов и рассказал о происшедшем царю.

Городовой, так мне помогший, получил повышение и был поставлен на посту перед Зимним дворцом, что считалось большой наградой, и этот человек был бесконечно благодарен. Это один из многих примеров доброты и внимания императора по отношению к своим подданным. Я могла бы рассказать много больше, но ограниченность объема книги вынуждает меня умолчать о них.

Двор Александра III выделялся своим строгим этикетом. В год давалось предписанное (обычно пять) количество балов. Самым главным из них был Парадный бал, на который приглашалось три тысячи гостей и где всех угощали роскошным ужином. Три менее значительных развлечения после Парадного бала были известны как Концертные балы, так как проводились в Концертном зале. Там, под пальмами, как в зимнем саду, накрывались гигантские столы, и зрелище было воистину чудесное. Частные танцы также устраивались в Аничковом дворце, когда там проживали император с императрицей. Последняя изумительно и элегантно танцевала и страстно любила развлечения. На эти частные балы доступ был ограничен и приглашались исключительно близкие друзья и родственники.

Когда мой муж был молодым офицером и только что получил повышение, он имел честь танцевать с императрицей, но, не слишком хорошо танцуя, он был в постоянном ужасе, что упустит партнершу и та упадет. По этикету в таких случаях ее величество и партнер танцевали одни, а все гости наблюдали за ними, так что они, естественно, были в центре внимания, на них были устремлены все взоры. Муж мой испытывал некоторое смущение, но императрица была очень элегантна в танце и скоро позволила ему избавиться от напряжения.

Во время правления царя Николая II развлечения при дворе устраивались редко. Императрица недолюбливала светскую жизнь, не проявляла интереса к танцам, а дети были еще слишком малы для появления в свете.

Их правление с самого начала было столь бурным и неустроенным, что ни в коей степени не может сравниться с царствованием Александра III. Несмотря на это, многие великие князья и княгини, а также посольства и, кроме того, другие члены аристократического общества устраивали много ярких и восхитительных балов.

Император был большим поклонником драмы, так что императорские театры достигли высокой степени совершенства. Среди оперных артистов были не только хорошо известные русские, но также и самые прославленные певцы и артисты из всех стран. Русский балет был гвоздем программы представлений

в Императорском театре. В Санкт-Петербурге было создано за счет государства нечто вроде училища танцев, называвшееся Императорской театральной танцевальной школой. В ученики брали детей в весьма раннем возрасте, некоторым было всего десять лет, и благодаря столь раннему обучению их танец был таким приятным и естественным. Они, казалось, буквально плыли по воздуху и едва касались земли, их танец демонстрировал поэзию движений.

Русский балет, а также наши наиболее знаменитые певцы приглашались во все главные столицы Европы и Америки, где имели огромный успех. Даже сейчас, хоть наша страна уже не наша, русские артисты, особенно балетные, повсюду встречают теплый прием.

В концертных залах устраивались сольные концерты зарубежных артистов, оркестров, скрипачей и пианистов, органной музыки и вокала. Можно было услышать величайших виртуозов того времени. Я помню, как на одном из таких концертов Аделина Патти, изумительное сопрано, появилась, когда ей уже исполнилось пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, она все еще могла исполнять «Соловья» со всеми его трелями и руладами, и каждая нота звучала чисто и отчетливо. Она была невысокой женщиной с тонкими и хрупкими чертами, с очень темными глазами, которые так и сверкали на ее тонком лице. Ее одежда была достоянием моды 1870 года, и сама она больше походила на изящную вещицу из дрезденского фарфора. Мне говорили, что за какое-то время до своей кончины Патти продала свое горло Патологическому колледжу для изучения его строения и что, еще будучи живой, получила за это деньги. Я как-то рассказала об этом своей старой горничной, прослужившей у меня тридцать лет. Та вообразила себе, что у примадонны изъяли горло, но что я думала, что она все еще может петь!

«Как вы можете говорить такую ерунду, княгиня? – заметила она. – Никто не может петь без горла; как могли доктора купить его и при этом оставить ей возможность петь? Они, наверное, очень умные люди».

В тот вечер в Санкт-Петербурге, когда я познакомилась с мадам Патти, она мне сообщила, что раньше, когда она была маркизой де Ко, она несколько раз пела для моей бабушки (урожденной княгини Суворовой, о которой я упоминала в первой главе), и моя бабушка заметила: «Вы на самом деле очень красивы, но я не думаю, что когда-нибудь вы произведете настоящий фурор. Ваш голос слишком зычен. *C'est de la haute gymnastique sans sentiment*».^[8]

Десять лет спустя Патти встретилась с моей бабушкой во

Флоренции, уже находясь в зените славы. После выступления она пришла в ложу моей бабушки и заметила: «В прошлом, боюсь, я была весьма самоуверенной. Что вы думаете обо мне теперь, княгиня?» Моя бабушка нежно улыбнулась. «*Tout les goûts sont dans la nature*»^[9], – был ее ответ. Она была известна своим остроумием. Как-то умываясь, она оказалась перед портретом короля Италии, висевшим на стене. Она сказала своей компаньонке, баронессе Мейдель, старомодной даме, совершенно не способной оценить шутку: «Пожалуйста, прикройте лицо короля, я могу его шокировать». Баронесса немедленно набросила на портрет шейную косынку, что доставило моей бабушке огромное удовольствие.

На одном из последующих концертов перед войной меня представили знаменитому скрипачу Кубелику. Он играл перед императором и императрицей, которые были так восхищены, что подарили ему золотой портсигар, украшенный бриллиантовым императорским орлом. В тот раз он играл «Московские сувениры» Венявского, и в этой пьесе есть такая высокая нота, что я заметила своему мужу: «Уверена, струна порвется». На что он ответил: «О нет, скрипач всегда знает, как надо обходиться с инструментом». Как ни странно, Кубелик избрал ту же пьесу, когда давал прошлой осенью концерт в «Альберт-Холле» в Лондоне, и, опять же странно, струна действительно лопнула на критически высокой ноте. Я сочла это как исполнение предсказания, потому что Москвы уже больше нет. Однако он взял другую скрипку и блестяще закончил эту сюиту. После концерта он сказал мне, как ему ужасно недостает доброты императора и русского гостеприимства.

Каждой весной в частную оперу приглашалась итальянская труппа, и задолго до назначенной даты выступлений продавались билеты. Среди артистов были Тетраццини, Баттистини (знаменитый баритон) и великий любимец русской публики Мазини, тенор с очень высоким голосом. Однажды шла опера «Фауст», и у него была заглавная роль; в то время ему, должно быть, было около семидесяти. Когда он пел отрывок «*Salut, demeure, chaste et pure*» («Привет тебе, бедный и целомудренный дом»), вся публика сгорала от нетерпения в ожидании, зная, что он должен взять высокую ноту. По какой-то причине он не рассчитал высоту звука, эта нота прозвучала невыносимо заурадно, и вместо аплодисментов раздался взрыв безудержного смеха. Но его простили, учитывая его возраст и уже завоеванную огромную популярность, тем более что он завершил партию без каких-либо погрешностей.

В «Манон» и «Таис» Массне, а также в «Травиате» пела

известная певица – красавица Лина Кавальери. Ее голос не отличался широким диапазоном, но так восхитительно звучал, ее игра была столь совершенной, а личность – такой привлекательной, что устоять перед ее очарованием было невозможно. К тому же ее драгоценности, платья и все в ней скорее притягивало взор, чем трогало сердце. Было модно встретиться с Линой Кавальери. Впервые мы встретились с ней в первые дни моего замужества. Она была очень просто одета, в блузку и юбку, и проходила с маркизом Рудини перед казино в Монте-Карло. Мой деверь был просто *epris de son ravissant visage aux yeux songeurs*^[10]. Потом он сильно увлекся ею – совсем как паж в рыцарском романе. Они были преданы друг другу, и он всегда оставался ее другом.

Позднее в неаполитанском костюме она пела народные песни своей страны в одном из кабаре Санкт-Петербурга. Позже она вышла замуж за М. Мюратора из парижской «Гранд-опера» и потеряла всю свою прежнюю привлекательность. Говорят, у нее была такая сильная воля, что помогла ей преодолеть все препятствия, и после многих тяжелых усилий она достигла зенита славы благодаря исключительно самой себе.

В Императорском театре актеры выступали в самых изумительных костюмах, а декорации были великолепны. Примами-балеринами были Павлова, Карсавина и Кшесинская, пленявшие всех своей грацией. Один известный мужчина-танцор как-то проявил дурной вкус и наглость, появившись перед императором в одном трико. Его предупредили и оштрафовали, но никакого эффекта. С ним ничего не могли поделать – он постоянно появлялся в костюмах, вряд ли приличных, так что ему пришлось покинуть Императорский балет.

Среди тех, кто наиболее расточительно развлекался в Санкт-Петербурге, была тетя моего мужа, графиня Шувалова, урожденная Барятинская. Сам дом ее был приспособлен для этого, поскольку это был настоящий дворец. Танцевальный зал был огромен, в нем можно было играть в теннис на корте стандартных размеров. Дом представлял определенный исторический интерес, ранее он принадлежал хорошо известной Марии Антоновне Нарышкиной, к которой был так привязан император Александр I.

Говорили, что это дом с привидениями, и многие там побывавшие пережили странные ощущения. В полночь там можно было услышать, как будто хлопает крыльями какая-то большая птица. Моя подруга уверяла нас, что сама слышала это хлопанье, и многие другие утверждали то же самое. Ходила легенда, смысл которой в том, что это было привидение одного из наших

предков, который не мог успокоиться, а потому вынужден безутешно бродить по дому, где прожил свою жизнь, будучи смертным существом. Мой муж и его друг Орлов решили провести там ночь. Дело было летом, и дом в это время обезлюдел. Нервы у них были на взводе, но, к их облегчению, они не слышали никакого хлопанья, а только беготню нескольких потревоженных мышей. Провести целых два часа как на иголках, но не почувствовать ничего сверхъестественного – это стало самым скучным окончанием их приключения.

Как я уже говорила, тетя моего мужа, графиня Шувалова очень любила развлечения. Ее балы были хорошо известны. На одном из них всем полагалось надевать различные головные уборы, а на другом предлагалось присутствовать во всевозможных париках. Во время котильона среди гостей раздавали множество красивых цветов: роз, сирени и лилий. Она также устраивала изящные партии в бридж в большом зале, где демонстрировались многочисленные художественные изделия и картины.

Один раз мы проводили вечер с тетушкой, как обычно, за игрой в бридж. Игра была настолько увлекательной, что мы не замечали времени и опоздали на последний поезд в Царское Село, поэтому тетя и дядя предложили нам остаться у них на ночь. Я очень устала и скоро заснула, а дядя с моим супругом отправились в клуб. Любопытно, что моя тетя была очень высокого роста, а я – весьма невысока. А у моих дяди и мужа было все наоборот. Можно дать волю воображению читателя, чтобы представить, как мы выглядели в наших заимствованных ночных костюмах, потому что мы, естественно, ничего с собой не захватили, и пришлось пользоваться хозяйскими принадлежностями.

Дом был велик, одна комната вела в другую – целая череда апартаментов без лестничных площадок, как во многих старых домах. Такой была и комната, которую я занимала. Услышав шум, я сразу проснулась и увидела высокую фигуру в белом, проходящую мимо с лампой в руке. Я в страхе выскочила из постели, думая, что это привидение, но это был всего лишь дворецкий моей тетушки, который не знал, что здесь есть кто-то, и шел в свою собственную комнату. Он тоже принял меня за привидение; и в самом деле, мое неожиданное появление должно было встревожить его так же, как это произошло со мной. Когда мы обнаружили, что оба являемся весьма материальными существами, я скорее расстроилась, что так и не увидела настоящее привидение, что, правда, позволило бы мне восторжествовать над своим супругом.

Невозможно описать дворцы, особняки и церкви с их

бесценным содержимым, которое – увы! – целиком разграблено. В Петрограде на растопку в студеные зимние месяцы были безжалостно содраны даже паркетные полы.

Однако я должна упомянуть о некоторых огромных особняках, и прежде всего о дворце княгини Юсуповой на Фонтанке, одном из притоков Невы. Я называю их принадлежащими ей, хотя она была замужем за графом Сумароковым-Эльстоном, офицером конной гвардии. Она была последней в своем роду и с разрешения царя смогла сохранить за собой титул и стать княгиней Юсуповой-Сумароковой-Эльстон. У них было два сына. Дворец в самом деле был изумителен со своей картинной галереей (включая непревзойденного Рубенса), театром и несколькими танцевальными залами. Стоит упомянуть коллекцию статуэток из драгоценных камней и знаменитую жемчужину «Перегрина», от природы такую круглую, что ее можно было катить по гладкой поверхности. Юсуповы также владели красивым имением под Москвой в Архангельском, полном произведений искусства.

Необходимо сказать о восхитительном дворце графа Строганова на Невском проспекте, где он редко бывал, так как после смерти жены много путешествовал; дворце великого князя Алексея, дяди царя, у которого хранилась бесценная коллекция старинных русских серебряных кубков и чаш, и для полноты в ней не хватало только двух предметов; дворце графини Воронцовой-Дашковой; великого князя Николая Николаевича, в котором было прекрасное собрание русского фарфора; дворцах некоторых других великих князей. Не могу пропустить и огромный дворец князя Салтыкова, часть которого была отдана под британское посольство; дом князя Белосельского-Белозерского на Крестовском острове, построенный архитектором Растрелли – тем самым, который возводил Зимний дворец; или очаровательный дом князя Санди Долгорукого, гофмаршала двора.

Но нет смысла продолжать. Теперь эти великие дворцы – достояние прошлого. В этом различие между нашей революцией и французской революцией 1793 года: во Франции, хоть и было пролито много крови, ни дворцы, ни королевские сокровища, ни шедевры искусства не были уничтожены, а у нас ничто не считалось святым, и все было пожертвовано разъяренной толпе варваров.

Я уже упоминала, что в ходе своей жизни встречалась со многими интересными людьми. Как-то, путешествуя из Санкт-Петербурга в Царское Село, я увидела на платформе господина, пытавшегося жестами объяснить кассиру, куда ему нужно было ехать. Я сразу же поняла, что он незнаком с нашим языком, и,

подойдя к нему, спросила: «Могу ли я вам помочь?» Он ответил: «Пожалуйста, я буду очень признателен. Я – Джером К. Джером, и я хочу поехать в Царское Село, куда приглашен на чай к супруге великого князя Владимира, но эта поездка оказывается для меня слишком сложной».

Я предложила ему пройти вместе к моему дому, где мой немало удивленный и пришедший в восторг муж стал допытываться у меня, где я его подобрала. Я рассказала, как пришла ему на помощь на станции. У него был очень приятный тип лица и, очевидно, доброе и благожелательное расположение духа. Несколько дней спустя он прислал мне одну из своих книг с автографом.

Глава 4

Коронация царя Николая II в 1896 году. – Первый автомобиль

Коронация царей всегда проводилась в Москве, древней столице России.

Поскольку до церемонии оставалось мало времени, а петербургские портные были невероятно заняты, я послала срочный запрос в Париж с просьбой прислать мне вечерние туалеты, как, впрочем, и другие костюмы (и они прибыли в самую последнюю минуту).

Дворцовый этикет и традиция требовали, чтобы вечерние платья были с открытыми плечами в викторианском стиле. Мое придворное платье было сделано из небесно-голубого бархата, вышитого серебром по моде империи Марии-Луизы. Передняя вставка была из белого атласа, расшитого так же, как и юбка. Корсаж с острым мыском спереди и сзади и шлейф длиной около пяти метров. Кокошник (головной убор) был изготовлен из бархата в тон платью и украшен бриллиантами.

Мой муж был определен к особе короля Дании Фредерика (тогда престолонаследника), брата королевы Александры и вдовствующей императрицы. Ему было поручено встретить Фредерика на германской границе и проводить в Москву, где я ожидала их на квартире, снятой нами для этого случая.

Москва, настоящая царская столица, была в праздничном наряде и с радостью встречала гостей. На каждом поезде прибывали все новые иностранные представители и многочисленные делегации из России и Азии. Поприветствовать Белого Царя^[11] собрались все расы, одетые в невиданное многообразие костюмов. До коронации был совершен интересный обряд. С большой торжественностью из Санкт-Петербурга в Москву специальными дворцовыми курьерами были доставлены имперские корона и скипетр.

Его величество въехал в Москву в окружении членов императорской семьи, зарубежных правителей и иностранных послов, сопровождаемый блестящей свитой, причем все были верхом. Две императрицы, великие княгини и княжны ехали в лакированных цвета ласточкиного крыла каретах (как на картинах Ватто), возраст которых датировался временами Екатерины I, а может быть, и старше.

Накануне церемонии, после официального приема у его

величества, начались коронационные торжества. В тот же вечер во всех древних церквях был отслужен благодарственный молебен. Их величества приняли участие в вечерней молитве в храме Христа Спасителя.

На следующее утро нам пришлось вставать в пять часов, чтобы быть в Кремлевском дворце в семь часов, когда начали звонить колокола Успенского собора, а пушки произвели салют из двадцати одного залпа, чтобы объявить всем о начале великого дня.

Площадь перед Кремлем стала заполняться войсками в полной форме, чтобы приветствовать их величества на пути в собор, где должна была произойти коронация.

Я не могу описать это во всех деталях, но постараюсь изобразить наиболее примечательные моменты. Первой в собор вошла вдовствующая императрица; на ней было платье из серебристой ткани, украшенное драгоценными камнями, а на голове у нее была алмазная корона. На шее – огромные, привлекающие всеобщее внимание коронные бриллианты. С плеч ниспадала императорская мантия из тяжелой парчи, отороченной горностаем. Над головой – бархатный, обшитый золотом балдахин фиолетового цвета, который по концам поддерживали придворные из ее свиты.

Хотя по ее прекрасным глазам было видно, что она возбуждена почти до предела, она сумела подавить свои личные чувства и в этот день была только императрицей, приветствуя всех своими изящными и любезными поклонами и улыбками. Народ ценил и понимал ее доброжелательность и приветствовал нашу обожаемую императрицу с сердечной искренностью.

У входа в собор вдовствующую императрицу встретил митрополит, поднес крест и окропил святой водой. Затем она уселась на троне и стала ждать некоронованных величеств.

Эта церковь, как и все в этой части Кремля, датируется раннехристианскими временами. В Архангельском соборе хранится много святых реликвий, и в нем захоронены предки дома Романовых. Стены этих священных сооружений украшены фресками того периода и иконами с мозаикой из золота, серебра и драгоценных камней огромной цены. Алтари сделаны из литого серебра редкой работы. Все иностранцы, посещающие Москву, замирают от восхищения при виде красоты и необычности этих древних храмов, подобных которым не сыскать по всей Европе.

После того как гофмаршал двора объявил в Кремле императорской чете, что императрица Мария Федоровна опередила их и ожидает в соборе, глашатаи с Красного крыльца (игравшего большую роль в жизни царей) сообщили всем

собравшимся, что императорский кортеж находится в пути.

На императоре Николае был мундир самого старого гвардейского полка – Преображенского, а императрица была одета в белое русское платье, обшитое жемчугом. Так как они еще не были коронованы, перед ними не несли никаких символов власти. Императрица была исключительно красива, но все заметили, насколько смущенной и нервной она выглядела. Глаза императора были яркими и светлыми, как будто он смотрел в будущее с надеждой и уверенностью.

Как только их величества приблизились к собору, началась коронационная служба, длившаяся свыше четырех часов (и, согласно русскому обычаю, все оставались на ногах). Во время обедни император (единственный раз в своей жизни) один вошел в алтарь и был причащен в алтаре, как священник.

День был очень жаркий, и несколько дам упали в обморок прямо в церкви, которая была мала, чтобы вместить всех приглашенных.

Наконец церемония подошла к концу. Вдовствующая императрица покинула собор через одну дверь, а вновь коронованные император и императрица (во всех регалиях царской власти) – через другую и отправились в Архангельский собор, где преклонились перед мощами святых и своих предков, а потом проследовали во дворец через Красное крыльцо.

Там их встретил и благословил митрополит. Затем они поклонились народу, который приветствовал их такими возгласами радости, что почти невозможно было расслышать орудейный салют.

Крики ликования были столь продолжительными, что их величества были вынуждены выйти на балкон и несколько раз поклониться своим подданным. Когда появился император, энтузиазм достиг апогея: громко звучали радостные приветствия, и многие бросали в воздух шляпы, хотя в такой толпе их трудно было поймать.

Глаза императора наполнились слезами от этого доказательства народной привязанности. Сам он был так предан народу, что мог пожертвовать жизнью ради своей страны.

Празднование, во время которого император был с короной и скипетром, продолжалось весь день. На банкете его величество сидел на троне перед небольшим столом, на котором было только три прибора: один для него, другой – для императрицы, а третий – для вдовствующей императрицы. Антикварный сервиз из старинного золота был очень красив. Их величествам прислуживали придворные сановники, а тарелки подавали бывшие офицеры знатного происхождения. Меню было таким же,

как и для нескольких предшествующих поколений, два главных блюда – осетр длиной в метр и лебедь, подаваемый со всем оперением.

Бедный император, должно быть, испытывал мучения, сидя в этой несносной жаре с тяжелой короной на голове и со всеми знаками царской власти.

Вечером было дано большое торжественное представление в Императорском театре.

Тут и там слышались восклицания: «Как восхитительно! Только в России может существовать такая роскошь!»

На третий день в Кремлевском дворце был дан официальный придворный бал. Празднование началось с фейерверка, весь город и набережные были освещены мириадами электрических лампочек.

Вечер был такой ясный и светлый, что казалось, даже звезды, мигавшие в небе, участвуют в этом празднике света. Луна светила среди них подобно гигантскому фонарю, подвешенному на небесный свод. Казалось, небеса и земля объединились в своем приветствии императору. Как только их величества появились, начался контрданс.

Царь вел первый тур с герцогиней Конно. Я имела честь быть приглашенной танцевать с великим герцогом Гессенским, и мы были напротив них. Я была молода и стеснительна и чувствовала себя неловко.

Во время одного танца я отдыхала и тут услышала позади себя голос: «Княгиня, почему вы сидите?» Это была герцогиня Кобургская (прежде герцогиня Эдинбургская), тетушка царя. Я отвечала: «Слишком жарко для танцев, ваше высочество». – «Это не важно; вы молоды, и если каждый так подумает, то некому будет танцевать, а вы должны танцевать, особенно в таких случаях, как этот. В мое время мы бы не осмелились сидеть перед моим отцом, императором Александром II».

И тут же мимо проходил ее зять, принц Фердинанд, ныне король Румынии. Она его окликнула: «Потанцуй с княгиней Барятинской». Она говорила низким голосом и таким командным тоном, что, несмотря на то что я не была ему представлена, нам пришлось подчиниться, хотя ни один из нас не желал задохнуться в такой жаре.

Проходя мимо зеркала, я бросила быстрый взгляд на свое отражение и увидела не очень соблазнительную картину. Мое лицо было малинового цвета, завитые накануне волосы распрямились от жары, а челка торчала, как щетина. Когда танец закончился, герцогиня, указывая на принца Саксен-Веймарского (в то время семидесяти пяти лет от роду), произнесла: «Это

человек старой школы, он танцует весь вечер!»

Тем вечером меня познакомили со многими королевскими особами, среди которых были герцог и герцогиня Конно. Их сопровождали господин и госпожа Саквиль-Уэст (ныне лорд и леди Саквиль). Леди Саквиль отличалась потрясающей красотой и была одной из самых очаровательных женщин, каких я когда-либо встречала. Я вновь встретилась с ней в прошлом году, то есть через двадцать восемь лет, и увидела ее такой же восхитительной, как и прежде. Мы провели полдня в ее прекрасном загородном особняке на Ибьюри-стрит, где вспомнили старые времена в России. Она была столь тактична, что всякий, кто входил с ней в контакт, сразу же чувствовал себя как дома. Я могла бы написать тома об этой прекрасной женщине.

Наиболее знаменитой красавицей слыла наша молодая императрица. Ее сестра, великая княгиня Елизавета (жена великого князя Сергея, генерал-губернатора Москвы), была очень привлекательна, но, как я уже говорила, была более изысканной, воздушной, чем ее сестра. Ее невозможно описать; она отличалась от всех, с кем я встречалась; скромность и даже смирение возвышали ее до того, что она существовала где-то в отдалении от всех. Одним словом, это был ангел в обличье женщины.

Там также были симпатичная принцесса (ныне королева Румынии) Мария и ее сестра, великая герцогиня Виктория Гессенская (ныне супруга нашего великого князя Кирилла).

Среди гостей был испанский чрезвычайный посол с женой, герцогиней Нагера. Красота смуглой герцогини была южного типа, и на ней сверкали самые изумительные драгоценности. Ее диадема состояла из таких огромных алмазов, что даже газеты описывали их размеры и блеск.

Повсюду в ту ночь были видны признаки веселья и радости, и все же на следующий день все превратилось в горе и скорбь. На Ходынском поле был организован народный праздник. Поле это изобиловало рытвинами, канавами и кроличьими норами; они были накрыты досками, чтобы хоть как-то разровнять поверхность. На поле были устроены трибуны и организованы всевозможные развлечения: игры, карусели и тому подобное.

Среди прочего слегка возвышалась платформа, с которой всем раздавались кружки с портретами только что коронованных монархов, увенчанные датой их восхождения, наполненные сладостями и завернутые в цветные косынки. Людям так хотелось получить эти подарки, что они спрессовались в огромную толпу. Образовалась давка, в которой люди стали задыхаться. Доски, на которых они стояли, погнулись, и многие очутились в канавах или застряли в норах и упали; задние не могли устоять и

затоптали упавших насмерть до того, как те смогли выкарабкаться из ловушек. Паника была так велика, что люди теряли разум.

Торжества между тем продолжались; послеобеденные скачки в честь коронации проходили недалеко от Ходынки. Мы с мужем побывали на этих скачках, и нам по пути несколько раз встречались подводы, накрытые брезентом, из-под которого высовывались ноги и руки погибших, лежавших в скрюченном состоянии. Мы не могли понять, что произошло, и я просто побелела от страха, однако старый кучер, служивший у нас столько лет, подслушал наш разговор. «Разве княгиня не знает, что это гуляние закончилось ужасной трагедией?» И он рассказал нам, что случилось.

Это несчастье повергло нас в глубокую депрессию, и наши мысли тут же обратились к императору, поскольку мы знали, какое болезненное впечатление это может произвести на него и как будет он опечален, услышав о столь жутком бедствии.

Мы не стали задерживаться на скачках. Все обсуждали ужасное происшествие и гадали, появится ли императорская семья на балу во французском посольстве, назначенном на этот вечер. Это был очень важный прием, потому что в то время Франция была нашим единственным союзником, а прием давался самой Францией ради укрепления дружбы между двумя нациями и поэтому *elle s'est mise en grand*.^[12]

Особняк, снятый для этого случая, был обставлен исключительными сокровищами из Gardes Meubles Nationales. Многие во Франции с нетерпением желали узнать поподробнее о деталях этого грандиозного бала, и французские газеты, полные описаний празднеств, вышли с заголовками: «Их величества посетят бал. Все подробности будут сообщены завтра». Царь и царица оказались в очень неловком положении. Если они посетят бал, создастся впечатление, что они безразличны к несчастьям своего народа, а если не пойдут, это вызовет горькое разочарование у французского народа.

Мой муж отправился во дворец выяснить ситуацию, появятся ли их величества, но даже самое близкое окружение царя не могло дать ему информацию.

Было очень трудно уговорить императрицу присутствовать на балу. Утренняя трагедия расстроила ее чувствительную натуру, но великая княгиня Елизавета настояла на том, что она должна там быть, выдвигая аргументы политической важности, которые были настолько здравыми, что убедили императрицу. За полчаса до начала бала мой муж позвонил во французское посольство, чтобы узнать, не откладывается ли бал. В ответ прозвучало: «Бал

состоится, как и намечалось», поэтому мы, конечно, поехали туда.

Становилось поздно, никаких новостей из дворца не поступало, и весь двор собрался на балу. Французский посол граф Монтебелло и графиня были как на иголках, и я от всей души сочувствовала им.

Вдруг я услышала, как кто-то произнес: «Их величества приехали!» – и немедленно все обратили взоры ко входу в танцевальный зал.

Хотя император и пытался улыбаться, выглядеть любезным, было заметно, чего стоили ему эти усилия и что мысли его сейчас не здесь, не на торжестве. Он был бледен и печален, а на лице императрицы были видны следы слез. Мне стало невероятно жаль их.

Граф Монтебелло, приветствуя императрицу, должен был согласно русскому придворному этикету поцеловать ей руку. Он этого не сделал (никто не мог понять почему), и это вызвало некоторое недовольство их величеств. В то время это происшествие много обсуждалось. Тем не менее и граф, и графиня были очень популярны в России и оставались там еще несколько лет. Графиня стала единственной иностранкой (не королевской крови), получившей орден Святой Екатерины, знак огромной чести и отличия.

Император станцевал лишь один контрданс, а потом удалился. Я заметила, что находиться в танцевальном зале его вынуждало лишь чувство долга.

Наконец, торжества коронации подошли к концу. Было решено, что я вернусь домой одна, а мой муж проводит принца Фредерика Датского до германской границы на его пути в Копенгаген.

Я сидела в вагоне, поезд вот-вот должен был отойти от станции, когда в самую последнюю минуту, к моему огромному удивлению, появился мой муж и сказал мне: «Я еду домой вместе с тобой». – «Как – со мной? А где твой принц?» Он ответил: «Мой принц сегодня уехал в Копенгаген. Он спросил у меня, как давно я женат. И когда я ответил, что восемнадцать месяцев, он сказал: «Езжайте домой с женой. Вы больше нужны ей, чем мне». Я сказала: «Как добр и бескорыстен принц, как он чуток!» Мы высоко оценили этот знак его деликатности.

Осенью того же 1896 года император и императрица вместе с маленькой Ольгой нанесли несколько официальных визитов после коронации. Старый император Франц Иосиф был одним из первых, кто их приветствовал. Когда они проезжали Киев, их вновь постигло несчастье. Неожиданно в своем купе от сердечного приступа скончался министр иностранных дел

Лобанов-Ростовский.

Он не пришел на завтрак, и, когда император послал выяснить, в чем дело, слуга отправился будить его. Поскольку он не откликался, посланные из опасения, что случилось что-то нехорошее, решили взломать дверь и, к своему ужасу, обнаружили, что он умер в своей постели. Для путешествующей императорской четы это было ужасным шоком. Можно себе представить, какое тягостное впечатление эти несчастливые события произвели на императрицу (которая и так всегда была в довольно подавленном настроении) и окрасили ее жизнь меланхолией. Из Австрии их величества отбыли в Шотландию, где очень приятно провели время.

Императрица всегда с огромным восхищением отзывалась о своей бабушке, королеве Виктории, к которой она была так привязана и от которой получала ответную любовь. Император был в восторге от знакомства со своим полком – Грейским, в котором он был полковником, и не находил иных слов, кроме похвалы в адрес полка.

Он заметил, что странно себя чувствовал, когда, находясь в Балморале, впервые надел шотландскую юбку. «Никогда прежде я не обнажал коленей», – сказал он моему мужу.

В то время император обладал поразительным сходством с герцогом Йоркским (ныне королем Англии), и его постоянно путали с британцем. Из Англии императорская чета отправилась во Францию, и морской путь через Канал до Бреста был таким тяжелым, что императрица чувствовала себя ужасно плохо, она не переносила качки и была совершенно измотана, когда корабль причалил к берегу.

Император любезно отказался на время от услуг моего мужа, так как я, к сожалению, сломала ногу до того, как их величества уехали.

Как только мне стало лучше и врачи разрешили мне передвигаться (на костылях), мы поехали в Париж, и моему мужу было поручено встретить императора на вокзале.

Я страстно желала увидеть приезд их величеств, поэтому поехала к одному из своих друзей, чей дом выходил фасадом на Елисейские Поля, откуда с балкона открывался великолепный вид на весь кортеж. В Париже царил большое оживление – впервые русский царь приехал с официальным визитом во Французскую Республику; хотя договор о союзе был подписан императором Александром III, по некоторым причинам он так и не посетил французскую столицу с официальным визитом.

Это событие исключительной важности, скрепившее нашу дружбу; вот почему было сделано так много приготовлений,

чтобы придать городу праздничный вид.

На вокзале император представил моего мужа президенту Форю, произнеся следующее: «Друг моего детства, князь Толи Барятинский».

К моему большому удивлению, муж получил приглашение, адресованное просто «Князю Толи». Там присутствовал чиновник, который, вероятно, расслышал только имя.

Так как все происходило в октябре и с деревьев падали листья, кому-то в голову пришла странная идея украсить обнажившиеся ветви деревьев на Елисейских Полях по пути следования императора и императрицы розочками из розовой бумаги. С расстояния эффект был неплох, но вблизи это выглядело смешно.

Царь с царицей сидели бок о бок, а президент – лицом к ним; это дало начало популярной на Монмартре песенке «*Felix ler roi du Strapontin*» («Феликс I – король на приставном стуле»), с намеком на то небольшое сиденье, на котором он сидел спиной к лошадям.

Процессию возглавлял знаменитый копыеносец Наполеона III Монжаре. Это имя часто упоминалось, когда Францией правил Наполеон III, и он очень гордился возможностью вновь сопровождать императора.

На императоре была униформа полка Rifle Gardes, императрица была во всем белом, а президент Феликс Фор – в смокинге, с обнаженной головой. Он смотрелся настолько элегантно, так хорошо выглядел и обладал столь приятными манерами, что получил прозвание Феликс Красивый. Французы – остроумный народ, они быстро подмечают человеческие слабости и дают прозвища большинству людей и предметов, обративших на себя их внимание.

Императора сопровождали знаменитые шаги^[13] (самая живописная группа мужчин на свете) на своих великолепных арабских скакунах, в парадном уборе из золота и серебра. Все они были вождями своих племен и добровольно изъявили желание эскортировать русского царя в знак огромного уважения, которым он пользовался.

На пути от вокзала на тротуарах стояли люди, страстно желавшие увидеть гостей, некоторые забирались для этого на фонарные столбы и деревья, чтобы приветствовать императора и императрицу. Отдельные из услышанных нами комментариев были очень забавны, к примеру: «Феликс Фор, тебе надо бы надеть на голову корону, ты не похож на короля».

Их величества по политическим соображениям предпочли остановиться в российском посольстве.

Пока мы с мужем шли на обед, устраиваемый в фешенебельном ресторане, а надо сказать, муж выглядел очень привлекательно и был в красивой форме адъютанта, нас часто останавливали и забрасывали цветами, и потому мы с большим трудом добрались до места назначения. В самом ресторане хозяин был столь подобоострастен, что мы были рады вернуться в гостиницу, хотя и испытывали гордость от обрушившихся на нас знаков внимания.

Раздавались крики: «Да здравствует царь! Да здравствует Россия!», продолжавшиеся, пока люди не охрипли.

Вечером был дан торжественный ужин, на котором произносились принятые в таких случаях тосты.

После ужина в Опере было дано представление, на которое были приглашены и мы.

Поскольку я не могла ходить, то отдала свой билет сестре, которая была немного похожа на меня. Перед самым началом к нам в комнату ворвался мой кузен и потребовал: «Возьмите меня с собой!» Мой муж возразил: «Но как я могу? Ведь у тебя нет билета!» – «Это легко устроить, – ответил кузен. – Я проскользну за тобой». Мой муж рассмеялся: «Ты слишком полный, мой дорогой, чтобы спрятаться за мной!»

Тем не менее кузен был решительно настроен поехать и, чтобы сделать вид, что является одним из приглашенных, прикрепил на свой сюртук награды, которых никогда не получал. Наконец, ему удалось убедить моего супруга взять его с собой.

Увидев эти поразительные награды, сестра спросила: «И где же ты их получил?» Он с большой гордостью дотронулся до них и произнес: «Это мой шанс!»

Мой муж, ведя сестру под руку, должен был пройти через турникет у подножия лестницы. Кузен, держась близко сзади него, протолкался, несмотря на свою тучность, и услышал, как сзади закричал служащий: «Эй, господин, господин, ваш билет!» Но кузен сделал вид, что не слышит, и в мгновение ока взлетел по лестнице и исчез из вида. Он заметил дверь в какую-то ложу, открыл ее и проскользнул внутрь; к своему огромному удивлению, он оказался в ложе китайского и корейского министров, одетых в свои национальные одежды. Они в свою очередь изумленно уставились на вторгшегося господина (который учащенно дышал после бега вверх по лестнице), но он закрыл за собой дверь, а, разглядев его «великолепные награды», они подумали, что это очень важная персона, и предоставили ему почетное место.

Во время первого акта мой муж пытался с помощью бинокля отыскать своего кузена по всему залу. Наконец, моя сестра

разглядела его на почетном месте среди азиатов. То, что он был так тучен, а они так малы, представляло такой смешной контраст, что невозможно было удержаться от смеха, а это вызвало неудовольствие соседей.

Когда опера закончилась, он пришел за своей женой и заявил: «Это самые изумительные люди, у них горы сладостей, которыми меня угощали, а когда что-нибудь на сцене им нравилось, они хлопали меня по спине и показывали на сцену. Они называли меня министром и дали мне свои визитные карточки. Я замечательно провел время».

Само же представление было великолепным. В нем принимали участие лучшие артисты «Гранд-опера» и балета, и на всех них были русские национальные костюмы. Это очаровало парижан, а император с императрицей были в восторге.

Визит нашего государя оказался самым успешным. В посольстве давались официальные обеды. На одном из них император принял некоторых представителей старого французского дворянства. Среди них был и какой-то дряхлый принц в придворном костюме времен Людовика XVI – напудренный парик, бриджи, бархатный парчовый камзол и жилет с кружевными манжетами и воротником. В завершение картины он прибыл в карете того периода. Царь, увидев его, был озадачен, но принц, низко поклонившись со своей треугольной шляпой в руке, пояснил: «Я бы никогда не принял приглашение вашего величества прибыть в современной одежде. Светские церемонии во Франции никому не интересны, но перед вашим величеством я могу появиться только в придворной одежде».

В завершение мероприятий на Елисейских Полях был устроен уникальный парад.

Царь был в восторге от великолепной дисциплины и прекрасного внешнего вида французских войск, особенно артиллерии, которая была выше всяких похвал, и то и дело говорил об этом.

Мой муж тоже был взволнован. Он рассказывал мне: «Какое великолепное зрелище! Жаль, что ты не могла этого видеть. Мы гордимся, что у нас такие союзники».

В тот же вечер их величества попрощались с президентом.

Император поблагодарил сопровождавшего его полковника за любезность и подал ему руку. Весьма смущенный полковник, вместо того чтобы пожать руку, наклонился и поцеловал ее. Это одно из подтверждений популярности, какой пользовались во Франции царь и царица.

Мой муж сопровождал императора до границы, потом он вернулся в Париж, а императорская чета продолжила свое

путешествие через Германию, чтобы в итоге вернуться домой, в Царское Село.

Во время царского визита в Париж Дион Бутон предложил вниманию императора первый автомобиль, но император предпочел подождать, чтобы лимузин был доведен до совершенного состояния. Когда я однажды увидела автомобиль на улице, я была поражена – он производил столько шума, что лошади шарахались, и произошло немало инцидентов. Очертания машины были самые примитивные. Она была похожа на квадратный ящик с двигателем сзади. Моего мужа уговорили купить авто (полагая, что ему будет очень удобно ездить на машине туда и обратно из Царского Села, где я оставалась на лето, в загородную резиденцию, экономя при этом время).

Он не посоветовался со мной по этому поводу и сам поехал к Диону Бутону, чтобы заказать машину. Изготовитель заявил, что не сможет обеспечить ею моего мужа ранее чем через год. Брат мой убедил мужа купить бывшую в употреблении автомашину. Он спросил меня: «Ты не считаешь, что я поступил ловко, приобретя уже испробованную машину?» – «Полагаю, – ответила я, – ты глуп, потому что потратил деньги на поддержанную машину – вместо того чтобы подождать. Можешь быть уверен, что она негодна». – «О нет, – возразил он. – Я опробовал ее на Елисейских Полях, и она ехала вполне нормально. В любом случае сейчас уже поздно что-либо предпринимать – я ее уже купил.

Через пару недель ее пришлют к нам в Россию. Она нуждается в кое-каких переделках, да и сиденье надо передвинуть».

Две недели растянулись до восьми месяцев; стоимость ремонта и пошлины на таможне удвоили ее цену, а неполадки приходилось устранять каждый день. Наконец, машина прибыла в Россию.

Встала проблема поиска шофера. В то время очень немногие умели водить автомашину. Наконец, объявился какой-то солдат, утверждавший, что является хорошим механиком, и изъявил готовность сесть за руль. Был назначен великий день старта. Дело было в парке перед казармами полка моего мужа в Царском Селе. Несколько офицеров предложили свои услуги в этом замечательном испытании, причем каждый стремился стать счастливым – первым, кто поведет авто. Наконец, приготовления к старту были завершены, мой муж и шофер сели на передние сиденья, а лейтенант Давыдов – на заднее.

«Старт» – это слишком сильно сказано. Автомобиль совершенно отказывался двигаться, несмотря на все старания

водителя, и солдатам пришлось толкать его. Наконец, окутанная дымом машина пришла в движение.

Дорога была вполне сносная, так что управлять было несложно, но автомобиль почему-то вилял из стороны в сторону. И тут послышался чуть ли не отчаянный крик: «Остановите! Остановите!» Мы увидели, как авто наскочило на дерево и замертво застыло. Мы бросились туда и увидели причину проблемы.

Что же случилось? Вместо того чтобы передвинуть, как было заказано, дополнительное сиденье, его просто поставили на мотор, и несчастный лейтенант оказался под угрозой получения сильных ожогов. Он сказал, что чувствовал себя так, как будто сидит на горячей печи.

Поскольку ни муж, ни шофер не знали, как остановить машину, им пришла в голову счастливая мысль наехать на дерево, что и дало желаемый эффект. К счастью, никто больше в этой аванюре не пострадал. В тот момент мимо проезжало ландо, запряженное двумя старыми лошадками, и там сидела какая-то дама благородной наружности. Лошади, старые как мир, попытались поскорее удалиться, а озадаченная и возмущенная дама стала кричать: «*Cochons, cochons!*»^[14] Все было естественно, хотя и грубо!

Несмотря на неудачу этого испытания, полковой доктор вызвался помочь, сообщив, что имел дело с машинами. Принесли два влажных одеяла, положили их на сиденье, так что жар от мотора не мог проникнуть сквозь них. Смазав и перебрав машину, доктор и водитель с радостью обнаружили, что машина бежит гладко. Мой муж сидел рядом с шофером. Какое-то время все шло нормально, и, когда путешественники скрылись из вида, вероятно наслаждаясь поездкой, я вернулась в дом, считая, что наконец-то они научились водить машину. Потом, находясь на балконе, я увидела, как к дому подъезжает муж (очень грязный и взбешенный) на дрожках.

«Толи, а где же машина?» – спросила я. Он только покачал головой, а когда вошел, рассказал следующее: «Примерно десять минут машина шла очень хорошо, и мы наслаждались поездкой, как вдруг совершенно неожиданно нас обволокло облако дыма. Мы с механиком прыгнули, а доктор выпал из машины; затем послышался взрыв, не сильный, хотя и громкий, машина почти не была повреждена».

Доктор пострадал от дымившихся одеял, которые начисто спалило, и даже брюки его не избежали печальной участи. Он расстроено произнес: «Хорошо понимаю ощущения тех, кого сжигают на костре».

На следующее утро муж пересказал этот маленький эпизод их величествам, и те очень позабавились происшедшим.

Глава 5

Императорская семья. – Светская жизнь в Санкт-Петербурге и Монте-Карло

В ту зиму императорский двор редко устраивал приемы. Их величества предпочитали уединенный образ жизни в Царском Селе, где они имели возможность проводить свои дни в тишине и покое; там император подолгу прогуливался в парке или копался в саду. Часто можно было увидеть его с ружьем в руках, когда он занимался стрельбой по воронам. Их величества нередко ездили по парку в простых санках, почти как крестьяне, и государь подчас лично управлял лошадьми.

Как-то днем, когда мы объезжали новых лошадей, мой муж, я и мой деверь встретили его величество, которого мы никогда прежде не видели катавшимся на таких простых санях. Издали, видя его красивую бороду и гусарский головной убор, мы приняли его за князя Орбелиани, брата фрейлины царицы. «Мамук! Мамук!» – закричали мой муж и мой деверь. Тогда возница поднял с глаз свою меховую шапку и, низко поклонившись, сказал нам: «Это их величества!» Мы были очень сконфужены; правда, мы так и не узнали, услышала ли императорская сторона наше бесцеремонное приветствие.

Ее величество постоянно пребывала в детской, следя за первыми шагами своей малышки Ольги. Кроме того, она была отличной пианисткой. Государыня ежедневно несколько часов посвящала упорному изучению русского языка и догм православной церкви.

Первыми ее фрейлинами были тетя моего мужа княжна Мария Барятинская, а также графиня Ламсдорф, которая вскоре вышла замуж за графа Бутенева-Хрептовича. За их браком последовало очень печальное событие, повлиявшее на рассудок его жены, а также произведшее огромное впечатление на ее величество – граф застрелился. Третьей фрейлиной была княжна Соня Орбелиани, находившаяся при ее величестве с первых дней ее царствования. И хотя эта очаровательная девушка через несколько лет стала жертвой ужасного паралича, она никогда не покидала императрицу. А ее величество со своей стороны была так ей предана, что относилась к ней как чуть ли не к своей маленькой дочери, беря ее с собой во все поездки и придумывая, как ей еще помочь и как ее развлечь.

Моя тетя оставалась при молодой императрице в течение двух лет, но другие фрейлины долго не задерживались. По-другому обстояли дела при вдовствующей императрице, которая держала своих фрейлин при себе в течение всего периода своего правления. Ее величество Александра Федоровна была очень сдержанной и недоступной персоной. Причина этого, с одной стороны, в ее застенчивости, а с другой – в ее неспособности понять характер людей, составляющих ее окружение. Ей отчасти мешали некоторые заблуждения, от которых она не могла избавиться. К тому же она не умела сказать нужное слово в нужном месте, как это умела делать вдовствующая императрица. И хотя Александра Федоровна делала попытки понравиться, она всегда, казалось, чего-то недопонимала, а поэтому никогда не могла добиться популярности, ради которой так упорно трудилась.

Жизнь, которую вели их величества, была настолько уединенной, что даже фрейлины и адъютанты редко приглашались к обеду. Функции флигель-адъютантов сильно отличались от тех, что существовали в других странах. Если его величество совершал выезд, адъютанты были обязаны следовать за ним на малом удалении на тройке, а когда его величество отправлялся в театр, они должны были сопровождать его и сидеть в большой императорской ложе в центральной части театра, которая использовалась его величеством, если ожидалось большое представление; в обычное время его величество предпочитал занимать боковую ложу.

Адъютанты носили очень красивую форму: белая каракулевая шапка с красным верхом, отороченная либо золотым, либо серебряным кантом (в зависимости от ранга адъютанта). Китель был темно-зеленого цвета, очень длинный, почти до колен; на спине были прямые складки. Красные воротники и обшлага, богато украшенные серебром, очень широкие брюки темно-синего цвета с красной тесьмой, а высокие русского покроя сапоги завершали этот привлекательный наряд.

Адъютантами императора, помимо представителей высшего дворянского сословия, были все великие князья и наследник престола. Все они носили аксельбанты и инициалы его величества на своих эполетах.

Интересно отметить, что император также носил аксельбанты, как адъютант, своего умершего отца, и вот по этой причине его величество не хотел становиться генералом, потому что он более всего заботился о том, чтобы не утратить знак отличия своего любимого отца.

Флигель-адъютанты в то время дежурили по двадцать четыре

часа. Утром им надлежало встречать и провожать к его величеству прибывающих министров с докладами. Они также должны были выслушивать прошения. После полудня они были в основном свободны, поскольку император редко давал аудиенции министрам после обеда.

В связи с темой адъютантов я расскажу три небольших анекдота. В первом идет речь о графе Дмитрие Шереметеве. Когда император находился в Царском Селе, адъютанту во время его суточного дежурства позволялось вечером покидать дворец. Надо было только сообщить камердинеру императора, где можно будет найти адъютанта.

Обычно мы ужинали в семь часов вечера, так как тем же вечером моему мужу надо было возвращаться в полк.

Как-то с нами ужинал граф Дмитрий Шереметев, и мы закончили трапезу, когда было без десяти минут восемь. Вечер был приятный, и, возможно, граф выпил вина чуть больше обычного. Зазвонил телефон, и оказалось, что император распорядился, чтоб граф ужинал во дворце. Граф обернулся к моему мужу и сказал: «Что же мне делать? Я вовсе не голоден». – «Поторопись, Дмитрий, тебе надо объяснить это его величеству», – ответил ему муж.

Когда граф прибыл во дворец, он успел лишь войти в столовую, как встретил мою тетю, княжну Марию Барятинскую, бывшую в то время фрейлиной, и доверился ей. «Я просто несчастный человек, – сказал он, – потому что не в состоянии съесть ни одной ложки; я только что поужинал у вашего племянника, Толи Барятинского».

В этот момент император предложил всем по стопке водки с закуской. Граф умоляюще посмотрел на мою тетю, и та над ним сжалась. Обратившись к его величеству, она сказала с улыбкой: «Граф Шереметев не ожидал, что ему будет оказана честь ужинать у вашего величества, и перекусил больше, чем можно, дома у Толи». Император любезно ответил: «Что ж, ему не требуется есть, если он не хочет».

И так, к огромному его облегчению, граф смог отказаться от длинной вереницы блюд, не привлекая недовольного внимания, и ограничился только сладостями и кофе. Император, наблюдая за ним, улыбался своей обычной добродушной улыбкой.

Три дня спустя кузен графа, граф Воронцов-Дашков, ужинал у нас. Мы откладывали ужин до самого последнего момента и сели за стол, когда было без десяти восемь. Едва успели подать суп, как зазвонил телефон, и опять от его величества поступило распоряжение графу Воронцову прибыть на ужин во дворец. Поскольку время уже было позднее, мы посчитали, что император

решил немного подшутить над нами, – и это подозрение подтвердилось при первом же вопросе, который его величество задал графу по прибытии последнего: «Ну и как вы преуспели у Толи? Вы в таком же благодном состоянии, что и ваш кузен вчера?»

Третий случай произошел с самим моим мужем несколько недель спустя, когда он был на дежурстве, и после обеда император заметил: «Сегодня вечером мы собираемся на балет в Санкт-Петербург».

В таких случаях обед обычно подается в поезде во время сорокаминутной поездки из Царского Села до столицы. Муж позвонил мне после полудня и попросил приехать во дворец к нему на чай, поскольку вечером он не планировал вернуться домой. Пока я была с ним, от императора пришла записка, в которой сообщалось, что он отложил свою поездку в Санкт-Петербург из-за недомогания императрицы. Мой муж произнес: «Тогда я, в конце концов, буду вечером дома». Я ответила: «Очень рада, мы вместе с тобой насладимся нашими любимыми лобстерами».

Мы мирно сидели и обсуждали достоинства наших лобстеров – муж просто разрывал их пальцами самым примитивным образом, – когда по телефону от его величества поступила обычная, но на этот раз совершенно неожиданная команда.

«Но как же мне избавиться от этого запаха?» – спросил обеспокоенный муж. «Натри руки солью, а потом побрызгай на них одеколоном», – посоветовала я.

Он старался изо всех сил, но из-за отсутствия времени так и не сумел отделаться от запаха рыбы. Как только муж подошел к императору, его величество заметил: «Вы ели лобстера. Была ли это ваша единственная жертва или есть еще другие на вашей совести?»

Муж извинился в замешательстве, но император, кажется, позабыл. Эти случаи я перечислила только для того, чтобы показать, как прост и добр был государь; он даже готов был отложить в сторону жесткие формальности императорского двора, когда этим мог избавить от смущения тех, кому доверял.

В качестве примера незамедлительной щедрости его величества и желания оказать финансовую помощь, когда до него доводили заслуживающий внимания случай, я могу упомянуть следующее.

В полку моего мужа был один молодой офицер, и этому полку император оказывал знаки расположения, а по карьере этого офицера было видно, что его величество проявлял к нему симпатию. Этот молодой человек вот-вот должен был жениться, и,

так как ему еще не было двадцати восьми лет, он, чтобы получить разрешение на женитьбу, был обязан уплатить в полковую кассу 5000 рублей. Цель этого правила – предотвратить поспешные браки, не имеющие перспективы, а также браки по любви, в которых совместных средств часто не хватило бы для ведения хозяйства и повседневных забот. Так как у молодого человека денег не было, его будущий тесть согласился дать займы и вручил ему чек на сумму, которую он должен был обналичить в Санкт-Петербурге.

Как-то утром, в половине девятого, когда я все еще была в постели, в дверь постучал дворецкий и сообщил: «Поручик С. желает увидеть князя». – «Но князь ночует во дворце, потому что он на дежурстве», – ответила я. «Тогда, может быть, он увидится с вами? Он очень бледен и расстроен. Должно быть, с ним произошло что-то дурное», – сказал дворецкий.

Поскольку примерно неделю назад произошла дуэль, в которой один из соперников был тяжело ранен, я было подумала, что произошло что-нибудь в этом роде. Поэтому я быстро оделась и вышла в гостиную, где он меня ожидал. Дрожащими губами, с глазами, полными слез, он едва мог говорить и был в таком волнении, что я не могла разобрать ни слова из его речи. Он был крайне взволнован.

Я взяла его за руку и ласково сказала: «Расскажите мне, в чем дело, что случилось?»

И тут он мне поведал свою горестную историю: «Как вы знаете, я хочу послезавтра жениться. Чтобы я мог получить необходимое официальное разрешение, мой будущий тесть одолжил мне 5000 рублей. Я поехал в Санкт-Петербург, чтобы получить в банке эти деньги, но, как ни горько говорить, я потерял эти деньги, и они не поступят в полковую кассу... В поезде по пути в Санкт-Петербург я вступил в разговор с каким-то господином и обнаружил, что у нас много общих друзей. Он пригласил меня после того, как я побывал в банке, отобедать с ним в Железнодорожном клубе, членом которого он являлся. Я очень редко пью вино и почти не играю. А тут меня уговорили сыграть в баккара, и, возможно, в состоянии возбуждения я стал крайне беспечен и потерял все свои деньги. Я просто не знаю, как это случилось!» И бедный мальчик закрыл лицо руками и залился слезами. «Я пропал! Я опозорен! Я обесчещен! – восклицал он. – Мне необходимо найти деньги до двенадцати часов дня. А я не могу опять идти к своему тестю, и мне негде одолжить...»

На ум не приходило, что и посоветовать ему. В то время мы сами жили не очень богато, и я не могла сразу же собрать такую сумму. Но я видела, в каком он жалком состоянии, и язык не

поворачивался обвинить его в чем-нибудь. То, что он сам, будучи из тех людей, которые являют окружающим образец чести и неподкупности и которые выполняют свои обязанности до последней запятой, допустил ошибку, расслабившись, меня ужаснуло. Я бы никогда не поверила, если б не он сам рассказал мне об этом. В своем отчаянии он был рассеян и непоследователен, и я напрасно пыталась успокоить его. Наконец я сказала: «Я сейчас же напишу мужу во дворец; может, он сможет как-нибудь вам помочь».

И я села и написала ему, изложив дело настолько вразумительно, насколько могла в своем состоянии волнения. Потому что я понимала, какая жуткая катастрофа произойдет, если деньги не будут внесены. Перед тем как запечатать конверт, я приписала: «Хватит ли у тебя мужества рассказать об этом императору и все ему объяснить? Я знаю, его величество очень любит поручика С. и однажды ему говорил, что, если у того будут проблемы, пусть обращается прямо к нему».

Я немедленно отправила это письмо. Как только оно дошло до моего мужа, он обдумал ситуацию, собрался с духом и решился рассказать всю историю государю.

Император однажды заявил: «Спасибо, что говорите мне правду и ничего, кроме правды».

По распоряжению императора 5000 рублей были тут же выплачены в полковую кассу, а император заметил моему мужу: «Не могли бы вы передать поручику, что я благословлю его с иконой как посаженный отец на его свадьбе?»

Из хаоса старых воспоминаний выделяется четкий трагический эпизод, в котором мы вместе с мужем оказались замешаны вопреки своему желанию. Это случилось в Монте-Карло. Согласно нашему всегдашнему обычаю, мы использовали отпуск мужа, чтобы побывать на Лазурном Берегу. Мы возвращались из Крыма, где присутствовали на свадьбе моей золовки, и, отдохнув немного в Ницце, отправились в Монте-Карло. Мы остановились в Hotel de Paris, владелец которого г-н Флери оказался очень приятным и услужливым хозяином, и благодаря ему мы чувствовали себя как дома, а он уделял нам всевозможное внимание.

Хотя тогда был уже разгар сезона, там пребывало много русских, известных в обществе. Среди них был М.у. с женой – очень богатые и остроумные люди из Санкт-Петербурга, где он занимал в правительстве важный пост. Они только что приобрели виллу в Монте-Карло и, пока ее готовили к их въезду, проживали в «Гранд-отель». Как и большинство гостей, они иногда поигрывали в казино и потому стали в его залах весьма

известными людьми. Русский военный министр генерал Куропаткин жил рядом, в Болье. Являясь заядлым рыболовом, он в тихую погоду часто появлялся на Ривьере, и я упоминаю это имя, потому что ему было суждено сыграть роль в трагедии, о которой я собираюсь рассказать.

В отеле недавно поселился некий поручик Х., сын человека, отличившегося в Турецкой войне. Мы только что встречали этого офицера в Крыму, где он рассказал нам странную историю о том, как на него напал грабитель, когда он выходил из сада на своей вилле. «К счастью для меня, – заключил он, – на моей трости тяжелый набалдашник в виде серебряной собачьей головы, поэтому негодяй заработал больше, чем просил».

Я всегда относилась к этому человеку с некоторым предубеждением, но, так как он был знаком с братом моего мужа, я была обязана быть с ним более-менее вежливой. Он зашел к нам в отель и как бы невзначай заметил, что поистратился, а сейчас ожидает денежный перевод от своей матери, бывшей в то время в Германии. Я обратила внимание, что у этого человека была трость с тяжелым серебряным набалдашником в виде собачьей головы. Мой муж, похоже, разделял мое предубеждение – во всяком случае, он не отреагировал на этот прозрачный намек. В самом деле, мы сами были в таком же положении и тоже ожидали перевода. Вечером, когда мы пошли переодеться к ужину, обнаружили пропажу 15 000 франков, которые оставались в номере, и никак не смогли их отыскать.

Позднее тем же вечером я увидела поручика Х. в залах казино, где он сообщил мне, что получил телеграмму от матери, извещавшей, что та отправила ему какие-то деньги, а тем временем М.Г., богатый финансист, любезно одолжил ему 3000 франков. Поручик спросил меня вновь, получили ли мы перевод, которого ждали, а я ему ответила, что еще нет.

Хотя я сама не играла, но находила большое удовольствие в том, чтобы наблюдать за игрой других, и за одним из столов я обнаружила игравшего М.у.... На глазах у него были небольшие странной формы синие очки, поскольку свет был для него слишком резок; возможно, они служили той цели, для которой были предназначены, но они мешали ему наблюдать за тем, что происходило за пределами его собственного стола. Похоже, что поручик Х. наблюдал за игрой М.у. с острейшим интересом и произнес для меня фразу: «Кажется, сегодня вечером у. везет». В десять часов поручик Х. проводил меня в гостиницу, пожелал мне спокойной ночи и ушел.

По возвращении в номер меня встретил слуга мужа со словами: «Ваше сиятельство, вам не встречался Х.? Он спрашивал

вас и князя и не раз задавал мне вопрос, пришли ли деньги из Санкт-Петербурга. Я ответил ему, что это не мое дело.

Я припомнила, что он задавал мне тот же самый вопрос чуть меньше часа назад, и меня озадачило, с чего бы ему так активно интересоваться этим.

На следующее утро, когда я, как обычно, рано завтракала, в комнату вошел слуга, смертельно бледный, и сообщил мне, что ночью в номер его превосходительства М.у. в «Гранд-отель» ворвались грабители, что они оглушили его сильными ударами, а потом, прихватив все деньги, оставили его в тяжелом состоянии. Я поспешно оделась и побежала в отель, где нашла мадам у. в ужасном состоянии духа и почти лишившейся дара речи. За ее мужем ухаживали два доктора.

Я вошла в номер, и то, что предстало передо мной, почти не поддается описанию – голова бедняги была вся в ранах, волосы спутались, лицо так ужасно распухло, что не были видны глаза, выбитые зубы висели над разбитыми губами, из которых капала кровь. Он испытывал жуткую боль и был почти без сознания. Доктора обрадовались моей помощи, и, сделав все, что в моих силах, я занялась его супругой, от которой и услышала всю историю.

«Я быстро уснула, – говорила она, – и было, должно быть, часа три утра, когда услышала, как муж очень слабым голосом зовет меня: «Открой! Открой!» Наши спальни располагаются по обе стороны от гостиной, и там я обнаружила своего мужа, у которого почти не было сил стоять на ногах. Включив свет, я нашла его в том состоянии, которое вы только что видели. Я позвонила в колокольчик, призывая на помощь, но никто не приходил, а потом я заметила, что провода от колокольчика обрезаны. Поэтому я побежала к портю, который и поднял переполох на весь дом. Потом муж рассказал мне с огромным трудом, что же произошло.

Он вернулся из казино примерно в одиннадцать часов, принес с собой около 60 000 франков, которые выиграл за вечер. Эти деньги он положил в нечто вроде сейфа, а потом пошел отдыхать. Его озадачил какой-то тихий шум, раздававшийся у изголовья кровати. Он подумал, что это, быть может, мыши, которых он инстинктивно терпеть не мог. Едва он зажег ночник у кровати, как кто-то в рваной одежде набросился на него и погасил свет. Он только мельком сумел взглянуть на нападавшего, но разглядел вполне отчетливо.

И тут между ними началась страшная борьба. Нападавший затолкал в рот М.у. кулак и стал душить его, чтобы жертва не смогла позвать на помощь. И вот так он потерял свои зубы. Потом

он несколько раз ударил тяжелой палкой по голове своей жертвы, из-за чего М.у. лишился сознания. С наступлением дня он немного пришел в себя и с трудом дополз до гостиной».

Полиция немедленно приступила к расследованию. Были найдены взломанный сейф – без денег, сломанная трость с тяжелой серебряной рукояткой в форме собачьей головы, а также следы крови на крыше и на гравийной дорожке под окном. Поэтому власти пришли к выводу, что грабитель убежал через верхнее окно и по крыше дома. Выяснилось, что в шесть часов утра местный аптекарь перевязывал какого-то молодого человека, которого якобы покусала собака, но никаких других деталей нет.

Я вернулась в свою гостиницу в состоянии сильного волнения и рассказала мужу все, что услышала. Было воскресенье, и мы с группой друзей отправились в русскую церковь в Ницце. По пути туда мы обсуждали происшедшее со всякой возможной точки зрения, и я, будучи не в состоянии забыть ужасный вид, в котором застала наших друзей у., была совсем не в радостном духе.

Когда мы возвратились домой, слуга моего мужа сообщил нам, что заходил попрощаться поручик Х., заявив, что уезжает в Париж и что деньги от его матери пришли.

«Его правая рука была забинтована», – загадочно добавил Михаил (слуга).

М.Г., которого мы увидели позднее, получил письмо от поручика Х. с сообщением о возврате занятых им ранее денег, что выглядело слишком поспешным с его стороны. Мой муж заметил: «Во всем этом деле есть какая-то тайна – где бы это он смог достать деньги в воскресенье?»

Так потом и ничего не прояснилось в этом деле об ограблении, и все еще осложнялось тем, что М.у. не мог дать точного описания вора. Тем не менее он утверждал, что, возможно, на него напал человек, которого он смог бы узнать, но обстоятельства дела не позволяли ему дать такое описание, по которому другие бы смогли опознать грабителя.

На следующее утро мы с мужем отправились к Гасту, у которого был магазин в торговых рядах Генриха IV, отдать в починку одно ювелирное изделие. Как только я вошла в магазин, он мне сказал: «Должен поблагодарить вас, княгиня, за то, что вчера вы прислали ко мне такого хорошего покупателя; он оставил у меня несколько тысяч франков». – «Какого покупателя?» – спросил мой муж. «Молодого человека около лет тридцати, который, похоже, очень торопился успеть к двухчасовому поезду на Париж; беднягу покусала собака, и у него была забинтована рука; он не назвал себя, но сказал, что приехал от князя Барятинского».

У меня появилось неприятное предчувствие, какая-то ужасная мысль промелькнула у меня в мозгу. Возможно ли это? Не поручик ли это Х., ограбивший и чуть не убивший М.у.? В любом случае откуда у него все эти деньги?

Примерно в четыре часа муж мой получил письмо, в котором его просили немедленно прибыть в полицейский участок в Монте-Карло «по самому срочному делу».

«У нас для вас плохие новости, князь, – сказал инспектор полиции. – Мы поймали человека, напавшего на М.у. Это молодой человек, называющий себя Ивановым. Он был арестован по приезду в Париж, все улики против него. К сожалению, Иванов – вымышленное имя, но мы почти уверены, что это – поручик Х. и что он сообщил вымышленное имя, чтобы уберечь от позора свою семью. Все указывает на то, что он – преступник, и я боюсь, что для него нет никакой надежды. Так как преступление было совершено в Монте-Карло, мы потребуем его экстрадиции, чтобы его судили по законам нашей страны, которые, к сожалению, очень суровы. Покушение на убийство рассматривается как убийство, и мы обязаны попросить вас не покидать Монте-Карло, поскольку хотели бы использовать вас в качестве свидетеля, когда придет время суда, зная, что поручик Х. был в весьма дружеских отношениях с вами».

Муж вернулся очень расстроенным и взвинченным. Что касается меня, я была глубоко потрясена всем происшедшим и к тому же раздосадована тем, что приходится оставаться в Монте-Карло на неопределенное время. Увы, мои предчувствия полностью оправдались. Муж тут же уехал в Болье, чтобы переговорить с генералом Куропаткиным, получившим такое же извещение, предлагавшее ему не уезжать с Ривьеры, поскольку поручик Х. был частым гостем в его доме. Генерал немедленно телеграфировал императору, сообщая об этой ужасной новости, и ввел его в курс дел, здесь происходивших.

Несколько дней спустя муж узнал у полицейского инспектора детали преступления, так как поручик Х. полностью в нем признался. Находясь в Монте-Карло без денег и увидев у М.у. в ночь преступления весьма крупную сумму, поручик замыслил ограбить этого человека. Ему удалось заранее проникнуть в спальню своей жертвы, взобравшись на крышу и спрыгнув оттуда на балкон. Потом он спрятался под туалетный столик, на котором было длинное покрывало. Из этого укрытия он увидел, как в комнату вошел М.у. и положил свою «кучу денег» в сейф. Мысль о физическом насилии в голову ему еще не пришла, но, когда зажегся свет, он подумал, что М.у. его обнаружил и узнал. И вот тогда, считая, что пропал, поручик Х. набросился на хозяина...

И все-таки он ошибался, потому что М.у. никогда не обращал внимания на людей вокруг себя в игровом зале. Затем поручик Х. взломал своей мощной тростью сейф и забрал все находившиеся там деньги. Оставив свою жертву лежащей без сознания на паркете, он удрал через то же окно, через которое и проник, и поспешил назад в Hotel de Londres, где снимал номер. Примерно в шесть часов утра он пошел к аптекарю и перевязал у него руку, заявив, что его покусала собака. Он попытался добраться до итальянской границы, но потерпел неудачу, и вот тогда он решил уехать в Париж, где, поскольку никто его не знал, рассчитывал найти убежище. Он был арестован, как только поезд остановился на перроне вокзала в Париже. Несколько дней спустя его фотография была послана М.у. для опознания, и они как будто оказались лицом к лицу; М.у. сразу же узнал в нем молодого человека, напавшего на него в ту ночь. Так что потух последний луч надежды, и в любой момент можно было ожидать фатальной развязки.

Она наступила быстрее, чем кто-либо ожидал. Поручик Х., потеряв всякую надежду, уговорил какого-то посетителя достать ему яду. Это было сделано, и яд передали ему во время очередного свидания. Смерть Х. была ужасна. Перед кончиной он попросил привести священника и умер как истинный христианин, полностью признавшись и горько сожалея о совершенном преступлении.

После сообщения о его смерти у меня стало тяжело на душе: кто знает, что могло привести его к этому преступлению? Говорят, что он был очень несчастлив в жизни. Мой деверь был у него в тюрьме за несколько дней до смерти, тогда поручик выглядел очень болезненно. На похоронах присутствовали только мой деверь и какой-то их товарищ.

Эта трагедия произвела на нас с мужем очень большое впечатление, и мы в самом деле были рады уехать из Монте-Карло, места, вызывавшего так много неприятных воспоминаний.

Летом 1896 года после коронации государя родители моего мужа пережили очень крупную семейную неприятность. Речь идет о тайном браке между их самым младшим сыном Владимиром и знаменитой актрисой Лидией Яворской – вопреки недвусмысленному нежеланию семьи. В то время он был очень симпатичным юношей двадцати лет и много моложе своей нареченной; но любовь слепа, а он был страстно влюблен в нее и не осознавал ни совершаемой ошибки, ни того, как это повлияет на его будущую карьеру. Он был морским офицером в гвардейском экипаже (шефом которого была вдовствующая императрица) на вахте на борту личной яхты его величества

«Полярная звезда». Яхте было приказано отвезти ее в Копенгаген, где ее величество обычно проводила лето.

Мой свекор, состоявший в ее свите и всегда сопровождавший венценосную особу, был очень рад иметь своего сына под присмотром. До него уже дошли слухи об этих запутанных обстоятельствах. Им надлежало немедленно отплыть, и фактически они уже покинули порт, когда он спохватился своего сына. К его огромному удивлению, ему сообщили, что Владимир не прибыл на судно, но передал, что задерживается из-за болезни. Еще больше удивившись, отец воскликнул: «Какой болезни? Еще вчера, когда я с ним виделся, он отлично себя чувствовал. Что-то слишком быстро!» Мой свекор очень встревожился и тут же послал телеграмму императорскому врачу, доктору Хиршу, который уже несколько лет был его личным медиком, с просьбой выяснить, что случилось.

Доктор Хирш для выяснения обстоятельств вначале отправился в дом моего свекра, и вышедший на стук в дверь привратник сообщил, что князь Владимир чувствует себя вполне нормально и что он распорядился все свои вещи перевезти на новую квартиру. Предыдущим днем он женился на мадам Яворской. Ошеломленный этой новостью, доктор поспешил в наш дом, где мы устраивали званый обед. Он прислал срочную записку моему мужу, что хочет немедленно видеть его по важному личному делу. Толи понял, что это что-то очень серьезное, иначе доктор не стал бы беспокоить нас посреди званого обеда. Он отсутствовал пять минут, когда прислал за мной. И он, и доктор выглядели смятенными и оцепеневшими.

«Как ты думаешь, что случилось? – спросил меня муж – Валя женился на этой Яворской». – «Боже мой! – воскликнула я. – Что же станет со стариками? Ведь это просто катастрофа!»

Мои мысли тут же обратились к родителям моего мужа. Я знала, как потрясены и расстроены будут они, а доктор Хирш чуть ли не заламывал себе руки.

«Как перенесет это ваша бедная матушка? – произнес он. – Она сейчас в деревне, здоровье ее ослаблено, и ей не следует об этом говорить, или я опасюсь последствий для ее больного сердца».

«Хуже всего то, – рассудительно заметил мой муж, – что Валя покинул корабль без разрешения, что, как все мы знаем, равносильно дезертирству. Нет сомнения, эта глупая эскапада разрушит его морскую карьеру. Подумать только, – добавил он, – что мальчишка, которым родители так гордились, принесет им столько неприятностей!»

Я никогда не видела своего мужа в таком подавленном

состоянии.

«Ладно, – произнес он наконец. – Тут мы бессильны. Остается дожидаться, что скажет император, когда узнает обо всем этом».

Император был неприятно удивлен, когда мой муж пересказал ему обстоятельства дела. Муж добавил: «Я должен просить прощения у вашего величества за причиненное беспокойство, но брат сказал мне, что Яворская еще не развелась со своим нынешним мужем. По моему мнению, едва ли этот брак может считаться законным».

Император сказал, что пошлет за главой Синода и обсудит этот вопрос с ним, и попросил мужа позвонить великому князю Алексею, главнокомандующему флотом.

Великий князь уже получил официальное извещение о происшествии и объяснил моему мужу, что, поскольку мой деверь (будучи несовершеннолетним) женился без разрешения своего командира, он подлежит аресту за дезертирство, но добавил: «Поскольку я испытываю глубокое уважение к вашей семье, это дело следует замять, но он должен немедленно оставить службу, так как согласно правилам гвардейского экипажа ему не дозволяется жениться на актрисе».

Спустя несколько дней император известил моего мужа, что в соответствии с обрядами православной церкви этот брак считается законным, делом свершенным.

Мадам Яворская виртуозно владела своей профессией, и ее часто сравнивали с Дузе. Она была превосходна в ролях героинь Ростана, особенно в «Принцессе Грезе», и была хорошо известна в Лондоне, где пользовалась огромным успехом.

Через несколько лет семья простила моего деверя, но мадам Яворская так никогда и не была принята в эту семью.

Во время войны они по взаимному согласию разошлись. Он женился на другой актрисе, с которой был очень счастлив и имел двоих детей.

Третий муж мадам Яворской был господин Джон Полок. Она умерла в Брайтоне в прошлом году. Многие считали, что это я умерла, и так часто спрашивались об этом, что моя дочь была шокирована.

Глава 6

Императорская семья. – Визиты к царю германского кайзера и французского президента. – Рождественская елка. – Визиты в Вогезы, Англию и Шотландию

В 1897 году наш император принимал с визитами коронованных особ или представителей различных европейских держав. Первым был старый император Австрии Франц-Иосиф, который, несмотря на свои годы, сохранял очень воинственный вид и вызывал во мне симпатию. Когда меня представили ему, он сказал: «Я не стану спрашивать ни кто ваш муж, ни кто был его отцом. Я слишком стар! Я только спрошу, кто был его дедушкой». Когда я ответила, что это князь Анатолий Барятинский-старший, он произнес: «О да, я хорошо его помню. Он умер в Вене».

Визит императора Франца-Иосифа ничем особенным не был отмечен. Больше можно рассказать о следующем визите – приезде кайзера Вильгельма II, которого сопровождали супруга, принц Генрих Прусский (чья жена была сестрой царицы) и большая свита. Император приветствовал гостей в Кронштадтской крепости, где стала на якорь германская императорская яхта «Hohenzollern». Из Кронштадта вся группа проследовала в Петергоф, наш русский Версаль, летнюю резиденцию императора.

Был один курьезный факт, вызывавший определенные толки в то время (учитывая германское происхождение нашей императрицы): многие в царском окружении носили немецкие имена, хотя говорить по-немецки не могли; в это же время в свите Вильгельма II был некто по имени Белов, имевший русскую родословную.

На следующий день после прибытия германского кайзера в Петергофе гостям был дан грандиозный обед, на который были приглашены и мы с мужем. Перед обедом нас представили венценосным супругам. В этот раз я впервые увидела их обоих так близко. Кайзер был взволнован, много жестикулировал и казался самодовольным и самоуверенным. Он вспомнил, что встречал нескольких членов семьи Барятинских, включая фельдмаршала. Я рассказала ему, как, будучи ребенком пяти лет и после смерти отца живя в Висбадене у моих дяди и тети, я видела, как

император Александр II и кайзер Вильгельм I проезжали через город в ландо. Во втором экипаже сидели знаменитый граф Бисмарк и брат моей бабушки генерал-адъютант князь Суворов. Мой маленький брат был так рад, что выкрикнул: «Дедушка! Дедушка!» Император Александр II повернулся в его сторону и улыбнулся, а потом сказал моему дедушке:

«Почему этот мальчик не в школе?» В результате того отдали в Пажеский корпус.

Германская императрица показалась нам добросердечной и мягкой женщиной, но ее представления об этикете были слишком резко выраженными, как это докажет случай, который будет вскоре описан.

После обеда в Петергофе был устроен великолепный и уникальный спектакль. Это изумительное место, известное своими каскадами фонтанов и прекрасным видом на море. В парке были пруды, посреди которых возвышались многочисленные островки, покрытые живописными руинами и павильонами. Некоторые из деревьев и растений были доставлены сюда из тропиков и цвели здесь, как на своей родной земле. Острова были соединены друг с другом и с сушей мостами. На главном острове по этому случаю была построена сцена, декорации для которой создала сама природа. Над водой на цепях висело огромное зеркало, так что возникала иллюзия, что балет происходит на самом озере. Знаменитая балерина Кшесинская как будто скользила по воде. Зрелище было очаровательное и восхитительное, и каждый, кому была дана привилегия созерцать это, приходил в восторг.

На следующее после этого представления утро наш государь организовал для кайзера и его супруги поездку в Красное Село. Перед ним и его высокими гостями прошли строем войска, а среди них – два полка, почетным командиром которых был сам кайзер. Вечером в маленьком императорском театре было дано представление – оперетта Оффенбаха «Великая герцогиня Герольштейнская». В ней один из персонажей – старик, который не может ни двигаться, ни говорить, если его не заведут ключом. Это напоминало пародию на старого канцлера Гогенлоэ, который сидел и дремал в первом ряду в партере.

Актеры говорили на ломаном русском, с немецким акцентом, как и принято в спектакле. Хотя это не было намеренным проявлением неуважения, все же пьеса вряд ли была уместна в данном случае. Хуже того, мадемуазель Муге, французская балерина, выдала экспромт, танцуя рискованное па-де-де в чересчур короткой юбке. Германская императрица поднялась со своего места, сделала знак своей фрейлине и покинула театр.

Наша государыня была вынуждена последовать за ней, и занавес резко опустился. Тогда этот случай вызвал в Германии большой скандал, и германские газеты ему уделили очень много места. Промах был допущен неким полковником Крыловым, который временно руководил театром и не сумел предвидеть, как неверно может быть понят спектакль. Главнокомандующему, великому князю Владимиру пришлось приносить извинения за личный недосмотр.

После отъезда венценосной четы император со своей обычной добротой утешил великого князя Владимира и актеров, посетив представление той же самой пьесы, на этот раз в одиночку, и не нашел при этом ничего шокирующего! Конечно, он хотел положить конец этому инциденту.

Позднее трагический случай произошел с мадемуазель Муге. Она путешествовала в одном экипаже с князем Витгенштейном и еще одним господином, и последний был очень груб по отношению к ней. Князь Витгенштейн вмешался и встал на ее сторону, что привело к дуэли, на которой несчастный князь был убит. В то время я вместе с мужем находилась в Гамбурге, куда мы приехали тем утром. К моему огромному удивлению, я прочла в «New York Herald» сообщение: «Потрясающая сенсация: Витгенштейн убит князем Барятинским на дуэли из-за мадемуазель Муге!» Этот слух, естественно, был немедленно опровергнут. Но любопытно, что какая-то сравнительно неизвестная женщина стала причиной такой трагедии.

После германских императорских гостей приехал президент Французской Республики г-н Феликс Фор, в чью честь был дан большой обед, а после него – гала-концерт в театре Петергофа. Программа театрального представления была не очень тщательно продумана, поскольку были даны две пьесы на русском – в котором президент не знал ни слова, – а потом балет, хотя он и был восхитителен. Во время начала представления с места, где я сидела, мне плохо было видно императорскую ложу и президента Фора, которого, очевидно, тянуло ко сну (похоже, переход морем в Кронштадт был не очень приятным). Император и императрица изо всех сил старались не дать ему уснуть, но голова его то и дело кивала. Было так смешно, что я не сдержала улыбку, а потом просто открыто рассмеялась. Мой муж как флигель-адъютант был при императоре и находился позади него, а потом сделал мне выговор.

Во время визита президента произошел забавный эпизод. В его честь был устроен смотр войск в Красном Селе. Когда я приехала на плац, то услышала, как в публике обсуждали, появится ли сам принц Луи Наполеон, чтобы приветствовать

французского президента. Принц, как, вероятно, знают мои читатели, был братом принца Виктора Наполеона, бонапартистского претендента на французский трон и мужа принцессы Клементины, дочери Леопольда, короля бельгийцев. В то время принц Луи командовал гвардейскими уланами, полком, чьим шефом была императрица Александра Федоровна. Поэтому его обязанностью было пройти во главе уланов. Что же он будет делать, когда дойдет до места, где надо отдавать салют, перед глазами французского президента? Ранее было замечено, что он извинился за отсутствие на смотре перед кайзером.

Принц скоро рассеял все сомнения. «Я – офицер, командующий российскими войсками, – заявил он, – и мой долг требует, чтобы я приветствовал президента Французской Республики. Я поступлю, как поступил бы любой другой русский офицер». Поэтому он, как и положено, салютовал президенту – поступок с его стороны, которым многие восхищались. На нем был орден Почетного легиона, унаследованный им от Наполеона III, двоюродного брата его отца.

Я живо припоминаю еще один маленький инцидент, который произошел с принцем Луи Наполеоном в Красном Селе. Мы с мужем были в театре, а после представления отправились на ужин к великому князю Владимиру и его супруге, где среди гостей был и принц Луи. После ужина они вдвоем с мужем вышли на балкон, а так как становилось поздно, я пошла позвать мужа. К моему удивлению, я застала их за ожесточенным спором, и оба держались за одну шпагу, не отпуская, и каждый настаивал, что эта шпага – его, что он признал ее по изображению волка, выгравированному на рукоятке, датируемой временами Генриха I, короля Франции и Польши.

Я поняла, что они оба все более возбуждаются, сочла за лучшее оставить их одних и послала мужу записку о том, что жду его. Посыльный взял записку и тут же вручил мужу его шпагу, оставленную им в карете и позабытую там. Естественно, мой муж был очень смущен и стал приносить бесконечные извинения. Они сравнили обе шпаги и обнаружили, что они были точная копия одна другой. Оказалось, что оба получили их в качестве подарка от одного и того же лица, брата моего мужа, который служил офицером в том же полку, что и принц Луи на Кавказе. Впоследствии мы часто смеялись над этим маленьким эпизодом.

Красное Село, о котором я уже говорила, находится примерно в двадцати пяти милях от Санкт-Петербурга. Там располагался гвардейский лагерь, куда войска обычно перебазировались в конце мая или начале июня. У каждого пехотного полка был свой палаточный лагерь, а офицеры размещались в казармах.

Кавалерийские полки расквартировывались в окружающих деревнях, а офицеры устраивались на постой в крестьянских домах. Однако некоторые из офицеров строили для себя небольшие избышки.

Император чаще всего приезжал в лагерь в июле. Его домом здесь был маленький дворец, построенный Екатериной II. В день своего приезда император, как правило, проезжал по лагерю в сопровождении многочисленных великих князей и блестящей свиты, а за ними следовала императрица в открытой карете, запряженной цугом. Очень вдохновляло зрелище того, как сердечно, с энтузиазмом войска приветствовали своего императора.

В семь часов начинали играть оркестры, а потом солдатские обязанности на сегодняшний день заканчивались. В лагерях был небольшой театр, который почти каждый вечер посещали император и его свита, а также и другие офицеры. Среди танцоров были и некоторые знаменитости: Павлова, Кшесинская, Карсавина и Нижинский. Довольно часто можно было здесь увидеть членов дипломатического корпуса.

В том же самом, 1897 году за несколько дней до Рождества нас пригласили по телефону на обед и на рождественскую елку на 24 декабря к великой княгине Марии Павловне. Утром того дня ее сын, великий князь Борис, позвонил нам и сказал, что нам будет лучше прийти раньше на четверть часа, поскольку император и императрица собирались почтить семейный праздник своим августейшим присутствием. Обед прошел совершенно свободно, без формальностей, и на нем было очень мало людей: только великие князь и княгиня, четверо их детей (великие князья Кирилл, Борис и Андрей и великая княжна Елена), которые все хорошо выглядели и были просто очаровательны. Также там были князь и княгиня Васильчиковы и немногие другие лица двора великого князя Владимира.

Их величества прибыли точно в восемь часов. Тогда я впервые имела честь разговаривать с ними. Обед прошел очень оживленно, император все время беседовал с великой княгиней, сидевшей рядом с ним, но императрица, по своему обычаю, говорила очень мало, потому что была исключительно застенчива. Она была очень красива, но все же не так, как ее сестра Елизавета. На ней было желтое платье, и так как она прибегала к румянам по малейшему поводу, мне подумалось, что этот цвет ей не так идет, как белый, который она часто носила.

Через несколько минут после обеда двери широко распахнулись, и посреди комнаты появилась высокая рождественская елка, вся сверкающая и покрытая, как обычно,

множеством блестящих игрушек, хлопушек и т. д., и т. д. Император подошел к елке и взял хлопушку. Вручив ее мне, он велел подойти к императрице, сидевшей в дальнем конце зала, и заставить ее дернуть за ниточку вместе со мной, «потому что она не выносит грохота этих штук», – сказал он. Я ответила: «Я не осмеливаюсь, ваше величество; я боюсь, императрица рассердится на меня». – «Не бойтесь, княгиня! – сказал он. – Она поймет, откуда это идет». Я заметила, что императрица в этот момент наблюдала за нами и улыбалась, так что я скромно подошла к ней, чувствуя жуткий страх, но она лишь ответила: «Я знаю, вас послал император» – и храбро дернула за хлопушку. И тут подошел император и сказал: «Браво!»

Через несколько минут он попросил принести лестницу и, когда ее установили, сказал моему мужу: «Толи, заберись наверх и достань мне самые большие хлопушки, которые, как вижу, развешаны на самой верхушке елки». Пока мой муж был на лестнице, его величество крепко ее держал. Потом, увидев, что к форме моего супруга кто-то прикрепил длинный красный хвост, он сделал мне знак ничего не говорить, как будто это он сам сделал это. В течение вечера у меня состоялся получасовой приятный тет-а-тет с императрицей, когда, оказавшись наедине со мной, она почувствовала себя свободнее, не так скованно и сдержанно, и все время говорила со мной о своей маленькой дочери Ольге и о том, как интересно наблюдать шаг за шагом развитие ребенка – маленькой великой княжне в ту пору было только два года, – и о том, как счастлив император, когда у него выпадает свободное время и он может поиграть с малышкой. Я рассказала ей, какой несчастной чувствую себя оттого, что не имею детей, и как это для меня печально. «Все поправится», – сказала она. А потом подошел император с огромной хлопушкой и, протягивая ее императрице, сказал: «Будь храброй!» И бедная императрица, закрыв глаза и слегка отвернувшись, потянула за ниточку вместе с императором.

Воспоминания об этом восхитительном вечере до сих пор живы в моем сердце, запечатлены в моей памяти. И когда я пишу эти строки, я отчетливо вижу рождественскую елку, опять слышу голос государя и шум хлопушек; и я благодарна Провидению, что мне было дозволено так близко видеть императора и иметь возможность оценить его простоту, доброту и любезность. Как неотразимо было очарование его манер! Начать с того, что голос его имел низкое, четкое и приятное звучание; глаза его имели особенно мягкое выражение, а когда он улыбался, они вспыхивали и тоже улыбались. Они были зеркалом его души, души чистой и благородной. Все, кто с ним соприкасался,

подпадали под воздействие его шарма и обожали его.

Через два дня после праздника у великого князя Владимира моя тетушка, княжна Мария Барятинская, бывшая фрейлиной, позвонила мне и сказала, что меня хочет видеть императрица. Поэтому после завтрака я поехала к ней и оставалась у нее долгое время. Вместе с ней была ее маленькая Ольга, которая, увидев меня, спросила на английском: «Ты кто?» И я ответила: «Я княгиня Барятинская!» – «О, но ты не можешь быть ею! – возразила она. – У нас уже есть одна!» Тогда императрица объяснила ей: «Ты знаешь Толи Барятинского (так император представил ей моего мужа, и с тех пор она стала звать его «Толи Барятинский»). А это, – продолжила императрица, – его жена, Мария». Маленькая дама оглядела меня с огромным удивлением, а потом, прижавшись к матери, поправила туфельки, которые, как я заметила, были новыми. «Это новые туфли», – сказала она. «Они тебе нравятся?» – произнесла я на английском. Императрица улыбнулась – она, похоже, сияла, когда ее маленькая дочь была рядом с ней.

Когда я уходила, она мне сказала: «Вы все еще очень молоды, и я уверена, впереди вас ждет огромное счастье». Она произнесла это так ласково и с таким добрым выражением, а потом поднялась и поцеловала меня, и маленькая великая княжна сделала то же самое. При самом моем уходе императрица сказала: «Я с минуты на минуту жду императора, он возвращается из Санкт-Петербурга» – и чувствовалось, что она ожидала его приезда с огромным нетерпением. Такова была моя первая беседа с ее величеством; подобно лучистому видению из прошлого, я берегу память о ней как один из самых драгоценных сувениров.

Поскольку я постоянно чувствовала себя плохо, а иногда и всерьез болела, я решила весной 1898 года посоветоваться со своим личным медиком, знаменитым профессором Робиним, как мне лечиться. Он рекомендовал мне съездить в Пломбьер, курорт с минеральными водами в Вогезах, чьи источники, как предполагалось, должны быть очень эффективными в таких случаях, как мой. Но он забыл добавить, что это место исключительно примитивно и скучно до невыносимости. Однако мы без промедления отправились с мужем в эти незнакомые места и остановились в «Гранд-отель», лучшей в то время гостинице, у которой было определенное преимущество в том, что мы имели минеральные ванны под собственной крышей.

Пломбьер расположен в очень живописном месте, там проложено много дорожек для пешеходных прогулок и поездок в карете, округа покрыта лесом, отличный парк. Недалеко от гостиницы находилось обшарпанное казино, в котором было

всего лишь несколько комнат. Над дверью в одну из них было написано «Читальня», а в подтверждение ее литературных претензий там имелся один номер какой-то иллюстрированной газеты в унылой обложке. Даже никакого ресторана, и когда однажды я осмелилась попросить стакан минеральной воды, поскольку испытывала жажду, в ответ услышала, что в этом заведении, носящем высокое название «казино», такого рода вещей не держат.

Гостиница была наполовину пуста; лишь несколько стариков, инвалидов, жертв подагры или желудочных заболеваний – так как воды Пломбьера действительно ценны в таких случаях, – составляли нам компанию. Самым последним приехал герцог Шартрский, брат графа Парижского (который уже много лет жил в изгнании в Англии) и внук покойного короля Луи-Филиппа. Я очень забавно познакомилась с герцогом. Я только что вышла из отеля, собираясь на прогулку, и увидела, как мой верный пес Мум, сассекский спаниель, как сумасшедший роется в цветочной клумбе в саду у гостиницы и уже вырвал несколько цветков.

Видя, какое опустошение он наносит, я стала кричать ему во весь голос: «Мум! Мум!», но, увы, мои призывы были напрасны. Разозлившись на него, я кричала, пока не охрипла, и в это время позади меня кто-то произнес: «Не стоит так напрягаться, мадам, если хотите отпугнуть собаку; это бесполезно, она вас не слушает. Я ее позову». Господин свистнул, и пес тут же подбежал к нему и лег клубком у его ног. Представьте себе мое оцепенение. А потом он сказал: «Эта собака – копия вашей. Я сам сегодня утром принял вашу за свою. Его зовут Дэш. Позвольте, мадам, представиться – де Шартр. Полагаю, имею удовольствие беседовать с княгиней Барятинской? Я хорошо знаю генерала Барятинского и часто с ним встречаюсь в Копенгагене, когда приезжаю в гости к своей дочери, княгине, супруге Вольдемара Датского». – «А я – невестка генерала, князя Барятинского, монсеньор», – ответила я.

После обеда в ресторане я познакомилась с ним моего мужа, и мы часто встречались с герцогом в оставшееся время нашего пребывания в Пломбьере. Это был человек исключительно приятных манер, притягательная личность, настоящий грансеньор старой школы; всегда вежливый и дружелюбный, большой эрудит, к тому же говорил на чистом французском, без какого-либо современного жаргона. У него всегда было что рассказать помимо прочего о своих родственниках, а особенно о герцоге д'Омале и его военных подвигах и о том, как он отличился в Тонкине.

Герцог Шартрский был человеком высокого роста, с

привлекательной внешностью, приятным лицом, глазами небесно-голубого цвета, какие редко увидишь. Сын его, принц Анри Орлеанский, столь известный своими путешествиями по Африке, стал тем, кто им наследовал. У него было две дочери, одна из которых, принцесса Мария, умерла несколько лет назад; она была замужем за принцем Вольдемаром Датским, братом королевы Александры и вдовствующей императрицы Российской. Она была настоящей художницей и создала много эскизов для фарфора, который изготавливался на заводе в Копенгагене. Другая дочь была очень красива и была замужем за полковником Мак Магоном, герцогом Магента, сыном знаменитого маршала. В то время у него был чин полковника и он жил недалеко от Пломбьера в Люневиле.

После возвращения в Россию я переписывалась с герцогом де Шартром и получила от него много приятных писем. Но, увы, этого восхитительного человека уже больше нет, и все, что у меня осталось, – это самые драгоценные и нежные воспоминания о нем. Его племянница – королева Амелия Португальская.

На следующий день после инцидента с моей собакой я увидела афиши, приклеенные к стенам казино, в которых сообщалось, что «в конце недели знаменитая труппа артистов театра из Парижа даст ряд представлений в Пломбьере». И вот, наконец эта «знаменитая парижская труппа» приехала. В зале казино была сооружена сцена, и я могу припомнить эту сцену до деталей. Спектакль назывался «Хозяин из Форжа» и был инсценировкой популярного романа Жоржа Онэ. Актер, игравший роль герцога, не знал ни единого слова из своей роли, и мы то и дело в течение всей пьесы совершенно отчетливо слышали суфлера. Может, все это было бы не так плохо, если б он был хотя бы прилично одет, но его одежда была слишком засалена, особенно рубашка. Иногда, чтобы скрыть незнание роли, он ревел, как лев в клетке. Заглавную женскую роль жены хозяина Форжа играла очень плотная, неуклюжая и совершенно некрасивая женщина.

Поскольку герцог де Шартр и мы сами были гостями вечера, для нас были приготовлены три очень старых и грязных позолоченных стула; но едва я села, как мой стул опрокинулся с ужасным треском, так как одна из его ножек была в плачевном состоянии. В тот момент моя собака ринулась в зал, громко лая от радости, что отыскала меня. Шум был настолько велик, что актеры перестали играть и приняли живейшее участие в этом происшествии, которое, осмелюсь сказать, было весьма смешным для посторонних наблюдателей, но я не находила его таким уж забавным, скорее, я чувствовала себя определенно неловко.

Многие протянули руки, чтобы помочь мне подняться, и каждый встревоженно спрашивал, не поранилась ли я. Пока я сражалась со своими оборками, мой верный пес добавил свою лепту к всеобщему развлечению, с размаху запрыгнув мне на колени, так что я с трудом удерживалась от хохота в оставшееся до конца пьесы время.

После пребывания в Пломбьере герцог де Шартр уехал в Копенгаген, где рассказал всю эту историю моему свекру и другим, и все хорошо позабавились.

Из Пломбьера мы отправились в Италию, где нас застала печальная весть: великий князь Георгий, брат царя и предполагаемый наследник престола, скончался. Хотя все знали, что его дни сочтены, поскольку у него была последняя стадия туберкулеза, он тем не менее ускорял приближение своей кончины, пренебрегая советами врачей и носясь повсюду на большой скорости на автомобиле. Доктор говорил ему, что его легкие слишком слабы, чтобы вынести давление потока врывающегося в них воздуха, и случай доказал, что предупреждения врачей были обоснованны, потому что во время своей последней поездки, двигаясь на большой скорости, он вдруг рухнул от сердечной слабости и скончался на месте.

Смерть великого князя Георгия стала ужасным ударом для его матери, вдовствующей императрицы. С того времени, как умер ее любимый царственный супруг, император Александр III, она обычно много месяцев проводила со своим сыном на Кавказе, где вынуждало их жить его здоровье. Влажный, холодный, туманный климат Санкт-Петербурга считался для него особенно опасным. Она изо всех сил старалась сохранить ему жизнь, насколько это было возможно. У него был мягкий, приятный характер, его поразительная красота была какого-то утонченного типа, но самая главная его привлекательность таилась в изумительных, но грустных глазах. Услышав о его смерти, вдовствующая императрица отправилась в Крым, чтобы встретить тело своего любимого сына, потому что его останки были доставлены с Кавказа по морю, на борту русского военного корабля.

По приезде в Санкт-Петербург мой муж был послан императором на российскую пограничную станцию Вержболово, чтобы встретить принца Вольдемара Датского, брата вдовствующей императрицы. Он спросил меня, не соглашусь ли я сопровождать его, поскольку ему было скучно путешествовать одному, и я ответила, что сделаю это с большим удовольствием. Когда мы приехали на станцию, у меня сложилось представление о степени, с которой тогда Россия помогала прокормиться другим

странам Конкретные формы экспорта, которые я увидела впервые, состояли из поразительного количества живых гусей, которых везли в Германию; это просто ошеломило меня. Ими были набиты целые составы, а шум, который они создавали, как можно представить, был просто оглушающим. Россию обычно называли «житницей Европы», и такой она и была на самом деле.

Но взгляните на нее сейчас – не хватает еды, чтобы уберечь от голодной смерти свое собственное нищее население, маленькие дети тысячами умирают от голода. А ведь еще во время войны и даже после у нас было всего в изобилии, а продуктов – прежде всего.

Но вернемся к моей истории. Я была свидетельницей прибытия принца Вольдемара (в час ночи) с почтительного расстояния. Строго говоря, я не имела права сопровождать своего мужа, который был официально делегирован и включен в личную свиту принца. Я вернулась в двухместной карете одна, и никто не знал, что я была там. Муж поехал встречать принца, который, разумеется, не имел представления о моем присутствии, и королевский салон был тут же прицеплен к нашему поезду. Мы тронулись, но во время поездки поезд неожиданно остановился посреди ночи. Я проснулась от толчка и чуть не упала со своей полки.

Потом муж постучал в дверь моего купе и сказал: «Вагон принца загорелся, и нам пришлось остановиться и переселить его в купе».

Поскольку дело было ночью, все купе уже были заняты, поэтому мужу ничего не оставалось, как устроиться у меня. Наутро, рассчитывая найти моего мужа, в наше купе вошел принц Вольдемар, но застал меня мирно читающей книгу, потому что Толи уже ушел в вагон-ресторан на завтрак.

Его первое восклицание: «Это купе князя Барятинского?» – «Да, – ответила я и, видя, насколько он был озадачен, добавила: – А я его жена».

Таким образом я представилась принцу, так как поняла, что нахожусь в присутствии принца Датского, и объяснила, каким образом я оказалась в этом поезде. Но он только рассмеялся. Он был исключительно дружелюбен, в нем не было ничего показного, и всякий, кто с ним встречался, был очарован его простотой и любезностью. Скоро мы очень подружились с его адъютантом, капитаном Эверсом, ныне адмиралом (его сын – морской атташе при датском посольстве в Лондоне). Он оставался в петергофском дворце вместе с моим мужем, пока принц находился со своей сестрой, вдовствующей императрицей, в ее личной резиденции в Александрии, недалеко от Петергофа. Он был ей очень предан и

старался утешить ее в огромном горе.

День похорон великого князя Георгия выдался нестерпимо жарким, и солнце просто палило. В православной церкви пастве, кроме старых и немощных, не положено сидеть во время богослужения. Мы стояли в церкви Петропавловской крепости, казалось, часами, а в этот день церемония была необычно долгой и торжественной, потому что ее вел митрополит и другие церковные иерархи, и казалось, что она никогда не закончится. Жара была такой неодолимой, что я была полностью без сил. Вечером примерно в одиннадцать часов мы (мой свекор, наш друг, капитан Эверс, и я) на лодке отправились подышать свежим воздухом на Неве и переплыли ее. Когда, однако, мы подумали о возвращении домой, то обнаружили, что все мосты разведены и никаких лодок для переправы не найти. Мы посмотрели друг на друга в смятении и сели на берегу реки, где и просидели почти до четырех часов утра следующего дня.

Летом в Санкт-Петербурге ночами почти так же светло, как и днем, и их называют белыми ночами. Мы наблюдали за судами, плывшими по реке, и, в конце концов, добрались до дому вскоре после четырех часов утра. Мой муж ночь проводил в Зимнем дворце с принцем Вольдемаром и, позвонив моему свекру, чтобы узнать обо мне, с удивлением услышал, что никого из нас нет дома, и никак не мог понять, куда мы все запропалились. Как легко представить, мы все проголодались и сели за завтрак в самое необычное время.

Эти маленькие случаи хранят в себе печально-сладкую память. Увы, теперь нам домой не вернуться. Хотя мы, русские беженцы, ничего, кроме гостеприимства и симпатии, от Англии не получили, мы все еще испытываем естественное чувство ностальгии.

Я верю, что эти события в моей жизни будут интересны моим читателям, поскольку они иногда связаны странными совпадениями и сценами, достойными описания. Я могу авторитетно говорить о них, потому что сама была очевидцем событий, о которых рассказываю.

Несколько лет назад мой муж был по долгу службы в Англии. Мы только недавно поженились и в то время не имели детей, поэтому я поехала вместе с ним. Нас осаждали приглашениями, и мы побывали на многих вечеринках. Один из наших визитов был нанесен леди Z., которая пригласила нас к себе в замок в Шотландию на выходные. Наш поезд прибыл в четыре часа, и вскоре после этого мы уже быстро катили по проселочной дороге в роскошном автомобиле по живописному и очаровательному ландшафту, и дорога привела нас в великолепный старый замок.

Погода была несколько облачная, и казалось, вот-вот хлынет дождь.

По нашем приезде был накрыт чай в зале, где, хотя было еще начало августа, уже ярко пылал огонь. У большого камина собралось большое количество женщин в изысканных туалетах и мужчин в охотничьей одежде. Мы почувствовали некоторое смущение, потому что практически никого здесь не знали.

Леди Z. поспешила мне навстречу и приветствовала меня вопросом: «Динни приехал с вами? Где он?»

Я хотела было поинтересоваться, кто это такой – Динни, но она уже отошла. Я расслышала, как она пробормотала про себя: «Он определенно скоро будет здесь!» Я обратила внимание, что, когда было произнесено имя «Динни», одна из дам (очень смуглая, худощавая и симпатичная, в оранжевом платье с золотистой каймой) слегка покраснела.

После чая нас провели в наши комнаты. Я так устала, что уснула в мягком кресле. Вдруг я проснулась от ощущения, что кто-то находится в комнате, и так оно и было, потому что это пришла леди Z. сказать мне, что обед будет подан в половине девятого, так как поезд Динни прибывает как раз перед восемью часами.

«Вы не представляете, княгиня, что за приятный, очаровательный и добродушный этот юноша. Он страстно любит леди Q., высокую симпатичную женщину в оранжевом платье – вы ее, возможно, заметили. Ведь она очаровательна, не так ли?» – «О да! – ответила я. – Но почему она выглядит такой печальной?» – «Она – вдова, американка по рождению; ее муж был много старше ее, и ее замужняя жизнь была не очень счастливой. Она хотела бы выйти замуж за Динни, который, как я говорила, очень ее любит, но этот брак не воспринимается благоприятно ни его, ни ее семьями. Он живет со своими родителями недалеко отсюда. Я знаю ее с детства, и она часто оставалась у меня; фактически комната, в которой вы находитесь, – ее гостиная, которую из-за нехватки места я была вынуждена «одолжить».

Она попрощалась со мной и снова умчалась, как стрела, пущенная из лука. И все-таки до сих пор я не имела представления о фамилии этого удивительного Динни.

Я подошла к окну, чтобы распахнуть его, и передо мной открылся прекрасный вид. На верху холма было нечто вроде древнегреческого храма, отделенного от замка изумительно ухоженным парком, бросавшимся в глаза своим многообразием цветов и редких деревьев, из которых он состоял. Время от времени до меня доносился аромат цветов, и я наслаждалась всем этим до глубины души.

Прозвенел звонок, приглашающий переодеться к обеду, оторвав меня от размышлений. Я оделась к обеду – на мне было изящное серебристо-белое платье. Чувствовалось, что необходимо выглядеть элегантно в такой толпе симпатичных и экстравагантно одетых женщин.

Мы спустились по лестнице вниз и вошли в обеденный зал. Леди Z. сидела недалеко от меня, и мне было слышно, как она произнесла: «Я просто возмущена этим Динни – наверняка что-то случилось!»

После обеда почти все танцевали, кроме тех, кто играл в бридж. Я не танцевала, поскольку у меня болела голова, и леди Q., симпатичная смуглая женщина, на которой сейчас было черное платье, казалось, была поглощена наблюдением за дорогой. Темнело, ночной ветерок тихо проникал в комнаты, неся с собой аромат цветов, – все было идеально. И все-таки леди Q. выглядела печальной, и я знала, что ее задумчивое настроение связано с загадочным Динни.

Я ушла рано, сославшись на головную боль, и скоро уснула, но лишь для того, чтобы меня разбудил чей-то голос, сказавший: «Не пугайся, моя дорогая! Это всего лишь я!»

Я поспешно зажгла свечу. Передо мной стоял высокий симпатичный молодой человек – абсолютно мне незнакомый. Он вздрогнул и быстро убежал. Неудивительно, что он испугался до смерти! Тут не было парикмахера, и мне пришлось накрутиться на папильотки. Я разразилась хохотом. Вся сцена была так нелепа!

Рано утром муж вошел в мою комнату с телеграммой. В Лондоне нуждались в его услугах, а потому нам предстояло немедленно покинуть леди Z. Когда я рассказала ему о ночном приключении, он смеялся до упаду так же, как и я.

Мы поспешили на завтрак, и среди гостей я признала моего ночного визитера. Он сидел рядом с леди Q., которая вся светилась от счастья и совершенно не была похожа на вчерашнюю погруженную в думы женщину.

Леди Z. представила его мне, добавив: «Динни приехал очень поздно. Я на него очень сердита, но он все равно славный! Очень сожалею, что вам приходится уезжать».

Так вот какой он, Динни! И теперь я узнала его фамилию.

Машина ждала нас у дверей; мы сердечно распрощались со всеми и покинули нашу очаровательную хозяйку. Было очевидно, что Динни не узнал меня, но, когда мы пожимали руки, я чуть не выдала себя взрывом хохота.

Машина понеслась на вокзал через восхитительный парк с его изящными деревьями и красивыми цветами. Я была почти

одурманена ароматом цветов.

Настоящая Шотландия воистину очень красива – первородный пейзаж со всеми возможными оттенками листвы живописен до крайней степени.

И еще раз я увидела Динни. Это произошло через несколько лет на московском вокзале.

Моя трехлетняя дочь с ее двумя нянями и я – все мы как раз отправлялись Транссибирской магистралью с огромным количеством багажа, двумя собаками и клеткой с птицами в путешествие до Владивостока, где в то время находился мой муж. Был ужасно холодный декабрьский день, и, пока наши вещи в спешке заносили в вагон, мой слух уловил голос, который я слышала раньше. Человек говорил по-английски: «Смотри, дорогая, да тут целый зверинец собирается в дорогу! Никогда не видел столько чемованов!»

Я быстро узнала Динни и снова была вынуждена расхохотаться. Он обращался к леди, так плотно укутанной, что ее лица просто не было видно. Похоже, он меня не узнал, ведь прошло восемь лет, как мы встречались, да и то в спешке. Однако в ходе поездки мы стали лучшими друзьями.

Динни ехал в Японию, куда получил назначение на дипломатическую работу. Его сестра сопровождала его на Дальний Восток, где у ее мужа были важные дела. Оба они были чудесными людьми. Я заметила на столике в их купе фотографию симпатичной леди Q. Я сказала ему, что, кажется, знаю эту женщину, но он ответил, что это вряд ли может быть, потому что она пробыла в Англии очень короткое время. Сейчас она с мужем находится в Америке, добавил он с некоторым волнением.

Я не сочла, что настал подходящий момент, чтобы рассказать Динни, как и где я впервые встретила с ним.

Мы приехали во Владивосток. Динни и его сестра оставались в нашем доме двадцать четыре часа, а потом отплыли на корабле в Японию.

Прощаясь с Динни перед тем, как он ступил на палубу корабля, я произнесла: «Не пугайся, дорогая! Это всего лишь я!»

Я взглянула ему в лицо – на нем было написано глубочайшее изумление.

Но больше я уже не могла ничего добавить – убрали трап.

Глава 7

Монте-Карло и Рим

Осенью 1899 года я пережила тяжелую пневмонию и долго не могла избавиться от постоянного кашля. И это было не удивительно, ведь с детства я привыкла к мягкому климату Ниццы, а во влажной и холодной атмосфере севера России очень мучилась. Мне не хотелось покидать мужа, а он из-за своих обязанностей не мог поехать на юг; однако он получил краткосрочный отпуск, чтобы проводить меня до Ниццы, так как доктора предписали мне более теплые места, очень опасаясь за мое здоровье. Но поскольку мне не стало лучше, мы переехали в Hotel de Paris в Монте-Карло, так как этот город гораздо уютнее. Тут я, к сожалению, простудилась и заболела гриппом, что вынудило меня оставаться в номере в течение нескольких недель. Многие из моих друзей жили в этом же отеле, и некоторые навещали меня и старались подбодрить. Конечно, разговоры, как правило, были сосредоточены на игре. Поэтому неудивительно, что мне на эту тему приснился странный сон.

Как-то я дремала после обеда, а температура была достаточно высокой. Муж приписал мое сновидение этой причине. Как бы там ни было, во сне мне привиделось число 36, окруженное красным пламенем, а сбоку от него располагались часы, стрелки которых показывали пять часов. Я сказала мужу: «Если будешь играть сегодня днем, поставь свои деньги в пять часов на номер 36». Он только рассмеялся, но пошел в казино и сделал ставки на нескольких столах, как я предлагала, и, конечно, в пять часов на каждом из них выпало число 36! Он был не один, с ним было несколько человек – граф Гендриков, граф Карло Дентичи-Фраско и другие. Поначалу они не были намерены ставить на мой номер, но, когда он стал выпадать снова и снова, они стали играть с огромным успехом. Этот маленький случай был темой дня в разговорах и всех интересовал. За ужином в тот вечер мужу приходилось то и дело отвечать на один и тот же вопрос: «Почему ты не сказал мне о своем счастливом номере?»

Я постепенно стала выздоравливать. Я еще не раз переболела пневмонией, но ни одна из них, к сожалению, не проходила с таким успехом – я так и не увидела другого «числа 36».

В Монте-Карло в то время находился русский доктор из Варшавы, производивший сенсации своими колоссальными выигрышами за игорными столами. Говорили, что он выиграл

несколько миллионов франков по изобретенной им системе и, вероятно, финансировался каким-то синдикатом. Он считал свою систему непогрешимой, но, похоже, не принимал во внимание тот факт, что ставки в банке были ограничены. После почти невероятной полосы удач, в которой он выиграл более трех миллионов франков, он, наконец, начал проигрывать; толпы народу наблюдали, как он делал одну за другой ставки в 12 000 франков, а безжалостная лопаточка крупье каждый раз сгребала эту ставку. Так все деньги, вложенные синдикатом (а это около четырех миллионов франков), были проиграны.

Но без какого-либо уныния он вернулся в Варшаву, получил еще денег и вернулся к столам. Удача, казалось, вновь покровительствовала ему, и снова стали слышаться возгласы «Браво! Доктор опять выиграл!». Он отыграл все, что потерял, и значительно перекрыл проигрыш, который объяснял так: «Я проиграл, потому что в моей системе была маленькая ошибка! Я ее исправил и сейчас не боюсь никаких проигрышей».

Ничто так не достигает цели, как успех, и он много заработал в Монте-Карло.

На следующий год доктор опять был в проигрыше, и казино пришлось оплатить ему обратный билет домой и дать денег на дорогу – *le viatique* (дорожные), как их называют во Франции. И вот много лет спустя, во время Русско-японской войны мой муж опять столкнулся с этим доктором, на этот раз разорившимся молчаливым человеком, который никогда не упоминал о Монте-Карло. Однако после войны он опять испытал свою удачу, но результат был катастрофическим, и некоторое время спустя он покончил жизнь самоубийством.

Я была в депрессии оттого, что рождественские праздники мне пришлось проводить в постели. Моя печаль усилилась при звуках церковных колоколов – я была вдали от родины, от дома и к тому же больная. В таком меланхолическом состоянии духа я обратилась к сочинительству, надеясь найти в этом какое-то отвлечение, а также потому, что не выносила одиночества в компании грустных мыслей. Моей первой попыткой была рождественская сказка для детей. Когда пришел доктор, он обругал меня и заявил, что я не должна утомляться; тогда я показала ему, что я пишу, и он забрал листочки с собой. Несколько недель спустя я получила экземпляр небольшого французского журнала, в котором появилась моя сказка в полном виде. Это была моя первая попытка. Данная книга – вторая попытка. Поначалу я писала ради удовольствия, для того чтобы отвлечься, окруженная всевозможным комфортом и чувствуя себя в полной безопасности. Сейчас же я пишу в силу необходимости.

Когда я выздоравливала, мы с мужем ходили обедать в ресторан в гостинице; иногда, ощущая слабость, я спрашивала хозяина, нельзя ли принести *un bon verre d'Oporto* (стаканчик портвейна). «Конечно же да, мадам княгиня!» – отвечал месье Флери. Недалеко от нашего стола сидел весьма плотный, очень светловолосый господин, который улыбнулся, когда я попросила портвейна. Потом мы выяснили, что это был герцог Порту, брат умершего короля Португалии, и он, вероятно, считал, что я узнала его, а поэтому подшучивала над ним. Но я имела удовольствие спустя несколько дней встретиться и познакомиться с ним, и он был достаточно любезен, прислав мне бутылку очень старого «Опорто» с надписью «*line Oporto d'un Oporto*» («бутылка опорто от одного Опорто») и шикарный букет цветов, когда я жила в Hotel de la Paix в Нице после того, как мужу пришлось вернуться в Санкт-Петербург для несения службы.

В Hotel de Paris были и некоторые наши старые русские друзья, и как-то они пригласили нас к себе в номер, где собирались устроить небольшой музыкальный вечер. Когда мы пришли, какой-то господин играл на скрипке, и тут вошел еще один господин – невысокий пожилой человек с небольшой седой бородкой и в очках. Он прошел прямо к роялю и сел играть, сказав, что делает это «по пути». Он сыграл романсы Тости, некоторые из которых были совсем новыми в тот момент, фактически еще не были опубликованы. Я сказала ему: «Как прекрасно вы играете музыку Тости!» Он как-то странно посмотрел на меня и произнес: «Я наверняка должен хорошо ее играть!» – и рассмеялся. Потом нам сообщили, что на следующий день ему надо возвращаться в Лондон, где он живет, и я сказала, что очень жаль, что он так быстро нас покидает. Наутро я получила маленький свиток, а открыв его, нашла там романс, который он нам играл, в виде четкой рукописи, на которой было написано «Княгине Барятинской, «Последний романс» от композитора». Очень скоро после этого он стал так популярен, что люди распевали его музыку повсюду на улицах.

В то время года Монте-Карло было очень элитным и модным местом, и все прибывающие с головой уходили в море развлечений. Оглядываясь назад сквозь года, я думаю, что счастье тех дней мы не до конца оценивали, потому что именно в то время там не было никаких признаков страшных несчастий, ожидавшихся в будущем.

Мы встречали много достойных людей, и среди них был покойный король Эдуард, тогда принц Уэльский – всегда учтивый, всеми обожаемый и здесь исключительно популярный. Вечерами в казино можно было увидеть русских великих князей и

великих княгинь и нередко монархов и членов королевских семей Европы, а в театре – интересных мужчин и женщин из всех стран. Великий князь Алексей – хорошо известный русский завсегдатай Монте-Карло – тоже бывал там, и, кроме того, великий князь Владимир, великая княгиня Мария Павловна, великий князь Михаил и графиня Торби, у которой в Каннах была резиденция – вилла «Казбек», – названная в честь этой кавказской горы.

Из Канн в Монте-Карло приезжала великая княгиня Анастасия Михайловна (вдова герцога Мекленбурга-Шверина по прозвищу Принц Шарман) – очень красивая и величественная женщина, хорошо известная на Ривьере.

Часто приезжал из Ниццы кронпринц Румынии со своей женой, красавицей принцессой Марией, и по одному случаю великий князь Борис пригласил нас на обед, а после этого мы побывали на выступлении старого Кокелена в «Сирано де Бержераке», всегда великолепно в этой роли. Он был самым удивительным актером своего времени. В Международном Средиземноморском клубе был дан большой бал-маскарад, на который принцесса надела свой национальный костюм и была так прекрасна, что находилась в центре всеобщего внимания.

Позднее в этот же период впервые появилась мадам Режан, в «*Madame Sans Gene*» она непревзойденно сыграла главную роль. Актриса жила в нашем отеле вместе с сыном, мальчиком двенадцати лет, была очень привязана к нему и позволяла ему делать все, что его душе угодно. Вечером мальчик сидел со своим гувернером, а она в это время одевалась для выступления. На нем был смокинг, рядом на стуле покоился складной цилиндр, и он обсуждал меню с метрдотелем с видом гурмана. Его манеры были отвратительны, и он никогда не переставал ковыряться в зубах зубочисткой.

Зрелище, которое представало перед вами при входе в Hotel de Paris, трудно поддается описанию. Это было похоже на волшебную сказку. Теперь мне нелегко было бы узнать Монте-Карло, настолько он отличался от прежнего. Это совершенно другой мир. Исчезло, умерло или было убито так много людей, что русского общества уже не существует.

Теперь уже нет таких людей, как покойный мистер Гордон Беннетт, владелец «New York Herald». Он действительно был осью, вокруг которой вращалось все в Монте-Карло. У него была отличная яхта под названием «The Namouna».

Я хорошо помню тот день, когда приехал наш знаменитый русский бас Шаляпин и впервые пел в «Дон Кихоте» Массне. Это было настоящее событие в истории Монте-Карло. Все билеты были проданы заранее, и все говорили только о нем. Его карьера

была самой экстраординарной. Он пел в монастырском хоре в Казани, когда его услышал один молодой офицер, которого я знала (он жил на одно жалованье), и был так поражен этим чудесным голосом, что увез певца в Санкт-Петербург, где им заинтересовались несколько зажиточных семей. Шаляпин сразу же пошел в Консерваторию, чтобы получить музыкальное и сценическое образование, и за невероятно короткое время достиг вершины в своей профессии.

Он был всего лишь крестьянином и не знал никакого языка, кроме русского, поэтому стал изучать французский и итальянский; через несколько лет он пел перед самой придиричивой публикой в Европе. И вот теперь он – один из величайших и наиболее популярных артистов на оперной сцене, главным образом потому, что его игра так же хороша, как и его пение. За билеты платят баснословные деньги. Один из моих друзей заплатил 1000 франков – огромная по тем временам сумма – за единственное место. Но деньги стоили мало в те дни, когда луидор ценился не дороже булавки. За дирижерским пультом был композитор Массне. Шаляпин был в исключительном голосе и поражал как великолепной игрой, так и костюмом. Успех был огромным, царил беспредельный энтузиазм.

На этот раз наша любимая Россия, похоже, была в апогее своего величия; ее гражданам, а особенно ее артистам, были открыты двери по всему миру, и все процветало. Кто бы мог тогда подумать, что через совсем немного лет там будет такой крах, такое стремительное падение, крушение! Вместе с падением царя рухнуло величие России. Мы вновь увидели Шаляпина несколько недель назад в «Альберт-Холле» в Лондоне, мы услышали тот же красивый голос, которому шумно аплодировали десять тысяч человек, но его волосы седеют, а на лице отчетливо написана тревога. Это наверняка могло быть оттого, что его семья находится в Москве, и его неопределенность в отношении ее должна быть мучительна...

В газетах сообщалось, что Шаляпин пел перед комиссарами во вторую годовщину большевистской революции и будто бы сказал, что никогда не был так счастлив, как в минуты, когда выступал перед вождями народной республики, и как он горд оттого, что поет им. Если это правда, то все так ужасно, когда думаешь о прошлом! Только за несколько лет до этого я была в опере, когда он пел в «Борисе Годунове» Мусоргского перед императором. Он выглядел и, я уверена, был тогда счастлив, но я не могу понять, какова может быть у него сейчас причина для счастья, если он еще помнит прошлое и сравнивает его с настоящим – императорская ложа пуста, император и его семья

зверски убиты, а на их месте – что? Грубые, вульгарные, жестокие люди, разрушившие Россию и превратившие в пыль ее славу.

Одна сцена из того выступления перед императором была особенно патетической – Шаляпин преклонил колено перед его величеством на сцене, когда названивали церковные колокола, и все хоры пели славную мелодию российского национального гимна; публика была поднята на ноги гигантской волной патриотических чувств, было заметно, что сам царь охвачен этим чувством. Когда все закончилось, император послал за Шаляпиным и тепло поблагодарил его в любезной форме, что сейчас, как видно, позабыто.

Потом Шаляпин поехал в Америку, где ему сопутствовали один за другим артистические триумфы.

Как я уже упоминала, в Монте-Карло я болела, а потом отправилась в Ниццу, все еще продолжая курс лечения. Мой муж уехал в Санкт-Петербург, чтобы попробовать получить разрешение покинуть полк, хотя и хотел сохранить свою должность флигель-адъютанта. Я была так больна, что он не мог оставлять меня на продолжительное время, чтобы исполнять свои обязанности в полку. Император со своей обычной добротой с готовностью удовлетворил его просьбу, и муж смог сразу же приехать ко мне в Ниццу. Через несколько дней мы поехали в Рим, где провели чудесную зиму.

Я с трудом могла поверить в происходящее, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. И все-таки мы были в самом деле в поезде, идущем в Рим. Мечта всей моей жизни – увидеть и отдать дань уважения Вечному городу. К тому же я только что прочла чудесный, хотя и довольно многословный роман Золя под названием «Рим» и находилась под впечатлением, которое город оказал на юного Аббе; оно полностью овладело мною и наполнило меня энтузиазмом еще до того, как я увидела Рим.

Я обожествляла искусство с самого детства, помешавшись на красоте, и Рим был для меня источником чего-то возвышенного, настоящим властителем мира благодаря своему абсолютному величию, судьбоносной истории, а теперь, во времена вырождения, стал стражем-хранителем всех шедевров искусства любого этапа его развития. Я была буквально наэлектризована зрелищем Рима из окна нашего вагона. Когда мы подъезжали к городу, было туманное утро, все как будто было окрашено одной серой краской и выглядело унылым и заброшенным. Железнодорожный вокзал располагался в новом и весьма пестром районе, и «Гранд-отель», в котором нам предстояло остановиться, был там же. Тут были такие же безликие здания, какие можно

найти в любом большом европейском городе, с дорогами в их обычном плохом состоянии.

Должна признаться, что была очень разочарована. Обернувшись к мужу, не смогла удержаться от восклицания: «И это город городов? А где же его удивительная красота?» – «Ты скоро изменишь свое мнение, – ответил он, – если запасешься терпением изучить и рассмотреть его, и тогда ты сможешь лучше оценить многие его необычайные красоты». И он в самом деле был прав. Я изменила свое мнение, и очень быстро. Мне достаточно было пройтись по городу и увидеть Форум, Палатинский холм и походить по Яникульскому холму, с которого Рим перед тобой как на ладони, где можно ощутить его величие, суметь увидеть все сокровища, которые он содержит.

Ярко-зеленые зонтики пиний, выделяющиеся на фоне неба – синего, как у Паоло Веронезе, – были очень живописны, а богатство нежнейших оттенков, которыми солнце украшало каждый купол и архитектурную деталь, притягивали и удерживали взгляд, так что только с усилием и неохотно можно было вернуться к обычной жизни. Но я должна на этом остановиться, иначе превращусь в отголосок Бедекера, а я не имею желания вступать в соперничество с этим искушенным мастером-экскурсоводом.

Через несколько дней после нашего приезда в «Гранд-отель», в котором мы остановились, прибыли фельдмаршал, великий князь Михаил Михайлович со своим сыном, великим князем Георгием и их свита. Их приезд не ожидался, и, поскольку отель был заполнен до предела, для старого князя не нашлось ни одной гостиной. Не зная, что делать, управляющий обратился ко мне. «Княгиня, – сказал он, – пожалуйста, не сочтите за оскорбление, но я не знаю, что делать. Мне очень не хочется просить вас, но не будете ли вы против того, чтобы уступить вашу гостиную великому князю? Мне очень бы хотелось, чтобы он остановился у меня в отеле». Я ответила, что буду рада это сделать, и комната была ему предоставлена в тот же день. Великий князь пришел навестить меня и поблагодарить. «Вы молоды и главным образом бываете на воздухе, – сказал он, – а я стар и вынужден сидеть в помещении».

Весьма забавный эпизод имел место в связи с этой гостиной и моей собачкой Мумом – той самой собачкой, которая так нас развлекала в Пломбьере. И муж, и я очень любили Рим, и мы, как правило, уходили утром знакомиться с его красотами и никогда не уставали от совместных прогулок. Мы часто посещали церкви и ради этих и многих других подобных случаев брали с собой собачку на поводке. Поводок был необходимой мерой

предосторожности и потому, что любимым блюдом собачки были голуби, а их в Риме – бесчисленные стаи, и на залитых солнцем улицах они то прихорашивались, чистя перья, то прогуливались по ступенькам церквей и общественных зданий.

В одну из таких наших утренних прогулок пошел дождь, и улицы скоро стали грязными. Это был шанс для Мума, он не стал терять времени и скоро сам весь перепачкался. По возвращении в отель я передала его под опеку мальчику-коридорному, а мы пошли в ресторан обедать. Это было на следующий день после приезда старого великого князя, и мальчик, не зная, что комната уже не наша, отвел собачку в нашу старую гостиную, из которой корзина, конечно, была унесена, когда комнату занял великий князь. Когда великий князь вернулся, собачка приветствовала его самым шумным образом, и новый хозяин обнаружил, что диван и кресла покрыты грязью.

Пока мы обедали, его сын, великий князь Георгий, подошел к нам и сказал: «Идемте сейчас же. Мой отец хочет видеть вас по очень серьезному делу». Мой муж поднялся, чтобы пойти с ним. «Не вы, Толи, а только ваша жена», – сказал великий князь, улыбаясь. Я не могла догадаться, для чего я могла понадобиться. Но, войдя в комнату, я сразу все поняла, потому что на кушетке все еще сидел и лаял мой грязный Мум. Увидев меня, великий князь сказал: «Вы знаете, как я вам благодарен за эту комнату, княгиня, но я не ожидал, что мне также придется взять и собаку, особенно в таком состоянии. И так как я полагаю, что вы бы не поверили, что ваше любимое животное обладает столь дурными манерами, я подумал, что лучше было бы, если б вы сами увидели это. А потому я послал за вами. Теперь, когда вы увидели свою чудесную собачку, могу ли я попросить вас пообедать со мной?»

В то время великий князь Георгий был страстно влюблен в принцессу Марию Греческую и надеялся получить на свое предложение благоприятный ответ. Как и большинство влюбленных, великий князь был очень суеверен. Он был уверен, что одного лишь посещения церквей и произнесения молитв святым будет достаточно, чтобы исполнились его желания. Он теперь жил лишь этими ожиданиями и занимался покупкой самых дорогих вещей в качестве подарков к Новому году и Рождеству, чтобы продемонстрировать ей свою великую любовь, когда они счастливо обручатся. Очень часто мы его сопровождали.

«Гранд-отель» был общепризнанным местом встреч самых модных итальянцев и людей, составлявших великосветское общество. Дамы блистали изумительными нарядами, особенно на обедах. Потом, прохаживаясь по гостиной, можно было

столкнуться с самыми замечательными людьми. Возможно, наибольшее внимание привлекали донна Николетта Грациоли и донна Мария Маццолени. Многие сицилийские дамы проводили зиму в Риме и останавливались в этом отеле, и среди них были принцесса Трабия и принцесса Паттерно. Итальянские женщины – самые красивые и очаровательные создания.

И там я познакомилась с д'Аннунцио. Интеллектуальная мощь и дар воображения этого великого итальянского поэта, которые проявились в его опубликованных трудах, поэмах, пьесах и романах, были слишком хорошо известны, так что у меня не было необходимости припоминать их тут. Внешне он был не очень высок, и маленький клинышек его желтой бородки придавал ему крайне саркастическое выражение. Несмотря на приятность его манер, его трудно было назвать по-настоящему симпатичным, он, казалось, наслаждался тем, что разбирает каждого на части; он выглядел чересчур самоуверенным и наверняка был слишком высокого мнения о своей особе. В то время он работал над своей книгой «Пламя» (*«Il Fuoco»*), в которую ввел интимное описание знаменитой актрисы Элеоноры Дузе.

Он, несомненно, был великим поэтом и глубоко изучался всеми лучшими французскими и русскими авторами. И все-таки, несмотря на его талант, окончательное впечатление о нем нельзя назвать благоприятным.

Он подарил мне экземпляр «Il Fuoco» с очаровательным авторским посвящением, но, к сожалению, эта книга, как и многие другие драгоценные вещи, пропала в России. Россия в самом деле – огромная груда печальных воспоминаний.

Два года спустя, в 1901 году, я побывала на постановке его пьесы «Франческа да Римини» в Берлине, где главную роль играла Дузе. Пьеса была отличная, а Дузе в заглавной роли – восхитительна. Маркиз Имперали, бывший в то время итальянским послом в Берлине (а потом в течение многих лет послом в Лондоне), пригласил меня в свою ложу. После представления он сказал мне: «Подождите минутку, княгиня, и я вам покажу нечто куда более прекрасное, чем та пьеса, которую вы только что видели». Должна признаться, что была в полном восторге от пьесы д'Аннунцио, которую считала самой прекрасной вещью, а маркиз явно забавлялся моим энтузиазмом. Сняв с полки своей библиотеки бессмертную книгу Данте, он прочел мне шестнадцатую песнь этой знаменитой поэмы, в которой вся история Франчески да Римини пересказана с таким пафосом. «Вот это стоит послушать, – сказал он. – Никто не может сравниться с Данте. Он превыше всех и навсегда – это один из

воистину бессмертных!»

Будучи в Риме, мы часто и всегда с удовольствием общались с графом Туном, австрийским премьером, остановившимся в нашем отеле. Он был исключительно воспитанным человеком с очаровательными манерами и в то же время очень умным. Своей высокой фигурой и огненно-рыжими волосами он привлекал всеобщее внимание. Брат его был женат на графине Гротек, сестре герцогини Гогенберг, которая со своим мужем, эрцгерцогом Францем Фердинандом была смертельно ранена в Сараево. Граф Тун всегда носил орден Золотого руна, он даже рассказывал нам, что приказал вышить его на своем ночном халате.

Наш отель стал местом проведения ряда развлечений, устроенных неким молодым американцем по имени Тоо, вероятно, очень богатым. Впоследствии он стал печально известен как Гарри Тоо, главное лицо некоторых уголовных процессов в американских судах. Но в то время, о котором я говорю, он выделялся просто как очень состоятельный иностранец, устраивавший множество пышных обедов и балов для всего космополитического общества в Риме. Всегда очень бледный, глаза перескакивают с одного предмета на другой... Он был всегда дорого одет, но его одежда находилась в таком беспорядке, что он выглядел неопрятно и неаккуратно. Манеры его хорошими не назовешь.

Хотя он постоянно присылал нам приглашения и фактически оказывал давление с целью увидеть нас на своих приемах, мой муж никогда не соглашался стать его гостем, хотя я лично не видела причин для постоянных отказов, зная, что римское общество не отвергает его гостеприимство. Однако мой муж, очень невзлюбив этого человека, не доверял ему. Как-то поздно вечером г-н Тоо по ошибке зашел в наш номер. Мой муж, будучи по натуре человеком самым уравновешенным, был взбешен этим вторжением и поднял большой шум, пожаловавшись управляющему отеля. Он сказал мне: «Не могу себе представить, что этому ужасному человеку от меня понадобилось!»

Вскоре после этого Тоо женился на мисс Эвелин Несбит, очень красивой девушке, но через два года мы прочли в газетах, что он арестован в Америке за убийство г-на Уайта. В газетах было полно его фотографий и описаний его жизни. Пышные увеселения, которые он устраивал в «Гранд-отеле» в Риме, получили обширные комментарии. Муж, обращая мое внимание на эти отчеты, заявил: «Видишь, я в конечном итоге оказался прав!»

Многие итальянцы, с которыми я потом встречалась,

испытывая отвращение, удивлялись, как же могли они пользоваться гостеприимством такой ужасной личности. Это показывает, как надо быть осторожным в этих крупных международных отелях, где деньги являются золотым ключиком, открывающим любые двери, и где преступники могут жить бок о бок с людьми, репутация которых безукоризненна. Мы рассказали о Гарри Тоо одному нашему другу, который в свою очередь сообщил нам, что видел его в уголовной психиатрической больнице Манхэттена, штат Нью-Йорк, и что Тоо вызвал в нем такое же инстинктивное отвращение, как и у моего мужа. Доктор в больнице рассказал нашему знакомому, что Тоо – это наиболее интересный и аномальный случай одновременно.

Не могу себе позволить обойти вниманием в числе тех, с кем мы подружились в Риме, г-на и г-жу Крупенских, самых гостеприимных и добрых людей; он был советником в российском посольстве, а потом повышен в послы. Они везде пользовались популярностью и большим уважением у всех, кому повезло с ними познакомиться.

Среди русских, постоянно живущих в Риме, в то время был дядя моего мужа, князь Виктор Барятинский. И он, и его жена были высококультурными людьми и держали салон, который неизменно посещало много людей. Помимо них, у нас было еще несколько родственников, живших тогда в Риме. Мы часто устраивали большие вечеринки и совершили много веселых поездок по окрестностям.

Как-то раз мы поехали на скачки, и там, чтобы лучше видеть, мы с кузеном взобрались на кучу песка и камней; мягкая почва под ногами была ненадежной, и мы оба съехали вниз с неприлично большой скоростью. К своему ужасу, мы увидели нацеленные на нас несколько камер фотоаппаратов, и от этого верха унижения нас спасло лишь вмешательство моего мужа, который пришел к нам на помощь в самый последний момент. Над этим случаем много забавлялись, особенно учитывая, что я была очень изящно одета, на мне была симпатичная розовая шляпка, которая, когда я ее подобрала из грязи, была уже неузнаваемого цвета. У нас у обоих было несколько веских причин (хотя и неприятных) для того, чтобы испытывать неудобство. Прочитав на следующий день в одной итальянской газете отчет о скачках, мы обнаружили скромную фразу о том, что «падение княгини Барятинской не осталось незамеченным», но я все еще благодарна тому, что муж вовремя подоспел, чтобы мы сумели избежать фатального щелчка камеры.

Также в Риме мы встретили знаменитого французского композитора Рейнальдо Ганна, чьи изящные романсы сейчас

хорошо известны и вызывают восхищение. Он был прекрасным музыкантом и искусным пианистом. Однажды вечером он приехал в отель, где мы остановились, чтобы нанести визит своим друзьям – графу и графине Толстым. Г-н Ганн был вместе с г-ном Швабахом, хорошим скрипачом, сыном крупного немецкого банкира; через два года он умер от туберкулеза. В то время песни г-на Ганна были изрядной новинкой. Обращаясь ко мне, Ганн сказал: «Княгиня, г-н Швабах – великий музыкант, и, если он имеет желание сыграть, я с огромным удовольствием буду ему аккомпанировать». И я спросила, не будет ли он так любезен, потому что все мы обожаем музыку. И тут он достал свою скрипку, и мы, захваченные его игрой, слушали его допоздна.

Этим вечером произошел забавный инцидент. Великая княгиня Анастасия Михайловна, не выносившая классической музыки, поинтересовалась, не мог бы г-н Ганн порадовать ее несколькими цыганскими романсами. Мы были озадачены таким неожиданным пожеланием, поскольку оба музыканта весь вечер играли только классическую музыку. Однако г-н Ганн удовлетворил каприз великой княгини и сыграл несколько произведений из русской легкой музыки. В тот вечер он подарил мне ряд своих романсов, но, как и большая часть моих остальных сокровищ, они пропали. Приятно теперь осознавать, что их автор так широко известен и признан как художник, и помнить, что мы были среди первых, кто оценил его талант. Он сыграл и подарил мне несколько своих песен в рукописи, которые потом были опубликованы.

Одно из самых сильных впечатлений моей жизни оставила встреча с папой Львом XIII. Я видела его два раза. В первый раз, когда наше представительство в Ватикане снабдило нас билетами на мессу в Сикстинской капелле, которую служил сам папа. Капелла мала по размерам, а поэтому билеты достать трудно.

Перед началом службы мы собрались в прекрасных залах Ватиканского дворца, чтобы наблюдать за шествием в капеллу. Папу на троне несли четыре носильщика. В то время ему было около девяноста лет, его лицо покрывала восковая бледность старой слоновой кости, но, когда он услышал восторженные приветствия «Да здравствует папа царствующий!», лицо оживилось, а глаза, всегда яркие и пронзительные, засияли, когда он давал благословение. При внешнем безразличии в нем, казалось, таится некая энергия, нечто сверхъестественное, что на меня очень подействовало. Не будучи католичкой, я вполне могла понять, как глубоко ему поклоняются римские католики.

Второй раз я увидела папу Льва XIII на его личной аудиенции. Мы попросили его принять нас, и он любезно

согласился это сделать. Мы с мужем в сопровождении графа Туна прибыли в Ватикан и были встречены камердинером. Вновь мы увидели великолепные залы, хранящие память о незабываемых событиях. Я почувствовала себя такой маленькой и беспомощной посреди этого великолепия, возникшего благодаря религиозному рвению ушедших поколений. Естественное чувство волнения, осознание того, что скоро предстану перед его святейством, почти целиком заполонило меня.

Днем раньше одна дама сказала мне, что я должна пасть перед ним на колени, но когда он принимал нас, то был скромным и простым и сидел в обычном кресле. Подле него находился знаменитый кардинал Рамполло, у которого был странный, проникающий насквозь взгляд. Я тут же склонилась до полу и оставалась в таком положении, гадая, что же делать дальше. Похоже, в этом не было никакой необходимости, и я опасалась, что выгляжу смешно и неуклюже. Уже не помню, как поднялась. Следующее, что я запомнила, – это как оказалась сидящей рядом с ним. Его святейство, разумеется, говорил на великолепном французском. Он упомянул о доброте нашего императора и сказал, что его великое желание – объединить две церкви: Римско-католическую и Русскую православную. Хотя ему было почти девяносто, голос его был очень ясен и он обладал удивительной памятью. Я вновь была потрясена его чрезмерной бледностью. Перед нашим уходом он благословил нас, и мы вновь увидели в его взгляде вдохновение человека, общающегося с Богом.

Глава 8

Гамбург. – Неаполь

В 1901 году мы отправились на лечение в Гамбург, выехав из России вместе с родителями моего мужа, которые собирались в Наухайм. Прошлой зимой моего бедного свекра хватил апоплексический удар, и он надеялся, что воды Наухайма пойдут ему на пользу. Мы жили в маленькой вилле, пристроенной к Park Hotel Рихтера, и, когда мой муж вернулся к своим обязанностям в России, я осталась в Гамбурге для продолжения курса лечения.

В Гамбурге я часто виделась с принцессой Софьей Строцци и ее очаровательной матушкой, графиней Марией Браницкой, и обе они были очень добры ко мне и к тем, к кому я была глубоко привязана.

Германские император и императрица в тот год приехали пожить некоторое время в своем дворце в Гамбурге, и можно было часто встретить императора в парке. К тому же там проводился теннисный турнир среди офицеров, на котором он бывал каждый день и к которому проявлял живейший интерес.

Потом приехали король и королева Англии. Говорили, что императрица Фредерика умирает и что они приехали отчасти, чтобы навестить ее. Несколько лет она ужасно страдала от рака, и никакие лекарства ей не помогали. Королева Александра в Гамбурге долго не задержалась, но до ее отъезда я имела честь быть ей представленной. Я также послала ей цветы от имени своего свекра, который был ей очень предан. Король Эдуард остался, чтобы пройти курс лечения. Он очень рано вставал для принятия водных процедур, всегда болтал и шутил с девушками, которые вручали ему его очки, и стал очень популярен в округе.

В начале августа мы узнали о смерти императрицы Фредерики. Я видела ее на смертном ложе. Какой же маленькой она стала, но какого достоинства и безмятежности были полны ее черты! Я вместе с принцем и принцессой Строцци поехала в замок Кроненберг, неподалеку от Гамбурга, где жила императрица и где находилась великолепная коллекция предметов искусства, которую она собрала, причем многие экспонаты были из Италии. Мы присутствовали при выносе тела, а потом и при погребении. Погребальное богослужение состоялось в маленьком храме в Кроненберге. У гроба стояли кайзер и его старшие сыновья, и церемония была очень трогательной.

В тот же вечер гроб при факелах был препровожден на вокзал и отправлен в Потсдам. Никогда не забуду жуткий эффект той

ночи. Мерцающие факелы, темное дождливое небо, дробь барабанов и цокот конских подков кавалерийского эскорта, все вместе это произвело невероятное впечатление.

Наша карета двигалась с трудом, дорога была забита возвращающимися войсками, и всадники постоянно наезжали на нас. Отовсюду слышались предостерегающие окрики. Было так темно, что возницы еле различали дорогу. Лишь спустя долгое время мы смогли выбраться из этой суматохи и на рассвете добрались домой усталыми, замерзшими и голодными.

Осенью состояние здоровья моего мужа вынудило его оставить на какое-то время военную службу. У него случилось что-то вроде нервного расстройства, и ему требовался отдых. Поэтому он поехал в Висбаден, чтобы провести там часть зимы. Там мы часто проводили вечера за игрой в покер с принцем Нассау и его женой, графиней Меренберг, дочерью знаменитого Пушкина. Это были очаровательные люди, которые знали меня с моих детских лет, и мы были рады вновь оказаться рядом с ними.

Мы жили в небольшой усадьбе близ Висбадена, и, пока мы оставались там, у нас был очень необычный английский слуга. Он хорошо исполнял свои обязанности, но, думаю, был не совсем нормальным. Он был жертвой самых странных галлюцинаций. Каждый день он преподносил какую-нибудь новую историю о своих родственниках. Тетя погибла в какой-то железнодорожной катастрофе, сестра опасно больна и т. д. Поначалу я верила ему, сочувствовала и пыталась уговорить его вернуться домой в Англию, даже купила ему билет на поезд. Но он так и не поехал. Наконец я поняла, в чем дело. Когда его мать по-настоящему заболела и сестра телеграммой попросила его приехать, я заставила его поехать.

Здоровье моего мужа в Висбадене все ухудшалось, и, когда мы собрались в Рим, он тяжело заболел. Я так беспокоилась за него, что послала его родителям телеграмму, и было решено, что мы поедem в санаторий в Берлине.

В этих мемуарах я еще не рассказывала о нашем верном Жозефе. Мы приняли его к себе на службу в Монте-Карло, когда ему было лишь тринадцать лет от роду, и он был в прислуге в Cafe de Paris. Его искреннее и честное округлое лицо и удивленные глаза, напоминавшие анютины глазки, очень пришили мне по душе. Он был из очень бедной семьи, отец его служил кучером, мать – прачкой, и в семье было много братьев и сестер. Родители его были в восторге от нашей идеи взять Жозефа с собой в Россию.

Поначалу он, естественно, чувствовал себя не в своей тарелке, не понимая ни одного слова по-русски и ничего

абсолютно не зная. Он увидел в нашем доме великого князя Бориса, кузена императора, и тут же вообразил, что в России только один великий князь, как, например, может быть только один император. Когда ко мне зашел еще один великий князь – не помню, какой – и назвался, к его огромному удивлению, Жозеф ответил ему на французском: «Вы не можете быть великим князем, есть лишь один – великий князь Борис!» Великий князь Алексей, услышав эту историю, сказал мне: «Вы, должно быть, выиграли этого мальчика в рулетку».

Более двадцати лет Жозеф оставался с нами. Он проявил величайшую преданность моему мужу и никогда не покидал его, прослужив ему во время двух войн. В последнюю войну мой муж часто присутствовал при императоре, и Жозеф, являясь очень хорошим фотографом, с разрешения императора сделал ряд снимков. Его очень любил цесаревич, и однажды, когда императорский поезд только что тронулся от перрона, он вдруг крикнул взволнованно своему отцу: «О, мы не можем забыть тут Жозефа!» Он подарил Жозефу золотые часы со своими инициалами, которые тот хранил с религиозным рвением и, к счастью, сумел сберечь в тревожные дни революции.

Уйдя от нас, наш верный Жозеф вернулся в свой родной Монте-Карло.

Как я уже говорила ранее, в 1902 году состояние здоровья моего мужа было настолько тяжелым, что вызывало у нас огромную тревогу. Он представлял собой настоящий сгусток расстроенных нервов. Поэтому его родители решили поместить его в санаторий в Берлине, поручив заботам знаменитого профессора Ренверса. В этом заведении не было медсестринского ухода за больными; палаты, хотя и хорошо обустроенные (надо в этом признаться), были больше похожи на гостиничные спальни, чем на больничные помещения. Питание было самым ужасным, какое только можно ожидать в немецком санатории.

Профессор был личным врачом императрицы Фредерики – мужчина около пятидесяти лет и большой любимец фешенебельного Берлина. Он привык к ежедневному посещению пациентов в клинике, когда он говорил им несколько слов поддержки, а потом считал себя свободным. Когда он разговаривал, чувствовалось, что он слушает только самого себя и очень доволен собой. Недели шли за неделями без каких-либо улучшений в состоянии моего мужа; там действительно ощущался недостаток какого-либо внимания, которого требовали пациенты.

Поскольку приближалась жаркая пора, профессор предложил

нам провести какое-то время в санатории, похожем на его собственный, но расположенный в Гольштейне. Он был известен под названием «Немецкая Швейцария» и находился в герцогстве Ольденбургском, а врачом там был человек, которого он нам рекомендовал в самых хвалебных выражениях. Место называлось Гремсмюллен, это примерно в полутора часах езды поездом от Киля, германского порта, столь любимого кайзером в дни проходивших там регат.

Мы отправились туда и нашли очень примитивный деревянный дом с дурно обставленными комнатами. Санаторий состоял из нескольких стоящих особняком вилл, из которых наша располагалась на некотором удалении от главного корпуса, куда нам полагалось ходить обедать. Так как в этой стране часто шли дожди, ходить на обед и ужин было очень неудобно, особенно по вечерам. После проведенных таким образом трех недель, убедившись, что здоровье моего мужа не поправилось, мы «выписались».

Проведя месяц в Киссингене и Бадене в великолепном санатории, принадлежавшем профессору Эмерику, который не мог многим ему помочь, мой муж почувствовал себя много лучше. Профессор был так внимателен, так любезен и ласков к своим пациентам, что добивался самых чудесных результатов. В этом санатории я увидела дотоле не известную мне сторону жизни, бездну, в которой находились морфинисты, кокаинисты и другие бедные создания, почти лишённые рассудка. Было просто удивительно наблюдать пронырливость и изобретательность, с какими они старались добыть свой любимый яд, морфин или опиум, и к каким только уловкам они не прибегали. Один молодой человек, с которого удалили почти все шрамы от иглы, которой он вводил морфин, был отпущен в отпуск домой повидаться с родными. Но он вернулся в санаторий с запасом наркотика, спрятанным в каблуках его ботинок. Было мучительно видеть пациентов в момент, когда у них отбирали их яд. Некоторые приходили и просили меня помочь им достать для них наркотики. В одном случае старая дама даже упала передо мной ниц, умоляя дать ей немного кокаина. Нужны воистину стальные нервы, чтобы находиться среди этих бедных созданий.

После двухмесячного лечения мой муж полностью выздоровел, окреп, повеселел, он отлично выглядел. Доктор Эмерик своей простой и рациональной системой действительно творил чудеса. Так как доктора решили, что моему мужу надо провести зиму в хорошем климате, мы выбрали Неаполь, так как он менее фешенебельный, чем Ривьера.

В 1903 году у нас была чудесная зима в Неаполе, хотя я не

смогла принять участие во всех развлечениях, так как осенью ждала рождения своего малыша. Тем не менее я неплохо развлекалась сама по себе, насколько это было возможно в подобных обстоятельствах. Все в Неаполе встречали нас с распростертыми объятиями, а мы в свою очередь устраивали маленькие танцевальные вечера в Hotel de Vesuve, где остановились.

Пока мы там находились, в залив вошли два русских военных корабля; на одном из них старшим офицером служил великий князь Кирилл. Все корабельные офицеры были взяты из гвардейского экипажа, почетным командиром которого была императрица Мария Федоровна. На борту другого корабля из Алжира возвращался великий князь Борис.

В то время великий князь Кирилл был очень несчастен и находился в подавленном состоянии духа. Император не разрешил ему жениться на великой герцогине Гессенской и заявил, что, если он будет на этом настаивать, он отберет у него все его имущество вместе с высоким положением. Он и великая герцогиня были двоюродными братом и сестрой, а таким близким родственникам православная церковь запрещает вступать в брак. Кроме того, она развелась со своим мужем, великим герцогом Гессенским (братом императрицы Российской). По этим причинам император отказался дать свое позволение на этот брак, но он тем не менее состоялся в 1905 году.

Однажды мы обедали на борту линкора «Александр III», обсуждая его проблему. Я прилагала усилия, чтобы подбодрить его, и подарила ему образок Пресвятой Богородицы, заверив его, что точно знаю, что все будет хорошо. Этот образ был копией знаменитой иконы из небольшой церкви в Москве, находящейся неподалеку от Кремля, и считалось, что икона обладает чудодейственной силой и возможностью приносить счастье. Иконе поклонялись под именем Богородицы Нечаянная Радость.

Мы говорили о ребенке, появления которого я ожидала с таким нетерпением. Он спросил меня, когда ожидаются роды. Я ответила, что, полагаю, в конце сентября. Великий князь сообщил мне, что хотел бы быть крестным отцом и надеется, что дитя появится на свет тридцатого числа (по старому стилю), потому что это его собственный день рождения. Моя малышка на самом деле выполнила то, что от нее ожидалось, и родилась именно в этот день.

В честь великих князей устраивалось много празднеств, давались обеды и балы, и все были очень добры и гостеприимны. В то время приехал знаменитый французский актер Коклен Кадет, он намеревался сыграть в спектакле «Сирано де Бержерак». Я

видела его отца, игравшего эту роль в Монте-Карло, и находила, что тот был великолепен. В последнюю минуту мы решили пойти на спектакль с участием его сына, но все места в театре были распроданы, правда, администраторы очень любезно отдали в наше распоряжение свою личную ложу. Она была очень маленькой, а поскольку нас было не менее десяти человек, условия оказались несколько стесненными. Мы находились близко к сцене, и Коклен, с которым мы впоследствии беседовали в отеле, рассказывал: «Меня предупредили, что в директорской ложе будут сидеть их императорские высочества, но я смеялся от всей души, увидев, что эта ложа попросту забита людьми».

На следующий вечер мне пришлось пережить неприятное происшествие. Муж мой, уехавший обедать на корабль, вернулся очень поздно и отправился спать, полностью обессиленный. Примерно в три часа я проснулась от ощущения, что кто-то пытается открыть мою дверь. Моя собачка отчаянно залаяла. Я поднялась и выглянула из своей комнаты, которая примыкала к гостиной, и тут, к своему удивлению, заметила красивого мужчину, по виду грабителя. На нем были клетчатые брюки, а на шее – красный шарф, поверх которого виднелась острая черная борода. Я разглядела его совершенно отчетливо, потому что у него не было времени, чтобы выключить свет. В руке его что-то блеснуло. Захваченный врасплох, он перепрыгнул через оттоманку, перевернув ее при этом, пытаясь убежать через туалетную комнату мужа, которая была сразу же за гостиной.

Когда я разбудила мужа, он намеревался было воспринять дело как выдумку и сказал, что мне это, должно быть, приснилось, а также заметил, что его туалетная комната заперта, а потому ничего не могло случиться. К этому времени пробудился весь дом, и было запрещено покидать его кому бы то ни было. Было обнаружено, что дверь, ведущая в коридор, была настежь распахнута и взломана. Сейчас же стали следить за каждым выходом. Примерно в шесть часов утра прилично одетый греческий гость заявил хозяину отеля, что получил срочное послание, призывающее его немедленно в Рим, и отправился на вокзал (где власти были уже предупреждены).

За ним тайно последовали агенты полиции и убедились в его отъезде. Он занял купе, а как только посчитал, что за ним уже не следят, покинул поезд с противоположной стороны. За ним следили весь день и арестовали, когда он пытался с помощью отмычки войти в номер в Hotel de Londres, занятый очень богатой дамой-англичанкой. В его чемодане были найдены клетчатые брюки, красный шарф и накладная борода – тот наряд, в котором я видела его. Он утверждал, что знал, что мы только что

получили крупную сумму денег из Санкт-Петербурга. Немного ослабив защелку на наших двойных дверях, он, спрятавшись в гостиной, дожидался благоприятного момента для совершения ограбления, для чего запасся хлороформом (на случай, если понадобится им воспользоваться), и, если бы не моя собачка, у нас было бы куда более волнующее приключение, чем нам хотелось бы.

Когда линкор «Александр III» покидал Неаполь и проходил мимо нашего окна, у меня возникло какое-то странное предчувствие несчастья, но я не предполагала, что мое предчувствие реализуется менее чем через год. В японских водах все эти молодые офицеры погибнут со славой на своем же корабле, который они предпочтут скорее потопить, чем пойти в плен. Когда корабль шел ко дну, оркестр играл российский национальный гимн...

В Неаполе я впервые встретила господина Летбриджа, который впоследствии стал автором забавной книги «Германия, какая она сегодня». Господин Летбридж был в Риме с депешами для сэра Френсиса Берти, первым из Англии, кого тот принял после своего назначения на пост. Я помню, как Летбридж сказал мне весьма саркастическим тоном: «Посол наверняка завоюет популярность в Риме, если выполнит свою программу. Он хочет сэкономить, и он ненавидит черных!» Черными были, разумеется, католики.

Господина Летбриджа нам представил герцог д'Эболи Дориа. Как-то мы все ужинали у Посилипо, в ресторане на некотором удалении от города. Наша группа включала в себя герцога и герцогиню Дусмет; принцессу Кандриано, которая потом встретила свою смерть в ужасной автокатастрофе, где ее голова была целиком отрезана от тела; Артура Ламтона; мистера Крауниншеда, американского консула, сына знаменитого адмирала с тем же именем, в то время командовавшего американской Средиземноморской эскадрой; а также мистера Летбриджа.

Это был чудесный вечер, море было таким тихим и спокойным, луна лила свой серебряный свет на его воды. На темно-синем небе блестели звезды, и было такое ощущение мира и гармонии в этой среде, что нам никак не хотелось ее покидать. Время текло незаметно, и когда мы, наконец, осознали, что пора двигаться, то, к своему неудовольствию, обнаружили, что нет ни одной кареты. Идти пешком до Неаполя для меня было слишком далеко. Господа Летбридж и Крауниншед любезно вызвались отправиться на поиски какого-нибудь транспорта, но им надо было поспешить добраться до Неаполя до закрытия ресторана.

Они заключили пари, кто будет первым, и побежали. При мистере Крауниншеде был револьвер со взведенным на всякий случай курком (Неаполь небезопасен для путешественников, особенно в его окрестностях). Он споткнулся о кучу камней, которую не заметил в темноте. Револьвер вылетел и чуть не застрелил Летбриджа, который, естественно, был ошеломлен. «Мой дорогой друг, вы чуть не убили меня! – произнес он. – Зачем вы носите с собой эту штуку?» – «Ах, вы не знаете Неаполь так, как знаю я!» – ответил Крауниншед. Мой муж подарил Летбриджу трость, выгравировав на ней русскими буквами свое имя в память его спасения, и сказал: «Вы – герой!» Летбридж был очень рад подарку и, благодаря моего мужа, заметил: «Это будет моим талисманом».

Еще одна хорошая история с нашим другом Аланом Летбриджем имеет отношение к более позднему происшествию, имевшему место в Висбадене. Мой муж попросил его заказать кое-какую одежду у портных Алана в Англии, когда тот вернется к себе домой. Тот ответил: «Я в этом слабо разбираюсь. Лучше бы вы дали мне свои размеры. Сошьем побольше размером, так что, если одежда не будет сидеть, ее будет легче переделать». У моей горничной одолжили мерную ленту в ярдах, и я услышала, как вслух зазвучали замеры – тридцать четыре, двенадцать, восемнадцать и т. д. Вижу своего мужа, красного как помидор, как он пыжится вроде надутого голубя и подвергает себя какому-то ужасному обращению ради того, чтобы получить точные замеры. Наконец дело сделано, и результаты отправлены в Лондон телеграфом. Портной Каваног потом сказал Летбриджу, что князь, должно быть, сильно изменился, и с трудом поверил, что эти замеры относились к моему мужу. Но сделал все, что мог. В результате вышло, что он отлично потрудился, потому что одежда была точь-в-точь по фигуре мужа.

Глава 9

Владивосток

Летом 1903 года мы отправились из Неаполя в Берлин, где было суждено родиться моему ребенку. Мы сняли хорошую квартиру недалеко от Тиргартена. Я писала графине Меренберг, которая жила в Англии у своей дочери, графини Торби, умоляя ее найти хорошую няню для малышки. Она сразу же мне ответила, что знает одну хорошую няню, и я успокоилась. Мы наладили переписку, и вскоре графиня Меренберг написала, что няня выезжает, она наденет серое платье и будет держать в руке белый цветок, чтобы ее легко было найти на вокзале. Мы послали нашего слугу, но, к сожалению, муж в тот день что-то напутал, и наш слуга няню не нашел. Он вернулся без нее и сказал, что видел даму с белым цветком, но такой ужасной внешности, просто ведьму, что, подумав о малышке, он ее не привел!

Когда пришла настоящая няня, мисс Вайз, я ее полюбила с первого взгляда. Она была очень стройной, с большим носом с легкой горбинкой. Она оставалась с нами на протяжении семнадцати лет и ушла лишь в позапрошлом году, когда я была уже больше не в состоянии держать ее. Я скучаю по ней просто неопишимо. Она была верной и преданной нам в высшей степени.

Каждую ночь перед тем, как мне идти спать, она задавала мне один и тот же вопрос: «Княгиня, где же наша малышка? Я так скучаю по ней!» Однако в одну знаменательную сентябрьскую ночь эта малышка появилась, к нашей великой радости. Роды у меня принимал знаменитый профессор Ландау, который дважды спасал мне жизнь. Мисс Вайз спросила его утром, можно ли попудрить ребенка фиалковой присыпкой и пользоваться мылом «Винолия». Тот сказал мне смеясь, что все английские няни одинаковые! Он считал, что, если бы они жили во времена Помпеи, они бы откопали из руин фиалковую присыпку и мыло «Винолия»!

В то же время у меня была очень глупая немецкая няня, которая не понимала шуток. Профессор Ландау очень любил пошутить, так что, когда она спрашивала его, каким рационом она должна меня кормить, он отвечал: «Котлеты из «Винолии» и немного папильоток!» И та в самом деле пошла на кухню и заказала для меня это невероятное блюдо, настаивая на том, что это – по распоряжению доктора!

Великий князь Кирилл, крестный отец малышки, не смог присутствовать на крестинах, так как не хотел оставлять свою

кузину, великую герцогиню Гессенскую, одну в глубокой печали, вызванной кончиной ее единственного ребенка, последней сохранившейся связи между нею и великим герцогом Гессенским. Ребенок неожиданно умер от пищевого отравления, поев устриц, когда великая герцогиня гостила у императора и императрицы в Беловежье. Внезапная смерть маленькой девочки породила всевозможные слухи, не имевшие под собой никаких оснований. Подобное отравление случилось с моим мужем в Крыму, и лишь с огромным трудом доктора смогли спасти ему жизнь. Эти устрицы особо опасны из-за ржавчины с военных кораблей, а так как устрицы, которые отведал ребенок, были из того же района, то не может быть никаких сомнений, что смерть ее была по той же причине.

Великий князь Кирилл приехал повидать свою крестницу спустя десять дней, направляясь на Дальний Восток к адмиралу Макарову. Дело в том, что в начале января 1904 года неожиданно разразилась война между Россией и Японией. Мы энергично трудились в Берлине, готовя предметы, необходимые для ухода за ранеными. Г-н Шолто Дуглас очень любезно мне предложил свою виллу в Висбадене для использования ее в качестве госпиталя для выздоравливающих. Будучи не в состоянии самостоятельно принять решение, я написала своему свекру в Санкт-Петербург, испрашивая разрешения императора на согласие с предложением.

В конце марта я шла по Унтерден-Линден, когда услышала сообщение о том, что в водах Порт-Артура потоплен наш огромный линкор «Петропавловск». Я знала, что на его борту были великий князь Кирилл и его адъютант, капитан Кубе, большой наш друг. Наша тревога дошла до крайней степени, пока вечером не настало облегчение хотя бы в отношении судьбы великого князя. В телеграмме утверждалось, что он был спасен. Потом выяснилось, что при нем был мой образок, и он чудом спасся – вместе с ним спаслось всего три человека. Мы были очень опечалены гибелью Кубе и адмирала Макарова, исключительно умного человека и изобретателя ледокола, который столь необходим в наших северных морях.

Мой муж попросил меня не тревожиться, а сам написал отцу, прося разрешения отправиться на войну. Он не мог уже оставаться вне ее – он должен, и он пойдет. Поэтому он выехал в Россию, чтобы сделать необходимые приготовления для поездки на Дальний Восток, а я поехала вслед за ним с ребенком. На нашем пути из Берлина, который был долгим и тяжелым, нам пришлось взять с собой сотни бутылок стерилизованного молока для малышки. Когда мы приехали в Москву, нас встретил муж.

В Москве мы провели лишь три дня, а потом опять

расстались, муж уехал в Санкт-Петербург готовиться к войне, а я осталась с его семьей в деревне. У них в Воронежской губернии было имение. Мне никогда не нравилось это место, потому что дом был не очень удобен, а парк слишком мал для приятных прогулок. Летом там было ужасно жарко и душно даже по ночам, и нас так нещадно кусали комары, что нельзя было рассчитывать ни на какой отдых. Потом, когда кончалась эта напасть, появлялись тучи мух и вместе с осами делали жизнь здесь невыносимой. Осенью зачастую шли такие сильные и затяжные дожди, что нельзя было выйти из дома в сад, потому что богатый чернозем местами превращался в жижу и просто засасывал тебя. Никогда не понимала той любви, которую питала вся семья к этому месту, – разве что полюбили имение еще в детстве.

Естественно, перспектива остаться там без мужа была выбрана не мной. Родители его были такими добрыми и любящими людьми, и они так хотели видеть свою маленькую внучку, которой было уже восемь месяцев, и чтобы я встретилась с ними, что я превозмогла свою нелюбовь к этому месту, чтобы доставить им удовольствие. Мы самым неожиданным образом встретились на маленькой станции, где мне предстояло сделать пересадку. Мои свекор и свекровь тоже путешествовали, и вагон, в котором они ехали, был отцеплен на этой станции, чтобы следовать далее по другой железнодорожной ветке. Погода была отличная, и моя английская няня вместе с горничной вышли с малышкой на перрон и прохаживались по нему, беседуя на своем языке. Мисс Вайз носила ребенка на руках, а я хлопотала с билетами и багажом. Мой свекор, сидевший в вагоне, залюбовался малышкой, которая была очень крепкой, с большими синими глазами, кудряшками и румяными щечками, выступавшими из-под ее чепчика. Он и не подозревал, что это его собственная внучка! Когда начальник станции сообщил мне, что князь и княгиня Барятинские, как и я, тоже ждут того же самого допотопного поезда с его сорокапятiletним паровозом, я тут же бросилась искать их, и мы вместе завершили эту поездку, очень обрадованные встречей.

Несколько дней спустя приехал мой муж, но оставался с нами только двадцать четыре часа, потому что должен был немедленно прибыть в 11-й сибирский стрелковый полк где-то под Ляояном. Расставание было очень тяжелым, но я утешалась мыслью, что Господь не оставит мою малышку без отца, и стала изо всех сил налаживать жизнь в имении. Что это была за странная жизнь! Россия – совсем другая страна, нежели Англия, даже в те времена, о которых я говорю. Там не было среднего класса, чтобы заполнить пространство между почти диким крестьянством и

часто чересчур утонченным дворянством. Система землевладения, при которой помещик не проживает в своем имении, оказалась одной из самых крупных ошибок дворянства. Владельцы огромных территорий не беспокоились об управлении своих имений, оставив это целиком на долю управляющих, которые слишком часто были алчными и бесчестными. Преступления старост крестьяне приписывали хозяевам, и получилось, что крестьяне стали легкой жертвой обмана со стороны большевиков с их обещаниями свободы и счастья.

Хотя образование у представителей высших классов России было в некоторых отношениях самым совершенным в мире, на поверку оно оказывалось поверхностным. Революция показала нам, как мало были мы готовы к борьбе, обрушившейся на нас, и как велико было наше незнание собственной страны. Что касается крестьян, то для них по всей стране существовали школы, но учителя получали столь мизерную зарплату и были вынуждены вести такую нищенскую жизнь, что, естественно, их преподавание было окрашено недовольством, которое они испытывали сами, и готовило почву для большевизма.

Родители моего мужа строили школы для крестьян в своих имениях, открывали больницы и ясли, куда работницы могли приносить своих детей. Но – увы! Все это не имело значения, когда вырвалась на свободу сумасшедшая ярость революции.

После первого письма от мужа, с тех пор как он уехал от нас, мы некоторое время не имели от него никаких известий. Потом, наконец, получили длинное и интересное письмо, описывающее его поездку и, казалось, бесконечное пребывание в штабе бывшего вице-губернатора Дальнего Востока генерала Алексеева. Там он встретил своего старого полкового товарища, графа Нирота, которого с радостью увидел вновь. К несчастью, граф был очень скоро убит разрывом снаряда; фактически письмо, описывавшее эту встречу, пришло к нам в тот день, когда в газетах опубликовали сообщение о его гибели. Это было для нас большим ударом, потому что мы его хорошо знали и очень любили.

Похоже, в штабе Алексеева царил недовольство и происходили бесконечные мелочные ссоры со штабом Куропаткина. Однако мой муж не обращал внимания на это, поскольку стремился присоединиться к своему полку. Начало боев ожидалось в любой момент. В Ляояне он встретил великого князя Бориса Владимировича, а также большого друга своего отца – британского генерала Джеральда, с которым он познакомился в Индии во время поездки туда императора Николая II, тогда наследника престола. Я тоже встречалась с этим генералом, и он оставил очень благоприятное впечатление. Граф Адам Замойский

тоже был в Ляояне, по пути на фронт с подарками для войск от императрицы Александры Федоровны.

Мой муж с друзьями, догоняя свой полк, добирался до него верхом по незнакомым маньчжурским дорогам. Они проезжали через необычные и живописные китайские деревни, где местные жители вообще не говорили по-русски, а поэтому не могли подсказать им, какую дорогу надо избрать. Только преодолев многие препятствия, они наконец-то прибыли на место назначения. Полк отлично проявил себя в Ялу, где пробил себе дорогу через массы японских войск. Скромный полковой священник показал славный пример мужества во время этой знаменитой битвы. Он ходил перед фронтом полка, держа над собой крест. Он был дважды ранен, но, когда уже с трудом передвигался, два полковых музыканта стали его поддерживать с обеих сторон, и он продолжал ходить, распевая молитвы среди солдат, пока в конце концов не упал на землю, потеряв сознание.

Оркестр также подавал разительные образцы воинской доблести, которые воодушевляли армию. Хотя и половина музыкантов пала в бою, остальные продолжали играть, чтобы подбодрить войска. Священник был награжден офицерским крестом Святого Георгия – это очень редкий случай. Он был тяжело ранен, так как ему прострелили оба легких. Эта битва вошла в бессмертие благодаря картине знаменитого художника Репина. Даже сами японцы в своей официальной истории войны хвалили огромное мужество полка и его священника.

В свое время я получила телеграмму от мужа, в которой сообщалось, что он добрался до своего полка, принял на себя командование 8-й ротой и очень скоро пойдет в бой. Как мое сердце трепетало от волнения! Ночью я не могла заснуть. Меня успокаивал лишь вид моей малышки, и я старалась убедить себя, что все мои предчувствия глупы. Снова и снова я спрашивала у своей свекрови: «Что вы делали, когда ваш муж был на войне?» Она, близкая мне душа, отвечала, что ей помогала вера в Господа, что я должна молиться и что в своей печали я не должна забывать, что это и ее любимый сын подвергает себя опасности.

Долгое время у нас не было никаких существенных новостей, а потом, 1 августа 1904 года, когда я еще не встала с постели, мой свекор объявил мне радостную весть, что у императора появился сын. Его должны были назвать Алексеем в честь сына первого царя, Михаила Федоровича Романова, основателя рода. Император всегда был особенно привязан к памяти того царя, и говорили, что между ними было большое внешнее сходство.

Нам всем было радостно услышать эту чудесную для венценосной пары новость после разочарований, которые они

переживали после рождения каждой из четырех своих дочерей. Русский народ тоже был огорчен и, опираясь на свои предрассудки, видел в этом знак от Господа. Сейчас, во время войны, рождение сына и наследника считалось счастливейшим предзнаменованием. Наконец-то обеспечено наследование от отца к сыну!

Мой свекор послал царю поздравительную телеграмму, которую также подписали моя свекровь и я сама. На следующий день император прислал ответ, сообщая, что он также получил телеграмму и от моего мужа. Мы были ошеломлены скоростью, с которой новость достигла Маньчжурии.

Накануне дня рождения моего мужа мне приснился очень чудной сон. Как будто я ехала в поезде и вышла на маленькой станции, на которой имелась часовня. Возле нее толпилось много странников, и я вошла и помолилась Пресвятой Богородице, поставив свечку возле ее иконы. Я проснулась невероятно взволнованной и поехала со свекровью в нашу церковь, где исполнила благодарственную молитву.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна была с визитом у принца Александра Ольденбургского и его супруги, принцессы Ольденбургской, чей сын был женат на великой княгине Ольге, самой младшей из сестер императора. Мой свекор ездил отдать дань уважения, благо имение было рядом, и попросил ее величество распорядиться, чтоб от его имени была послана телеграмма в Генштаб, поскольку на многие посланные нами телеграммы с запросами не пришло никакого ответа.

Наконец, мы получили телеграмму из очень странного места с названием Ландифан. Мы были так перепуганы, недоумевая, что бы могло быть в этой телеграмме, что не осмеливались распечатать ее. Но когда вошла моя свекровь, она сказала: «Наверняка это добрая весть!» Она открыла телеграмму, и новость в самом деле была хорошей! Мой муж сообщал, что все это время был в бою и что его представили к кресту Святого Георгия. Полк воевал блестяще.

В вечерних газетах была опубликована телеграмма Куропаткина о том, что на Восточном фронте российские войска одержали огромный успех, особенно 11-й полк сибирских стрелков, и что командир 9-й роты особенно отличился смелыми действиями. «Как жаль, что это не была 8-я рота!» – произнес мой свекор. Два месяца спустя сам император спросил его: «Вы не знаете, кто командовал 9-й ротой 11-го полка? Толи!» Мой свекор сказал: «Да, я знаю. Жаль, что генерал Куропаткин не добавил имя моего сына в той телеграмме».

Когда, наконец, мы получили длинное письмо, полное

деталей, мой муж написал, что накануне своего дня рождения он увидел странный сон. Оказалось, что это был точно такой же сон, который привиделся мне в ту же самую ночь! Ему привиделось, писал он, что он получил благословение Пресвятой Богородицы, и он был совершенно уверен, что с ним ничего не случится. Он добавлял, что теперь командует 9-й ротой, поскольку ее прежний командир выбыл из строя по причине дизентерии. Далее в письме говорилось, что он получил очень теплую телеграмму от императора с благодарностью за поздравления по случаю рождения наследника престола.

Новость об этом событии достигла его необычным образом. Его отправили с ротой на десять дней отдыха на гору, господствующую над окружающей местностью. Все время шел проливной дождь, потому что в Маньчжурии в это время сезон дождей, когда все так промокает, что дороги становятся почти непроходимыми. Однажды был исключительно густой туман, и не было ничего видно, когда он вдруг слышал громкое «Ура!» и пение русского национального гимна. Он подумал было, что это могло означать рождение сына царя, и тут же отправил ему телеграмму, которую послал с солдатом в штаб полка, попросив отправить ее, если предположение окажется верным.

Эта ужасная погода так плохо подействовала на моего мужа, что и теперь он жестоко страдает от ревматизма. Болезнь осложнилась во время отхода от Ляояна, когда ему пришлось переходить на коне несколько рек, где вода доходила до шеи. Он писал, что какой-то адъютант, увидев его в таком состоянии, насквозь промокшего и грязного, сказал: «Кто бы мог подумать, что это элегантный князь Толи Барятинский!»

Мы с большим огорчением узнали, что посылки с продуктами и одеждой, которые мы посылали моему мужу, до него не дошли. Все они были украдены. При этом отходе к тому же он потерял все, что у него было. Он был вынужден одну ночь спать почти на голой земле, чтобы укрыться, у него было тонкое одеяло из какого-то китайского материала. Эти испытания так его измучили, что в конце октября он тяжело заболел. Никто не мог поставить точный диагноз, у него были боли в сердце и постоянно кружилась голова. С большим трудом подвесили носилки между двумя мулами, и его везли так много миль, причиняя ему ужасные страдания, пока не достигли станции, откуда довели его до большого города Харбина, где его поместили в госпиталь Красного Креста.

Я попробовала поехать навестить его, но не смогла туда добраться. Все поезда были полны солдат, а так как я в то время еще не была медсестрой, мне не разрешали ехать. Только в

декабре я встретила его в Москве. Он был в таком состоянии, что я с трудом узнала его. Он с трудом говорил и казался безразличным ко всему окружающему.

Когда муж вернулся в Санкт-Петербург, он едва двигался. Император, встретив его во дворце в Царском Селе, с большой теплотой помог Толи ходить и поблагодарил его в очень хвалебных выражениях за проявленную храбрость, за которую он по праву заслужил Георгиевский крест.

В то время ходили слухи о возможности революции, так как наши войска, устав от неудач, сопутствующих нашему оружию, требовали возвращения домой.

6 января 1905 года император посетил, как обычно, по канонам православной церкви торжества по случаю крещения Спасителя нашего – Водосвятие. В Санкт-Петербурге это была яркая церемония, на которой присутствовали император, двор, по отделению от всех полков императорской гвардии, стоящих в городе и его окрестностях. По этому случаю на льду был воздвигнут павильон, соединенный трапом с причалом на Неве перед Зимним дворцом. Крыша павильона была вся синяя, покрытая золотыми звездами, а возле нее во льду была прорублена прорубь для освящения воды.

К десяти часам утра к дворцу стали прибывать войска, возглавляемые своими духовыми оркестрами и под развевающимися знаменами. Они выстроились в залах, через которые должна была пройти императорская процессия. Возле различных входов во дворец автомашины и кареты высаживали высокопоставленных государственных деятелей, генералов, адмиралов и офицеров, одетых в парадную форму. Мне запомнился эпизод, наблюдая который я не смогла удержаться от улыбки: случалось, что старейшие военачальники, снимая шляпы, ненароком сдергивали с голов и парики, которые надевались из-за сильного холода, а посему вид являли собой комичный!

Незадолго до одиннадцати часов император, сопровождаемый великими князьями и офицерами его военного окружения, покинул свои апартаменты и провел смотр подразделений, выстроенных вдоль стен залов для приемов, которые ему салютовали, когда он шествовал мимо.

Точно в одиннадцать распахнулись огромные створчатые двери Николаевского зала. Прозвучала короткая команда. Войска взяли «на караул», а знамена были приспущены. Император шел в церковь к обеду. Следуя за высшими придворными, он шел медленно, поддерживая под руку императрицу. За ними парами шли великие князья и княгини, а потом придворные.

После обедни император и великие князья, возглавляемые

духовенством, прошествовали к павильону для водосвятия. По сторонам павильона были выстроены полковые знамена и штандарты. Потом на лед сошел митрополит и три раза погрузил крест в Неву через прорубь. В этот момент произвели салют из ста одного залпа пушки Петропавловской крепости на противоположном берегу реки, батареи конной и пешей артиллерии.

В тот год церемонию затуманило неприятное происшествие, к счастью не повлекшее очень серьезных последствий. Едва прозвучал второй залп, как всю компанию у павильона охватил ужас при звуках падающей на крышу картечи. Что это такое? Император, спокойный как всегда, перекрестился. Люди, наблюдавшие это зрелище из окон дворца, не знали, что произошло, хотя один из зарядов выбил окно и повредил висевшую в комнате люстру. Никто не знал истины.

И только после возвращения императора во дворец стало известно, что он подвергался огромной опасности. После расследования было установлено, что революционеры воспользовались халатностью офицера и заменили в одном из орудий холостой заряд картечью. Император великодушно соизволил помиловать этого офицера. Единственной жертвой оказался городской, который был тяжело ранен. По странному совпадению его звали Николай Романов – так же, как и его величество!

В тот же день император и его семья выехали в Царское Село. Были опасения, что существует заговор против его величества. Его приветствовали традиционными криками «Ура!», но говорили, что из толпы раздавались угрозы.

9 января, отправившись делать кое-какие покупки, я увидела плотную толпу, идущую по Невскому проспекту. Перед ней вышагивал священник, некий отец Гапон, про которого говорили, что он был агентом-provokatorом. Он вел этих людей к Зимнему дворцу, намереваясь потребовать, чтобы император выступил перед ними. Кто знает, что бы могло случиться, если б император не отсутствовал? Гапон исчез до того, как толпа пошла ко дворцу. Его повсюду искали, и год спустя тело было найдено повешенным в одной из дач под Санкт-Петербургом. Появление Гапона, как и его смерть, полно загадок. А толпа, которую он привел к Зимнему дворцу, вела себя угрожающе, и вспыхнул мятеж, который закончился стрельбой. Некоторые пули пролетели над садом напротив дома моего свекра.

Поскольку болезнь моего мужа не проходила и он ужасно страдал от боли, мы решили поехать в Германию для консультации со специалистами. Едва мы приехали в Берлин, как

пришла жуткая новость об убийстве великого князя Сергея, дяди царя, а также генерал-губернатора Москвы. Сразу после прихода этой вести я поехала в наше посольство. Выяснилось, что какой-то негодяй кинул в его экипаж бомбу. К счастью, великая княгиня в то время не была вместе с ним. Она была так популярна, ее так обожали в Москве, что убийца дожидался момента, чтобы убить великого князя, когда тот окажется один.

Тела великого князя и кучера, который его вез, были разорваны на тысячу кусков. Великая княгиня, сохраняя изумительное мужество, собрала, какие смогла, частицы от тела своего мужа для захоронения в Москве, а на том месте, где он был убит, воздвигли большой крест. Невзирая на ужасные мучения, она участвовала в похоронах кучера, пройдя за его похоронными дрогами двенадцать верст. После похорон великого князя она посетила тюрьму, в которой содержался его убийца. Она попросила, чтобы ее никто не сопровождал и она могла бы поговорить с ним наедине.

Каляев (так звали убийцу) встретил ее очень грубо и агрессивно. Но великая княгиня своим благозвучным голосом и высокими религиозными принципами сумела втолковать ему, какое непоправимое зло он совершил. Он упал пред ней на колени, выпрашивая прощения за свое преступление, и великая княгиня пообещала ходатайствовать перед императором, чтобы заменить для него смертный приговор менее суровым. Однако его величество не мог изменить приговор, которого требовали законы государства, и Каляев был казнен.

Великая княгиня Елизавета продолжала помогать семье этого человека после его смерти. Такой была ее возвышенная натура! Потом она всецело отдалась религии и благотворительной деятельности. После смерти великого князя она основала общину сестер милосердия и женский монастырь. Одета в белые шерстяные одежды этой общины, она выглядела какой-то неземной, а в ее глазах можно было прочесть глубочайшую печаль и религиозное рвение. Как часто я восхищалась ею в Киеве перед войной и во время самой войны, когда она отправлялась в паломничество, чтобы поклониться святым мощам! На службах в Киево-Печерской лавре она выстаивала по шесть часов, ни разу не присаживаясь. Было видно, что все ее внимание приковано к молитве. Ночью она обычно спала на маленьком жестком ложе в монастыре, построенном великой княгиней Александрой Петровной, матерью великого князя Николая Николаевича, которая закончила свои дни монахиней. Ела она лишь немного овощей, даже рыбу не ела.

Из-за поклонения, с которым относились в Москве к великой

княгине Елизавете, большевики выслали ее в Сибирь, ибо в Москве они не осмеливались причинить ей никакого зла.

Из Берлина мы с мужем поехали в Висбаден. Он все еще ужасно страдал, и профессор, под чьим наблюдением он теперь находился, поставил диагноз отравление газами. Мы поехали в санаторий, снимаемый г-ном Шолто Дугласом, который был официально открыт в присутствии российского посла в Берлине, а царь прислал большую статую для установки в нем. Санаторию было дано название «Дом цесаревича».

Наш следующий маршрут пролегал в Гамбург, где мы провели лето 1905 года, а осенью мы вновь вернулись в Санкт-Петербург. В том году по совету графа Витте, премьер-министра, была созвана Дума, и первое заседание провел в Зимнем дворце император. Последующие заседания проводились в Таврическом дворце, когда-то собственности светлейшего князя Потемкина. Заседания носили хаотический характер, и я помню, как однажды слышала перепалку между депутатами, обзывавшими друг друга «извозчиком» и «кабатчиком». Столы депутатов были привинчены к полу, чтобы не дать возможности грохотать крышками. Кстати, одним из украшений этой Думы был Керенский, будущий диктатор.

Следующим летом, в 1906 году, которое мы провели в имении в Воронежской губернии, в уездах повсюду бушевали мятежи. Мы сами были в большой опасности. Все имения вокруг нас были в огне, включая и поместья графини Паниной, князя Мещерского, князя Васильчикова и князя Орлова. У последнего были знаменитые конюшни «Пади», где он выводил своих знаменитых рысаков, и все эти конюшни сгорели дотла. Жестокие крестьяне поджигали хвосты лошадям, и бедные животные металась в своих стойлах и изжаривались до смерти. С крыши своего дома мы видели пламя пожарищ, и зрелище было действительно душераздирающее.

Мой свекор в то время был очень болен и с трудом передвигался. Мы изо всех сил старались скрыть от него эти новости, и мой муж телеграфировал в Воронеж с просьбой прислать солдат. Военная помощь вовремя прибыла и смогла восстановить порядок в нашем уезде и в самом деле спасла нам жизнь.

Я очень хорошо помню, как наш управляющий – огромный трус – все время был в большой тревоге и раз пришел, весь бледный и дрожащий, и сообщил, что революционеры идут напрямиком на нашу усадьбу. Но когда мы взяли бинокли и посмотрели на приближающуюся армию, оказалось, что это всего лишь мирное стадо коров! Тем не менее управляющий не

успокоился и признался, что от страха целую неделю не мог решиться пойти помыться. Мой кузен заявил, что не заметил большой разницы.

Этим летом мой муж решил снова поехать на Дальний Восток – хотя война, конечно, к тому времени закончилась. Его интересовала тамошняя жизнь, и, кроме того, он хотел присоединиться к своему полку во Владивостоке. То, что писали в газетах, не поднимало духа, потому что мятеж добрался и туда, и говорили, что половина Владивостока сожжена. Однако теперь сообщалось, что там спокойно. Он поехал туда загодя, в ноябре, чтобы найти пригодное для нас жилье, что было не так легко, потому что город все еще находился в примитивном состоянии. Я последовала за ним с дочерью и домашним скарбом перед самым Рождеством 1906 года, получив от мужа телеграмму, что он готов встретить нас. Мне не совсем нравилась эта идея такой дальней поездки – она длилась шестнадцать дней, – и я не знала, что ждет нас впереди.

Семья мужа проводила нас из Санкт-Петербурга в Москву, где мы пересели на поезд, следовавший по Транссибирской магистрали. Когда я увидела на перроне две тележки, полные всякого мелкого багажа, я воскликнула: «Да как же все это войдет в наш вагон!» А человек, стоявший рядом, улыбнулся. И в самом деле, вагон был таким большим, что туда легко сложили не только наш багаж, но и вещи других пассажиров.

Поезд Транссибирской магистрали отличался великолепным сервисом: огромные обеденные комнаты, читальные и ваннные комнаты... И все это в поезде!

Первые дни были не очень интересными. Пейзаж был весьма заурадный, и мы впервые пришли в возбуждение, когда увидели большой столб с надписью «Европа – Азия». За Уралом мы оказались в настоящей Сибири с ее черными могучими лесами. Для обеспечения безопасности нашей поездки мой свекор послал с нами телохранителя – слугу-кавказца по имени Али, дикого с виду парня, но он, несомненно, был для нас настоящей защитой. Он не позволял никому к нам приближаться и был причиной очень частых скандалов, вызванных его излишним рвением.

В Иркутске, столице Сибири, нам пришлось сделать пересадку, потому что в то время международные поезда не ходили. Поскольку перед Иркутском наш паровоз пришел в негодность, нам пришлось прошагать две версты пешком до станции. Термометр показывал 32 R (Реомюра), и было ужасно скользко. Я очень боялась, что моя малышка простудится, и какой-то бывший с нами офицер предложил свою помощь понести девочку, на что я с радостью согласилась.

Мой свекор телеграфировал в Иркутск, где мы должны были заночевать, заказав для нас закрытую коляску на станции и несколько комнат в гостинице, чтобы мы чувствовали себя комфортно. Но когда мы прибыли на вокзал и справились, ожидает ли нас закрытая коляска, то обнаружили всего лишь обычные сани с тентом. Уже было темно, и стоял ужасный туман, а так как нам сказали, что город находится вдалеке от станции, а дорога опасна, наши перспективы были совсем не радостными. Наконец, мы добрались до гостиницы и там нашли всего лишь один маленький номер, а все другие были забронированы для конференции акционеров золотодобычи.

В одной спальне я устроила свое дитя и двух английских нянь. А мне самой с горничной отвели комнату в частном доме с окнами на ресторан, а под ними всю ночь играл исключительно громкий оркестр. Это было просто ужасно.

На следующий день мы продолжили свою поездку по Маньчжурии. Меня невероятно заинтересовали методы, которые используют китайские полицейские, если кули не подчиняются их приказаниям, – они просто бьют их маленькими палками по макушкам! Мне очень понравились корейцы. Я все удивлялась, как они умудряются оставаться в чистоте в своих одеждах из белой хлопковой ткани, а их маленькие черные в форме пагоды шляпы очень привлекательны.

Наконец, на семнадцатый день мы доехали до Владивостока, уставшие и измученные тряской в вагоне. У меня постоянно кружилась голова. Ночью мы были почти не в состоянии что-либо видеть, потому что освещение было очень скудным. И тут выяснилось, что дом наш еще необитаем, так что нам пришлось довольствоваться двумя нищенскими номерами в жуткой гостинице, где постояльцы были набиты как упакованные селедки в банке.

На следующий день мы совершили прогулку по городу. Главная улица оказалась длинной, на ней было несколько хороших магазинов, принадлежавших немецкой фирме «Кунст и Альберт». Вид на залив Золотой Рог был очень красив и напоминал своего тезку в Константинополе, а по другую сторону города находился Амурский залив.

Улицы не были целиком мощеными, лишь кусками здесь и там. Частных домов почти не строили, но возвели большие казармы, потому что гарнизон был велик. Помимо этой военной детали, в городе нельзя сказать чтобы было много русских, но полным-полно китайцев, японцев и корейцев.

Я пришла в отчаяние при виде нашего будущего дома – малюсенького четырехкомнатного каменного домика без

фундамента, и моей малышке пришлось жить со своими нянями во флигеле в трех маленьких комнатах. Там не было ванной, и кругом было холодно и неудобно. И за это мы платили 6000 рублей в год.

На следующий вечер я отправилась на бал в клуб полка, где служил муж. Меня оглядывали с таким любопытством, что я чувствовала себя весьма неловко, тем более что со всех сторон слышала замечания.

Я, однако, стала привыкать к жизни во Владивостоке, все же очень интересной. Все были с нами обходительны и изо всех сил старались, чтоб нам здесь понравилось. В гавани стояла большая эскадра, и некоторые офицеры и их жены оказались очень приятными людьми. Вечера, которые проводили в клубе, тоже были очень приятными.

Летом 1907 года на рейде бросали якорь различные иностранные эскадры. Первыми были англичане под командой обаятельного адмирала сэра А. Мура, а следующим по чину был капитан Турсби, еще один наш друг. Нас принимали на борту самым восхитительным образом, и даже мою малышку мы брали с няней утром на борт адмиральского флагмана «King Alfred». Однажды она перепугалась до смерти, когда какой-то офицер предложил поместить ее в адмиральскую шлюпку.

После этого прибыли немцы, а с ними наш друг граф Цеппелин, племянник изобретателя знаменитых дирижаблей, чья мать была родом из Прибалтийского края, так что его можно было считать наполовину русским.

Эти развлечения были одной стороной картины. Однако жизнь на Дальнем Востоке в этот период была очень тяжелой, рискованной, потому что там кишмя кишели китайские головорезы, беглые заключенные с сахалинской каторги и другие нежелательные элементы. Как-то ночью совсем рядом с нашим домом китайскими хунхузами была уничтожена целая семья. На меня саму однажды напали, когда я возвращалась из лагеря, раскинутого в двадцати верстах от города. Я была в коляске и проезжала мимо тюрьмы – любимое место злодеев для прогулок, – когда на меня набросилась какая-то банда и попыталась вырвать из моих ушей жемчужные серьги. К счастью, вовремя подоспели кавалеристы, которых мой муж послал сопровождать меня.

Следующей весной (1908 года) во Владивосток приехал генерал-адъютант Пантелеев, чтобы от имени императора поблагодарить доблестные войска сибирского гарнизона. Перед ним на параде прошло тридцать шесть тысяч человек – и из каких отличных солдат укомплектованы эти сибирские полки!

Император был шефом 1-го Сибирского полка, цесаревич – 12-го, а императрица Александра Федоровна – 21-го. 11-й полк, чье мужество принесло ему такую известность во время Японской войны, был недоволен тем, что не имеет такого отличия, и настаивал на том, чтобы вдовствующая императрица стала его шефом. Поэтому мой муж в письме спросил своего отца, можно ли попросить императора назначить вдовствующую императрицу на 11-й полк. От свекра в ответ пришла лаконичная телеграмма: «22 июля. Никому ни слова». За этой телеграммой пришло письмо, в котором мой свекор писал: «Ты знаешь, что я никогда ни о чем не прошу. Но ради моего начальника (он всегда так именовал вдовствующую императрицу) я с готовностью отправился к императору. Его величество был в восторге от идеи и поблагодарил меня, но попросил не говорить никому об этом».

22 июля, должна сказать, были именины вдовствующей императрицы, и велика была радость 11-го полка, когда желанная новость достигла солдат в этот день.

Тем временем мы в мае 1908 года покинули Владивосток и уехали в Европу, так как мне предстояла серьезная операция. По дороге я имела возможность насладиться видом озера Байкал во всей его весенней красе – это наверняка одно из самых живописных мест в целом мире. А во время прогулок, когда поезд останавливался на станциях, как чудесны были эти деревья и цветы, особенно лилии в долинах, такие высокие, похожие на крупные колокольчики, и как приятно было вдыхать их чистый аромат, разлитый повсюду!

Мы провели лето вплоть до августа в деревне в России, а потом я поехала показаться профессору Ландау в Берлин. В России, особенно в Санкт-Петербурге, в то время свирепствовала холера, и было ужасно видеть, как все эти грубо сколоченные деревянные гробы, пахнущие дегтем, свозились на кладбища в больших фургонах. В Германии запрещался въезд лицам, не прошедшим карантин. Но в конечном итоге 9 сентября мне была сделана операция. В ходе нее я чуть не умерла, и потом мне пришлось оставаться в постели целых четыре месяца. И только тогда моему мужу было разрешено приехать ко мне и привезти малышку, чтобы повидаться со мной. Переживания были ужасными.

Мой муж уехал заранее, чтобы подготовиться к нашему новому приезду во Владивосток, а позже мы поехали вслед за ним. Теперь мы подыскивали новый дом возле полковых казарм – маленькое деревянное строение, настолько плохо построенное, что нам пришлось затыкать щели между столбами и досками, чтобы в доме не гулял ветер, и все-таки было ужасно холодно!

Жилье для нашей маленькой девочки и ее нянь было найдено в соседних казармах.

Тем летом 1909 года во Владивосток нанес еще один визит английский флот под командованием адмирала сэра Хедворта (ныне Мекс), который был очень любезен к нам, так что мы еще раз испытали на себе гостеприимство на нашем старом друге «King Alfred».

Нашим следующим гостем стал мистер Тафт, военный министр Соединенных Штатов Америки. Как-то октябрьским утром по пути со службы в гарнизоне мой муж получил официальное извещение от генерала Ирмана, коменданта города, в котором ему приказывалось немедленно встретить мистера Тафта и остаться в его распоряжении. Из Санкт-Петербурга телеграфом были переданы специальные указания приветствовать военного министра США на русской земле от имени императора и правительства. Хотя телеграмма была послана заблаговременно, она так задержалась по пути, что была получена лишь в день, когда должна была состояться эта церемония.

«Кто такой мистер Тафт?» – поинтересовалась я. «Насколько я знаю, – ответил муж, – это один из наиболее заметных министров в Соединенных Штатах. Но времени мало, мне надо быть при полной форме, и я не могу терять ни минуты».

Я заметила вдали две черные точки, которые быстро превратились в линкор, сопровождаемый крейсером. Крепостные пушки тут же начали отдавать салют, и спустя несколько минут американские корабли бросили якоря в заливе.

В полевой бинокль я наблюдала, как полубаркас моего мужа ринулся стрелой, чтобы встретить линкор. Теперь была очередь американцев салютовать России. Как только мой муж поднялся на борт, его провели в каюту мистера Тафта для приветствия.

Мистер Тафт принял его самым сердечным образом, с распростертыми объятиями и выразил удовольствие от «дружеского приветствия этой бескрайней и великой страны». Он объяснил, что только что побывал на Филиппинах, где инспектировал войска Соединенных Штатов, и предложил поехать напрямик через Владивосток по Транссибирской магистрали, чтобы отдать дань уважения императору и посетить Санкт-Петербург, Москву и еще один-два других русских города, представляющие особый интерес. Он был заядлым путешественником.

Тут он представил моего мужа миссис Тафт, которая была в каюте со своим мальчиком одиннадцати лет, своему персоналу и адмиралу американского флота на Дальнем Востоке.

Когда мой муж покидал этих приятных людей, мистер Тафт

поинтересовался, смог бы он купить в городе несколько меховых шкур для себя и своего маленького сына, потому что время было зимнее, а в Сибири было очень холодно. «Конечно! – ответил мой муж. – Если хотите, я сам поеду в главный магазин и буду вашим переводчиком. Там вы сможете купить лучшие меховые шубы, какие есть в нашей местности». Их поездка за покупками была весьма забавной, потому что мальчик мерил каждую шубу, которая попадалась ему на глаза, и не переставал восклицать: «Разве я не похож на медведя?» Они сделали несколько удачных покупок мехов.

В тот же вечер комендант Владивостока генерал Ирман дал ужин, на котором я была в числе гостей. Поскольку никто из присутствующих, кроме моего мужа, не говорил по-английски, меня посадили между мистером Тафтом и адмиралом Эвансом. Миссис Тафт сидела по правую руку от генерала Ирмана и напротив мистера Тафта. А мой муж сидел рядом с генералом, чтобы у него была возможность переводить. Военный министр США был настолько общительным и естественным, а его речь была столь блестящей и многогранной, с такими блесками ума и оригинальности, что говорить с ним было одно удовольствие. Рядом с ним я сразу же почувствовала себя как дома.

Мой другой сосед был тоже восхитителен. На нем были большие очки в черепаховой оправе, и поэтому я придумала ему прозвище Дедушка Лис. Он воспринял это без какой-либо обиды, а потом подарил мне свою фотографию с надписью «Адмирал Эванс, Дедушка Лис». Это его очень позабавило. Сам ужин и обслуга, однако, оставили желать много лучшего. За столом прислуживали солдаты, настолько плохо обученные, что делали одну ошибку за другой. Когда мы вовсю были заняты супом, я заметила, что у мистера Тафта нет даже тарелки. «Вы не любите суп?» – спросила я его. Он мягко улыбнулся и ответил: «Я наказан. Никто мне вообще его не предлагал». Я возмутилась этим проявлением забывчивости и сказала вестовому: «Это просто дурно!»

Одним из следующих блюд была серая куропатка с клюквенным вареньем. Подававший ее официант, возможно стремясь продемонстрировать свое рвение после моего выговора, был так неловок, что вылил соус на белоснежную манишку бедного мистера Тафта, и на этом месте возникло большое красное пятно. Пострадавший ничего не сказал, а просто вытер его. Я была в смятении, понимая, что могут подумать наши гости об этих постоянных ляпсусах и отсутствии уважения.

Во время ужина мистер Тафт поднял свой бокал за здоровье императора и произнес яркую речь. Он был не только самым

обворожительным мастером беседы, но и красноречивым оратором.

Потом генерал Ирман, не говоривший ни по-французски, ни по-английски, поднялся с ответным тостом и поблагодарил мистера Тафта за его любезные слова. Он попросил моего мужа перевести то, что он хотел сказать, затем стал шептать какие-то фразы на ухо моему мужу, и по выражению лица Толи я поняла, что сказано было что-то не то, потому что он был весьма удивлен. Муж, однако, быстро взял себя в руки и начал говорить быстро и свободно, заявив, как мы рады иметь в своей среде такую выдающуюся личность. К неудовольствию моего мужа, генерал Ирман упорно продолжал говорить повышенным голосом и визгливо, как петух, произнеся несколько неразборчивых слов по-русски. Правда, к нашему счастью, почетные гости их не поняли; он был настолько бестактен и неразумен, что мы были очень рады тому, что американцы не знают русского языка. Хотя генерал лично отличился в Русско-японской войне и был настоящим солдатом, он не сумел приучить себя к приличному поведению в обществе и не отдавал отчета в своих промахах в этом отношении.

Мадам Ирман, как и ее муж не говорившая и не понимавшая ни слова по-английски, была очень простой женщиной. Ее мысли неизменно возвращались к ее дому, детям и огороду, и она засыпала миссис Тафт серией вопросов, которые попросила меня перевести: «В Америке такие же овощи, как и в России? Входят ли они очень рано весной? Можно ли оттуда получить какие-нибудь семена? Есть ли у миссис Тафт огород и что там растет?» Потом она дотронулась до платья миссис Тафт и опять начала: «Сколько вы платите за свои платья?»

Я, честно говоря, не могла переводить такие глупые вопросы и поэтому просто сказала: «Мадам Ирман выражает свое восхищение по поводу вашего визита, и ей очень нравится ваше платье».

К счастью, в этот момент появился мистер Тафт и вызволил меня из неловкой ситуации. «Давайте потанцуем», – предложил он. «Как здесь можно танцевать?» – спросила я. Но, невзирая на мои протесты, он обхватил меня за талию, и мы станцевали бостон. Хоть он и был очень плотным, но танцевал великолепно и очень легко двигался.

Мистер и миссис Тафт пригласили нас к себе на следующий день на обед. Во время еды играл какой-то оркестр; исполнителями были негры из Манилы, которые использовали всевозможные курьезные музыкальные инструменты – курьезные, так сказать, для того времени, но сейчас они стали модными и

общеизвестными. Они наигрывали оживленный и шумный кекуок (танец), как вдруг мистер Тафт встал из-за стола, говоря: «А не станцевать ли нам кекуок вокруг стола?» Все повскакали с мест и последовали нашему примеру, и мы резвились, пританцовывали вокруг стола, пока оркестр не закончил мелодию, и мы продолжили свой обед так, как будто мы от него никогда и не отрывались.

На другой день, когда мы уходили, моему мужу было дано распоряжение, чтобы он вместе со мной проводил мистера Тафта на станцию. Мы с удовольствием посмеялись над этим странным указанием. Однако мы его выполнили. Я рассталась с нашими американскими друзьями с огромной сердечностью.

Когда мой муж потом был в Санкт-Петербурге и имел аудиенцию у императора, его величество с похвалой отозвался о мистере Тафте, и было очевидно, что он оказался во власти чар американца.

В Санкт-Петербурге рассказывали необычную историю о военном министре США, заключавшуюся в том, что, когда он ехал на большой официальный обед, у него лопнула некая важная часть его одежды, а поэтому он здорово опоздал. Я спросила мистера Тафта, когда встретила его в прошлом году, правда ли это. И он, смеясь, признался, что да.

Осенью 1909 года мы вдоволь наслушались агитационных речей революционеров на нашем флоте, а также в инженерных полках в армии. В штабе генерала Ирмана была созвана большая конференция, и были намечены некоторые шаги по подавлению кампании недовольства. Тем не менее вскоре после этого в саперных частях действительно вспыхнул мятеж. Для исправления ситуации был послан батальон 10-го полка, но бунтовщики напали на офицеров, убив одних и ранив других. Видя, что это подразделение недостаточно сильно для того, чтобы удержать саперов под контролем, один вольноопределяющийся, смертельно раненный, дополз до телефона и послал свое предсмертное обращение к 9-му полку: «Спасите нас!» Этот призыв спас ситуацию.

На следующее утро в 7.00 генерал дивизии моего мужа прибыл ко мне, чтобы предупредить об опасности. «Готовьтесь к худшему, княгиня! – сказал он. – На флоте начинается мятеж». Рапорт коменданта порта, барона Ферсена, был на самом деле неверен.

В 8.00 на всех кораблях взвились флаги. Моего мужа послали в госпиталь, чтобы узнать о раненых и составить немедленный отчет для передачи императору. Когда он проезжал мимо артиллерийских казарм, он заметил устремленные на него

мрачные взгляды и вынул револьвер, приготовившись отразить нападение.

К своему ужасу, я увидела из нашего дома, из которого открывался прекрасный вид на гавань, два корабля (крейсер и эсминец) под красными флагами. Потом, когда эсминец направился на выход из гавани, разгорелся настоящий морской бой. Мятежные корабли обстреливали город, и особенно активный огонь вели легкие орудия эсминца. К счастью, верные сибирские стрелки не стали терять времени и срочно прибыли по призыву умирающего вольноопределяющегося. Они ответили огнем, используя наши большие орудия, и потопили эсминец. Благодаря расторопности и стойкости 9-го полка сибирских стрелков через два часа весь бунт был подавлен. Не подоспей вовремя эти войска, чтобы открыть артиллерийский огонь, нас сегодня не было бы в живых и я не смогла бы рассказать эту историю. Поздно вечером мы узнали, что были убиты многие морские офицеры, наши друзья, которых предательски закололи свои же матросы.

Во главе восстания стоял какой-то юнец двадцати лет, а на борту одного из кораблей находилась его сестра, такой же главарь, как и он сам. Она была убита, когда один из снарядов попал в котел, а когда ее тело понесло волнами на берег, наши разъяренные солдаты пытались выловить его, чтобы отомстить брату. На следующее утро, находясь на обедне в госпитале, я увидела убитых и раненых, и заблудшая девушка была среди них. На шее, как это ни странно, она носила образок, хотя была еврейкой.

Решением военно-полевого суда семьдесят солдат и матросов были казнены. Один из самых опасных мятежников, матрос по фамилии Черепанов, сбежал из тюрьмы очень необычным образом за день до назначенной ему казни. Ему удалось забраться в огромную бочку с отходами, которую выносили из камеры, его так и вынесли вместе с ней. В конце концов он добрался до Японии, откуда и написал о своем спасении.

После первой телеграммы, сообщавшей императору о мятеже, наша связь с Россией прервалась на три дня, так как коммуникации с Владивостоком были полностью разорваны. Наконец, новости стали передавать через Японию. Его величество прислал чудесную телеграмму благодарности своим верным сибирским стрелкам, а в знак признания геройства, проявленного умиравшим вольноопределяющимся, посмертно произвел его в офицерский ранг и назначил его вдове специальную пенсию.

Такова история мятежа во Владивостоке во время нашего пребывания там.

Глава 10

Туркестан

Мой муж продолжал тяжело страдать от ревматизма, и, хотя он перепробовал всевозможные лекарства, ничто ему не помогало, постепенно мы пришли к заключению, что это происходит из-за влажного и вредного для здоровья климата Владивостока. Доктор посоветовал ему на длительное время перебраться на юг. Прощаясь, он заметил: «Вам необходим теплый климат, и я бы предложил Алжир». Но мой муж разошелся с доктором во мнении и заявил: «Это совершенно исключено. Это разрушит мою карьеру, чего я не хочу. Я один из самых старых полковников в армии, хотя по годам самый младший. Я надеюсь скоро командовать полком».

После обсуждения этой проблемы во всех деталях, выбор был остановлен на Туркестане^[15]. Он имел двойное преимущество в том, что там был жаркий и сухой климат и что это не было помехой для планов моего мужа. Знакомые нам два молодых лейтенанта тоже хотели перевода туда и рассказывали о стране, о которой так много слышали, в самых пылких выражениях. Увы, мы им поверили.

Толи послал телеграмму отцу и сообщил ему, какие перемены он намеревается сделать в связи со своим здоровьем, на что отец полностью согласился и ответил, что это, несомненно, пойдет Толи на пользу. Мой свекор добавил, что генерал-губернатор Туркестана генерал Самсонов был в тот момент в Санкт-Петербурге и что он повидается с ним, так как генерал, может быть, что-то предложит.

После разговора моего свекра с генералом он повторил в своем письме слова генерала: «Не стоит ломать себе голову. Я буду только рад иметь вашего сына в своем штабе. Я его знаю еще с Русско-японской войны». Так все было устроено, и Туркестан стал свершившимся фактом. Через неделю мы отправились в Санкт-Петербург, надеясь найти там генерала и выяснить кое-что о стране, в которую мы собирались. Это было серьезное предприятие, и я ожидала его с некоторым страхом.

Я была уже по горло сыта Азией, хотя с сожалением покидала Владивосток, где осталось так много друзей. Были устроены прощальные обеды, и все пришли проводить нас на вокзал. В наше купе присылали букеты и корзины цветов, главным образом хризантем (там было мало других, а эти цветы прибывали со своей родины – из Японии). Мы были по-настоящему поражены

количеством людей, пришедших на вокзал. Помимо наших близких друзей, появилась целая группа армейских и морских офицеров, а также иностранные консулы. Батальон моего мужа был выстроен в боевом порядке, чтобы отдать ему военные почести, а когда поезд тронулся, оркестр заиграл бодрый марш. И муж и я были глубоко тронуты этими проявлениями привязанности и внимания со всех сторон.

Как только наш поезд отправился, слуга моего мужа Жозеф пришел ко мне и сообщил: «В нашем поезде едет архиепископ Сибири». Муж сказал: «Я знаю его. Мне хотелось бы получить его благословение. А где он?» И муж отправился искать архиепископа, но после двадцати минут бесплодных поисков вернулся в недоумении: «Нигде не могу найти архиепископа. Ты уверен, что он в этом поезде? Кто тебе это сказал?» Похоже, один из пассажиров спросил кондуктора нашего вагона: «Кто это едет с нашим поездом, что так много шума?» А тот ответил: «Да архиепископ едет с нами!» Я расхохоталась и заметила: «Может быть, *меня* приняли за него? Я такая же плотная, как и он, и на мне черный плащ и плотная вуаль, спускающаяся на плечи. Архиепископ тоже носит черную накидку, а ряса у него разве не такая, как мой плащ? Так что легко сделать такую ошибку».

Один друг преподнес мне в дорогу два горшка с карликовыми розами, которые имеют особенность цвести четыре раза в году. В связи с этими растениями имел место один забавный эпизод. Когда мы доехали до пограничной станции в Маньчжурии, нам запретили выходить из вагона, пока нас тщательно не осмотрит инспектор таможни. «Есть ли у вас что-либо декларировать из вещей, считающихся контрабандой?» – спросил он у меня. Затем, указав пальцем на маленькие растения, он заявил серьезным голосом: «Есть ли у вас сертификат на филлоксеру, гарантирующий, что ваши растения имеют иммунитет от заболевания?» Я чуть не расхохоталась, потому что была удивлена таким глупым вопросом, но он продолжал торжественным голосом: «Сожалею, княгиня, но, если вы желаете оставить у себя эти растения, вы должны подписать об этом документ, и, если будет установлено, что они здоровы, мы отправим их по вашему адресу, но, боюсь, сейчас я вынужден их конфисковать». Я подумала, что он просто спятил, но его чувство долга было так сильно, что он не понял, что меня здесь смешит. Он учтиво извинился, но ушел с моими двумя растениями, держа их по одной штуке в руке.

Путешествие в классе люкс заняло двенадцать дней. В первый день, когда я вошла в вагон-ресторан, то увидела повешенную в углу почти под потолком икону Николая-угодника. В России

существует обычай вешать иконы во всех комнатах, но я ее раньше не замечала. Мой муж показал мне на нее.

На следующий день после обеда я обнаружила в своем купе еще одну икону святого Николая. Я обратила на нее внимание мужа и сказала: «Смотри, святая икона не только в вагоне-ресторане, но и также во всех купе!» – «Где? – спросил он. – Я ее не вижу». – «Да смотри вон в том углу! – И я показала в угол, где она мне привиделась. – На ней нарисован старик с развевающейся бородой и в белых одеждах, а на голове у него митра, украшенная жемчугом, и впереди двух не хватает, и вот два места, где они должны быть».

Муж покачал головой и ничего не сказал. Я взяла карандаш и сделала набросок святого Николая, как он мне виделся в углу вагона, до мельчайших деталей (к своему удивлению, я не смогла прочертить прямые линии).

Вечерело, а икона все светилась, как будто освещаемая каким-то фосфоресцирующим излучением.

Погода была ужасно холодной, и окна плотно обледенели от мороза, который скрывал, как занавесью, внешний мир. Вдруг из угла блеснул яркий луч, пронзивший морозное покрывало на окне, полностью очистив место, сквозь которое он проник, а остальная часть замерзшего окна осталась неизменной. На миг угол вагона окутал плотный туман, а когда он рассеялся, икона святого исчезла.

«Вижу луч, – проговорил муж, – но не икону – что это значит?» Он искренне верил в святых и тут же добавил: «Это должно иметь какую-то связь с нашей поездкой, потому что святой Николай-угодник – это покровитель всех странствующих и путешествующих».

В ту же самую ночь мы проснулись от внезапного толчка – мы слетели со своих полок, а наши вещи были разбросаны на полу. Мы слышали за дверью взволнованные голоса, и тут, занявшись выяснением причин, мы обнаружили, в чем дело.

Транссибирская магистраль была однопутной, и, чтобы не закупорить ее, было необходимо устроить так, чтобы убывающие поезда объезжали прибывающие на определенных станциях, где были проложены двухпутные пути. В этих местах одному поезду необходимо было дожидаться, пока другой проследует своим путем.

В нескольких точках этой линии были крутые горы и глубокие ущелья. Мы находились на вершине одного из холмов на подходе к станции, где нам предстояло дожидаться, чтобы дать возможность встречному поезду проехать мимо нас. К огромному ужасу главного инженера поезда, мы промчались мимо этой

станции без остановки. Он тут же стал выяснять причину и узнал, что отказали тормоза. И в это же время услышал пронзительный свист и увидел мчащийся навстречу поезд. Наш машинист выставил сигнал опасности, встречный поезд остановился и даже попятился на какое-то расстояние назад. Но мы продолжали свой сумасшедший бег, и в конце концов произошла бы катастрофа, если бы фортуна не пришла к нам на помощь.

Машинист попеременно нажимал на тормоза, но безрезультатно. Проводник нашего спального вагона, как последнее средство, попробовал ручной тормоз, который, как правило, используется только для маневровых работ, чтобы остановить один вагон. К огромному удивлению и облегчению, наш поезд внезапно остановился в нескольких сантиметрах от другого, застывшего на месте. Еще секунда, и случилась бы ужасная катастрофа. Когда мы осознали, как были близки к гибели, я просто лишилась сил и не могла произнести ни слова.

Потом я произнесла: «Видите, Николай-угодник не просто так мне привиделся. Как ни странно, никак не найду его набросок, который я нарисовала, но постараюсь нарисовать еще один». Но хотя я сделала несколько попыток, не смогла изобразить ничего похожего. Между моими набросками и оригиналом не было ни малейшего сходства, поэтому я прекратила свои попытки.

Перед самым приездом в Санкт-Петербург я нашла свой набросок, к своей огромной радости, на полу своего купе. Я показала его своей свекрови, а та отнесла набросок к ювелиру и с моего эскиза заказала икону святого в серебряном окладе с эмалью. С тех пор эта икона сопровождала нас во всех поездках. Ювелир сказал моей свекрови: «С того эскиза икону сделать было легко. Он был так изумительно сделан. Это, должно быть, работа профессионального художника». Ни до, ни после того дня я не нарисовала ни единой линии.

Наконец, мы благополучно доехали до Санкт-Петербурга, где пробыли несколько дней, чтобы мой муж смог представиться генералу Самсонову и обсудить с ним туркестанские дела, а также выяснить, что можно сделать для аренды дома в Ташкенте. Генерал был рад сделать для нас все, что в его силах, и помог нам преодолеть все наши трудности, хотя, как он говорил моему мужу, он полагал, что мы найдем лишь примитивное жилье. Тамошнее общество состояло из одних чиновников и армейских офицеров, да изредка, случалось, залетит случайная птица в виде заграничного торговца или путешественника-исследователя. Прощаясь с моим мужем, генерал сказал: «Вы увлекаетесь спортом, а там есть интересные для вас занятия, из которых бы я назвал охоту, рыбную ловлю и стрельбу».

Муж нашел генерала Самсонова очень общительным человеком, а перспектива занятия достойным видом спорта предвещала ему определенные удовольствия, которых он ждал с нетерпением. Он вернулся домой в полном восторге, но я была очень расстроена тем, что нам приходится ехать в далекую неизвестную страну, и сказала: «Опять эта провинциальная жизнь!» – «Поживем – увидим, – ответил он мне, – не стоит огорчаться заранее».

Мы тотчас же отправились в Италию, в Бордигеру, где по состоянию здоровья моего мужа остановились в санатории «Кап Ампелья». Муж чувствовал себя очень плохо и внушал всем нам большую тревогу. Он ужасно страдал от почти хронического ревматизма в суставах и по этой причине не мог поехать на место службы до тех пор, пока не пройдет серьезного курса лечения.

Вскоре после своего приезда мы получили телеграмму от родителей мужа, в которой говорилось следующее: «Саша очень болен. Немедленно, если можешь, выезжай во Флоренцию».

Саша – старший брат моего мужа. Он в 1901 году женился на княжне Юрьевской, и они проводили зиму во Флоренции, где он снял шикарную виллу. Мой муж был не в том состоянии, чтобы путешествовать, и поэтому я поехала одна. Но когда на следующее утро я приехала в отель во Флоренции, там меня ждала телеграмма от мужа, сообщавшая, что брат умер. Я не могла поверить этой страшной вести. Мы оба очень любили Сашу, и я была убита горем, тем более что приехала слишком поздно. Я подумала о том, в каком отчаянии находилась моя бедная невестка, потому что она обожала своего мужа. Я была в ужасном состоянии. Все это произошло так неожиданно.

Выяснилось, что несколько месяцев назад Сашу постиг апоплексический удар, но он начал выздоравливать. В день, когда он умер, брат мужа играл после обеда в бридж с какими-то друзьями в гостинице, когда совершенно неожиданно упал со своего стула на пол. Некоторое время он не приходил в сознание и, несмотря на самые усердные попытки спасти его, постепенно ослабел и скончался. Он был хорошо известен на всем континенте и вел богатую событиями и, возможно, иногда бездумную жизнь. Но он был очаровательным человеком, у всех вызывал симпатию и был притягательной личностью. И хотя критики могли обвинять его в экстравагантности, он тем не менее был очень важной персоной. Единственное, чего ему не хватало, так это удачи Рокфеллера. Деньги, казалось, утекали сквозь его пальцы как вода, и он всегда говорил: «На сегодня хватит». Он оставил после себя двоих сыновей, один из которых раньше был богатейшим в России человеком, но теперь живет в нищете.

Когда я приехала, тело моего деверя лежало в церкви, но я не смогла остаться на похороны, так как мне надо было скорее возвращаться в Бордигеру, откуда меня срочно вызвала Нанни, наша няня.

Весть о кончине моего деверя явилась очень тяжелым ударом для его родителей, потому что, хоть он временами и создавал для них проблемы, он прежде всего был их первенцем, а когда приходит смерть, все промахи забываются, а помнятся лишь добрые качества. Со всех сторон стали поступать письма и депеши, и многие лично наносили визиты, чтобы заверить в глубокой личной симпатии, которую все испытывали к нему до этой тяжелой утраты.

Одной из первых лиц выразивших свою сердечную симпатию, была вдовствующая императрица. Дар приносить утешение оказавшимся в горе людям был ее врожденной чертой. Она могла понять и переживать в себе чувства опечаленных лучше, чем кто-либо другой. Ибо не так много лет назад она также потеряла своего любимого сына, великого князя Георгия.

Трагическое и комическое часто ходят рядом, и именно так случилось сейчас. Родители моего мужа обычно обедали в час дня. Слуги ели позднее, и их хозяин пожелал, чтобы один из слуг оставался на дежурстве, чтобы открывать дверь лифта или ввести любого посетителя, который поднимется по лестнице. Швейцар всегда звонил, когда в этом была необходимость. Служанка моей свекрови, проработавшая здесь пятьдесят лет, ела в своей комнате, где ей прислуживала дородная женщина по имени Оля, служившая у нас с давних пор. Внешний вид Оли был совсем непривлекателен, волосы постоянно находились в беспорядке, а одежда – неряшлива.

Однажды примерно в два часа дня зазвонил звонок. Несколько минут было тихо, потом донеслись звуки открываемой, а затем закрываемой двери. Послышались легкие шаги по паркету танцевального зала, который вел в гостиную наших родителей и их уютный послеобеденный уголок. Совершенно неожиданно в дверях появилась ее величество, вдовствующая императрица, без всякого объявления. Оба моих родителя вскочили на ноги.

Мой свекор произнес: «Я надеюсь, кто-нибудь был у двери лифта, ваше величество?» Но императрица лишь улыбнулась своей ласковой улыбкой и сказала: «Единственно, кого я встретила, – это старую полную женщину, которая несла гору тарелок. Вероятно, она меня не узнала, но хотела проводить меня. Однако я ответила, что найду дорогу сама».

После ухода ее величества состоялось расследование, был проведен строгий опрос всех слуг, чтобы выяснить, отчего и

почему была допущена такая халатность. Первым допрашивали привратника. «Почему ты не вышел на лестницу, когда ее величество была в лифте?» – «Я не знал, что это ее величество. Я подумал, что это всего лишь великая княгиня».

Потом на сцену вышла Оля. Моя свекровь сурово сказала ей: «Почему ты всегда такая неопрятная и почему ты всегда там, где тебе делать нечего?» Старая женщина была настолько простодушна, что было просто невозможно на нее сердиться. Потом она рассказывала слугам, что хотя поначалу она испугалась, но была очень горда тем, что оказалась единственной, с кем разговаривала вдовствующая императрица.

Во второй раз моя свекровь строго-настрого приказала, чтобы один из слуг всегда был наготове откликнуться на звонок колокольчика. Однако этот первый урок не пошел впрок. Они посчитали, что вряд ли кто-то из императорской семьи посетит этот дом так скоро, а поэтому опять проявили беспечность.

Как ни странно, но два дня спустя разыгралась такая же комедия с небольшими вариациями, но с теми же актерами. И Оля вновь сыграла свою роль «встречающей дамы». На этот раз по лестнице поднялась великая княгиня Мария Павловна. У входа стояла жена привратника, не обратившая на гостью внимания, так как та поднялась по лестнице, а не на лифте. Войдя в квартиру, она встретилась с Олей, у которой в руках вновь была гора тарелок и подносов.

Великая княгиня вошла в гостиную, в которой отдыхала моя свекровь. Та, думая, что это ее кузина, спросила: «Это ты, Мария?» – «Нет, – ответила великая княгиня, – это я, Мария Павловна».

И опять моей свекрови пришлось извиняться. Это было похоже на заколдованный круг, из которого, казалось, невозможно выбраться, потому что, кто бы ни пришел в дом, Оля всегда была тут как тут.

И это не преувеличение, потому что мы получили письменный рассказ об этом от свекра. Помню, моя кузина обратилась к своим родителям: «А нельзя ли нанять кого-нибудь другого, более приличного? Уверена, что когда-нибудь Оля столкнется с императрицей», что и в самом деле случилось.

После отъезда из Бордигеры мы с мужем отправились во Флоренцию, чтобы посетить могилу его брата. Какое тихое и спокойное место это кладбище, где он был похоронен, и какое в этом сейчас утешение нам всем, что по крайней мере один из семьи оставлен в покое – и место его упокоения не в России, где для большевиков нет ничего и никого святого.

Находясь во Флоренции, мы побывали на обеде у моей

кузины, чье горе просто невыносимо видеть, она была совершенно безутешна. Там мы встретили моего деверя Владимира с женой, мадам Яворской, которую я нашла не только умной, но и весьма эрудированной. Она безупречно говорила на нескольких языках. И с тех пор я ее никогда больше не видела.

Лето мы провели на одном из германских бальнеологических курортов, а потом на короткое время вернулись в Санкт-Петербург, чтобы подготовиться к долгому путешествию в Туркестан.

Итак, 1910 год. Мы отправляемся в Ташкент. Дорога от Санкт-Петербурга до Туркестана заняла восемь дней. В те края раз в неделю отправлялся поезд-экспресс, оснащенный комфортабельными спальными вагонами. Поскольку мы ехали большой группой, нам понадобился чуть ли не целый вагон, и его нам предоставили.

До Самары мы ехали по старой сибирской дороге, но после Оренбурга остались позади густые леса и красивые деревни, и мы вступили в бесконечные так называемые голодные степи. Песок, невысокие холмики, испещренные необычными карликовыми деревцами, покрытыми пучками листьев, похожих на корневища, которые местные жители используют на растопку...

Единственным отклонением от общей линии в этом монотонном пейзаже были палатки (называемые юртами) – жилище кочевых (киргизских) племен, живущих в этих местах. Они виднелись повсюду, то тут, то там. Иногда вдруг возникнет проблеск активной жизни в виде верблюдов и лошадей, либо пасущихся, либо на привязи. Эта неизменная картина утомляла глаз три дня без перерыва, и, хотя стояла зима, на земле снега не было – ничего, кроме бесконечных пространств песка. Грязного песка, заполняющего все трещины, песка, забивающего поры кожи, покрывающего все вокруг, куда ни повернешь голову.

В дополнение к неприятностям в поезде лопнули водопроводные трубы, и нам нечем стало умываться. Пришлось пользоваться минеральной водой, и среди этих бутылок оказалась одна с лимонадом, которую моя дочь по ошибке использовала. Результат не требует описания, и, когда бедняжка пришла в наше купе, мы встретили ее хохотом: все ее лицо было испещрено полосами, как у зебры. Она заплакала навзрыд и произнесла: «Что мне делать, мама, лицо и руки такие липкие, а воды нет!» Поскольку станции отделяли большие расстояния, ей долгое время пришлось терпеть это неудобство. Но наконец мы доехали до одной из них, где, к счастью, нашли достаточно воды, чтобы умыть нашу девочку.

После Москвы от поезда отцепили вагон-ресторан, и, так как наши запасы продовольствия подходили к концу, мы испытали облегчение, когда добрались до Ташкента.

Вокзал представлял собой маленькое и жалкое деревянное строение. На перроне и вокруг него собралась толпа возбужденных туркестанских аборигенов, называвшихся сартами. Они кутались в цветные одежды вроде платьев и носили белые тюрбаны. Европейцев было очень мало. На станции нас встречали два офицера, о которых я ранее упоминала, и мы были рады увидеть их.

Уже была полночь и царила темнота, потому что в Ташкенте не было уличного освещения, за исключением фонарей на главной улице.

К счастью, примерно в это время показалась луна и ярко осветила окрестности. Наш новый автомобиль французского производства марки «Берлие», присланный из Санкт-Петербурга, ждал нас возле станции. Он стал первым авто, достигшим Туркестана. Хотя машина и была совсем новой и ею стали пользоваться впервые, только сейчас, мы с неудовольствием заметили, что она покрыта царапинами и грязью. Это был намек, чего следует ожидать в Ташкенте. Словами этот ужас не передать.

Луна скрылась за облаками, как из ведра полил дождь, и стало совершенно темно. Только свет автомобильных фар вел нас по немощеной и неровной дороге, и нас швыряло из стороны в сторону, от кучи к столбу, от столба к куче. Несколько раз мы налетали на что-то большое, но никак не могли определить, что это было, но в конце концов, остановившись, обнаружили, что это был караван верблюдов, идущих цепочкой и мешавших нашему проезду. Поначалу мы были озадачены при виде этих неожиданных «привидений», и у меня вырвалось: «Они просто прелестны!» Кто бы мог подумать, что мы встретим верблюдов в самом центре столицы?

Позже я сказала мужу: «Если мы видим образец того, чего мы должны ожидать в этом Богом забытом месте, так на что же будет похож дом?»

Вид нашего жилища, как только мы смогли его разглядеть, нас обескуражил. Хотя, как правило, дома в Ташкенте строились из глины, государственные учреждения, военные школы и дом генерал-губернатора возводились на металлических балках. Но для частных домов этот метод был слишком дорог.

Наш дом имел форму простого квадратного ящика, но с маленькими окошками, и он был одноэтажным – фактически что-то вроде бунгало серо-грязного цвета.

Он был построен целиком из глины, но стены были толстыми,

так что жара не проникала внутрь, и частые здесь землетрясения не могли бы его разрушить.

Войдя внутрь, мы были приятно удивлены. Мы обнаружили тут как бы родные пенаты. Так как нам говорили, что тропическая жара Туркестана способна покоробить мебель, мы заказали в Англии кое-какую мебель, специально сконструированную для подобного климата. Та же фирма поставляла ковры, шторы и обои, и мой свекор прислал из Санкт-Петербурга драпировщика, знакомого с моими вкусами, поэтому наш дом вышел очень уютным и удобным. Внутри его я чувствовала себя чуть смелее и спокойнее. Отец моего мужа также позаботился, чтобы выкопали артезианский колодец для подачи воды в нашу ванну. Так как в доме не были проложены трубы, воду ежедневно закачивали старомодным способом – это была тяжелая и трудная задача.

За ужином, за которым к нам присоединились два наших друга, ранее упомянутые молодые офицеры, я сказала: «Нам говорили в поезде, что климат здесь очень плохой и что летом тут невыносимо жарко. Еще я слышала, что в этих краях – полчища вредных и ядовитых насекомых. Правда ли это? И правда ли, что здесь очень часто происходят землетрясения?» – «Да, княгиня, – ответил один из них, – я должен сказать, что климат здесь нестерпимо жаркий, такой, что часто лопается термометр. Летние вечера очень опасны из-за сырости, и часты случаи малярии, поэтому мы все принимаем дозы хинина, чтобы отразить ее атаки». – «Приятная перспектива», – прервала я его. Он продолжал: «Что до насекомых, в небольших количествах водятся скорпионы и тарантулы, и иногда они забираются в дома, особенно туда, где нет ковров. Самый опасный – каракурт». – «А что это такое? – заинтересовалась я. – Никогда не слыхала такого названия». – «Это почти незаметный вид красного скорпиона, который прекрасно себя чувствует в песке, а еще его можно найти в полях, где растет хлопок. Его укус смертелен. Однажды я видел, как верблюд, которого укусило это насекомое, рухнул замертво, как сраженный молнией, и его труп вскоре разложился. Настолько смертелен был этот яд. Настоящая *mort foudroyante*^[16], как говорят французы. То же самое произошло с одним сартом, который, вероятно, собирал хлопок, когда на него напал один из этих ужасных смертоносных паразитов. Сарт умер на месте, а его тело в одно мгновение почернело и стало испускать мерзкий запах, самый заразный. Офицер добавил: «Землетрясения здесь происходят время от времени. Колебания земли не достигают большой силы. Мы не обращаем на них внимания, потому что никакого вреда они не приносят. Несколько лет назад они были много разрушительнее. Те времена в прошлом. В любом случае с

тех пор, что я здесь, их не было».

После этого разговора я улыбнулась и сказала мужу: «Какая удивительная страна, но, похоже, жизнь здесь полна сюрпризов и опасностей! Однако делать нечего, мы должны положиться на удачу и довериться своей фортуне. Всем спокойной ночи! *Qui vivra verra!*^[17] Слава богу, мне слишком хочется спать, чтобы думать о чем-то еще, кроме постели». Гости разошлись, и мы погрузились в сон.

Но очень скоро мне пришлось пробудиться. Я глубоко спала, когда меня разбудил непрекращающийся стук в дверь, за которой кто-то в ужасе голосил: «Княгиня! Проснитесь! Откройте дверь!» Поначалу я не понимала, где я, потому что кровать и комната как будто тряслись, и мне показалось, что моя постель проваливается под пол. Когда я протерла глаза, то увидела, что комната завалена обломками, а вещи двигаются во всех направлениях. Я снова услышала голос няни моей дочери, умоляющий меня: «Княгиня, не будьте такой безрассудной! Это землетрясение! Наша стена треснула, а фонарь небезопасен. Как можно скорее выбирайтесь из дома!» – «Где малышка?» – с тревогой спросила я, безуспешно пытаясь остановить этот поток восклицаний. «Я оставила ее сонной у своей сестры, которая сейчас одевает ее, чтобы вынести на террасу». Терраса выходила в сад.

Я в спешке накинула платье, и через несколько мгновений все в доме уже были на ногах.

Я прошла в комнату дочери, где царила невероятная суматоха. Пол был усеян обломками сломанных вещей и мебели, стены треснули снизу доверху. Если бы дом был, как обычно, построен из кирпичей, он был бы уже в развалинах. Огромными кусками с потолка упала штукатурка, но крыша, к счастью, осталась целой. Мы пережили еще два более слабых толчка, но потом земля, казалось, успокоилась, и, во всяком случае, дальнейших колебаний мы не ощутили. Возвращаться в постель никто не захотел, и мы оставались на ногах до утра.

Утром я позвонила одному из молодых офицеров и сказала: «Ваше «время от времени» исполнилось слишком быстро. Вы, должно быть, владеете даром предвидения, и я не нахожу, что «те времена в прошлом»».

Он рассмеялся: «Да, княгиня, вам очень не повезло, особенно в эту первую ночь после приезда. Я полагаю, это потому, что у вас предубеждение против Туркестана, и он вам отомстил. Мы проспали это землетрясение, пока утром не пришел слуга. И только тогда я заметил, что комната немного в беспорядке, и узнал подробности. Я опасался звонить вам после того, что вчера наговорил».

Я ответила ему: «Ладно. Думаю, вам придется возмещать ущерб. Вы бы лучше пришли и посмотрели, какие разрушения натворил перевозносимый вами Туркестан».

Тем же утром мой муж отправился нанести официальный визит генерал-губернатору.

Генерал Самсонов принял его самым сердечным образом и познакомил со своей женой, красивой и обаятельной молодой женщиной. Оба весело смеялись: «Ну и прием оказал вам Туркестан! Надеюсь, княгиня не очень расстроена». – «Поначалу она была поражена, но сейчас все в порядке», – отвечал мой муж.

В доме генерал-губернатора он возобновил знакомство с адъютантом, князем Александром Оболенским, в прошлом конногвардейцем. По причине тяжелой астмы ему, как и моему мужу, был прописан более теплый климат.

Как раз тогда генералу был вручен официальный доклад о землетрясении (телеграмма). Оказалось, что землетрясение произошло не в Ташкенте, а в Верном, столице Семиреченской провинции, недалеко от китайской границы, в 800 километрах отсюда. А Ташкент лишь ощутил последствия этого невероятного толчка – что-то вроде эха. Волны от землетрясения были зарегистрированы многими метеорологическими станциями мира, где стрелки индикаторов прыгнули до ненормальной величины, так что всем стало понятно, что произошло какое-то значительное сейсмическое событие.

Город Верный серьезно пострадал, потому что это было одно из самых опустошительных землетрясений в его истории. Многие дома были сровнены с землей, а ряд деревень стихия просто поглотила. Тысячи и тысячи жителей либо остались без крова, либо погибли и были похоронены под руинами. Дороги стали непроходимыми, а там, где земля разверзлась на части, зияли огромные трещины. Требовалась немедленная помощь, и для этого возникла нужда в огромных суммах. В Ташкенте был сформирован женский комитет помощи под патронажем жены генерал-губернатора, в котором я также принимала участие.

Император сразу прислал специального посланника, чтобы помочь пострадавшим гражданам, а также чтобы заверить их в своей искренней симпатии. Его первой мыслью всегда было благосостояние его народа. Как только прибыл посланец государя, он вместе с генерал-губернатором выехал в Верный. Так как железной дороги не существовало, им пришлось путешествовать по плохим, немощеным дорогам в коляске или дилижансе без пружин, называемом в России тарантасом. Чтобы смягчить толчки на ухабах, на дно повозки положили сено, а поверх него водрузили матрас, и вот в таком лежачем положении

генерал-губернатор совершил эту поездку.

Чтобы привести дороги в порядок, требовались такие большие расходы, надо было преодолеть так много препятствий, что было бесполезно даже пытаться наспех что-то отремонтировать. Из-за разрушений, причиненных землетрясением, дороги стали еще хуже, чем были. По обочинам зияли разломы и трещины, к тому же все время шли проливные дожди.

Однажды во время движения коляску повело в кювет, и бедный генерал растянулся на дороге. Иногда ему приходилось идти пешком, а иногда коляске надо было преодолевать потоки вброд, потому что маленькие речки, почти пересыхающие летом, сейчас вышли из берегов. Это трудное путешествие заняло десять дней. Непостижимо, как генерал-губернатор, столь важная персона, вынужден был путешествовать в таких архаических условиях. Но Россия так обширна и полна таких неожиданностей, так высоко цивилизована в отдельных местах и так отстала, почти по-варварски, в других... Россия – страна будущего, и сейчас больше, чем когда-либо.

Генерал Самсонов отличался большой решительностью характера, и его девизом было «*Le devoir avant tout*»^[18]. Вернувшись, он показал нам наиболее интересные фотографии, снятые на местности до и после катастрофы. Потрясало то, как за несколько секунд мог измениться ландшафт.

Я обязана попробовать описать свои первые впечатления и дать общее представление о городе Ташкенте, каким я увидела его в первый раз. Это очень древний город, он существовал уже во времена знаменитого завоевателя Тамерлана. Именно ему страна обязана созданием ирригационной системы, потому что это он заставил людей копать глубокие каналы, известные под названием «арыки». Арыки весной, после сезона дождей, наполняются водой, питая сеть небольших ручейков, а те разбегаются по полям и лугам, тем самым оплодотворяя их и готовя для возделывания. Один из величайших каналов, известный под именем Ангар, проложен через город Ташкент, деля его на две части – старый азиатский город и современный (если его можно назвать таким).

Старый город – это любопытный район, состоящий из многочисленных маленьких и узеньких улочек, грязных и крайне извилистых, как настоящий лабиринт. Вдоль улиц стоят одинаковые глинобитные домики без окон, они построены из грязно-серой гончарной глины и огорожены заборами. Подобные кварталы отличаются самым унылым видом, да еще к тому же на каждом перекрестке натыкаешься на могилы. Дело в том, что до

1894 года жителям разрешалось хоронить умерших там, где им заблагорассудится, то есть по всему городу. Когда мы приехали, в городе было уже одиннадцать кладбищ, но, несмотря на это, сарты предпочитают тайно хоронить своих умерших поближе к своим домам.

Все эти извилистые улочки в итоге выходят на открытое место, где находится главный рынок, базар, окруженный невысокими домами, выступающими в роли магазинов; здесь продаются разнообразные предметы, не поддающиеся описанию по своему безобразному виду. На каждом шагу – чайные, где увидишь сартов, сидящих на корточках на земле и выпивающих чай беспрерывно и в огромных количествах. Собравшаяся в этом месте толпа настолько плотна, что трудно пройти. Все выходы заблокированы караванами очень представительных выючных животных – верблюдов, издающих свои хриплые крики. А арбы, то есть повозки на очень высоких колесах, которые никогда не смазываются, скрипят так, что можно завизжать от неприятного звука.

Население чрезвычайно разнообразно и включает представителей многих народов – сартов, киргизов, евреев, индусов, персов, арабов, но очень мало русских. Время от времени можно заметить проходящих мимо женщин в длинных, развевающихся, просторных, очень похожих на платье одеждах ярко-синего цвета с рукавами. Они прячут лица под вуалью из черного конского волоса, сквозь которую едва ли разглядишь их черты, и движутся медленными шагами, незаметно бросая по сторонам взгляды; иногда останавливаются, чтобы поговорить с каким-нибудь бродячим дервишем, который отвечает им шепотом, а потом исчезает так же загадочно, как и появляется.

В старом городе есть несколько весьма интересных памятников, связанных с магометанской религией.

В новом городе, где мы жили, улицы были шире, чем в старом, и усажены деревьями, особенно часто – пирамидальными тополями, местами их заменяет характерное для Туркестана дерево, именуемое карагач и очень напоминающее платан. Улицы очень плохо вымощены. Чтобы можно было в сезон дождей перейти улицу, построены каменные переходы, так что езда в коляске сопряжена с непрерывной серией резких толчков. Уличного освещения практически не было, так же как и никаких тротуаров, за исключением одной главной улицы. В то время не было театров, хороших гостиниц и даже какого-нибудь достойного ресторана. В голове не укладывалось, как можно было позволить оставлять город в таком состоянии без малейшего улучшения и как мало усилий было приложено, чтобы внедрить

удобства цивилизации. Не было даже водопровода, и нам пришлось копать очень глубокий артезианский колодец, чтобы в доме можно было жить. Резиденция генерал-губернатора была всего лишь деревянным сооружением, очень скромно обставленным и освещаемым керосиновыми лампами.

Туркестан был известен своими хлопковыми плантациями, которые удовлетворяли большую часть нужд Европы. Удивительно видеть, как засушливость здешних земель побеждена особой системой орошения, используемой только в этой стране. Приезжавшие по делам иностранцы поражались и выражали заинтересованность чудесной и сложной системой ирригации и великолепными результатами, получаемыми на этих землях.

Покровителем и зачинателем плана развития достижений инженерии, которые вывели страну на высокий уровень агротехники и позволили достичь замечательных результатов в голой пустыне, был великий князь Николай Константинович – человек огромной силы характера, железной воли и необузданной энергии. В юности он по некоторым причинам навлек на себя недовольство своей матери и императора Александра II. Говорили, что он был связан с популярной танцовщицей, и ходили слухи о какой-то загадочной истории с алмазами, к которой была причастна эта дама. Его выслали в Туркестан, где он прожил до конца дней. В начале своего пребывания здесь он был озлоблен происшедшим. Однако он помогал в каждом предприятии, нацеленном на продвижение цивилизации, и помогал в составлении и реализации планов развития и повышения культуры этой страны.

Тем не менее он был подвержен буйным приступам бешенства, во время которых терял над собой контроль и становился совершенно безответственным за свои поступки.

Однажды, когда он испытывал одну из подобных вспышек ярости, он, находясь в поезде по полям, вырыл яму и без всяких на то видимых причин закопал в песке по пояс свою жену. Ее спасли какие-то сарты, стоявшие поблизости.

Одевался он самым эксцентричным образом. Голову и лицо начисто выбривал и носил очки. Наряд его состоял из красной рубашки, черного бархатного костюма и, что зимой, что летом, шапки из котика. Любимым его цветом был красный, и он доминировал в его окружении. Его дом, коляски, ливреи слуг, даже упряжь у его лошадей – все было ярко-красного цвета. Кстати, для себя он построил великолепный дворец в восточном стиле и заполнил его сокровищами искусства и картинами, которые привез с собой из Санкт-Петербурга.

Несмотря на свои особенности, Николай Константинович был хорошим собеседником и человеком высокообразованным во всех отношениях. Но он был и оригиналом в полном смысле слова. Генерал-губернатор находил его раздражающим, так как у великого князя была привычка уходить инкогнито в город и свободно общаться со всеми слоями общества, что иногда приводило к осложнениям из-за его необузданного темперамента.

Он женился на дочери оренбургского почтмейстера по пути в Туркестан. Союз был, конечно, морганатический, и она стала госпожой Искандер. Ее сестра вышла замуж за морского офицера, князя Трубецкого. Госпожа Искандер была одной из самых эксцентричных и необычных женщин, которых мне довелось встречать. Она носила самую необычную одежду, как правило совершенно неподходящую для ситуации. Так, например, она появлялась днем в вечернем платье, расшитом пайетками, с диадемой на голове, с большим алмазным колье, сверкающим на груди. Одежды ее всегда отличались самыми яркими, пестрыми красками.

Ее приемы были больше чем необычными. Однажды она меня особо пригласила. Меня провели в полутемную комнату в мавританском стиле, где я почувствовала себя весьма неловко. Меня встретила огромная борзая, громко лаявшая, она всегда ходила по пятам за хозяйкой. На этот раз на госпоже было красивое шелковое платье с длинным шлейфом. Вся комната была устлана коврами, в которых тонула нога, так что не было слышно ни звука, кроме шелеста ее шелкового платья. Она приказала собаке лечь рядом и показала ей хлыст. Потом, обернувшись ко мне, произнесла: «Не беспокойтесь, княгиня, собака вполне приученная. Не хотите посмотреть моих обезьян?» – «Нет, спасибо». Я воскликнула поспешно, опасаясь, что она может принести их. Моим единственным желанием было вырваться на воздух и свет из этого зверинца.

Вдруг приглушенными ковром шагами подошел какой-то сарт, неся чашку шоколада, хотя жара стояла изнуряющая. Этот прием граничил с гротеском, и она сказала мне в порядке утешения, что совсем недавно ее собственный медведь чуть не съел ее саму, и ей пришлось отдать его в зоологический сад. Я отступила из этого экстраординарного дома с огромным удовольствием.

Великий князь Николай Константинович умер во время войны.

Моего мужа освободили от занятий, и поскольку он был заядлым спортсменом, то горел нетерпением собрать компанию для охоты. В туркестанских степях полно гусей, диких уток и

всевозможных перелетных птиц. Муж слышал, что стаи гусей здесь так велики, что буквально небо темнеет, когда они пролетают. Только здесь можно найти дикого горного барана и гималайского козла, а также таких необычных птиц, как карликовую степную куропатку, чукару, и соек особой окраски.

Задуманной экспедиции предшествовали такие гигантские приготовления, что я не могла удержаться от иронии: «Можно подумать, что вы собираетесь, как минимум, на Северный полюс. Надеюсь, вы не станете тратить время и гоняться за невозможным». Но группа упорствовала в своем мнении и отвечала с глубокомысленным видом: «Все будет хорошо!»

Компания состояла из князя Оболенского, моего племянника, одного из офицеров Главного штаба, моего мужа и, конечно, неизбежного Жозефа. Как только они добрались до места назначения, являвшегося главным станом кочевых племен, они обнаружили там большой киргизский шатер, поставленный для них. Земляной пол шатра был покрыт толстыми коврами, место посреди оставалось свободным для того, чтобы можно было разжечь костер из кустарника, единственного топлива, которое можно найти в этих выжженных солнцем степях. Ветки уже были сложены, и оставалось только поджечь их, если понадобится. Дым уходил через отверстие в крыше шатра. Однако они не стали заботиться об огне, потому что хотя и был март, но было так тепло, а солнце было таким жарким, что можно было подумать, что уже наступило лето.

Песчаные степи простирались на мили и мили вокруг шатра однообразной серой пеленой. Ее расцвечивали только безукоризненно белые маленькие ручейки, выходящие через эту монотонную пустынную ширь. Вдоль их берегов появлялась свежая зеленая трава, в которой было рассыпано множество маленьких белых цветов, а также изумительных цветков лимонно-желтого цвета растения дикий лук. Он растет в изобилии на гребнях гор Тянь-Шаня, образуя там сплошное покрытие, и с расстояния похож на желтый ковер. Эти покрытые цветами горы так и называются – Луковые горы.

Два дня обещание немислимого количества и разнообразия дичи оставалось только обещанием. Наши охотники настреляли немного уток, одна из которых оказалась экземпляром, совершенно отличным от тех, что им приходилось встречать раньше. Голова ее была похожа на голову старой женщины в красном капюшоне.

Этой охоте было суждено завершиться неожиданным образом. Резко испортилась погода, и обрушился проливной дождь. Изменение температуры повлияло на состояние князя

Оболенского, страдавшего астмой, и с ним случился сильный приступ. Во время приступов кашля он не мог лежать и был вынужден стоять на коленях и наклониться для опоры над стулом, пока пытался восстановить дыхание. Его нельзя было шевелить, и компании пришлось прекратить охоту. Князь не мог ни идти, ни ехать, а другого способа добраться до Ташкента не было. Мой муж решил сразу же вернуться в город и прислать слугу князя с лекарствами и респиратором и оставил с больным моего племянника, юношу девятнадцати лет.

Ночью налетел буран с ледяным дождем и мокрым снегом. Температура все падала и падала, ударил мороз. Наутро земля была скользкой и гладкой, как стекло. А так как князь из-за своего недуга не выносил жара костра, они чуть не окоченели. Когда мой племянник вышел из шатра наружу, он увидел трех крупных волков, занятых поисками пищи, которых он поначалу принял за собак. Это было необычное явление, потому что волки редко появляются открыто.

Мой бедный племянник много часов провел в тревожном ожидании слуги князя, который вез лекарства. Тот приехал поздно, ведь бедняге пришлось преодолеть большое расстояние от станции по дороге такой скользкой, что его неподкованная лошадь не могла тащить коляску.

Теперь возникла другая проблема – как вывезти больного. И в конце концов было решено, что легче всего будет поднять его на лошадь. К несчастью, он терпеть не мог запаха этого животного, который вызывал у него спазмы насморка, и его астма, естественно, усилилась.

Путешествие до станции оказалось очень изнурительным. Лошадь спотыкалась и скользила на каждом шагу. Вести бедное животное было невероятно трудно и утомительно, поэтому, когда они добрались до станции, все были полностью измотаны. Мой бедный племянник перевел дух, когда занял свое место в вагоне поезда.

Спустя несколько дней князь Оболенский рано утром ворвался в наш дом полуодетый и в заметно возбужденном состоянии. Его старый слуга, возможно под влиянием частой смены температур, вдруг потерял рассудок и попытался застрелить своего хозяина, повсюду гоняясь за князем с револьвером в руках, и тому пришлось спасаться бегством через окно. Мы приняли князя у себя, а слугу отправили в Санкт-Петербург в сумасшедший дом. И он так и не вылечился.

Перед отъездом из Санкт-Петербурга в Ташкент меня приняла вдовствующая императрица, и я спросила ее величество, могу ли я присылать ей кое-какие фрукты, которыми славился

Туркестан. Зимой можно было найти только дыни, которые сохранялись в хорошем состоянии. Я спросила генерала Самсонова, как мне отправить несколько туркестанских дынь ее величеству, поскольку я знала, что в это время года они в Санкт-Петербурге большая редкость. «Я могу послать специального курьера, – ответил он, – и сделаю это с удовольствием. Найду для этого надежного казака, дам распоряжение отыскать лучшие в Туркестане дыни, которые, полагаю, будут достойны того, чтобы ее величество согласилась их принять».

Так и было сделано, и перед отъездом посыльный получил строгие инструкции держать фрукты в прохладе и на время дороги подвесить их. Но тот полагал, что сам лучше знает, что делать, и, чтобы их не раздавило, завернул дыни в свою одежду. Когда он приехал в дом родителей моего мужа и с большой гордостью распаковал эти дыни, то обнаружилось, что хотя внешне они выглядели весьма неплохо, но внутренность их полностью сгнила. Бедняга был в отчаянии. Мой свекор рассказал эту забавную историю в числе других ее величеству. Она, с ее обычной добротой, зная, как был огорчен бедный казак, и понимая, какую радость и гордость он ощущал бы, если бы ему было дозволено видеть ее величество после такого длинного путешествия, и с каким триумфом он бы рассказывал в своем полку об оказанной ему чести, дала ему аудиенцию.

По возвращении, когда он привез письма и подарки из дому, казак с восторгом рассказывал о приеме. «Я с радостью поеду еще раз, но не думаете ли вы, ваше сиятельство, что было бы лучше послать ковер ее величеству? Я уверен, ее величеству он бы больше был по душе, да и принес бы больше пользы. Наверняка вам должно быть стыдно посылать ее величеству такой подарок, как дыни! Старый князь покачал головой – и я видел, что он был недоволен».

Ранним летом из-за интенсивной жары, в которой фрукты так быстро зреют, здесь царит полное изобилие всех сортов. И оно длится до осени. Но фруктам недостает вкуса, потому что их поливают искусственно с помощью каналов, в которых зачастую вода застаивается. Так как в летние месяцы дожди – огромная редкость, почва из-за отсутствия влаги пересыхает. Фрукты быстро вырастают до неестественных размеров, особенно клубника.

Однажды я собрала компанию, чтобы посмотреть поля, где выращивалась клубника. Они принадлежали одному богатому сарту и простирались на целые мили, издали походя на красный бархатный ковер. Это было уникальное и прекрасное зрелище. Мы вернулись домой с несколькими корзинами, полными ягод, по

размерам соизмеримых с персиками. Мы сфотографировали их в натуральную величину, и, когда послали эти снимки домой, все считали, что они здорово увеличены, и утверждали, что клубника не может быть такой большой.

Хотя жара и предсказывалась, я не ожидала ничего подобного тому, что мы пережили на самом деле. Даже и вообразить нельзя, что атмосфера может быть такой удушающей, не дающей вздохнуть. Совершенная правда то, что термометры лопаются. Ощущение такое, будто находишься в какой-то печи. Никакого дуновения ветерка. Целыми днями мы сидели в этой потной бане. Из-за опасения получить солнечный удар можно было выходить из дому либо рано утром, либо поздно вечером.

На время этой тепловой волны мы закрывали окна шторами в три ряда, одна из этих штор была из черного ситца, чтобы защититься от ослепительного солнца, а окна держали закрытыми, чтобы не пустить зной внутрь помещения. Вечером, когда можно было рискнуть выйти из дому, царила влажная жара, а от оросительных каналов поднимался тяжелый туман. Очень часты были случаи малярии, и нам пришлось принимать против нее необходимые меры предосторожности.

Все в этой стране было примитивным в высшей степени, особенно методы поливания улиц. Для этого использовались большие бочки на колесах, вода из которых вычерпывалась ведрами и разбрызгивалась по улицам по несколько раз на день.

Ташкент гордился своими трамваями – но они были устаревшей конструкции и представляли собой открытые платформы, установленные на четырех колесах, а сиденьями служили деревянные скамейки. В качестве тягловой силы для передвижения этого роскошного транспорта использовалась всего одна лошадь. В дождливое время слой грязи был таким толстым, что нельзя было взобраться в трамвай с тротуара, который представлял собой идеальное место для захоронения наших галош.

Мой муж получил указание временно командовать полком, то есть готовиться к окончательному назначению, ранее ему обещанному. В связи с этим ему надо было посещать военный лагерь, расположенный примерно в двадцати милях от города. Из-за жары строевые учения проходили с пяти до девяти часов утра и с семи до девяти часов вечера. Ему приходилось вставать в четыре часа, и на нашу машину был большой спрос, так как надо было возить его туда и назад. Как сарты, так и лошади ненавидели автомобиль. Животные были плохо обучены и не могли привыкнуть к шуму и быстрой езде автомобиля – они приходили в ужас и становились неуправляемыми, и часто

происходили дорожные происшествия, дававшие повод для недружелюбия среди людей, до такой степени, что однажды в виде протеста кто-то бросил в окно автомашины большой камень, отчего стекло разлетелось на кусочки. А поскольку зеркальное стекло в Туркестане найти было невозможно, отремонтировать машину было нечем.

Круг наших друзей в Ташкенте по необходимости был очень ограничен, так что стало приятным сюрпризом, когда князь Оболенский заехал ко мне и спросил: «Княгиня, могу я представить вам одного очень симпатичного итальянского полковника, который сейчас находится в Ташкенте?» Я ответила: «Буду рада принять его».

К моему удивлению и удовольствию, когда князь мне его представил, я узнала в нем старого знакомого с Дальнего Востока – полковника Кавилья, который возвращался через Ташкент из исследовательской экспедиции, побывавшей в Китае и на Памире. Как только он меня увидел, тут же воскликнул: «Кто бы мог подумать, что я встречу вас здесь! Что вы делаете в этой варварской стране?»

Я рассказала ему обо всем, и мы пригласили его погостить у нас день-два. Было в этом какое-то живительное ощущение – увидеть вновь знакомое лицо. Полковник Кавилья, теперь уже генерал, отличился во время войны.

Как-то днем, когда муж отбыл на свою знаменитую охоту, я сидела у своего окна – то есть занималась почти единственным делом, какое возможно в этом безжизненном месте. Я наблюдала за длинным караваном верблюдов, которые фыркали, храпели, кричали пронзительным голосом и отказывались сдвинуться хоть на сантиметр. И тут я увидела, как к входу в наш дом подъехал экипаж. Из него вышел щеголеватый, невысокого роста человек, и я услышала, что он спрашивает, дома ли мы.

«Князь уехал на охоту, – отвечал слуга. – Я не знаю, принимает ли княгиня, но я схожу и посмотрю».

«Не передадите ли ей мою визитку?» – спросил неизвестный.

Он носил имя Д., и карандашом было приписано: «От военного министра, генерала Сухомлинова». Поначалу я пришла в недоумение, пока не припомнила, что военного министра ожидали в Туркестане с инспекцией, а поскольку здесь только мы владели машиной, то этот человек, возможно, приехал, чтобы вежливо потребовать и убедить нас отдать ее в распоряжение министра.

Я не намного ошиблась в своих предположениях. Он действительно приехал в связи с машиной. Но он также стал хвастаться своей близостью к этой высокой персоне. «Он сделает

все, что мне от него потребуется, – говорил он мне. – Консультируется со мной по любому поводу. Он в большом фаворе у императора и особенно... – тут он понизил голос и загадочно поднял палец, – особенно у императрицы, что будет поважнее, потому что всем известно ее влияние на императора. Как вы считаете, княгиня, генерал-губернатор на своем месте?» И до того, как я успела ответить, он произнес: «С ним покончено – абсолютно покончено. Он был груб со мной, и он однажды об этом пожалеет».

Голос человека журчал как ручей. Послушать его – и можно было подумать, что это он правит Россией. Когда он поднялся, чтобы уходить, он сказал: «Попросите князя заехать и повидаться со мной, как только он вернется. Он хочет командовать полком? Каким? Ему достаточно только сказать, что хочет, и он его получит».

У меня буквально закружилась голова от этого водоворота слов. На следующий день я играла в теннис у генерала Самсонова и посчитала, что могла бы узнать правду о своем неизвестном посетителе. Поэтому рассказала генералу Самсонову все о моей беседе с Д. Едва это имя слетело с моих губ, он воскликнул: «Выгоните его, если он вновь к вам придет! Это мастер блефа, который, к сожалению, иногда дает результаты. Он жил в каком-то отеле в Санкт-Петербурге, где я, как правило, останавливался, когда надо было приезжать в столицу. Его номер находился недалеко от моего, и я мог видеть всю эту толпу, ожидающую у него приема, и среди прочих были и некоторые весьма уважаемые люди. К нему шли с прошениями, веря, что он всемогущ. У него в номере установлен телефон – совершенно необычная в то время в России вещь, но говорили, что этот аппарат вообще никуда в городе не подключен, а это просто блеф, как и он сам.

Точно так же простые люди слушали его фамильярные разговоры по телефону с министрами и другими лицами, внимая обещаниям того, этого и третьего через назначения и продвижения, и уходили с улыбкой на лице, радостью в сердцах, возвышенные надеждой, в настоящем восторге, в это же время оставляя небольшие подарки как знаки дружбы – знаки, которые временами достигали многозначных чисел. Одно, к сожалению, несомненная истина – он в самом деле близок к военному министру, потому что он друг его жены.

Д. нанес визит и мне, – продолжал генерал, – представив себя посланцем военного министра, и самым властным тоном попросил меня устроить для него некоторые хлопковые плантации по соседству с именем императора – Моурган. Это

очень богатая земля, поскольку она обслуживается совершенной системой орошения, и он рассчитывал получить землю практически на своих условиях. Собственность была передана в акционерную компанию, и акции обрели высокую цену. Он дошел до того, что добавил: «Министр желает, чтобы я занялся делом здесь в области недвижимости». И с этим оставил меня. С тех пор я слышал, что он говорил обо мне отвратительные вещи при всякой возможности, – что касается меня, то для меня это совершенно безразлично. Но он никогда больше не появлялся на пороге моего дома, потому что я не хочу иметь с ним никаких дел. Советую вам последовать моему примеру».

Несколько дней спустя неожиданно приехал министр сельского хозяйства Кривошеин. Мой муж к тому времени уже вернулся с охоты и приехал на станцию вместе с генерал-губернатором встречать министра, а позже по неблагоприятному стечению обстоятельств нам вскоре вручили телеграмму от военного министра, извещавшую о его скором приезде. Я забыла упомянуть, что этот пресловутый Д. ожидал, что мой муж посетит его, и, устав от ожидания, решил сам сделать первый шаг. Он приехал к нам и показал моему мужу телеграмму от генерала Сухомлинова, в которой сообщалось о его близком приезде.

«Вы ему отдадите свою машину, не так ли, князь?» – спросил Д. «Мне ужасно неловко из-за непредвиденного осложнения, – ответил мой муж, – но господин Кривошеин уже забрал ее».

В ходе дальнейшего разговора Д. начал пренебрежительно отзываться о генерал-губернаторе Самсонове, в которого мой муж был просто влюблен и к которому питал искреннее уважение. Поэтому муж, естественно, весьма резко осадил Д., и последний ушел раздраженным. Два дня спустя, когда мой муж вместе с генерал-губернатором приехал на станцию встречать военного министра, Сухомлинов сделал вид, что его совершенно не замечает. Мы догадались, что Д. изложил ему свою версию в отношении машины, а посему мой муж попал в опалу.

Дело было в Страстную неделю, и генерал Сухомлинов отправился в Бухару, чтобы отмечать Пасху там, хотя, так как город был полностью мусульманским, в нем не было ни одной церкви. Однако министру было известно, что генерал Самсонов был очень привязан к своей семье и предпочел бы спокойно провести Пасху в ее кругу.

Эмир Бухарский прислал жене министра целый вагон ковров и других ценных подарков, хотя высокопоставленным чиновникам и членам их свиты строго запрещалось принимать какие-либо подарки. Потом Сухомлинов объяснял, что сразу же отказался от предложенных даров, но эмир не так понял его отказ и, несмотря

на протесты генерала, прислал подарки без его согласия.

Случай с Д. не остался без последствий. Дело не закончилось в Ташкенте.

Примерно в это время я сильно заболела малярией, которая была такой острой, что я теряла сознание. Моего мужа, бывшего на дежурстве в полку, немедленно вызвал доктор, который надеялся, что я скоро поправлюсь. Но мне становилось все хуже.

Боль была такой сильной, что пришлось три раза в день вводить морфий. На консультацию пригласили только что назначенного доктора, руководившего военным госпиталем и имевшего высокую репутацию. Он поставил мне диагноз воспаление почек, как результат малярии, и рекомендовал как можно скорее отправиться в горы.

У генерал-губернатора в местечке, именуемом Чимган, в горах на высоте 1200 метров над уровнем моря был небольшой летний павильон, который он оставил в распоряжение своего заместителя, генерала Покотило, так как сам собирался поехать на водные процедуры в Германию. Генерал Покотило очень любезно предложил нам отправиться туда и пожить там какое-то время вместе с его семьей. Мы с благодарностью приняли это предложение и стали готовиться к скорому отъезду. Мы решили поехать на нашей машине, которая была специально оснащена для подъема на гору и стала первой машиной, совершившей такую поездку.

Нас собралась большая компания: генерал Покотило (который был очень тучным), мой муж и я сама, наша дочь и мисс Вайз, слуга мужа Жозеф, а также шофер и механик. Поначалу дорога была совсем неплохой, и мы не испытывали особых неудобств. Но жара была гнетущей, солнце жгучим – таким, что можно было поджарить быка!

Чтобы не заработать тепловой удар, мы растянули над машиной тент, но это только ограничивало доступ воздуха, отчего делалось еще более душно. По мере приближения к горам дорога, по которой еще не ездила ни одна машина, становилась постепенно все круче и ухабистее, а во многих местах и вообще опасной. С одной стороны над нами угрожающе нависали огромные каменные валуны, а с другой был отвесный берег канала – фактически мы находились между Сциллой и Харибдой. В некоторых местах еле хватало места для проезда машины, и несколько раз мы чуть не рухнули в каналы, которые испещрили всю местность. Течение в этих каналах было таким стремительным, что издали было видно, как бурлит вода, и слышался угрожающий шум ее страшного ропота и клокотания.

Мы доехали до того места, где дорога стала практически

непроезжей, поэтому отправили Жозефа в ближайшую деревню привести нескольких сартов, чтобы они помогли восстановить ее, потому что она была перерезана глубокими канавами и изрыта ямами, которые надо было засыпать, чтобы мы смогли продвинуться хотя бы на дюйм. Мы продвигались вперед шаг за шагом, а машине пришлось проделать, буквально и фигурально, тяжелую работу, так как постоянно закипала вода в радиаторе и ее приходилось то и дело менять. Крутой берег канала был сложен из сыпучих песков, так что почти невозможно было ступить ногой. Единственно, как мы могли добыть воды для заливки в радиатор, – это бросить привязанное на веревке ведро в канал и набрать там воды. Одно ведро было унесено течением, и Жозефу пришлось еще раз пройти до деревни, чтобы помочь нам разрешить проблему.

Он отсутствовал долгое время, пока мы жарились под палящим солнцем, потому что в нашем тенте прожгло большую дыру. Однако он, наконец, вернулся, и мы продолжили свой путь. Финальную схватку мы выдержали в конце поездки. Тормоз автомашины слишком износился и не мог захватить колеса, и, съезжая вниз под гору, машина чуть не потеряла управление. Мы мчались на жуткой скорости и по инерции доехали до подножия соседнего холма, где и смогли остановиться. Но в конце концов мы благополучно завершили свою поездку и добрались до знаменитой горы Чимган – места, где начинается Памирская горная цепь.

Памирское плато известно как Крыша мира, лежит на средней высоте 5000 метров над уровнем моря и соединяет Туркестан с Афганистаном, а через Гималаи – с Индийской империей. Когда мы приехали, уже было почти холодно, потому что с Памирских гор дули ледяные ветры. Это самые холодные горы в мире. Местность представляла собой небольшую долину, и, так как там не было ни домов, ни коттеджей, мы все устроились в киргизских юртах, и это было похоже на какой-нибудь азиатский лагерь. Вид предстал великолепный, самыми живописными были заснеженные гребни гор в своем величии и уединении.

Доктор посоветовал мне оставаться там в течение месяца, надеясь, что свежий холодный воздух довершит мое излечение. Но он ошибся, потому что той ночью я испытала даже большую, чем когда-либо, боль и решила вернуться в Ташкент, потому что здесь не могло быть никакой медицинской помощи и некому было делать мне инъекции морфия, которые были абсолютно необходимы.

Однако до отъезда мы встретили двух англичан, что

доставило огромную радость мисс Вайз, которой редко приходилось видеть своих соотечественников. Они совершали долгое путешествие через Персию и Туркестан и направлялись в Ташкент, чтобы там сесть на поезд на обратном пути в Европу. Один из них ныне полковник и во время войны находился на действительной службе, где отличился. По окончании военных действий между Германией и Россией его собирались послать в Россию, но из-за революции его назначение не состоялось. Как ни странно, я встретила его здесь, в Англии. Несколько месяцев назад я обедала с друзьями, когда ко мне подошел один из гостей и сказал: «Вы не княгиня Барятинская, которая некоторое время тому назад была в Туркестане?» – «Да, это я, – ответила я, – но, простите, не могу вас припомнить». – «А вы не помните двух незнакомцев, которые заходили к вам, когда вы были больны и жили в палатке на Чимгане?» – «О да, теперь я вас очень хорошо помню и очень рада вновь вас встретить. Мир очень тесен, хотя и обширен. Это ли не парадокс?»

Он задержался, и мы поболтали с ним недолго, и он сказал, что надеется прислать мне несколько фотографий, сделанных во время его путешествия по Дальнему Востоку. С тех пор мы больше не встречались, но я слышала, что ему предложили должность в Месопотамии, и сейчас он там.

По нашем возвращении в Ташкент мой муж обнаружил телеграмму от генерала Голдойера, командира 4-го гвардейского императорского стрелкового полка, в которой говорилось: «Почему вы не поблагодарили императора за меню, которое он послал вам какое-то время назад?»

Эта телеграмма была для нас полной загадкой. Я припомнила, что один друг моего мужа, офицер одного из полков в Ташкенте, который одно время был в том же полку гвардейских стрелков, что и Голдойер, говорил мне: «Какая любезность со стороны императора прислать мне свой автограф на меню одного из обедов, который его величество почтил своим присутствием!» Он явно очень гордился этой наградой.

На генерала этой дивизии произвело большое впечатление милостивое признание императором заслуг этого офицера. Случай этот вызвал у нас некоторое удивление, так как мы хорошо знали, что его величество никогда не был в близких с ним отношениях. Однако, получив телеграмму генерала Голдойера, мой муж с нею в руке тут же отправился туда, где жил его друг, чтобы выяснить, были ли оба меню в одном конверте. При этом офицер стал очень нервным, раздражительным и возбужденным, особенно когда после обеда мой муж, готовый ко всяким

неожиданностям, показал ему телеграмму и спросил: «Может быть, вместе с вашим было еще одно меню?» – «Абсолютно уверен, что не было! – отвечал офицер. – Я принесу вам конверт».

И принес, а там, внутри конверта, обнаружилась ненароком приклеившаяся маленькая записка от адъютанта вышеупомянутого полка гвардейских стрелков: «Не будете ли любезны немедленно передать это меню Толи Барятинскому, так как я не знаю его нынешнего адреса».

На этом меню была подпись императора, а в левом углу под эмблемой полка было написано по-русски «Толи, Николай» и над именем «Толи» рукой императора пририсована корона. Меню было также подписано великими князьями, там присутствовавшими. Мой муж тут же послал телеграмму с благодарностью его величеству, а в том, что касается этого офицера, он не стал ничего предпринимать. Он никому ничего не рассказал об этом случае, но однажды, когда у генерал-губернатора встал вопрос об этом офицере – он стал зачинщиком ссор в полку, что-то натворив, будучи не совсем в порядке, – и генерал сказал моему мужу: «Император его очень любит. Он даже прислал ему меню», мой муж рассказал всю правду.

В 1911 году мое здоровье ухудшалось день ото дня. Я испытывала ужасную, никогда не покидавшую меня боль, и она вынуждала меня не только оставаться в комнате, но и быть прикованной к постели. Эти приступы происходили постоянно, и после каждого недомогания я стала замечать, что вижу все как в тумане – все предметы становились расплывчатыми и неопределенными. Мне казалось, что я смотрю сквозь густую пелену. Мысль о том, что я могу потерять зрение, была для меня мучительной, хотя доктора уверяли в обратном и пытались подбодрить меня всеми возможными способами. Они с одобрения моего мужа решили отправить меня как можно скорее на консультацию к известному профессору Оппенгейму в Берлин и передать меня в его надежные руки. Главной причиной моей болезни был малярийный климат.

Глава 11

Убийство Столыпина в Киеве

Сразу же начались приготовления к моему отъезду. В таком состоянии здоровья было очень трудно перенести дорогу. К несчастью, мой муж не мог сопровождать меня из-за своих служебных обязанностей, но обещал приехать к нам через две недели. Я взяла с собой дочь, ее няню (мисс Вайз) и свою служанку. До нашего приезда в Варшаву за мной ухаживала сестра милосердия из Красного Креста, а остальную часть пути за мной преданно ухаживала Нанни. Каждый толчок и каждое сотрясение поезда вызывали у меня мучительную боль, и все-таки я была очень рада уехать из Ташкента.

Наконец, мы приехали в Берлин, но ночью у меня случился острый приступ, и всем показалось, что я умираю. Рано утром пришли профессора Оппенгейм и Боас, чтобы посмотреть меня, и меня тут же перевезли в клинику профессора Боаса, где за мной изумительно ухаживали. Два дня спустя я полностью ослепла, но благодаря неослабному вниманию обоих профессоров вскоре зрение вернулось.

Шел сентябрь 1911 года. Чувствуя себя немного лучше, я разговаривала с медсестрой, когда вдруг услышала хриплые крики мальчишек-газетчиков: «Смертельное нападение на Столыпина в Киеве!» Меня это жутко потрясло, так как я знала, что там была и императорская семья, и я упросила сестру пойти и купить мне газету. И когда та принесла ее, попросила ее сразу же прочесть мне это сообщение. Там было лишь короткое извещение, в котором говорилось, что какой-то человек стрелял в премьера в театре в Киеве в присутствии императора и великих княжон. Хотя Столыпин и находится в критическом состоянии, все еще есть надежда спасти его.

И я воскликнула: «Бедный император! Ведь ему прибавилось хлопот. Напали на самого верного и преданного подданного! Какое горе!»

Сестра заметила, что в соседней палате находится одна пожилая пара, приехавшая из Киева. Старая женщина только что перенесла тяжелую операцию и все еще была слаба. Она также услышала новость, о которой кричали на улице, и упросила сестру прочитать ей газету, так как сама жила в этом городе. Она с большим интересом выслушала сообщение, потому что в тайной полиции служил ее сын, и, возможно, он ей опишет происшедшее во всех деталях.

Очень рано утром, когда сестра отправилась за моим завтраком, кто-то без стука вошел в мою палату и упал в кресло, всхлипывая и стная: «У меня больше нет сына! У меня нет сына! Какой позор! Почему я не умерла?»

Я так перепугалась, не понимая, кто это передо мной, что потеряла сознание. Сестра, услышав издали эти безумные крики, бросилась в комнату, чтобы разобраться, в чем дело. Она знала, что мне нельзя волноваться, и боялась осложнений. С большим трудом эту бедную женщину вывели из моей комнаты. Она вся тряслась и, пока ее вели, еле могла передвигаться.

Когда сестра вернулась, я спросила ее: «Что стряслось? Какое несчастье случилось с этой бедной старухой?» И сестра ответила: «Ее сын – презренный убийца русского премьер-министра». Я ей возразила: «Как это так? Вам она вчера сказала, что он служит в тайной полиции. Его имя открыто напечатано в газете, Багров (правильно Богров. – *Пер.*) – такое же, как и у старой дамы. Будьте добры, принесите мне эту газету и прочтите все до деталей».

Там сообщалось, что попытка покушения совершена человеком по имени Багров. В полиции ему очень доверяли, поскольку считали его абсолютно надежным, и его специально назначили охранять премьера, потому что ходили слухи, что на его имя приходят анонимные письма с угрозами. Убийство произошло в театре. Премьер занимал третье место в первом ряду, прямо под императорской ложей. Багров сидел на следующем ряду как раз за его спиной, откуда мог следить за каждым движением министра. В перерыве между актами он подошел к Столыпину, который смотрел в зал. Багров подошел очень близко и несколько раз выстрелил в упор. Одна пуля попала в печень премьера, другая отскочила и попала в кого-то из оркестра, тяжело ранив музыканта, а третья просвистела мимо одной из великих княжон, которая громко вскрикнула. Она так перепугалась за императора, своего отца!

Во время поднявшейся суматохи Багров весьма спокойно вышел в коридор, и ни у кого бы не возникло ни малейшего подозрения в том, что это он совершил это подлое деяние, если бы его не выдал револьвер. Он прятал его под программкой, но, к несчастью для него, оружие все еще дымилось. Стоявший рядом с ним полковник Шереметьев увидел дым и немедленно обратил на него внимание. С огромным трудом другим офицерам полиции удалось помешать толпе линчевать его. Одна дама бросилась на Багрова и стала колотить его по лицу театральным биноклем. Столыпина вынесли в фойе, и его первые слова, когда он пришел в себя, были: «Что с императором?» И когда ему сказали, что его

величество спасся, Столыпин перекрестился и воскликнул: «Слава богу!»

Переживания из-за трагической новости резко ухудшили мое состояние, и врачи запретили мне слушать дальнейшие сообщения, опасаясь, что это приведет к новому рецидиву. В тот же самый вечер родители убийцы Столыпина покинули эту частную лечебницу. Там было слишком много русских пациентов, и они боялись, что подвергнутся оскорблениям или в любом случае наслушаются неприятных высказываний. Потом мы услышали, что от полученных ран Столыпин скончался. Он был в первую очередь патриотом, настоящим русским человеком в лучшем смысле этого слова, преданным своему императору, своей стране и своему долгу. Его единственной мыслью было разделить с императором трудную задачу и облегчить ему бремя огромной ответственности. Его сердцу было дорого и поглощало всю его энергию благополучие России и его народа. Он был человеком широкого ума и очень высокой интеллигентности – тем, кого почти невозможно заменить. Он был ярким сторонником фермерской системы раздела земли на мелкие участки, так чтобы каждый крестьянин имел свою небольшую собственность.

К несчастью, его смерть поставила крест на всех этих возвышенных планах, и от его проектов пришлось отказаться. Он был похоронен в одном из монастырей в Киеве. Так ушел один из величайших государственных деятелей и патриотов России. Если б он жил, он бы всеми силами, имевшимися в его власти, постарался бы избежать революции. Он бы не оказался в числе тех, кто сказал императору: «Не отречется ли ваше величество во благо страны?»

Вскоре мой муж приехал в Берлин и снял меблированную квартиру, в которую меня перевезли. Зрение мое все еще оставалось очень слабым, но я наконец-то оставила позади свои страхи. Доктора все еще за мной ухаживали, и меня подвергли специальным «электрическим» процедурам. Меня беспокоила мысль о том, что придется возвращаться в Ташкент, от которого у меня остались такие неприятные воспоминания и где я так серьезно заболела.

Видя, что мой муж вполне серьезно собирается возвращаться в Ташкент и продолжать службу с генералом Самсоновым, я ухватилась за неожиданно пришедшую мне в голову мысль написать генерал-адъютанту Иванову, командующему войсками Киевского округа. Я помнила, что он говорил мне в прошлом году в Санкт-Петербурге. Перед нашим отъездом в Ташкент генерал выразил сожаление, что мой муж, служивший под его началом в Японскую войну, не пришел к нему. «Для меня было бы огромным

удовольствием иметь его в своем штабе, – заявил он, а потом добавил: Зачем ехать в Туркестан? Там же самый нездоровый климат на земле!» На это мой муж ответил: «В каком смысле нездоровый, ваше превосходительство? Да, там жарко, но это как раз тот теплый климат, какой я ищу для своего ревматизма. И потом, уже слишком поздно – я уже назначен к генералу Самсонову».

Со своей стороны, мне генерал Иванов представлялся очень симпатичным и по характеру прямым человеком, а перспектива нашего отъезда глубоко огорчала меня, потому что город Киев был, по всем рассказам, очаровательным местом с мягким континентальным климатом. У родителей моего мужа на юге России была всякого рода собственность. К тому же, поскольку семейной традицией было проводить лето в деревне, нам было бы нетрудно приехать к ним. Кроме того, Киев много ближе к Санкт-Петербургу, чем азиатский город Ташкент. Генерал Иванов даже говорил, что если когда-нибудь моему мужу захочется сменить место службы или если климат Ташкента ему не подойдет, то он должен написать генералу, а тот всегда будет рад иметь нас поблизости от себя.

Итак, я решила написать и все объяснить генералу Иванову, не вводя своего мужа в курс дела, рассказать генералу, что мне отвратительна идея возвращения назад в Ташкент, особенно после такой тяжелой болезни, пожаловаться, какой примитивной и однообразной была там жизнь. Поступая так без ведома мужа, я, конечно, рисковала, но я опасалась, как бы он, узнав, чем я занимаюсь, не начал ставить палки в колеса.

Месяц погодя пришел ответ от генерала Иванова, ожидаемый мною с таким нетерпением, но он был адресован моему мужу. Тот был весьма удивлен. «Только подумать, – сказал он, – генерал Иванов предлагает мне место в своем штабе и говорит, что уже получил разрешение императора на мой перевод. Он переговорил об этом с моим отцом, и старик был очень доволен ввиду состояния своего здоровья тому, что я могу быть где-то поблизости от него».

Волей-неволей мне пришлось очистить душу перед мужем, который был немного раздражен тем, что я предприняла меры, не посоветовавшись с ним. Он никогда не одобрял моего вмешательства в служебные дела без его ведома. Но, учитывая мое состояние здоровья, он избавил меня от сцены гнева и решил согласиться с новым назначением. Благодаря основательному курсу лечения, который я проходила в Берлине, мое здоровье продолжало улучшаться.

Через два дня мы уехали, направившись сначала в Санкт-

Петербург, а оттуда – в Ташкент, потому что там надо было закончить дела и организовать отправку всех наших вещей в Киев, на новое место службы. Я все еще далеко не восстановила свои силы и часто испытывала приступы головокружения, из-за чего рядом со мной, когда я выходила куда-нибудь, всегда должен был кто-то находиться. За день до назначенного мною срока отъезда из Германии я пошла вместе с мисс Вайз, няней моей дочери, купить подарки друзьям и родственникам в России. Когда мы подошли к Вильгельмштрассе, мисс Вайз зашла в магазин купить что-то для моей дочери, а я, чтобы сэкономить время, стала переходить дорогу, направляясь в другой магазин. Как я уже упоминала, я все еще ощущала слабость, и в приступе внезапного головокружения я поскользнулась на грязной дороге и посреди нее потеряла сознание. Но перед этим я безуспешно пыталась устоять на ногах.

Когда пришла в себя, я ощутила острую боль в ноге и увидела, что лежу на матрасе посреди дороги, окруженная незнакомыми лицами. Кто-то сказал, что меня собираются отвезти в ближайшую станцию скорой помощи, когда, к огромному счастью, меня узнал один из продавцов магазина, куда я направлялась, и вмешался в разговор, сообщив, что я – княгиня Барятинская. Потом он побежал к телефону, чтобы позвонить моему мужу, и на его звонок ответила моя маленькая дочь. Совершенно расстроившись, она бросилась в комнату моего супруга, чтобы сообщить ему эту горестную весть. Тот сразу же сделал все необходимые приготовления для доставки меня домой, и вот тогда я поняла, что боль, которую я почувствовала, придя в сознание, была вызвана тем, что, упав на скользкой дороге, я сломала ногу. Толи сразу же вызвал отличного врача, который наложил гипс. Но конечно, это происшествие спутало все наши планы и не позволило отбыть на следующий день.

Что до мисс Вайз, то она, выйдя из магазина и увидев посреди дороги толпу, ни на миг не допускала, что в ее центре могла находиться я. И, считая, что я уехала домой на такси, нисколько не переживала за меня. И только когда она вернулась домой, там, к своему огромному горю, узнала о том, что произошло.

Прошло какое-то время до того, как мы, наконец смогли отправиться в Санкт-Петербург, где мой муж немедленно получил аудиенцию у императора, который говорил ему о генерале Иванове в очень похвальном тоне. Мой муж серьезно беспокоился о том, как объявить генералу Самсонову о своем внезапном отъезде, но у него был великолепный предлог в свою поддержку – мое состояние здоровья. Через несколько дней мы уехали в

Ташкент. И генерал, и его жена были к нам очень любезны, и Самсонов не питал никакого недовольства по отношению к моему мужу за то, что тот покидает Туркестан, хорошо понимая, что мое здоровье имеет самое важное значение. Мы расстались самыми лучшими друзьями, и они проводили нас до станции. Также проводить нас пришли и многие другие, среди которых было несколько самых настоящих друзей, потому что дружеские связи легче завязываются в местах, где общество недостаточно культурное. Многие из тех, с кем мы были близко знакомы, были печальны и унылы, потому что наш дом был единственным частным домом, где вообще можно было отдохнуть.

Был май 1912 года, когда мы выехали в деревню Ивановское Курской губернии – нам нужно было оставить дочь на попечение родителей мужа, – а оттуда направились в Киев, чтобы подыскать жилье, как нас информировали, задача очень сложная для этого города.

Перед тем как продолжить историю, мне хотелось бы совершить небольшое отступление и кое-что рассказать о нашем имении в Курской губернии^[19]. Это было родовое имение и по наследству из поколения в поколение переходило к старшему в семье сыну. Мой свекор унаследовал его от своего двоюродного брата, князя Барятинского, чей единственный сын умер очень молодым. Это было огромное имение, охватывающее около 60 000 десятин, или 600 квадратных километров. Это было, по сути, небольшое королевство и датировалось временами правления Екатерины II, но в те времена это был огромный невозделанный кусок земли.

Одна ночь на поезде – и мы сошли на какой-то маленькой захолустной станции, от которой еще проехали шестнадцать километров до имения. Дорога, часто непроезжая, шла через кукурузные и свекловичные поля, потому что основные культуры здесь – сахароносы, и сахар вырабатывали несколько тут же вблизи расположенных заводов. Весьма однообразным, если не сказать монотонным, был этот русский сельский пейзаж, и мы были буквально ошеломлены, когда в поле зрения появился прекрасный замок, расположенный в обширном парке, и мы вдруг попали в царство высокоразвитой цивилизации.

Один из предков Барятинских, прирожденный инженер и архитектор, построил этот дом и разбил огромный парк, пересекаемый величественными аллеями, усаженными различными породами деревьев. Парк был в самом деле восхитительным и содержался с исключительной тщательностью. Дорожки и подъездные аллеи, покрытые золотистой галькой, и низко подстриженные лужайки придавали всему этому атмосферу

свежести и порядка. Каждое утро вскоре после восхода солнца можно было увидеть крестьян и крестьянок, одетых в живописные костюмы, занятых чисткой и поливом растений, приведением в порядок дорожек и лужаек, они следили, чтобы ни один увядший лист не омрачил чистоты этих великолепных аллей.

Посреди парка было большое озеро с двумя маленькими островами, на одном из которых располагался небольшой греческий храм, а на другом была построена протестантская церковь, потому что бабушка моего свекра была этой веры. Прекрасная аллея, по бокам которой стояли статуи – копии античных скульптур, вела из замка к озеру, где танцевали на якорях небольшие лодочки.

Парк прилегал к величественному дубовому лесу, который был его продолжением. В лесу находили приют многочисленные олени, которые не боялись забредать в парк. Можно было видеть этих изящных созданий, грациозно скачущих в кустарниковых зарослях и заходящих за своей едой под навесы, специально для этой цели построенные, а также служащие укрытием от снега в морозные зимние дни. Время от времени, когда количество самцов выходило за допустимые пределы, устраивалась охота; олени, которых в других обстоятельствах можно было бы приручить, оставались дикими и пугливыми, поэтому охота на них была очень трудным делом, ибо общеизвестна удивительная энергия оленей.

В начале XIX века здание было полностью переделано и реконструировано в стиле ампира в духе эпохи Первой Империи. Планы строительства были составлены знаменитым итальянским архитектором Растрелли, тем самым, который занимался Зимним дворцом в Санкт-Петербурге. Здание было очень внушительных размеров, с двумя крыльями, содержащими большое количество комнат, которых фактически было более двухсот. Паркетные полы (которые, кстати, демонстрировали мозаичную кладку отменного качества), двери и очень много внутренней деревянной отделки были выполнены крестьянами из этой деревни.

Сам дом был подлинным музеем драгоценных вещей: картин, бронзы, скульптуры, мебели и фарфора. Одна комната была декорирована гобеленами знаменитого французского художника Буше. Они были несколько вольными по сюжету, но полными изящества. Не знаю почему, но еще с незапамятных дней существовал обычай держать эту комнату для архиереев, которые останавливались во дворце, так что она стала известной под названием Архиерейской комнаты. И, к нашему великому изумлению, перед приездом одного из этих прославленных посетителей гобелены повернули лицом к стене, чтобы не

шокировать владыку или не мешать спокойствию его сна.

Здесь можно было заниматься изучением живописи и наслаждаться картинами великих итальянских мастеров всех школ. В Ивановском находился большой семейный портрет княгини Екатерины Барятинской, урожденной принцессы Шлезвиг-Гольштейнской, работы Анжелики Кауфман, швейцарской художницы XVIII века, репродукции которой, разбросанные по всему миру, так хорошо известны. О самой княгине говорили, что у нее был столь жестокий нрав, что, когда ее управляющему сообщили о ее кончине, бедняга умер на месте от радости!

Среди самых замечательных предметов находился бесценный бронзовый столик работы Гутьере, знаменитого резчика XVIII века, и туалетный сервиз севрского фарфора, подаренный Марией-Антуанеттой, а также ее портрет, подаренный ею самой князю Ивану Барятинскому, когда тот был послом России при французском дворе, с надписью: «Мария-Антуанетта – князю Барятинскому». Еще на одном портрете королева изображена в зловещей тюрьме Тампль с головой, накрытой небольшим черным кружевным колпаком. В одном из залов для приемов находился большой портрет императрицы Екатерины II, написанный знаменитым художником Лампи, на котором она изображена с орденской лентой Святого Георгия. Наша картина считается оригиналом, а все остальные существующие экземпляры – не что иное, как ее копии. В том же зале были великолепные портреты всех императоров и членов императорской семьи. Увы! Все было разграблено или уничтожено в дни революции.

Была часовня в стиле Людовика XIV, а под ней находился наш семейный склеп. Две прекрасные комнаты были отведены под исторический музей, иллюстрирующий жизнь и достижения фельдмаршала князя Барятинского, завоевателя Кавказа, а позднее наместника на Кавказе. Среди других реликвий был его гороскоп, написанный на пергаменте, который ему кто-то составил во время его крещения. В нем была верно предсказана его последующая слава.

Не могу обойти вниманием то, что Ивановское принимало многих императорских особ. Императрица Екатерина II останавливалась на пути в недавно завоеванный Крым. Император Александр I был здесь по дороге в Таганрог вместе с императрицей Елизаветой Алексеевной. Можно вспомнить, что, когда он умер в 1825 году во время своего путешествия, повсюду говорилось, что тело, заключенное в гроб, было не его, а сам он ушел и странствует по Сибири. Когда императрица Елизавета вернулась в Ивановское, она ничего не рассказывала об

обстоятельствах его кончины. Ивановское также почтили своими визитами императоры Александр II и Александр III, который, будучи наследником престола, присутствовал на похоронах фельдмаршала князя Барятинского. Там же находилась мраморная табличка в память визитов всех этих высоких гостей.

Еще одно воспоминание о Ивановском – знаменитый Мазепа, чей лагерь располагался в имении. Одна из деревень носит имя Мазеповка.

После короткого визита в это очаровательное место мы с мужем отправились в Киев. Генерал Иванов заехал к нам в гостиницу сразу же в день нашего приезда. Он был таким симпатичным, таким любезным человеком, но в то же время прославленным воином. Мое сердце тут же почувствовало влечение к нему.

После нескольких дней поиска подходящего для нас жилья, когда нам пришлось обшарить весь город, мы решили снять квартиру в доме, построенном на американский лад, – огромной башне на 1500 жителей. Здание имело девять этажей, а с крыши, оборудованной прогулочной площадкой, открывался великолепный вид на Киев. Этому дому, как мы позднее увидим, было суждено сыграть большую роль во время обстрела города большевиками.

Мне Киев показался очень живописным. Это была столица Малороссии, которая сама по себе весьма живописна. Город строился на склонах достаточно высоких холмов, ограниченных рекой Днепр, а когда река разливалась в паводок в начале весны, вид был вообще уникальный. Поскольку я никогда раньше не бывала в Киеве, то с величайшим интересом изучала его осенью, когда мы устроились в своем новом жилье. Знаменитая Киево-Печерская лавра чрезвычайно богата разнообразием стилей и святых икон. Софийский собор с его древними стенами, покрытыми мозаикой, относящейся еще к временам языческой Руси, был великолепен, и я была полна изумления при виде многих его красот. Есть что-то трогательное в этих древних церквях с их «тусклым религиозным светом», что предрасполагает к молитве перед мощами святых, чьи кости покоятся в их сводчатых склепах.

Осенью 1912 года наш обожаемый наследник престола тяжело заболел, и молитвы об его выздоровлении читались во всех церквях, где народ собирался толпами, и было видно, с каким истинным пылом люди молились о его исцелении. Это великое ходатайство сводило вместе все слои общества, потому что всеми владела одна мысль, одно желание – чтобы Господь избавил императора от его венценосной скорби. В то время я

была убеждена в преданности народа своему монарху.

Несчастье случилось, когда государь вместе с семьей находился в районе Варшавы, отдыхая в охотничьих угодьях. Болезнь его наследника внезапно приняла тяжелую форму – любая беспечность приводила к жуткому кровотечению, а боли могли легко, учитывая его слабое здоровье, привести к смерти. В семье было несколько случаев заболевания этой болезнью. Например, брат императрицы, который умер в детстве, и ее племянник, сын принца Генриха Прусского, также страдали этим недугом. Но, самое главное, это были, к счастью, очень редкие случаи, а в медицинской истории был известен лишь двадцать один их аналог.

Кое-кто из тех, кто составлял ближайшее окружение императора, рассказывали нам впоследствии, что тогда их величества пережили дни ужасных страданий. Оставалась лишь очень слабая надежда, и император с императрицей готовились к худшему. Императора часто можно было видеть в слезах, против его воли они капали, а его подпись на государственных документах иногда выходила размазанной, и бумага по этой же причине бывала влажной – ибо его величество исполнял свои обязанности несмотря ни на что. Наконец, в Киев пришла добрая весть, и тогда в знак благодарности был проведен благодарственный молебен в честь исцеления нежно любимого наследника. Мы послали императору телеграмму с выражением нашей глубокой преданности, и в полученном сердечном ответе просматривалась между строк его безмерная радость.

Мой муж был очень занят при штабе генерала Иванова, который был командиром исключительных способностей, а войска под его началом отличались идеальной дисциплиной. У него был простой характер, яркий интеллект и самое невероятное добродушие. И его просто обожали в Киеве, где называли Дедушкой. Обладая худощавой фигурой, лицом русского крестьянина и длинной белой бородой, он всегда говорил о себе: «Я – русский крестьянин». Но он был и воином великой доблести, преданным императору и своей стране. Ныне он уже ушел от нас, но я всегда буду хранить в памяти нежные и благодарные воспоминания о нем.

Моему мужу приходилось каждый месяц уезжать из Киева в Царское Село с докладом императору, иногда я сопровождала его, чтобы повидать в Санкт-Петербурге его родителей. Этим докладам придавалось большое значение, и, хотя меня не посвящали в вопросы политики, я часто слышала разговоры о явной враждебности со стороны Австрии, с которой мы граничили в Галиции, и в это же время о широком народном

движении, возглавляемом неким профессором Грушевским, который вел в Малороссии активную пропаганду.

Эти доклады готовились капитаном штаба генерала Иванова по имени Духонин – исключительно интеллигентным и образованным человеком, отличным воином и потрясающим работником. Он был великим патриотом и пытался спасти положение в России во время революции, когда и встретил свою смерть при весьма мучительных обстоятельствах, о которых я напишу в последующей части. Однажды, читая эти доклады, император сказал моему мужу: «Это ты писал, Толи? Они написаны великолепным слогом, и их очень легко читать». Мой муж ответил, что он на самом деле собирал материал, но сам доклад был написан капитаном Духониным. И император с присущей ему безграничной добротой написал на одном из докладов: «Благодарю капитана Духонина за его великолепную работу» – и подписался. Когда капитан Духонин узнал от моего мужа о своем успехе, он пришел в такой восторг и был так переполнен радостью, что не смог произнести ни слова. На следующую Пасху он получил орден, и это стало первым шагом в его блестящей военной карьере.

Когда мой муж доставил императору доклад в последний раз, он сказал его величеству, как сожалеет, что впредь не будет иметь возможности столь часто его видеть, поскольку его доклады на данный момент прекращаются. Император загадочно ответил: «Напротив, Толи, я буду видеть тебя чаще, чем прежде!»

Спустя несколько недель, 6 мая 1913 года, в день рождения императора, мой муж был назначен флигель-адъютантом его величества во второй раз. Той ночью от моей золовки пришла срочная телеграмма с этой доброй вестью. Она услышала об этом совершенно случайно. Сын старого слуги родителей моего мужа дежурил в Генеральном штабе и только что принесли распечатать императорский указ по случаю его праздника, потому что существовал обычай в день рождения императора производить повышение по службе или присваивать звания. И там он увидел имя моего мужа и тут же поспешил к родителям супруга. Встретившись с моей золовкой, он передал ей эту хорошую новость.

Когда принесли телеграмму, я разбудила Толи. Не открывая ее, я сразу поняла, что связано с загадочными словами императора. Кроме того, на телеграмме стояла пометка «Срочно», то есть доставить во внеурочное время. Несмотря на крайне неудобное время, мы отпраздновали это событие шампанским и были очень счастливы.

На следующий день очень ранним утром мой муж сообщил

эту новость по секрету генералу Иванову, и генерал тут же принес ему золотые императорские вензели, так как сам был генерал-адъютантом и, как и мой муж, носил форму сибирских стрелков, так что Толи мог прикрепить их к своим погонам, а также золотые аксельбанты. Но так как к одиннадцати часам официальная телеграмма все еще не пришла, моему мужу пришлось отправиться в собор, где служился торжественный молебен в честь дня рождения императора, без знака отличия флигель-адъютанта.

Мы дожидались до часу дня, и муж стал уже подумывать о том, чтобы идти на обед у генерала Трепова, как кто-то позвонил по телефону и сообщил, что из Санкт-Петербурга пришла служебная телеграмма, в которой говорится, что в честь дня рождения императора митрополит Киевский получил высшую жалуюемую награду – орден Святого Андрея и что полковник князь Барятинский произведен во флигель-адъютанты его величества. Только мой муж уехал на торжественный обед, как потоком хлынули телеграммы.

Через несколько дней после этого император поехал в Берлин, чтобы присутствовать на свадьбе единственной дочери германского императора Виктории Луизы и молодого принца Эрнеста Кумберлендского, впоследствии ставшего герцогом Брунsvик. Царь приехал с великолепными подарками для невесты, и в то время превалировало самое лучшее взаимопонимание. Было много веселья, а нашего государя, где бы он ни появился, восторженно приветствовали. Оба императора расстались в самом дружеском настроении. На свадьбе присутствовали и король Англии с королевой.

Когда мой муж сразу же после возвращения императора из Берлина предстал перед его величеством, он спросил, доволен ли император своей поездкой, на что его величество ответил: «Я весьма удовлетворен. Надо признаться, император Вильгельм все организовал самым наилучшим образом». Кто бы мог тогда подумать, что чуть более чем через год разразится самая ужасная в истории война между странами-соседями, чьи монархи были связаны родственными узами, и, самое главное, после такой сердечной семейной встречи? Наш дорогой император, такой великодушный, такой возвышенно щедрый, был далек от какой-либо мысли о том, чтобы воевать, – ведь это он был инициатором первой мирной конференции и основателем Международного суда в Гааге. Его единственной мыслью было процветание России и благополучие его подданных. И нужно винить не его, а тех, кто не понял исключительную душу и благородных стремлений императора и не сумел поддержать его в решении этой тяжелой,

более того, требующей сверхчеловеческих сил задачи.

Тогда же, в 1913 году, состоялись празднования по случаю трехсотлетия династии Романовых. Их величества совершили достаточно долгое путешествие по Волге до Костромы, колыбели семьи Романовых. Мой муж присоединился к свите в Москве и лично прислуживал императору в торжественный день трехсотлетней годовщины восхождения на трон первого царя всея Руси Михаила Федоровича Романова. В этот день их величества со всеми детьми прибыли в Москву, чтобы вписать свои имена в Золотую Книгу, которая хранилась в Доме-музее Романовых.

Когда дошла очередь подписываться до наследника, великого князя Алексея, которому тогда было девять лет, император сказал ему: «Пиши разборчиво, не делай помарок».

А потом, посмотрев на моего мужа, добавил: «Он может писать очень хорошо, если захочет». Но едва его величество закончил эту фразу, как появилась клякса – возможно, из-за стремления мальчика сделать лучше. Бедный мальчик заметно расстроился из-за этого и, подняв глаза на императора, сказал по-английски: «Я старался как лучше». Император, вместо того чтобы показать какое-либо раздражение, не смог удержаться от улыбки и сжал ему руку. Где сейчас эта Золотая Книга? Если она все еще существует, то эта замаранная страница – страница истории!

Празднования в честь исторической годовщины длились несколько дней, но прошли без каких-либо заслуживающих внимания происшествий. Москва стала городом гостеприимства и возрадовалась, когда в ее древних стенах оказались монархи. К сожалению, я не была в состоянии сопровождать мужа в Москву, поскольку всю зиму себя чувствовала очень плохо, а теперь проходила курс лечения в Карлсбаде.

Вернувшись домой, я узнала, что во время моего отсутствия все металлические сундуки были вскрыты и полностью опустошены! Сразу же сообщили в полицию, и после двух дней поисков вор был арестован и помещен под стражу. Кое-что из серебра уже было продано, но, к счастью, большая часть всего была отдана в залог, и мы смогли постепенно вернуть все это, за исключением некоторых вещей, которые исчезли навсегда.

Осенью в Ивановском мы отмечали пятидесятую годовщину военной службы моего свекра. Ему тогда было семьдесят пять лет, и он был очень болен, прикован параличом к своему креслу. Император в знак признания заслуг своего старого и верного офицера в тот день назначил его почетным полковником 5-й роты стрелков императорской фамилии – полка, среди офицеров которого были сам император и великие князья. Император послал ему телеграмму с сообщением об этом назначении,

сформулированном в самых теплых словах. Еще одна телеграмма пришла от вдовствующей императрицы, и тоже очень любезная. На следующее утро прибыли депутации – первая от полка, далее – от 5-й роты с их поздравлениями, а потом приехал генерал Иванов со своими поздравлениями.

В нашей семейной часовне отслужили торжественный молебен, а позже был устроен обед для многих правительственных чиновников, включая курского губернатора, и многочисленных родственников и соседей. Я хорошо помню изумительный старый саксонский обеденный сервиз на столе. Все были очень счастливы и веселы. В те дни в самом деле мысли о войне были очень далеки.

Мой старый свекор и моя дорогая свекровь были очень горды этим юбилеем. В тот день было сделано несколько фотографий, в том числе и групповая со всеми присутствовавшими офицерами, а также мой свекор был запечатлен в одной группе с представителями 5-й роты.

Мы не могли долго задерживаться в Ивановском, так как мужу надо было спешить в Киев для участия в церемонии открытия памятника Столыпину, как помните, убитому в Киеве два года назад. Там должны были присутствовать вдова и дети Столыпина, а также все имперские министры. Поэтому мы возвратились в Киев и присутствовали на обедах, которые давались генерал-губернатором, и на открытии памятника. Последнему суждено было оказаться уничтоженным большевиками, когда они правили в Киеве.

После столыпинских церемоний пришла пора самых первых в Киеве Олимпийских игр, проводившихся под патронажем великого князя Дмитрия Павловича, который сам на них присутствовал. Публика являлась очень прилично одетой, но сами Игры оказались весьма примитивными, а теннисные корты были чересчур мягкими для игры.

После этого мы вернулись в Ивановское, где я с дочерью оставалась до конца осени, пока муж ездил в Крым для несения своих обязанностей при императоре. В то время Крым был фешенебельным морским курортом России, где у всех великих князей были свои виллы. У императора было имение Ливадия возле Ялты, где он построил новый дворец, который посещал каждую осень вместе со своей семьей. Ему там очень нравилось, так как он всегда любил спокойную жизнь и этот приятный климат. Он гулял часами. Однажды он отправился в дальнюю прогулку в солдатской форме с полным походным вещевым мешком, чтобы испытать, как тяжел груз, который приходится носить его солдатам.

Муж рассказывал мне по возвращении, что среди отдохавших той осенью в Крыму было много разговоров о странной гипнотической силе, которую Распутин обрел над императрицей, и о том, как глубоко она верит в его божественное предназначение. Несомненно, в ее сильной привязанности к мнимому чудотворцу сыграла роль тревога за здоровье ее сына, и всем было очень жаль государыню.

Родители моего мужа также ездили в Крым, где у них было прекрасное имение, называвшееся Селбилар (Три кипариса), возле Ялты, в котором был построен из гранита чудесный дом. Их императорские величества нанесли туда несколько визитов как с детьми, так и без них. В первом случае, когда приезжали император и императрица, произошел забавный инцидент. Старая экономка, очень тучная женщина, заметила, что к усадьбе подъезжает императорская коляска, и бросилась в дом, запыхавшись и чуть не обезумев от волнения, и закричала: «Их величества! Их величества!» Она больше ничего не могла произнести. Император, приехав, от души повеселился.

14 ноября, в день рождения вдовствующей императрицы, моя свекровь стала статс-дамой обеих императриц. Это была очень большая честь, потому что во всей России было лишь несколько статс-дам, и они были облечены правом носить на левом плече два портрета в эмали обеих императриц, украшенные алмазами, во всех случаях, когда прислуживали императрицам, и во все праздничные дни.

Оставаясь с дочерью в Ивановском, мы однажды гуляли по парку, совсем рядом с домом, когда она вдруг воскликнула: «Что за смешная собачка! Все другие собаки ее боятся». Это был волчонок, который забрел на территорию усадьбы.

На Рождество 1913 года, когда весь Киев затих, мы поехали к родителям мужа в Санкт-Петербург. Там муж узнал, что военный министр Сухомлинов не пожелал дать ему полк, хотя его служебный стаж вполне давал ему на это право. Генерал Иванов получил письмо от министра, полное глупых вымыслов. В конце концов мой муж рассказал об этом царю, на что его величество сказал: «Но Сухомлинов такой милый человек! Он никогда бы такого не сделал!» Однако его величеству пришлось принять меры, потому что, когда Сухомлинов приехал весной в Киев с различными командирами, чтобы принять участие в Кригшпильских маневрах, военный министр заметно изменил свое отношение и был любезен к нам. Он сказал моему мужу: «Я слышал, вы скоро собираетесь в Санкт-Петербург». Было ли это намеком на назначение в гвардейский полк? Собственно говоря, мой муж намеревался поехать по причине нездоровья его отца.

Mais l'homme propose, Dieu dispose.^[20]

Мы устроили в Киеве большой обед, на котором присутствовали все командиры. Мысли о войне по-прежнему были далеки, даже на этом собрании военных людей. Генерал Сухомлинов был в этой компании и выглядел весьма оптимистичным. «Россия так велика и так могущественна, – говорил он, – что никто нас не тронет. И, кроме того, мы вполне готовы».

Глава 12

Висбаден, Карлсбад, Швейцария. – Начало войны. – Рим. – Смерть папы: приключение в Ватикане. – Возвращение в Россию в ходе войны

В мае 1914 года муж получил отпуск от его величества императора и генерала Иванова (командующего Киевским военным округом, в штабе которого он состоял), чтобы отправиться за границу на один из германских курортов с минеральными водами, где он хотел принять ванны для лечения своего ревматизма.

Нас была большая группа: мой муж, я, дочь, ее старая английская няня мисс Вайз, французская гувернантка, моя служанка и Жозеф, слуга моего мужа.

На тот день, на который мы наметили отъезд, муж, никогда не любивший спешить, отложил решение своих дел и занимался этим до самой последней минуты, так что мы чуть не опоздали на поезд, и пришлось позвонить на вокзал, чтобы он нас дождал. Наш шофер вел машину так быстро, что я ежеминутно опасалась, что нас либо выбросит из машины, либо случится какая-нибудь беда. Я сказала мужу, когда машину швыряло из стороны в сторону: «Пожалуйста, попроси водителя ехать помедленнее, или произойдет авария!» Муж ответил: «Это вполне надежный водитель, он знает, что делает». Я сказала: «Когда мы вернемся, я лучше буду выглядеть смешной и возьму извозчика, чем еще раз отдамся на милость этого лихача».

Это замечание казалось пророческим, потому что, когда я в сентябре приехала домой, война была в полном разгаре, и мне пришлось воспользоваться этим примитивным средством передвижения, потому что наша машина была реквизирована на нужды фронта.

Мы едва успели вскочить в поезд и начали свое путешествие. Наша первая остановка была в Варшаве, где мой муж хотел нанести ответный визит генерал-губернатору или наместнику в Польше – генералу Жилинскому.^[21]

Так как время было летнее, генерал жил во дворце Лазенки. Прежде это была собственность короля Польши Станислава Потоцкого, который взшел на трон благодаря влиянию и протекции императрицы Екатерины Великой. Он правил лишь

короткое время, но этого хватило, чтобы обогатить дворец многими предметами искусства из Франции и других стран – настоящее приобретение для его потомков. Дворец находился посреди великолепного парка, украшенного аллеями старых деревьев всевозможных видов – от елей с севера до экзотики юга, а также засаженного кустарником, который наполовину скрывал красивые скульптуры. В самое жаркое время эти аллеи были в плотной тени, образованной нависшими и переплетенными ветвями деревьев по обе стороны, и даже солнце не могло туда проникнуть.

Генерал-губернатор Жилинский и его жена пригласили нас на обед. Когда мы вышли из столовой, между моим мужем и генералом состоялся серьезный разговор наедине. Генерал выглядел очень озабоченным и обеспокоенным поведением соседней Австрии, хотя в тот момент войны он не ожидал. С тех пор я и в Варшаве больше не бывала, и генерала и его жены больше не видела.

В соответствии с нашим планом мы отправились в Берлин, где остановились на несколько дней, чтобы проконсультироваться у врачей, а потом поехали в Висбаден. Мы, как обычно, остановились в Hotel Nassauerhof. Там прожили около месяца и время провели очень спокойно, пока мой муж занимался лечением. Однако встретили много друзей и знакомых. Среди них был князь Константин Радзивилл, лечившийся от тяжелого приступа подагры. Он был весьма удивлен тем, что его лечение не дает нужного эффекта, но тут нечему было удивляться, когда после утренних ванн и процедур он позволял себе за обедом добрый бокал шампанского, которое является величайшим врагом его болезни. Он был большим оригиналом. К смокингу он всегда надевал сорочку с жабо, как старомодный дворянин.

Когда началась война, большинство членов семейства Радзивиллов жили в своем имении Несвиж как беженцы. Он был с ними. Как-то после полудня, проезжая через лес, окружавший имение, в одноконном экипаже, он увидел бегущего волка, что для России было не так уж необычно – ведь на волков охотятся в охотничий сезон. Но князь, который вряд ли до этого посещал Россию (в тот момент он находился в качестве беженца из Германии), был так ошеломлен, что распахнул окно коляски. Затем, оставаясь с разинутым ртом и широко раскрытыми глазами, он поспешно поднял стекло окна и попросил возницу повернуть назад. Гордясь своим поступком, он произнес: «Не правда ли, я здорово сделал?» – к огромному восторгу всей семьи. Эту историю мне рассказал один из ее членов.

Пока мы были в Висбадене, к нам часто заходил русский

посол в Германии Свербеев, и мы стали хорошими друзьями. Он прибыл из Эймса, куда ездил поправить здоровье.

Из Висбадена моя дочь, сопровождаемая своей няней мисс Вайз, поехала в Швейцарию. Мы проводили ее до станции и попрощались. Потом мы продолжили свою поездку в Берлин, где опять встретили Свербеева и провели много приятных вечеров, играя в бридж. Как хозяин он был бесподобен. Он давал великолепные обеды, а его повар был художником своего дела. В то время он занимался переустройством и украшением посольства и здесь проявил изысканный вкус.

Наступил конец июня. Стояла жара, но нам пришлось задержаться, поскольку мужу было необходимо несколько раз посетить дантиста. Потом он собирался вернуться к своим обязанностям, а я, как обычно, хотела поехать в Карлсбад, чтобы пройти курс лечения от своей болезни. Часто мы проводили день за городом в теннисном клубе, где было прохладно и достаточно тени.

Как-то днем я вместе с г-ном Боткиным (первым секретарем Российского императорского посольства) и его женой поехала в этот клуб, где встретила русского посла и князя Васильчикова (также работника посольства). Мы только что начали партию в бридж, когда нас прервал приезд какой-то австрийской дамы (кажется, это была графиня Шенбург), бывшей в величайшем возбуждении и печали.

Она была переполнена эмоциями и произнесла со слезами на глазах: «Вы слышали эту ужасную новость? В Сараево убиты эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга». Это было 28 июня.

Мы были так шокированы этой новостью, что никто не мог произнести ни слова, и компания разошлась. Свербеев немедленно поехал в австрийское посольство, чтобы выразить соболезнования.

Я сразу же возвратилась в отель и сообщила мужу, что произошло. Я подумала вслух: «Не думаешь ли ты, Толи, что это приведет к серьезным осложнениям в Европе?» Но он лишь ответил: «Нет, это всего лишь локальный инцидент».

А на следующий день по пути в Россию из Франции через Берлин проезжала великая княгиня Мария Павловна. Мы обедали с ней в русском посольстве и могли говорить только на одну тему. Обсуждая ее, она выразила то же мнение, что и мой муж: «Я убеждена, что эта трагедия не будет иметь политических последствий».

Кто бы мог вообразить, что убийство предполагаемого наследника австрийского трона вовлечет почти весь мир в такую страшную катастрофу и что наша любимая страна в результате

этого окажется в таком ужасном состоянии, как сейчас!

Во время нашего короткого пребывания в Берлине одна частная проблема заставила нас немало поволноваться. Мой племянник, единственный сын усопшего брата, в то время усердно готовился к сдаче военных экзаменов в Киеве. Он получил образование в Америке и приехал в Россию, чтобы изучить русский язык. После смерти моего брата мы его приняли как сына. Сдавая свои экзамены в Киеве, он попросил нашего разрешения съездить на могилу своей матери в Германию, где она скончалась после долгой болезни. Мой муж сразу же дал согласие, а я попросила племянника захватить с собой из Киева кое-какую понадобившуюся мне одежду. Он сообщил телеграммой, что едет, но телеграмма была такой неясной, что из нее было непонятно, когда он приезжает и каким поездом. В тот день, когда мы ожидали его приезда, я пошла в гостиную своего отеля на завтрак и там увидела ящик со своими вещами и поняла, что мой племянник приехал.

Я спросила официанта: «Откуда взялся этот ящик?» Тот ответил: «Какой-то господин принес его в шесть часов утра, но не стал вас беспокоить и ушел в парикмахерскую, он скоро должен вернуться».

Время шло, и, так как он не появлялся, я обратилась к мужу: «Интересно, где он может быть?» Муж сказал: «Он человек молодой и, возможно, пошел осматривать город и забыл о времени».

Но когда наступил вечер, а он все не возвращался, мы забеспокоились, и муж тотчас отправился в посольство, чтобы выяснить, в чем дело, а через посольство была проинформирована полиция. Но хотя мы усердно его разыскивали, он, казалось, сквозь землю провалился. Искать его было равносильно поискам иголки в стогу сена. Мы были очень встревожены, не представляя себе, что могло с ним случиться.

Спустя два месяца мы узнали, что он уехал в Америку, начитавшись литературы о молниеносном обогащении, всех этих романов, где описывались приключения в Клондайке и т. д., которые распалили его воображение до такой степени, что он решил, что должен проверить себя. Он продал все, что имел, ради этой ерунды и уехал за границу.

Он попытался заниматься фермерством, но, так как ничего в этом не смыслил, потерпел полный крах и через короткое время дошел до такой нужды, что был на грани голода. А так как климат там очень суровый, он чуть не замерз до смерти. Потом он нам рассказывал, что на Рождество, когда он почти отчаялся, когда неоткуда было ждать помощи, а он чувствовал себя

изнуренным и несчастным, он вытащил из кармана маленькую фотографию, которую всегда носил с собой. Это было фото моей юной дочери, в то время десятилетней, к которой он был так привязан и которая его всегда так подбадривала.

В день, когда разразилась война, его записали волонтером в канадскую армию. Он вел себя так же, как и другие томми, и никто не подозревал, что он более высокого ранга, чем простой солдат, которым он прикидывается. В 1916 году он вернулся в Россию.

Племянник рассказывал мне о себе: «Однажды утром, когда я был на строевой подготовке, ко мне подошел майор и сказал: «Ты нужен России. Пришел приказ его величества короля Георга сообщить тебе, что тебе позволено уехать к твоему дяде, князю Барятинскому». Все в полку были поражены, а я чувствовал себя очень неудобно. Вы знаете, тетя, какой я стеснительный. Я не могу передать, как я был счастлив при мысли, что опять смогу вас увидеть!»

Потом он блестяще сдал экзамены и был самым умелым офицером в полку бригады моего мужа, где оставался до тех пор, пока она не была распущена в начале революции. Мы получили очень любезное письмо от майора канадской армии, в котором тот сообщал, что мой племянник вел себя как воин и как джентльмен, а его поведение было безупречным. Жаль, что он вернулся в Россию, майор был бы рад, если б он остался в Канаде.

В настоящее время мой племянник находится в Константинополе, куда был вынужден бежать вместе с армией Врангеля, когда служил нашему делу в Крыму.

Мой муж уехал из Берлина, чтобы сопровождать царя во время визита президента Пуанкаре. Когда я прощалась с ним на вокзале, я отправлялась в Карлсбад. Я не имела ни малейшего представления о том, как трудно будет мне вернуться в свою страну.

В Карлсбаде проживали известный архиепископ и начальник германского Генерального штаба граф фон Мольтке. Я часто видела их вдвоем, вероятно занятых важной беседой.

Отношения между Австрией и Сербией становились все более и более напряженными, и повсюду шепотом произносили зловещее слово «война».

Однажды я встретила русского адмирала Скрыдлова и сказала: «Газеты очень мрачно смотрят на нынешний кризис».

И он ответил: «О, такова их профессия – придавать слишком большое значение мелочам и делать из мухи слона. Позаботьтесь о своем здоровье, княгиня, и не волнуйтесь о непредсказуемом».

И архиепископ, и граф фон Мольтке вдруг исчезли из

Карлсбада, и скоро я поняла, что не переоценивала опасности. Быстро была развернута мобилизация, слуги из всех отелей отправились на призывные пункты. Вновь пошла молва о войне, но на этот раз между Россией и Австрией.

Все газеты демонстрировали враждебность по отношению к нашей стране, поскольку наш император был защитником славянства.

Я решила тут же покинуть Карлсбад. Прежде всего я послал три телеграммы: одну мужу в Россию, другую – дочери в Швейцарию, а третью – нашему российскому послу в Берлин. Пошла в банк снять деньги, но, к своему великому удивлению и возмущению, услышала от банкира, что эти деньги конфискованы.

«Почему? – спросила я. – Ведь в данный момент между нами нет военных действий!» – «Тем не менее, – отвечал он, – мы получили строгий приказ из Вены ничего не выплачивать русским». Поведение кассира было настолько наглым и дерзким, что я возмутилась до предела.

Ответы на свои телеграммы я не получила и была в таком отчаянном положении, что не знала, что делать. Наконец, я рассказала о своих бедах привратнику Hotel Imperial, который знал меня на протяжении стольких лет, и он предложил мне немного денег на поездку.

Я сказала: «Но может быть, я не приеду на будущий год – неизвестно, что может случиться, ведь прогнозы очень мрачные». – «Не думаю, что война будет долгой, а я только рад вам помочь, ваше сиятельство», – отвечал он.

Спустя шесть лет, когда я вернулась в Карлсбад, я узнала, что бедняга умер, поэтому я отдала свой долг его вдове.

На следующее утро я покинула Карлсбад. Австрия тогда вела быструю мобилизацию, война уже началась, и каждый поезд был битком набит новобранцами. С курортов по домам хлынул поток туристов (в основном русских). К тому времени, когда я добралась до австро-баварской границы, толпа возросла до огромных размеров, и суматоха царила неописуемая. К счастью для меня, знакомый мне австрийский князь дал мне письмо для начальника станции, без которого я бы оттуда не выбралась. Тот был очень любезен и вежлив и для начала отвел нас в маленькую заднюю комнату и закрыл в ней, попросив подождать его полчаса. Но прошло более двух часов, пока он появился. Я стала тревожиться, а моя служанка подумала, что мы пропали. Наконец, он пришел за нами и извинился за долгое ожидание. Он произнес: «Не желает ли княгиня следовать за мной?»

Он повел нас к перрону, который был забит людьми – целое

море голов, между которыми не найдется места для булавочной головки; все дерутся, кричат, стараясь добыть себе место в поезде. С помощью начальника станции я, наконец, добралась до своего купе. Я задыхалась и была измотана, проталкиваясь через эту бурлящую массу. Пыхтя и толкаясь, я пробралась на свое место в купе третьего класса (вместе со служанкой и багажом) и была счастлива, когда он запер меня там. Пищу достать было невозможно. Все станции были забиты войсками, хотя война еще не была объявлена. Однако в воздухе уже ощущалось нечто недоброе. У меня в голове была лишь одна мысль: добраться до Швейцарии, забрать дочь и прорваться в Россию.

Когда я приехала в Мюнхен, я спросила в отеле, где остановилась, есть ли какие-либо письма или телеграммы на мое имя, но, к моему разочарованию, там ничего не было. Так как я оказалась абсолютно без средств к существованию, а Германия начинала мобилизацию, я выяснила адрес русского священника, чтобы узнать от него достоверные новости. Он пригласил меня отобедать с ним. Он заметил: «Княгиня, вы выглядите очень усталой. Я бы посоветовал вам задержаться на короткое время в Мюнхене. Сейчас над вашей головой не висит дамоклов меч». Я ответила: «Мне будет очень приятно отобедать с вами, но я должна успеть на вечерний поезд в Ко».

Мысленно я ощущала себя сидящей на пороховой бочке. Но судьба была на моей стороне. Мне повезло, и я села на поезд. Это был последний удобный поезд в Швейцарию.

В Монтре меня встретили моя маленькая дочь и ее гувернантка, и мы поехали в Ко. Никогда не забуду, как счастлива была я опять находиться рядом со своим ребенком. На следующее утро, проснувшись, я выглянула в окно. Перед моими глазами развернулась изумительная панорама. В облаках терялись горы, увенчанные снеговыми шапками, в долинах на зеленых полях мирно паслись коровы, а вдалеке лучи солнца, отражавшиеся от водной поверхности синего озера, создавали впечатление тысячи миниатюрных солнц, плавающих на воде. Вид был настолько мирный и безмятежный, что я с трудом могла себе представить, что война была уже на пороге Европы.

Днем ко мне подошел официант и произнес: «Знает ли ваше сиятельство, что объявлена война между Германией и Россией?»

Я не могла поверить своим ушам. Наш русский священник (о котором я до этого говорила) уверял меня в обратном!

Чтобы убедиться, что эта новость правдива, и оценить ее важность, я позвонила консулу в Женеву, сумев соединиться с ним после больших трудов, потому что все телефоны и телеграфы были заняты. Ответ был утвердительным. Его слова таковы: «Да,

княгиня, я только что получил официальную информацию о том, что объявлена война между этими двумя странами. Советую вам идти к русскому послу в Берне, который, может быть, даст вам денег на обратную дорогу домой».

До сих пор во всех нас живы горькие воспоминания об ужасной тревоге, которую мы пережили в те моменты. Однако у меня не было времени для размышлений. Я была обязана действовать. Я сказала няне: «Нам надо собираться и немедленно уезжать».

В отеле царил обстановка, которую можно охарактеризовать словами «спасайся, кто может». Нам пришлось взвесить на станции свой багаж и уплатить, но никто не задумывался, правильно ли насчитали сумму. Это был последний фуникулер, и мы слышали вокруг себя лишь «Проходите, проходите, мы сейчас же закрываемся».

Из Монтре я позвонила в Женеву французской гувернантке моей дочери, чтобы нас встретили в Лозанне. Тут нам советовали ехать в Базель, откуда мы могли следовать до Сен-Луи и далее в Россию, как это уже сделали некоторые наши соотечественники.

Поезд шел очень медленно, он просто полз. Все были в состоянии крайнего возбуждения. Мы взяли с собой мадемуазель в Лозанне и приехали в Базель в два часа ночи.

Там не было ни носильщиков, ни тележек, ни каких-либо транспортных средств, чтобы добраться до отеля. Все мы очень устали, город был погружен в кромешную мглу, и я никак не могла вспомнить дорогу до гостиницы «Les Trois Rois», в которой останавливалась раньше. Однако на станции мы оставаться не могли, поэтому отправились в путь пешком.

По дороге нам попался небольшой ресторан, перед которым стояла большая автомашина. Я зашла в ресторан и спросила: «Кто хозяин этой машины?»

Я попросила его позволить нам воспользоваться ею, чтобы доехать до отеля, поскольку со мной была маленькая девочка слабого здоровья. Человек озадаченно посмотрел на меня и заговорил хриплым голосом. Я дала ему свою визитную карточку и объяснила свое затруднительное положение. Его поведение изменилось, и он предложил сам довезти нас до гостиницы, причем помчался по узкой улочке с такой скоростью, что я засомневалась в отношении его истинных намерений, но, к счастью, перед нами уже появился отель.

Он был заполнен до предела, но нам удалось получить один номер, который мы делили впятером (не считая наших двух собак), но были просто рады оказаться под какой-то крышей и не могли себе позволить быть привередливыми.

На следующее утро я встретила графа Тышкевича (который во время войны женился на княгине Радзивилл, а в прошлом году был представителем Латвии в Лондоне). Он, как и мы сами, хотел вернуться в Россию. Он одолжил нам 1000 франков, и мы решили пробиваться вместе. После короткого совещания о том, какие следует предпринять шаги, чтобы добиться свободного проезда, мы отправились к германскому консулу. Однако он сказал нам, что уже слишком поздно ехать через Германию, поэтому мы решили ехать в Берн и сразу же это сделали.

В то время нашим представителем был г-н Бахараш. Его женой была знаменитая мадам Кулемина, которая ранее была в течение короткого времени в морганатическом браке с великим герцогом Гессенским, но этот брак был аннулирован.

Я пошла прямо к нему, но он ответил: «Княгиня, что я могу сделать? Поездов практически нет, а тут толпа русских, желающих вернуться на родину. И все они приходят ко мне за советом и деньгами, а я ничего не могу сделать. Вам лучше всего будет пойти к барону Ромбери, германскому представителю».

Барона я знала ранее по Санкт-Петербургу. Он какое-то время был там секретарем германского посольства. Он был со мной исключительно любезен, но сказал: «Сожалею, княгиня, но уже слишком поздно. Могу предложить вам пойти к итальянскому либо французскому послу. Может быть, они предоставят в распоряжение россиян транспорт из Марселя или Генуи».

«Давайте зайдем к этим господам», – предложила я графу Тышкевичу.

Оба были любезны, но не смогли помочь нам ничем.

Я была рада, что была наделена даром терпения спокойно выслушивать все их оправдания.

Ничего не менялось. И тут, когда я проходила мимо агентства Кука, мне в голову пришла блестящая идея. Я решила обратиться к ним и сказала графу: «Кук – это огромная сила. Они наверняка знают, что делать».

В агентстве мы встретили самый сердечный прием, и перед нами, наконец, засверкал лучик надежды. «В данный момент, княгиня, поезда не ходят, но, как только движение возобновится, вы первыми узнаете об этом».

Позже вечером в наш отель зашел их агент и сказал: «У меня для вас хорошие новости. Рад вам сообщить, что через два дня пойдут пассажирские поезда. Вам следует забронировать себе места, потому что в Италию едет очень много людей. У нас есть информация, что итальянское правительство предоставит суда для отправки российских беженцев домой».

Через два дня мы попрощались с Берном и поехали в Рим.

Примерно через три часа после отправления в ресторане ко мне обратился какой-то пожилой мужчина с длинной белой бородой, в странной старомодной одежде и очень большой шляпе. У него был усталый и потрепанный вид. Он приподнял шляпу и сказал мне: «Простите мне мою вольность. Хотя мы лично с вами незнакомы, но я знаю, что вы княгиня Барятинская. Я служил вместе с фельдмаршалом князем Барятинским, и он так хорошо ко всем нам относился, что, думаю, и вы будете так же, поскольку у вас то же имя. Я – старый врач из Саратова, моя фамилия Сатрапинский. Я совершенно беспомощен и с огромным трудом бежал из Германии в Швейцарию. Я был на волосок от смерти и потерял все, что у меня было». Его глаза были полны страдальческих слез.

Мне его стало очень жаль, и я ответила: «Дорогой доктор, я бы с радостью помогла вам добраться до нашей любимой страны, но в данное время я не двойник Рокфеллера, как это ни прискорбно. У нас есть деньги только на наши билеты и самая малость на езду, чтобы доехать до места назначения».

И все-таки он был так стар и немощен, что мы не могли отказать в его просьбе, потому купили ему билет, в результате чего остались без единой копейки.

По приезде на следующее утро в Милан мы были настолько усталыми и голодными, что еле стояли на ногах. Мы могли себе позволить лишь чашку кофе и кусочек хлеба на каждого.

Дожидаюсь на вокзале следующего поезда, мы встретили одного итальянского графа, с которым я познакомилась ранее в Ницце, а потом вновь встречалась в Берне.

Он сразу же заметил меня и предложил: «Я так рад встретить вас, княгиня! Я еду на рыбалку. Не поедете ли вы со мной? До поезда еще полным-полно времени».

Но я отказалась от приглашения и объяснила: «Мы так устали и голодны после этой жуткой ночи, что предпочли бы остаться там, где находимся».

Я подумала, что это будет ему намеком на то, чтобы устроить для нас хороший обед, но он не клюнул, и нам оставалось только сокрушаться. Такова ирония судьбы, и я была почти в бешенстве, что он мог оказаться таким тупым, и мы сидели, скрипя зубами. Когда он ушел, нам стал очевиден юмор ситуации, хотя мы все еще были раздражены.

Он заявил, что идет ловить рыбу, раздражив наши бедные пустые желудки.

Была середина августа, и в поезде поэтому было пыльно и жарко, так что, когда мы приехали в Рим, были совершенно истощены. К счастью для нас, на вокзале был интендант из

«Гранд-отель», который встречал своего менеджера.

Он сразу же узнал меня: «Бонжур, мадам княгиня! Надеюсь, вы направляетесь в наш отель?» – «Прошу вас понять, что я нуждаюсь в вашей помощи, потому что мой кошелек совершенно пуст». Он засмеялся и ответил: «Я рад быть к вашим услугам, княгиня, и хотя в отеле сейчас идет ремонт, несомненно, смогу вас устроить».

Через час мы с комфортом устроились в своем номере. Бедный старый доктор не отставал от меня ни на шаг, он боялся, что мы его бросим.

Как только я привела себя утром в порядок, я поехала к русскому послу (в то время это был Анатолий Крупенский). И он, и его жена с сочувствием отнеслись к нашим злоключениям (не только нашим, но и всех русских). Я знала их уже несколько лет, и они были так гостеприимны и любезны, что каждый пользовался их добротой. Российское посольство походило на крепость, и ее осаждали те, кто хотел вернуться в свою страну. Весь день бедняга не знал покоя. Его донимали со всех сторон расспросами: «Отправится ли какой-нибудь корабль? Когда и как я получу деньги?» И у него для каждого был один и тот же ответ: «Я не знаю». Я восхищалась его терпением и вежливостью по отношению ко всем обращавшимся.

Он сообщил мне: «Из Турции поступают очень тревожные новости. Можно в любой момент ожидать ее вступления в войну. Черное море усеяно минами, и судоходство по нему крайне опасно».

Посол пообещал отправить телеграмму моему свекру, но предупредил меня, что почти невозможно получить какие-либо деньги из России. Поэтому нам пришлось дожидаться развития событий.

Поскольку я так часто бывала в Риме, я была рада показать все богатства Вечного города своей группе. Из-за жары выходить из дому до заката солнца не имело смысла, а так как у нас было очень мало денег на экскурсии, мы обычно отправлялись в город пешком. Иногда, когда входной билет в какую-нибудь достопримечательность стоил по лире на брата, мы спокойно ретировались. Ведь нас было семеро, и мы не могли себе позволить такой роскоши, чем забавляли себя и удивляли гидов. Из-за старого доктора нам приходилось идти очень медленно, потому что он не мог угнаться за нами и часто терялся, чем очень забавлял мою маленькую дочь, которой приходилось отыскивать его и приводить туда, где мы его поджидали.

Отель стал заполняться русскими беженцами, и все стремились вернуться в свою страну. Среди них были знаменитый

граф Витте, князь Волконский, сбежавший из посольства в Вене с совершенно разрушенным здоровьем, князь Джаваха, русский, но татарского происхождения. Этот последний был практически религиозный фанатик. Говорили, что Джаваха обращался к его святейшему с целью выкупа мощей святого Николая (похороненного в склепе собора в Бари), за которые он предлагал огромные деньги. Эта просьба была папой с возмущением отвергнута, и его глубоко оскорбило, что у князя хватило смелости предположить, что какие-либо мощи можно приобрести за деньги. Святой Николай так же чтим итальянцами, как и русскими.

Пока мы в Риме дожидались разрешения своей судьбы, папа Пий X страдал от тяжелой болезни. Он был настоящим слугой церкви, и каждого вдохновляли его милосердие и доброта. Его терзали мрачные предчувствия того, что принесет эта война, и он был так встревожен, что, несомненно, это сыграло свою роль в фатальном исходе.

В тот вечер, о котором я рассказываю, состояние его здоровья было столь тяжелым, что его кончины можно было ждать с минуты на минуту. Как и многие постояльцы отеля, мы решили отправиться на площадь Святого Петра перед Ватиканом, чтобы узнать самые последние новости. Она была до предела запружена верующими, которым хотелось увидеть самый свежий бюллетень.

После расспросов мы узнали, что папа находится в самом критическом состоянии и может вот-вот отойти в мир иной.

По обычаю, когда папа умирал, в Ватикане гасли все огни, за исключением одной свечи на подоконнике его комнаты. Море поднятых вверх лиц было обращено к этому окну в апартаментах, где медленно уходила жизнь из их любимого понтифика. Поскольку толпа придвигалась все ближе и ближе, мне пришлось буквально уносить ноги и бежать, пока я не очутилась возле стен Ватикана. К счастью, я заметила небольшую деревянную дверь в массивных железных воротах, и, так как я не могла вернуться назад, я вошла в эту дверь. Там мне встретились два швейцарских гвардейца, специально приставленные для охраны папы и одетые в средневековые костюмы.

Мое положение было нелепым. Я не знала, как объяснить гвардейцам свое появление, но они молча указали мне на столик во дворе, на котором лежал список с тысячами имен людей, пожелавших выразить свое сочувствие в связи с болезнью главы католической церкви.

Видя мое колебание, один из них сказал мне: «Запишитесь на этом листе, но, думаю, уже поздно. Его святейство умрет с минуты на минуту».

Теперь отступление было невозможно. Я поискала глазами другой выход.

Из двора был виден проход, через который я прошла и очутилась на лестнице, ведущей в частные апартаменты Ватикана. Я сразу же попыталась уйти назад, но маленькая дверь в воротах уже была заперта. До меня доносился приглушенный шум толпы, от напора которой я бежала, а так как выбора у меня не было, я поднялась по лестнице (чувствуя себя грабителем в ночи) и очутилась в коридоре, в который выходили двери бесконечной анфилады прекрасных комнат. Каждая дверь была распахнута, и внутри все было освещено ярким светом.

Вдруг я услышала голоса и вскоре после этого увидела очень впечатляющую процессию кардиналов и других сановников церкви, несущих святое причастие для соборования понтифика; по пути они нараспев молились за умирающего.

Почти тут же все огни потухли, и я поняла, что его святейшество скончался.

Мое нахождение там и торжественность момента привели меня в состояние крайнего волнения. Ведь я совсем случайно оказалась рядом с апартаментами папы. В темноте я услышала чьи-то шаги, и чей-то голос произнес по-итальянски: «Кто вы и что здесь делаете? Вы родственница его святейшества?» Я ответила: «Нет, я здесь оказалась случайно».

Я была так взволнована и потрясена, что отвечала, заикаясь, на своем ломаном итальянском и не думаю, что женщина (как это оказалось) поняла хотя бы половину того, что я сказала. Я просто показала на дверь.

Она произнесла: «Идемте, я покажу вам выход».

Я вздохнула свободнее, когда оказалась на воле, где присоединилась к своим друзьям, которые оставались все на том же месте, волновались за меня и ломали себе голову, куда я могла подеваться.

С огромным трудом мы выбрались из давки на площади Святого Петра. Я сказала графу Тышкевичу: «Знаете ли вы, что папа только что умер?» – и показала на одинокую свечу на подоконнике его апартаментов.

Это событие оставило во мне неизгладимое впечатление. Мое мышление, казалось, обратилось к далеким временам, когда я представила себе всю славу прежних пап. И пока я смотрела сквозь долгую вереницу лет, возникшую в моем воображении, все настоящее исчезло.

Все взоры были устремлены к спальне, где уснул последним сном папа. Печаль была видна на каждом лице, почти у каждого в мольбе были заломлены руки, а коленопреклоненные женщины

горько плакали и причитали на итальянском: «Ангелы и покровители милосердия, защитите нас!»

Так велика была любовь народа к умершему папе, что люди почти всю ночь оставались распростертыми перед дверями Ватикана.

Два дня спустя тело его святейшества было помещено (в полусидячем положении и выставлено для показа верующим) в одном из алтарей огромного собора. На нем были богатые пурпурные одежды, а на голове – тройная тиара понтифика. Когда он был мирским и духовным главой церкви, он носил полное церковное облачение, созданное еще в Средние века, включая символы власти.

Тысячи людей, желавших отдать последнюю дань уважения своему любимому святому отцу, благоговейно становились на колени перед катафалком, на котором покоились его останки; все больше и больше пилигримов рвалось вперед, чтобы бросить последний взгляд на умершего главу церкви. Одна женщина стенала в отчаянии: «Святой отец, помоги мне! Я знаю, ты поможешь. Почему ты не забрал меня с собой?» Она была полностью во власти эмоций и, похоже, находилась в религиозном трансе.

Инцидент, возмутивший наэлектризованную и взбудораженную толпу, произошел, когда экскурсовод агентства Кука провел несколько туристов через знаменитый собор и особо указал на алтарь, на котором покоился гроб с папой. Мне вспомнилась французская поговорка: «От великого до смешного – один шаг».

Поскольку в соответствии с догмами католической церкви глава ее непогрешим, он не участвует в мирской жизни. Вот почему в день его официальных похорон заупокойная месса исполняется перед другим алтарем, где устанавливается большой саркофаг, представляющий останки папы.

Здесь богослужение совершают много кардиналов и священников. Пение папского хора, постепенно нарастающее и затихающее под сводами огромного сооружения, ритмичные колебания кадильниц, запах ладана и речитатив молитв были так величественны и впечатляющи, что мы, казалось, уносились в лучший и более возвышенный мир.

По возвращении в отель меня ждал приятный сюрприз. Заехал русский посол и принес телеграмму, которую он получил от моего свекра, где говорилось, что мой муж жив и здоров, находится на фронте. Но он очень о нас беспокоится и умоляет нас не уезжать, если это сопряжено хоть с малейшей опасностью.

На следующий день мне сообщили в отеле, что в гостинице

меня ждет королевский курьер.

Меня его приезд весьма озадачил. Он говорил по-французски: «Вы – княгиня Барятинская? Не волнуйтесь, у меня для вас новость от вашего мужа».

Мое сердце остановилось при этих словах: я ожидала, что последует что-то ужасное.

«Нет, с ним все в порядке, – заверил он меня. – Ваш император послал нашему королю запрос относительно вас, поскольку ваш муж очень о вас беспокоится». Курьер показал мне телеграмму. Его французский был очень необычен – императора и короля он называл «она», и я с трудом разбирала, что он хотел сказать.

Посол и его супруга продолжали проявлять исключительное гостеприимство. Мы часто обедали и ужинали у них, и они устроили для нас много интересных поездок.

Во время одной из таких экскурсий мы побывали в садах Дориа Памфили. На воде озера плавали самые восхитительные розовые и белые водяные лилии, которые мне когда-либо доводилось видеть. Они были завезены сюда из Индии и отличались огромной величиной. Рядом с ними обычные лилии казались просто лилипутами.

В конце концов наше терпение было вознаграждено, и в Россию из Бриндизи отбыл первый корабль. Он был до отказа забит беженцами. Спустя неделю за ним последовал второй корабль, на котором находились и мы, а все наши расходы были покрыты правительством. Мы попрощались с послом и его супругой, которые дали в нашу честь перед отъездом обед, на котором присутствовали граф Витте и другая российская знать.

Перед тем как начать это долгое и опасное путешествие, я решила провести день в Бари, чтобы поклониться мощам святого Николая. Я была страстной поклонницей этого святого. Он не раз уберегал нас от опасности. Он также был святым покровителем императора Николая II, на которого сейчас вдруг оказалась возложена великая ответственность.

Бари находился на пути в Бриндизи, и мы остановились там на двадцать четыре часа. Когда мы увидели отель, куда собирались устроиться, я воскликнула, обращаясь к французской гувернантке своей дочери: «Боже мой, что за отель!» А когда мы вошли в свои номера, я добавила: «Нам повезет, если здесь нас всех не перебьют!» Место оказалось полно всякого рода людей, не внушавших нам доверия.

Однако на следующее утро мы проснулись, с удивлением обнаружив, что все еще живы. Моя постель была без матраса, а пружины, на которых я лежала, – я говорю это со всем должным

почтением, – меня не только щекотали.

Хотя мы отправились в монастырь еще до восьми часов утра, жара была сильнейшей, а мостовая обжигала ноги, как будто была сложена из горячих утюгов.

Так как дело было на юге Италии, то тень найти было трудно, разве что та, которую давали лавры и оливковые деревья, посаженные на улицах через определенные интервалы.

Мы поехали в маленькой коляске, в которую была запряжена низкорослая корсиканская лошадка, которая, несмотря на то что нас было четверо, бежала очень быстро.

Нашим первым объектом был русский монастырь, так как базилика, где хранились мощи, открывалась для верующих некатолического вероисповедания только в одиннадцать часов.

Этот маленький русский монастырь еще не был достроен. Его сооружали на деньги, собираемые комитетом, во главе которого стояла великая княгиня Елизавета Федоровна, которая сама заложила камень в его основание. И в соответствии с ее пожеланием монастырь строился в старом новгородском стиле. Как будто оказываешься в уголке России...

В монастырской церкви был проведен особый молебен немногими посетившими ее русскими. Они молились за своего обожаемого императора, свою страну, за всех путников, за победу в войне и за тех, кто уже принес высочайшие жертвы.

Наконец, нас допустили в базилику. Нашему русскому священнику не позволялось читать молитвы, которые разрешались только католическим священникам.

Мощи нельзя было увидеть, поскольку они хранились в склепе. Над ним был возведен массивный и красивый серебряный алтарь, изготовленный несколько веков назад. После чтения молитв нам было разрешено по одному пройти за ограждения, которые окружали алтарь, чтобы пасть ниц в проеме, специально для этого сделанном. Мощи поднимались из склепа до уровня пола. И каждый верующий целовал их, когда они показывались в очень маленьком отверстии.

Я получила огромное утешение от этого паломничества, о котором так долго мечтала.

В соборе я купила несколько серебряных образков с изображением святого, один из которых я намеревалась подарить государю; из-за отсутствия денег я не могла купить ничего более достойного его внимания.

После полудня мы покинули Бари и отправились в Бриндизи. На вокзале мы потеряли Сатрапинского. Когда поезд уже тронулся, он появился на перроне, по которому бежал изо всех сил, увлекаемый нашими двумя собачками (которые были на его

попечении), фалды сюртука развевались на ветру, а шляпа чуть не слетела с головы. Когда мы его втащили в вагон, он был до смерти перепуган. Ведь опоздай он на этот поезд, он не попал бы и на пароход и застрял бы здесь.

Пароход пришел в Бриндизи с опозданием. Он прибыл в полночь вместо шести часов. С темного берега нам было видно, как он приближался, весь освещенный огнями.

В самый последний момент попрощаться со мною приехал мэр города и, сам того не подозревая, оказал мне существенную услугу. Мне не разрешили взять на борт моих собачек. И я его попросила: «Не могли бы вы взять на себя заботу о моих собачках? Мои руки заняты!» Он вежливо поклонился и ответил: «Разумеется, мадам княгиня!»

Я выглядела вполне невинно, когда он провел их на поводке на палубу, не зная, что нарушает приказ.

Как только мы отошли от Бриндизи, я услышала совсем рядом звуки стрельбы и пальбу из пушек. Я спросила капитана, в чем дело. Тот ответил: «Перестрелка в Албании». После своего «славного» правления принц Вид с супругой были вынуждены спасаться бегством. Принцесса, исключительно пустая особа, привезла с собой огромное количество парижских «творений» – даже придворный туалет. Она собиралась сыграть роль королевы, а вместо этого обнаружила на албанских равнинах нецивилизованную страну с очень грубым народом, без условий для жизни, даже их дом был построен на голом месте. Для принца Вида, германского офицера, привыкшего, как минимум, к комфорту, это, несомненно, доставило огромное разочарование. Капитан рассмеялся и добавил: «Он собирался основать династию и даже дошел до того, что привез с собой два позолоченных трона. А теперь – финита ля комедия».

Меня ужасно пугала мысль о шторме на море. Так как я не переносила качки, я боялась последствий, но, когда проснулась на следующее утро, море было спокойным, как мельничный пруд, а наш пароход, казалось, скользил по воде, почти оставаясь на месте. С одного борта не было видно ничего, кроме массы бирюзово-синего цвета, менявшей окраску, когда на нее падали солнечные лучи. Это, не знаю почему, напомнило мне гофрированные юбки Луа Фюллер, известной танцовщицы. С другого борта вставали неприступные горы, покрытые розовым вереском, который был похож на длинную атласную полосу того же цвета.

Наблюдая эту прекрасную панораму, я заметила, как нечто поднялось из воды; я вначале приняла его подводную лодку, но, так как этот предмет постоянно возникал и исчезал, оставляя за

собой бурун, я спросила капитана, что это такое. Он ответил: «Княгиня, это акулы. Иногда они наносят чувствительные удары по кораблям». Рыбина подплыла совсем близко к нам, и над ней кружилась стая чаек. Птиц было столько, что они походили на большое серое облако.

Спустя несколько часов капитан сказал моей дочери: «Жалею, что сообщу плохую новость. Произошел оползень, который задержит нас на двадцать четыре часа, и нам придется обогнуть мыс Матапан, где море всегда бурное». Он посоветовал мне немедленно прилечь.

Я приняла все меры предосторожности и удобно устроилась в своей каюте, приготовившись к качке, с которой суждено столкнуться, – это был ужасный для меня момент. Я значительное время прождала в своей каюте, где жара была нестерпимой, и, жаждая глотнуть хоть немного свежего воздуха, не выдержав, вышла из каюты с вопросом: «Далеко еще до Матапана?» – «Мадам княгиня, мы прошли его два часа назад», – был, к моему изумлению, ответ.

Потом я поделилась с капитаном: «Море, очевидно, знало, что я на борту, и, будучи в хорошем настроении, пощадило меня». Он искренне посмеялся над моим, как он назвал, «странным тщеславием» и ответил: «Впервые за мою жизнь в этом месте оно не показывает своего нрава».

Я не упоминала ранее, что наше судно было одним из крупных лайнеров, до войны курсировавших между Италией и Америкой, и везло сейчас куда больше беженцев, чем любой из других кораблей. Все каюты были переполнены, даже третий класс. На палубах было полно генералов, офицеров и высокопоставленных лиц всякого рода.

Каждый был рад вернуться в свою страну и послужить ей.

На борту было несколько оперных знаменитостей из Санкт-Петербурга и Москвы. Вечерами они пели отрывки из опер. Субботние и воскресные ночи посвящались ораториям и другой божественной музыке. После полудня они часто давали великолепные концерты, которые на время рассеивали наши унылые мысли о будущем и успокаивали нас.

На тот момент военные новости были очень обнадеживающими. Русские войска перешли австрийскую границу в районе Инстербрюка на Галицийском фронте, ежедневно брали пленных вместе с большим количеством амуниции и военных трофеев.

С некоторыми пассажирами я была знакома лично. Граф Витте, которого я только что встречала в Риме, часто беседовал со мной. Его излюбленной темой была война, и наши мнения в

основном конфликтовали. Он говорил: «Россия никогда не победит. Она не может победить Германию, которая готовилась к схватке пятьдесят лет. Мы не сможем отстоять себя за неделю. У вас просто большое воображение, если вы допускаете такую возможность хотя бы на миг». Он был очень прогермански настроен. Он всегда обедал вместе с польским католическим архиепископом Каковским, и они неизменно дискутировали на темы теологии. Я нередко присутствовала при этих разговорах и очень интересовалась их спорами. Граф Витте был мудрым государственным деятелем и отличался огромной проницательностью.

Был на борту и русский князь, выделявшийся странными манерами, которые у него появились во время бегства из Австрии. Вечером, к великому удивлению и забаве его коллег-постояльцев, он надевал смокинг с фланелевой рубашкой, на которой были изображены все его ордена и медали.

Еще одним оригиналом была старая графиня семидесяти лет, всегда одевавшаяся в ранневикторианском стиле. Ее любимыми цветами было голубой и розовый. Волосы ее были очень плохо выкрашены, и в жаркую погоду, которая тогда стояла, краска сочилась из ее прически и извилистыми ручейками стекала по щекам зелеными и коричневыми струйками.

Она всегда носила с собой веер. Как-то днем она пришла ко мне, размахивая им из стороны в сторону, и заявила: «У меня был чудный денек – я была занята флиртом с капитаном», и она каждый раз, встречаясь с капитаном, кокетливо поглядывала на того поверх веера.

Бедный капитан безуспешно пытался ускользнуть от нее, но она беспрестанно преследовала его, и он в отчаянии пришел ко мне и сказал: «Она в самом деле ужасна. Это какой-то фарс!»

Кто никогда не бывал в Греции, а особенно на Корфу, не может даже во сне вообразить себе красоту этого острова. Краски исключительные. Эффекты переливов солнца на мраморных перистилиях, многообразие и богатство цветов и вьющихся растений, которые покрывают стены руин своей лозой, персиковые и сливовые деревья – все это представляет изумительное зрелище. На отдалении виднелась хорошо известная вилла Ахиллеон, принадлежавшая германскому императору, а одно время бывшая собственностью злополучной австрийской императрицы.

Когда, наконец, мы достигли Дарданелл, корабль внезапно остановили, и мы увидели приближающийся к нам британский торпедный катер, который приказывал оставаться на месте. К нам поднялись несколько офицеров с катера, чтобы допросить

капитана, есть ли на корабле какие-либо германские офицеры, как это случилось с предыдущим пароходом. Так как капитан не говорил по-английски, я исполняла обязанности переводчика.

Эта процедура задержала нас, и штурман, который соглашался провести нас через Дарданеллы, отказался управлять кораблем, так как времени было уже после шести часов вечера, а потому мы бросили якорь в открытом море.

Когда стало известно об этом решении, большинство пассажиров стали возмущаться. Некоторые утверждали, что началась война между Турцией и союзниками, а другие помрачнели и ушли в себя. Ожидалось все самое худшее, что возможно. Капитан безуспешно старался успокоить людей. А море по-прежнему было тихим, как озеро. Мне хотелось, чтобы эти ворчуны взяли с него пример.

Когда я проснулась на следующее утро, мы уже проплывали через Дарданеллы, где с обеих сторон хмуро смотрели крепости. По всему побережью стояли орудия, готовые к стрельбе через минуту.

Наконец, мы добрались до Константинополя и находились лишь в двадцати четырех часах от России – то есть почти дома.

Когда мы сходили на берег, кто-то спросил: «Есть ли среди пассажиров княгиня Барятинская?» Ему ответили: «Да, вот она», и я направилась туда, откуда слышался этот голос.

Меня встретил секретарь российского посольства, который вручил мне 2000 рублей (примерно 200 фунтов золотом), уложенные в небольшую пачку, а также телеграмму от моего свекра, который с нетерпением ждал нас. Как ни странно, единственной телеграммой, дошедшей до семьи, была та, которую я отправила из Бари.

В заливе стоял русский пароход «Царица Ольга», который должен был перевезти некоторых пассажиров и членов российского посольства, которые уезжали в огромной спешке, поскольку война была неизбежна. Мы могли задержаться на берегу лишь на пару часов.

Мне большое удовольствие доставил вид прекрасного Босфора. Это просто одно из чудес света.

Когда мы на следующий день прибыли в Одессу, для нас все было приготовлено в номерах, отведенных для нас губернатором.

И там наш радостный оптимизм был заглушен ужасной новостью о том, что Германия разбила русские войска. Командующий армией, наш друг генерал Самсонов (которого я часто упоминала), погиб на поле брани. Я была буквально потрясена этим сообщением и только через некоторое время смогла прийти в себя.

На следующий день мы встретили графа Витте в церкви университета, где он когда-то учился. Он сказал мне: «Княгиня, разве я был не прав в своем прогнозе?» Я пришла от него в такое раздражение, что ответила довольно резко: «На войне всегда возможны превратности, но проживем – увидим!»

Но его пессимистический настрой меня подавил, и мне хотелось, чтобы его убеждения не были столь крепкими. У меня просто ноги подкашивались при его пророчествах, и я добавила: «Мы не можем проиграть эту войну – наше дело правое!»

Мы покинули порт как можно быстрее, чтобы вернуться в свой родной дом. Как мне хотелось встретить мужа, от которого у меня не было новостей!

Глава 13

Россия во время войны. – Мой госпиталь в Киеве. – Под огнем на Галицийском фронте

Когда мы благополучно доехали до станции Киев, испытыв огромное облегчение, что наше путешествие наконец-то завершилось, единственный, кто нас встречал на вокзале, – моя племянница. И теперь сбылось мое предчувствие. Никакая машина нас не ждала, и нам пришлось добираться до дому на простых дрожках, причем лошадь еле плелась. Как и наши машины, все лучшие лошади в городе были реквизированы для нужд фронта.

На всем виднелся отпечаток военного времени. На пути в Киев нам встречались шедшие один за другим на фронт поезда с войсками. Станция была забита солдатами, а по улицам Киева двигались огромные толпы австрийских военнопленных, у которых был очень болезненный вид и которые были очень плохо одеты. Когда мы добрались до дому, там нас приветствовали только три человека – жена Жозефа, а также жена и дочь повара. Всех остальных слуг забрали.

На следующий день мы сразу же поехали в Ивановское, чтобы оставить мою дочь с мисс Вайз и мадемуазель Пуйоль на попечение родителей моего мужа. Я решила вернуться в Киев и готовить себя к профессии военной медсестры.

От мужа свежих вестей у меня не было. Я только знала, что в начале войны он получил под командование полк, почетным полковником которого был великий князь Андрей. Император, однако, не хотел, чтобы муж оставался на этом месте, и прикрепил его к штабу генерала Иванова, который командовал Юго-Западным фронтом, охватывавшим всю Галицию и Австрию. И тут ему пришлось выступать в роли посредника между генералом Ивановым и Генштабом. Мужу моему это было не по душе, поскольку он стремился к более активной службе. Поэтому он попросил разрешения его величества командовать бригадой и был, соответственно, направлен к генералу Рузскому.

Из Галиции приходили хорошие новости о ходе военных действий – куда лучше, чем те, что поступали с германского фронта. От генерала Иванова, чей штаб теперь располагался в городе Холм^[22], ожидали дальнейшего продвижения вперед.

В Ивановском я повстречала вдову своего деверя, княгиню

Екатерину Барятинскую-Юрьевскую, вместе с ее двумя сыновьями. Когда разразилась война, она в последний момент с огромными трудностями сумела покинуть Баварию.

И вот я опять в Киеве, где с многими офицерскими женами мы организовали на свои деньги госпиталь, которым руководила госпожа Рузская, супруга генерала. Нам отвели несколько палат в военном госпитале, которые мы стали готовить к приему раненых. Моя квартира была похожа на мастерскую, где вовсю шла подготовка постельного белья и прочего для нашего отделения в госпитале. И я была очень занята. Скоро мы официально открылись под патронажем великой княгини Анастасии Николаевны и ее сестры, великой княгини Милицы Николаевны. Обе они были дочерьми короля Черногории и были замужем за двумя братьями. Муж первой, великий князь Николай Николаевич, был теперь главнокомандующим, а его штаб находился в Барановичах, в Минской губернии.

Моя работа стала очень тяжелой, потому что мне пришлось пройти полный курс обучения работе в госпитале под руководством опытных наставников. К тому же пища в военном госпитале была ужасной, поэтому я была вынуждена готовить в своем доме добавку для наших пациентов. Я обычно вставала в половине седьмого утра, чтобы успеть обойти с пищей своих бедных офицеров. Время после обеда я проводила в операционной, что для меня было исключительно тяжело. Несколько раз я чуть не теряла сознание во время этих страшных операций. «Что с вас толку? – кричал доктор. – Нам нужны настоящие медсестры, а не слабаки, падающие в обморок!» Однако пациенты были ко мне привязаны.

Мне пришла в голову мысль использовать свои деньги на организацию небольшого госпиталя для выздоравливающих офицеров. Наш хозяин был настолько любезен, что отвел в мое распоряжение маленькую квартирку в нашем доме, рассчитанную на пять человек, а я в помощь себе наняла санитарку. Однако, когда мы уже были готовы к приему, утром к нам пришло не пять, а шестнадцать офицеров, и я была вынуждена снять еще одну квартиру побольше и нанять двух медсестер, своего же доктора и соответствующий персонал. И так появился мой госпиталь – «Дом для выздоравливающих раненых княгини Барятинской».

И наконец я вновь увиделась со своим мужем. Вначале пришла телеграмма от его военного врача с сообщением, что он был ранен и получил контузию головы. Потом он появился и сам, и я была совершенно в шоке, увидев, в каких кровоподтеках и шрамах было его лицо. Мы были очень рады нашей встрече после такой долгой разлуки. Но он не мог задерживаться дольше двух

дней, потому что должен был ехать в Брест-Литовск. Император направлялся туда и желал видеть моего мужа. Генерал Иванов также ехал туда, чтобы встретиться с его величеством.

Как только мой муж приехал в Брест-Литовск, он увидел стоявший на станции императорский поезд. Император приехал раньше его и сразу же послал за ним. Мой муж явился к царю, который очень любезно встретил его. «Как поживаете, генерал?» – спросил он. «Но я только полковник, ваше величество!» – отвечал мой муж. «Я уже повысил вас в звании и забрал в свою свиту». И с этими словами он обнял Толи.

После приезда генерала Иванова состоялось длительное совещание. Мой муж рассказывал, что император выглядел таким сияющим и счастливым в связи с российскими победами в Галиции. Он пригласил обоих отобедать у себя. Но никто не мог принять это приглашение, потому что генерал Иванов получил очень важные новости из штаба на Юго-Западном фронте, которые требовали его немедленного возвращения, а мой муж должен был его сопровождать. Потом он мне рассказал, как некий генерал говорил с ним довольно презрительно, не зная моего мужа, а лишь глядя на его довольно поношенную форму. «Удивляюсь, полковник, – заявил он, – как это вы смогли отказаться от приглашения императора!» Спустя два дня он встретил того же самого генерала в Холме (в штабе генерала Иванова), когда ранг моего мужа был уже очевиден и уже другие были обязаны слушаться его приказаний. Тот генерал рассыпался в извинениях за совершенную в Брест-Литовске ошибку, и было видно, что он пребывал в большом смущении по этой причине.

Вскоре после повышения моего мужа по службе я поехала в Холм, чтобы повидаться с ним и генералом Ивановым. Муж вместе с персоналом штаба генерала располагался в поезде на станции, причем все жили в вагонах. Собственная резиденция генерала Иванова находилась в самом городе, в весьма небольшом домике. Хоть он и был командующим такого важного фронта, но генерал со своей обычной скромностью занимал только одну комнату, посреди которой стоял большой стол, накрытый картами и планами. Там он работал вместе со своим начальником штаба генералом Алексеевым.

Когда я заехала к нему, генерал Иванов был один. Было только восемь часов утра, и он пил чай. У нас состоялся приятный разговор. В тот день он был в очень хорошем настроении, новости с фронта были самыми ободряющими. По всей комнате стояли коробки с конфетами, большим любителем которых он был, и киевские дамы регулярно присылали ему сладости.

Пока я все еще была там, вошел генерал Алексеев, держа в

руке телеграммы. Генерал Иванов взял их и тут же стал отдавать приказания. Я была просто потрясена его удивительной памятью и точностью, с которой он отдавал свои приказы. Очевидно, он все держал в своей голове, даже не сверяясь с картой. Он не был блестящим человеком, но наверняка имел дар удивительно быстрого понимания событий и мощную интуицию.

Пришло сообщение, что поезд главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, отошел от ближайшей к Холму станции и направляется сюда. Было очень интересно наблюдать прибытие этого большого поезда со всем штабом великого князя и военными атташе. И британский атташе – генерал сэр Джон Хенбери Уильяме, и французский – маркиз де ла Гиш – оба были приятными персонами.

На станции великий князь Николай Николаевич провел длительное совещание с генералом Ивановым и генералом Алексеевым. Во время их разговоров я вдруг услышала слова: «Генерал, князь Барятинский – великий князь хочет его видеть».

Я настолько еще не привыкла слышать, как называют моего мужа, что даже воскликнула: «Генерал!» – и в моем голосе было такое удивление, что мой деверь, служивший адъютантом у великого князя, разразился смехом.

И тут мой муж доставил трофейные австрийские знамена, захваченные у полков, против которых мы сражались в Галиции. Великому князю было очень интересно на них посмотреть.

Я в ходе посещения Холма смогла сделать несколько снимков. Это единственные фотографии, из иллюстрирующих мою книгу, которые стали такими же «беженцами», как и я сама.

К настоящему времени оба этих великих генерала, Иванов и Алексеев, уже ушли из жизни, и это произошло во время деникинского похода.

Я не могла долго задерживаться в Холме, потому что чувствовала себя обязанной вернуться к своим выздоравливающим пациентам. Я также проходила обучение в госпитале, устроенном госпожой Треповой, женой киевского генерал-губернатора. Это был очень хороший госпиталь и совсем не такой, как тот, где я начала свою учебу ранее. В нем проводились многие очень серьезные операции. Одна из них мне особенно запомнилась – операция казака по имени Донсков, у которого была сильно повреждена рука. Однажды я делала ему перевязку, и открылось обильное кровотечение. Я не решилась оставить его одного и бежать за помощью, поэтому изо всех сил боролась с этим три четверти часа, пока ко мне не пришли на помощь.

Часто я дежурила по ночам, но обычное мое время было с

девяти утра до четырех часов дня, после чего я возвращалась в свой дом для выздоравливающих, который сейчас уже был забит ранеными. Можно себе представить, что я была занята по горло.

Тем не менее однажды я поехала в Ивановское навестить родителей мужа и забрать к себе в Киев дочь. Я нашла свекра в очень плохом состоянии здоровья. Ночью у него случались приступы удушья, и он испытывал ужасную боль, которая не давала ему спать. И все-таки он сохранял живой интерес к событиям на фронте и заставил меня рассказать во всех деталях все, что я могла услышать и увидеть. Перед ним была разложена карта и булавки для того, чтобы отмечать продвижение войск. Он был полностью уверен, что война не будет долгой и что наше дело правое.

Мой свекор очень хотел уехать в Петроград (город уже не назывался Санкт-Петербургом), потому что, как он утверждал, воздух Ивановского слишком сырой. Моя бедная свекровь очень переживала за него.

Мы все уехали в одно время – я забрала дочь в Киев, а родители моего мужа отправились на север. Через несколько дней я получила телеграмму от свекрови, в которой она умоляла меня предупредить мужа и немедленно привезти его в Петроград, потому что состояние свекра было в самом деле тяжелое. Понимая всю исключительность и серьезность положения, генерал Иванов предоставил моему мужу отпуск, чтобы он смог заехать за мной в Киев, а оттуда – сразу же в Петроград.

Слава богу, на этот раз мой свекор был вне опасности, хотя и был очень слаб, когда мы приехали к нему. Я долгое время оставалась подле его ложа. Он сказал мне, что скоро должен умереть, но, как он надеялся, не раньше, чем наши войска войдут в Берлин! Он то и дело говорил о доброте к нему вдовствующей императрицы, которую та проявляла на протяжении всей его жизни. Ее величество несколько раз приезжала навестить его с момента его возвращения в Петроград.

Он так хорошо держался, что доктора заявили, что мы можем уезжать. И мы так и сделали, но в самый день нашего возвращения в Киев, когда муж уже готовился к немедленному отъезду в Холм, пришли одна за другой две телеграммы от моей кузины, княгини Щербатовой. «Папа крайне болен, возвращайтесь» – так говорилось в первой и «Папа безнадежен» – во второй. Тем же вечером в мрачном расположении духа мы выехали. Поездка была жуткой. Казалось, поезд вообще стоял на месте, и когда мы доехали до Вильны, нас ждала телеграмма, сообщавшая, что мой свекор умирает.

Наш поезд двигался все медленнее и медленнее, пути были

заняты составами с войсками. Когда, наконец, мы доехали до Петрограда, на вокзале нас ждала машина, и мы помчались домой как сумасшедшие. Мы вошли в спальню, где у постели моего свекра собралась вся коленопреклоненная семья. До его кончины оставалось только двадцать минут, но я думаю, что он признал нас, потому что на его лице появилась почти неуловимая улыбка.

Моя свекровь отлично держалась, она стала всех успокаивать. Я позвонила в Аничков дворец, чтобы сообщить вдовствующей императрице, что уже больше нет ее старого и верного слуги. Ее величество тут же отправилась к нам. Какую доброту проявила она и какое утешение принесла всей семье! Два раза в день она приезжала на заупокойные службы, которые служили у ложа всем нам дорогого умершего. Она входила просто, без всяких объявлений и занимала место среди скорбящей семьи.

Три дня спустя, пока шла подготовка к отправке его останков в Ивановское для захоронения в семейном склепе, состоялось временное погребение.

В то время император находился на Кавказе, куда он поехал, чтобы поблагодарить свои мужественные войска, с таким успехом сражавшиеся против турок. И мой муж телеграммой известил его о кончине отца. В ответ пришло долгое и трогательное письмо с выражением сожаления.

Потом мы слышали, что перед отъездом на юг император посетил моего свекра и долгое время оставался с ним наедине. Этот визит очень подбодрил умирающего и весьма его ошастливил. Особое обаяние, исходившее от нашего обожаемого монарха, не могло не доставлять радость всем, с кем он беседовал.

Нам пришлось пережить горе потери еще одного человека. Один из товарищей мужа по полку умирал и мог только говорить. Он находился в госпитале императрицы Александры Федоровны и рассказывал нам, как была добра к нему ее величество. Но он ненавидел Распутина, испытывал крайний ужас при виде этого человека, который также часто посещал раненых офицеров.

Печальные и подавленные оттого, что приходится покидать мою свекровь в ее беде, мы с мужем уехали из Петрограда – он отправился на фронт, а я вернулась к своим обязанностям. Сейчас под моим началом был уже настоящий госпиталь, а не просто дом для выздоравливающих, потому что здесь регулярно оперировали раненых.

В Киев приехал его величество император для посещения госпиталей. Улицы были наводнены толпами народа. Энтузиазм достиг предела, и каждый киевлянин стремился хоть краешком

глаза увидеть обожаемого государя, который также побывал в Софийском соборе на благодарственном молебне. Мы стояли очень близко от его величества и наследника престола. Моя дочь, как и я сама, была тронута до слез тем, что лицезреет их в такой торжественный момент. Император выглядел очень сосредоточенным, но при этом каким безмятежным и уверенным в себе! Маленький цесаревич в своей солдатской форме был очарователен.

Из Киева его величество отправился в Холм и, когда там увидел моего мужа, милостиво заметил ему: «Мне было очень приятно видеть в соборе лицо твоей жены среди множества незнакомых мне людей».

Успехи, по поводу которых было ликование, выглядели очень обнадеживающими. В наших руках был Львов, столица Галиции, генерал граф Георгий Бобринский был назначен там генерал-губернатором.

Однако генерал Иванов не испытывал чрезмерного оптимизма. Он говорил мне, что мало того, что Галиция – в наших руках. Теперь важно удержать ее. Его тревожила нехватка боеприпасов, которые позволили бы ему удержать свой фронт, и он совсем не разделял уверенности генерала Сухомлинова в том, что Россия имеет все, что для этого требуется. Мой муж как-то застал генерала Иванова стоящим на коленях перед иконой, когда генерал благодарил Господа за то, что боеприпасы были доставлены на фронт в самое нужное время.

Генерал Иванов категорически был против планов Брусилова о продолжении наступления, потому что мы в Карпатах тогда слишком ушли вперед. Обычно говорили, что Иванов все видит в черных красках, но – увы! – этот опытный человек в действительности видел все слишком ясно.

Эту весну мы провели в прелестном доме графини Браницкой в Белой Церкви, когда-то принадлежавшем знаменитой племяннице Потемкина – мадемуазель Энгельгардт, вышедшей замуж за гетмана Браницкого и здесь похороненной. Я знала графиню с детства и была рада побывать у нее и ее дочери, княгини Бишет Радзивилл, к которой я была так привязана. Графиня и княгиня приехали в Белую Церковь прошлым летом, как обычно делали в это время года, а потом собирались отправиться на осень в Ниццу, где у графини была вилла. Но конечно, когда разразилась война, они не смогли осуществить свое намерение и остались здесь.

Русские уже взяли Перемышль, и император решил поехать туда. Генерал Иванов изо всех сил старался переубедить его величество, все еще будучи уверенным, что мы не сможем

удержать захваченное, и опасаясь прихода германских войск для подкрепления австрийцам. Тем не менее его величество поехал в Перемышль и также во Львов. В честь успехов в Галиции великий князь Николай Николаевич был награжден золотым мечом, рукоятка которого была инкрустирована алмазами.

Все, казалось, развивалось для нас благоприятно. Но, к несчастью, слишком скоро реализовались прогнозы генерала Иванова. В июне 1915 года русским пришлось отдать Львов, который снова оказался в руках австрийцев, получивших помощь от своих германских союзников. Боеприпасов не хватало, и наши бедные войска отступали с голыми руками, хотя и сражаясь с таким невероятным мужеством. Пало множество отличных солдат и лучших офицеров, а их ряды пополнялись новыми бойцами, необученными рабочими с заводов, мозги которых уже были заражены революционными идеями.

Горестно было видеть такой поворот событий после всего, что совершили наши войска. Приходилось оставлять город за городом. Все госпитали поспешно перебрасывались в тыл. Во Львове это происходило в страшной спешке под ожесточенным обстрелом. Среди беженцев оказалась и сестра императора, великая княгиня Ольга, супруга князя Пьера Ольденбургского. С первого дня войны она не покладая рук работала с невероятным рвением, руководя большим госпиталем. Теперь, когда пал Львов, госпиталь перевели в Киев. В то же самое время в Киев приехал великий князь Александр Михайлович, командующий авиацией, и со своим штабом расположился в городе.

Этим летом вдовствующая императрица приехала в Киев и жила во дворце. Там она провела несколько месяцев, посетив все госпитали. Как мы были горды и счастливы видеть ее в своих рядах и как велика была ее популярность!

Наконец я стала квалифицированной медсестрой и получила право носить форменную одежду. Мой госпиталь был полон, и у нас было много тяжелых случаев ранений. Часто вечерами у нас бывало по две и три операции – профессор не мог приезжать ранее, потому что днем был полностью занят. Особенно мне запомнилась одна операция – она была третьей по счету в ту ночь и очень поздней. Пациентом был молодой офицер, раненный в легкое, а также у него было сломано ребро, часть которого давила на легкое. Случай был очень тяжелый, и хирург опасался, что бедняга умрет под хлороформом, потому что дыхание у него было очень тяжелым. Когда ему делали анестезию, я следила за его пульсом. И заметила, что что-то идет не так, потому что пациент был мертвенно-бледным, и вдруг ощутила, что пульс исчезает. Я схватилась за маску и сорвала ее.

Зрелище было ужасным, и профессору потребовалось полтора часа, чтобы привести его снова в сознание с помощью искусственного дыхания, а я все это время прикрывала рану. Мое лицо и одежда были залиты кровью, хлеставшей как фонтан. К счастью, мы спасли ему жизнь, и профессор высоко оценил мою выдержку. «Вы прошли крещение кровью, княгиня!» – сказал он. Я никогда не забуду эту операцию.

В этом госпитале произошел очень забавный инцидент. Один из великих князей, чье имя не буду называть, телеграммой попросил меня позаботиться об офицере, за которого он ручался, – воин из кавказского казачьего полка. На следующий день этот пациент прибыл. Одно плечо было в шине, а рука перевязана. Я предложила ему сделать перевязку, но он стал возражать под предлогом, что только что сделал это на станции перед приходом в госпиталь. Говоря это, он проявлял какое-то смущение, и мне он инстинктивно не понравился. На следующий день с большой неохотой он согласился на перевязку руки, и я сразу же увидела, что там было не пулевое, а ножевое ранение, хотя он и пытался сделать вид, что ранен именно пулей. Чтобы до конца удостовериться, я задала вопрос профессору, когда он пришел, поделившись с ним своими подозрениями. Пациент снова проявил огромное нежелание показывать свою руку, и профессор, осматривая ее, сделал мне знак, что я была права.

Человек этот, похоже, потерял очень много крови, и профессор сказал больному, что ему требуется свежий воздух, и предписал ежедневные прогулки. Однако тот никогда не выходил из помещения днем, а когда выходил в город, то кутался в башлык и натягивал шапку по самые глаза. Моя неприязнь к нему усиливалась, и, в самом деле, мои офицеры заметили это и стали меня спрашивать, в чем дело, потому что новичок всем нравился. Но меня это вовсе не убеждало. Меня беспокоили его уклончивые манеры и неуверенность, когда ему задавали вопросы, откуда он прибыл в этот госпиталь. И также мне было непонятно, как он познакомился с великим князем. А великий князь мне о нем говорил только то, что это очаровательный человек.

Как-то днем меня позвали к телефону, чтобы поговорить с комендантом города, который, между прочим, сказал: «Княгиня, не ходите сейчас в свой госпиталь. Вынужден огорчить вас, но мы должны арестовать одного из ваших офицеров!» Из меня вырвалось имя этого нового пациента. «Откуда вы знаете?» – удивился тот, но я могла только объяснить, что всегда питала к тому неприязнь.

На следующий день я узнала, что в своем стремлении ускользнуть от ареста он выпрыгнул в окно, но был схвачен на

улице. Оказалось, что это был рядовой матрос с очень плохой биографией с корабля на реке Амур. Он совершил несколько печально известных ограблений и был замешан не в одном загадочном деле. Никто не знал, как ему удалось познакомиться на фронте с великим князем. Его отправили в тюрьму, и я больше о нем ничего не слышала. Но для меня это было очень неприятное переживание. Даже мои пациенты заметили, что я недолюбливала этого человека.

Должна упомянуть еще один случай, связанный с чудным, небольшого роста татарским офицером из дивизии великого князя Михаила Александровича, известной под названием Дикой дивизии, потому что в ней было так много дикого народа с Кавказа. У этого татарина была раздроблена рука. Его ранило во время боя с немцами, и, когда он лежал на земле, прикидываясь убитым, его руку переехало орудие. Он был мне интересен своей простотой и верностью и пересказывал мне все слухи, которые ходили на фронте о частых сменах министров, влиянии Распутина и т. д. Он с отвращением рассказывал мне о нападках на императора и императрицу, которые имели место. Я рассказала о нем своему мужу, и это дошло до ушей генерала Иванова. Тот сказал, что мой пациент совершенно прав. В армии шла очень вредная пропаганда. «Я не удивлюсь, если она исходит из Германии», – добавил он.

Император уже стал главнокомандующим Вооруженных сил со штабом в Могилеве. Дела шли плохо. В наших руках оставалась лишь часть Галиции, а на остальных участках фронта удача была не на нашей стороне. Как и везде, в России шла окопная война.

Осенью 1915 года император решил устроить смотр своим войскам на фронте, надеясь, что это поднимет их дух. Во время этой поездки его величество оказался на небольшой станции Кливяны, откуда он отправился устраивать смотр войскам. Все ехали в автомашинах, и на обратном пути на станцию, чтобы сесть на императорский поезд – а уже было темно, – императорский водитель заблудился. Вдруг, к своему великому удивлению и ужасу, генерал Иванов услышал знакомый шум германских аэропланов. Так император оказался очень близко к линии вражеского огня. Тотчас был отдан приказ повернуть все пушки против германских машин и отогнать их.

Все были встревожены этим несчастным случаем. Однако император оставался абсолютно спокоен и сдержан. Когда он доехал до станции, к нему подошел генерал Иванов и спросил: «Не соблаговолит ли ваше величество принять крест ордена Святого Георгия?»

Орден Святого Георгия, управлявший собственным Советом (Орденской думой), был создан императрицей Екатериной Великой, а крест выдавался за храбрость. Одно из правил, записанных в уставе ордена, гласило, что любой член императорской семьи, который подвергнется опасности перед лицом врага, имел право на этот крест.

В ответ на вопрос генерала Иванова император со своей обычной скромностью уклонился от этой почести. «Я был не в большей опасности, нежели остальные», – настаивал он. Генерал продолжил упорствовать, и государь раздраженно ответил: «Пожалуйста, больше не касайтесь этого вопроса!»

Посоветовавшись с моим мужем, генерал Иванов решил созвать Совет ордена, который единственно имел право награждать. Зная антипатию императора к нарушению правил, он надеялся, что его величество будет вынужден принять крест, если награда будет произведена по решению Совета. Кворум Совета в количестве семи человек собрался в Бердичеве и утвердил награждение, изложив в надлежащей форме основания для награждения крестом. И моего мужа отправили в Петроград в качестве представителя Совета ордена, чтобы произвести награждение царя.

По пути в Петроград муж заехал в Киев, где «завербовал» меня в свой заговор. Он очень сомневался в своей способности уговорить императора. «Боже, помоги его величеству принять этот крест, – сказал он, – потому что все его предшественники имели крест, и я знаю, с какой гордостью император будет носить его!»

Муж взял с меня обещание хранить секрет и, уезжая, сказал мне, что пришлет телеграмму «Прекрасная погода», если его миссия завершится успехом. А если в телеграмме будет написано «Погода была плохая», я должна это понять так, что он потерпел неудачу. Как только я получу эту телеграмму, мне надлежало позвонить в Бердичев генералу Иванову, и было отдано распоряжение, чтобы мне помогли сделать звонок немедленно.

В день приезда мужа в Петроград я получила телеграмму «Погода чудесная!». Я тут же позвонила генералу Иванову и по его голосу поняла, что тот был в огромном волнении. «Слава богу!» – восклицал он.

Официальное известие о том, что произошло, очень быстро достигло Киева, потому что уже после обеда, когда я пришла к себе в госпиталь, меня приветствовали офицеры с шампанским. «Вот супруга знаменитого человека! – кричали они. – Какая честь для вашего мужа!» И оно так и было. В вечерних телеграммах было послание и от царя: «Я счастлив сегодня объявить моим

храбрым войскам, что мой свитский генерал князь Барятинский доставил мне крест ордена Святого Георгия от командующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Иванова».

Я была так горда тем, что являюсь женой «уважаемого генерала», что села и отправила длинную телеграмму с поздравлениями его величеству, пытаясь выразить все, что чувствовала. Боюсь, что вышла самая необычная телеграмма. Поскольку два дня не было ответа, я подумала, что, возможно, его величество был недоволен моим необычным посланием.

Когда муж опять заехал в Киев на обратном пути, он рассказал мне о трудностях, сопутствовавших его миссии. Приехав в Царское Село, он отправился к великому князю Борису Владимировичу, а оттуда позвонил в Александровский дворец, где на несколько дней остановился император со своей семьей после возвращения с фронта. Он попросил пригласить старого министра двора графа Фредерикса и попросил срочной аудиенции. Граф ответил, что будет ждать его, и муж поехал в Александровский дворец. Тут он объяснил свое поручение и стал испрашивать без промедления устроить ему аудиенцию у его величества. Он очень ясно изложил вопрос, зная, что старый граф забывчив и может что-то напутать.

Графа Фредерикса эта идея привела в восторг. Он добавил: «Уверен, император будет рад принять этот крест. В любом случае я постараюсь убедить его. Сейчас его величество вместе с императрицей, и это самый подходящий момент, потому что я уверен, что ее величество нам поможет».

И граф ушел в императорскую гостиную, сказав: «Я вас сразу же позову. Я ненадолго».

Целый час мой муж мерил шагами коридор. Наконец, появился граф Фредерикс. «Ну и как?» – нетерпеливо спросил мой муж. «О! – воскликнул старик. – Я и забыл сказать его величеству! Было так много других вопросов, требовавших обсуждения!» Потом, видя, как расстроен мой муж, продолжил: «Но все можно устроить. Я пойду и скажу его величеству, что вы здесь, пока он обедает».

Поэтому мой муж отправился обедать в полковую столовую. Там великий князь Кирилл спросил у него, почему он не в парадной униформе. Но Толи постарался никак не проговориться об истинной цели своего приезда. Вернувшись в Александровский дворец, он пошел прямо к графу Фредериксу, как и было договорено. До того, как он произнес слово, граф, глядя на него пустыми глазами, спросил: «Кто вы такой? Что вам надо?» – «Я – Толи Барятинский. Я приехал с фронта». Но все было бесполезно. Граф отличался крайней забывчивостью, и делать было нечего,

кроме как все объяснить сначала.

Наконец граф сказал, что пойдет к его величеству. Но на этот раз муж не стал упускать его из виду и вошел в гостиную комнату императора вместе с ним. Подойдя прямо к его величеству и преклонив колено, он вручил ему крест и адрес. В глазах императора появились слезы, и он ярко выразил свою крайнюю радость по поводу оказанной ему чести. «Я ее не достоин», – протестовал он многократно, но наконец мой муж вручил ему крест, и император взял его, поцеловал и прикрепил к своему мундиру. Потом он обнял Толи и произнес: «Я так счастлив, Толи! Как жаль, что императрице об этом не сказали, чтоб и она могла здесь присутствовать!»

Мой муж сказал, что также привез солдатскую медаль того же ордена цесаревичу. «О! – воскликнул император. – Тогда мы сейчас устроим награждение, и императрица увидит вручение!» Пока они шли в гостиную императрицы, им встретился наследник, который был так рад и взволнован этим событием, что настоял на том, чтобы медаль ему приколоты сейчас же, а потом он побежит к матери, чтобы показать ей. Так что церемония опять была нарушена.

Поскольку мой муж уезжал, его величество послал свои лучшие пожелания *дедушке* Иванову – так его звали солдаты из-за длинной белой бороды – и мне.

Мне пересказали все эти детали, как я уже говорила, когда мой муж заехал в Киев по пути к генералу Иванову в Бердичев. И я почувствовала себя обязанной признаться ему о своей телеграмме императору и показала ему копию. Она ему показалась слишком фамильярной по тону, и, так как ответа не было, он опасался, что император мог быть задет. «Ладно, – сказал он, – если завтра не будет ответа, я сам пошлю одну строчку графу Фредериксу, объяснив, в каком возбужденном состоянии ты находилась, когда писала телеграмму, и я уверен, что император ничего не скажет. При своей огромной доброте он поймет чувства, которые тобой владели».

Уезжая, муж сказал мне: «Позвони мне сразу же в Бердичев, какой бы ответ ни был». Едва он отъехал, мне позвонил командующий резервными войсками в Киеве генерал Ходорович и сообщил, что получил адресованную мне телеграмму от его величества и хотел бы вручить ее мне лично. Телеграмма была из Риги, где, без сомнения, император проводил смотр войскам Северного фронта. Это и объясняло задержку.

Ладно, если император ответил, подумала я, он не сердится на меня. Когда я получила сообщение, в нем было следующее:

«Сердечно благодарю за вашу телеграмму. Я очень счастлив,

что именно Толи, мой старый друг, доставил мне славный крест из армии генерал-адъютанта Иванова. *Николай*».

Я тут же позвонила мужу, и как мы оба были рады этому любезному ответу и вообще счастливому завершению этой истории!

В тот же вечер, когда ее величество вдовствующая императрица уезжала в Петроград, я приехала на киевский вокзал, чтобы попрощаться с ней, и она заверила меня, что император очень доволен тем, что на его груди появился крест. «Какая честь для Толи!» – добавила она.

Потом великий князь Георгий Михайлович рассказывал мне, что был первым из императорской семьи, кто поздравил его величество. Выяснилось, что императрица, как и опасались, была раздражена тем, что не присутствовала на церемонии награждения, и поначалу была склонна винить моего мужа за то, что он не дал ей заранее знать о намечаемом событии. Теперь она, однако, поняла, что мой муж не виноват и что все запутал граф Фредерикс. Насколько император ценил этот крест, можно видеть по последней его фотографии, приведенной в книге г-на Гийяра, наставника цесаревича, где царь все еще носил его даже в Тобольске.

Вдовствующая императрица к всеобщей радости возвратилась в Киев примерно в начале 1916 года. Произошли перемены. Генерал Иванов уже не командовал Юго-Западным фронтом. Он попросил освободить его от командования, потому что был не согласен с тем, что происходило. Вместо него верховным командующим на этом фронте стал генерал Брусилов.

С января 1916 года мой муж командовал бригадой, частью которой был его старый полк снайперов императорской фамилии. К концу июля я решила поехать и увидеться с ним в штабе под Луцком. Говорили, что там будут тяжелые бои, – вот-вот должно было начаться наступление. Гвардию перебрасывали на юг, а город Луцк был недавно вновь взят русскими войсками.

Обычные поезда ходили только до Ровно, и пассажирское движение, конечно, было полностью дезорганизовано перемещением войск. В нашем поезде мы были вшестером в одном купе, и одним из шестерых был толстый священник, совершенно раздавивший нас. Было очень жарко, и он испытывал крайнюю жажду. На каждой станции требовал чаю. Так как он располагался на верхней полке, а поезд очень трясло, каждый раз, когда он поглощал чай, на нас лился дождь из теплой влаги. В коридор было невозможно выйти, потому что там было битком набито озверевшего и дерущегося народу. Это можно представить нагляднее, если я скажу, что, когда я прорывалась в свое купе,

капюшон моей одежды медсестры был оторван, и я не смогла нигде его отыскать.

Дальше Ровно пассажирские поезда не ходили, и я пересела в воинский поезд, в четвертый класс. Австрийцы только что оставили эту территорию, и повсюду были видны приготовленные для ремонта железнодорожные шпалы, а на рельсах были брошены обломки бронепоезда. Наш поезд делился на две части: одна для людей, другая для лошадей. Ехали мы очень медленно, примерно десять верст в час, когда вдруг возле станции Киверцы состав атаквали германские аэропланы, забросавшие нас бомбами. Восемьдесят солдат было ранено, а бедные лошади совершенно обезумели от страха. Случайно я оказалась единственной медсестрой в этом поезде. К счастью, на этой маленькой станции был полевой госпиталь, и он пришел нам на помощь. Но бедный доктор был сам ранен (ему раздробило колено).

Более двух часов мы находились на открытом месте под огнем, а потом, когда доехали до станции, там опять немцы нас бомбили. Я хотела помочь доктору и дать пациенту хлороформ перед срочной операцией и пошла за своей рабочей одеждой, которая висела на стене, но в этот момент ее пронзила пуля, едва не задев меня. А пациента мы полуспящим отнесли в подвал вокзального здания.

Наконец, немецкие самолеты были отогнаны. Зрелище было исключительным. У каждой машины был свой цветной прожектор, а ясное небо было испещрено маленькими белыми облачками дыма от разрывов снарядов, которыми пушки пытались сбить эти самолеты. Я видела, как один из них как будто потерял равновесие, возможно, потом он рухнул на землю.

Той ночью я приехала в Луцк, находившийся примерно в двенадцати верстах от этой станции, на небольшой деревенской подводе с крестьянином, который повез меня. Я ехала через лес, который, как я видела, был изумительно прибран только что ушедшими австрийцами. Они превратили его в идеальный парк с пересекающими его дорожками, маленькими мостиками и беседками, сделанными из березовых стволов, а берез тут было полно. И их кладбище тоже содержалось в изумительном порядке.

Все еще была ночь, когда я добралась до Луцка; долго искала место для ночлега, наконец, меня принял госпиталь. Старшая сестра была очаровательна, но все, что она могла мне предложить, – это очень скользкий покатый диван, накрытый клеенкой, под телефонным аппаратом.

Уже было 15 июля (по старому стилю) 1916 года, и наступление нашей гвардии против немецкой было в полном

разгаре. Я не могла добраться до своего мужа, потому что битва все еще продолжалась. На следующий день снова прилетели немецкие аэропланы и стали бомбить Луцк. Командующий войсками этого фронта генерал Каледин одолжил мне машину до Ровно, куда я решила вернуться, потому что было бесполезно пытаться увидеться с мужем. По пути я так часто встречала наши войска, идущие на фронт, что не могла удержаться от восклицания: «Боже милостивый, сколько же мужчин у нас в России!»

Ночь я провела в каком-то отеле. В нем было лишь четыре номера, но хозяин гордо заявил мне: «У нас есть свободные номера, сестра!»

Когда, наконец, я вернулась в Киев, мой госпиталь был переполнен ранеными в результате последних боев, включая некоторых воинов из снайперов полка императорской фамилии. Было несколько очень тяжелых ранений, и наши руки были постоянно заняты работой.

Через несколько дней после моего возвращения мой госпиталь посетила вдовствующая императрица. Нам позвонили по телефону, что через десять минут приедет ее величество. Мы как раз только что оперировали одного офицера, и у меня не было времени привести себя в порядок. Этот офицер только что пришел в себя после наркоза и едва понимал, что происходит. Мне пришлось сказать ему: «Капитан, с вами говорит ее величество». Он огляделся туманным взором, но, когда над его кроватью склонилась императрица, он произнес: «Какое счастье видеть перед собой обожаемую императрицу!»; той ночью он плакал. Он был простым малым, без роду без племени, но все равно был в состоянии оценить доброту ее величества.

Уходя, вдовствующая императрица сказала, что собирается послать императору телеграмму о том, что побывала в моем госпитале. Могу сказать, что император всегда проявлял огромный интерес к моей работе и часто присылал мне телеграммы или письма через кого-нибудь из своей свиты, передавая свою благодарность. Она также сказала, что его величество позволил ей наградить самых храбрых из моих пациентов.

Среди удостоившихся чести говорить с ее величеством был мой племянник из Канады. Как велика была радость всех раненых по случаю этого визита!

На следующий день генерал, приданный персоне ее величества, приехал в госпиталь и привез награды. Капитан, о котором я только что упоминала, был среди представленных к ордену и был доволен. Уехав из госпиталя, он написал мне много

трогательных писем с фронта. Потом он был убит солдатом-большевиком своего полка. Он остался верен императору до конца.

Вдовствующая императрица отпраздновала в Киеве свой пятидесятилетний юбилей пребывания во главе благотворительных учреждений России. Утром того дня она устроила грандиозный прием. Император пожаловал свою мать наградой, представляющей число 50 в алмазах, которую полагалось носить на черной с алым Владимирской ленте.

Приехал генерал Иванов, прибывший с поздравлениями от лица императора, а также генерал Брусилов, ныне генерал-адъютант при императоре. Во время завтрака я не сводила глаз с генерала Брусилова, когда он поднял свой бокал, предложив тост за императора и императрицу. Мне он был несимпатичен. Не знаю почему, но в его взгляде мне виделось что-то ненатуральное, и к тому же он слишком часто моргал веками. Глаза нашего дорогого старого друга, генерала Иванова, с другой стороны, были добрыми и искренними. Я заметила, что генерал Иванов тоже внимательно вглядывается в генерала Брусилова, и мне стало страшно любопытно узнать, о чем же он сейчас думает. На следующий день, когда меня посетил генерал Иванов, он мне сказал, что уверен – Брусилов ведет двойную игру.

Генерал к тому же добавил, что ему совсем не нравится дух, который сейчас царит в войсках. Слишком много открыто обсуждали и осуждали императрицу. К несчастью, она не до конца разбиралась в сложившейся ситуации и так и не поняла Россию. К тому же ей не везло с окружением. «Я презираю госпожу В., – говорил генерал. – Я говорил с ней и сказал ей, что она губит репутацию императрицы. И потом, все это безумие – попытки сделать из Распутина святого!» Он даже заявил, что после его разговора с госпожой В. императрица стала относиться к нему неблагосклонно. Во время рассказа у старика текли слезы из глаз. «Только император выслушает меня! – воскликнул он. – Я обожаю его и умру за него. Мы все его обожаем и убиваемся из-за его неудач».

К концу ноября император сам приехал в Киев, с ним был наследник. Меня шокировало то, как изменился вид его величества. Похоже, он был полон тревог. Легко можно понять почему. Добрая часть России находилась в руках неприятеля, а также Пинские болота. В Европе под германской оккупацией была Бельгия, а во Франции союзники вели тяжелые бои.

Я имела счастье коротко поговорить с его величеством. «Благодарю вас за то, как вы ведете свою добрую работу, – сказал он. – Я был потрясен количеством людей, которые присматривают

за ранеными, которые уже устали от забот медсестер. Но наши храбрые солдаты, которые их защищают, не устали от выполнения своих обязанностей».

Он с большим восхищением отзывался о работе в госпитале, которую вела его сестра, великая княгиня Ольга.

Тогда я видела императора в последний раз. Он все еще стоит перед моими глазами. Как он любил свою страну и как ею гордился! И с тех пор, как нет его самого, нет и страны. Россия не может существовать без царя. Он был сердцем того огромного тела, которое когда-то являлось нашей Родиной.

Той же осенью 1916 года великая княгиня Ольга, о которой говорил со мной император, отпраздновала в Киеве свою свадьбу. Она прежде была замужем за герцогом Петром Ольденбургским. Сейчас она с ним развелась и выходила замуж за капитана Куликовского, осуществляя брак по любви. Император и императрица были не очень довольны этой идеей, но дали свое согласие.

Из Петрограда поступали очень плохие вести. Заседания в Думе проходили бурно, а выступавшие ораторы дерзко осмеливались подвергать сомнению даже верность императрицы Александры Федоровны. Много критики высказывалось в адрес министра внутренних дел Протопопова, эпилептика, по натуре склонного к истерии. Кроме того, ходили слухи, что Брусилов и другие генералы составили заговор с целью свержения императора. Позднее эти слухи, к несчастью, подтвердились. В заговор входили Брусилов, Рузский и несколько других генералов, выдававших себя за верных слуг императора, но на самом деле являвшихся предателями.

Было очень сильное возмущение Распутиным, и все говорили – и в Киеве тоже, – что если избавиться от этого дурного влияния, то можно надеяться на улучшение дел. «Неужели ни у кого не хватит мужества прогнать его от императрицы? Неужели не найдется храбреца прикончить его?» – часто спрашивали друг друга люди.

Нам не пришлось долго ждать.

Глава 14

Революция. – Распутин. – Отречение царя. – Возвышение Керенского и Ленина

Как-то в воскресенье в конце декабря 1916 года я пошла, как обычно, в церковь. Ее величество вдовствующая императрица посещала богослужения в Киеве в личной часовне губернатора, графа Игнатьева, поскольку в императорском дворце личной часовни не было. После молебна ко мне подошел граф и спросил: «Вы слышали самую последнюю новость? Знаменитый Распутин убит». – «Неужели это правда? – спросила я. – А кто это сделал?» – «Пока дело покрыто тайной, даже его тело еще не найдено. Ее величество вдовствующая императрица знает о трагедии. Однако я очень беспокоюсь, какое влияние окажет эта новость на императрицу Александру Федоровну. Как вы знаете, она так безоговорочно верила в могущество Распутина, что, боюсь, его смерть станет для нее страшным ударом».

Императрица так и не сумела понять, что так называемый старец был не кем иным, как шарлатаном и мистиком, обладавшим огромной гипнотической силой, а также совершенно беспринципным человеком. Веру императрицы в него он использовал в личных целях и оказывал на ее величество пагубное влияние. Она была очень религиозна и верила, что этот человек явился с особой миссией от Бога, хотя все остальные видели истинную его суть и пытались предостеречь ее от него и открыть ей глаза на его подлинный характер. Но государыня никого не слушала – вера ее в него была абсолютной. Распутин обладал над немногими людьми некой очень мощной властью, которую просто невозможно описать, и использовал свое влияние на доверчивую императрицу, внушившую себе, что тот владеет силой спасти ее любимого сына.

Жизнь Распутина не раз оказывалась под угрозой, но, говорят, он как-то изрек: «В день, когда исчезну я, перестанет существовать и императорская семья, а Россия рухнет!» Я, конечно, не могу утверждать, так это или нет. В те смутные времена в воздухе витало столько безумных изречений...

Я его видела лишь один раз несколько лет назад на вокзале Царского Села, когда он выходил из поезда, и мой друг показал мне этого «знаменитого Распутина». Я его хорошо разглядела: он был одет под крестьянина, заношенная до предела шапка была

натянута на самые глаза. Внешне он был грязен и неприбран, но на нем была красивая и дорогая меховая шуба. Лицо худощавое и бледное, но глаза его были удивительны – большие и глубоко посаженные, а взгляд настолько пристальный, что, казалось, проникал внутрь человека или всего, что встречалось его взору. Он вызывал отвращение с первого взгляда.

Его дожидалась придворная коляска. Он поспешно взобрался на нее, съезжился в углу, как будто пытаясь спрятаться, озираясь с таким видом, будто опасаясь, что кто-нибудь последует за ним. Но лицо его никак не отражало его внутреннюю суть, хотя оно и было правдивым признаком его характера. Это был пьяница-скандалист и даже хуже. И тем не менее он через свою удивительную способность ослаблять страдания юного наследника добился такого влияния на императрицу, что никто не мог убедить ее, что этот человек совсем не тот, за кого себя выдает. Императрица любила своего сына больше всего на свете и находилась в такой постоянной тревоге за жизнь дорогого цесаревича, что была готова использовать любые методы для его лечения. Она была убеждена, что Распутин, и только он один, может вылечить ее обожаемое дитя.

В тот день я пришла домой из церкви и спросила мужа: «Ты знаешь, что Распутина убили? Как ты думаешь, последствия будут серьезными?» И он ответил: «Слава богу, это гнусное чудовище подохло! Что до последствий – люди поговорят и забудут, что оно когда-то существовало. Такова жизнь».

Со своей стороны я не разделяла мнение мужа. У меня были свои опасения. Я знала, каким ударом будет это для императрицы, которая из-за своего наивного низкопоклонства сотворила из него мученика, наделив, еще при жизни Распутина, его нимбом святости.

В течение нескольких дней газеты не могли писать ни о чем другом, кроме смерти Распутина: колонку за колонкой киевские газеты публиковали его портрет, его биографию и детали убийства, сообщали, где и как он был убит, что труп его куда-то исчез и его до сих пор не могут найти, что петроградская полиция напала на след и что, наконец, останки «старца» были найдены подо льдом в одном из каналов, впадающих в Неву...

Император, в то время находившийся в штабе в Могилеве, немедленно выехал в Царское Село, чтобы быть рядом с императрицей, которая была в отчаянии, доводящем ее до безумия. Тело убитого отправили в один из монастырей в Петрограде, а оттуда перенесли в церковь по соседству с госпиталем Анны Вырубовой, где в присутствии их величеств и немногих близких друзей состоялось временное погребение.

Сообщалось, что Распутин похоронен в парке в Царском Селе. Какой прискорбный промах! Какой риск с дальнейшими трагическими последствиями – посещать похороны человека, который не знал ни веры, ни закона! Естественно, все это широко обсуждалось, и нам было очень неприятно от всякого рода беспочвенных слухов.

Люди, принимавшие участие в убийстве Распутина, были сурово наказаны, а потрясения, вызванные этим делом, имели самые фатальные последствия. Бедная императрица! Можно только сожалеть о ее слепоте и осуждать тех, кто осмелился представить эту ужасную тварь ее величеству, сыграв на ее сокровенных чувствах – ее любви к своему сыну и ее религиозной экзальтации, а потом поддерживал государыню в ее несчастной вере в могущество Распутина. Все эти люди – просто преступники, поскольку они заботились лишь о своих собственных интересах, надеясь тем самым попасть в фавор к императрице и сколотить себе состояние.

Император вызвал моего мужа с фронта в Царское Село для беседы. Толи нашел, что его величество выглядит очень утомленным и озабоченным, и заметил, что царь очень похудел. Глаза государя, всегда такие выразительные, сверкали, когда он рассказывал, что ожидает быстрых успехов со стороны союзников, что боеприпасы поступают со всех сторон и что есть надежда скоро начать всеобщее наступление. Он говорил только о войне и сообщил моему мужу, что надеется вскоре увидеть его в штабе. Император предложил моему мужу навестить до отъезда императрицу, добавив, что ее величество чувствует себя очень плохо и находится в подавленном состоянии.

Мой муж через несколько минут встретился с императрицей в ее гостиной комнате. У нее было неестественно раскрасневшееся лицо, и она нервничала, но пыталась выглядеть спокойной. Она говорила резко, почти отрывисто, из чего было видно, как глубоко она страдает. Государыня расспрашивала обо мне, моей дочери и моем госпитале и сообщила моему мужу, что вскоре собирается поехать на фронт вместе с императором. Его величество еще не имел возможности поблагодарить гвардию после больших сражений июля 1915 года. Мой муж был очень тронут этим визитом и с целью отвлечь ее величество от ее горестных дум рассказал ей о недавно вышедшей из печати американской книге, содержавшей карикатуры о войне, которая была очень забавной и развлекательной. Позже он позволил себе смелость послать ей из Киева экземпляр этой книги.

Когда мой муж после обеда покидал императора и императрицу, оба величества послали с ним любезные послания

для меня и поблагодарили меня за то, что продолжаю так долго заниматься своим госпиталем. Так он в последний раз увидел наших любимых монархов, и в последний раз я получила от них послание напрямую. Этот визит произвел глубокое впечатление на моего мужа, который увидел огромную тревогу, угнетающую оба величества, и был необычайно удивлен веянием трагического, витавшего в этом разговоре.

Мой муж сказал мне, что состояние Петрограда было совсем не обнадеживающим. Интерес к войне, казалось, потух, а прекрасное чувство патриотизма вообще испарилось. Тема всех разговоров – политика и критика правительства.

Ходили также слухи о голоде, и это совершенная правда, что у мест раздачи хлеба выстраивались длинные очереди. Также, что там холода и народ стоит часами, дрожа от холода. Также правда, что для распространения враждебной пропаганды и для того, чтобы доказать слабым духом, уставшим от военных лишений гражданам, что никто о них не заботится и никто на них не обращает внимания, поезда с продовольствием задерживались и делалось практически все, чтобы ускорить приход революции.

Из Царского Села мой муж вернулся в Киев. «Отличие непередаваемое! – восклицал он. – Здесь царит совсем другая атмосфера. Ведь мы находимся ближе к фронту, где сейчас одно лишь желание – победить и положить конец войне». Он готовился ехать в штаб, чтобы встретиться с императором, который собирался в Могилев вскоре после визита моего мужа, как, к своему огромному удивлению, получил телеграмму, в которой сообщалось, что царь немедленно возвращается в Царское Село, так как цесаревич и все великие княжны заболели корью.

За день до этого в газетах говорилось, что его величество временно приостановил работу Думы по причине оскорбительности выступлений и что он отказался даровать министрам полномочия, которые те запрашивали. Потом вдруг это неожиданное прекращение выпусков всех газет в Киеве. На второй день запрета мне позвонил по телефону губернатор и спросил: «Знаете ли вы, княгиня, что уже два дня, как вдовствующая императрица не имеет никаких вестей от царя? Ходят слухи, что поезд, в котором он ехал, был остановлен на пути в Царское Село революционными железнодорожниками, и его величество не смог доехать до Царского Села, был вынужден вернуться, и, похоже, никто не знает, где он сейчас».

Охваченная огромными душевными страданиями, я бросилась к мужу и спросила его, как он считает, возможно ли это. Он ответил: «Не могу поверить, чтобы в этом слухе была какая-то доля правды», но по лицу его я видела, что он не на

шутку встревожен.

Вечером мне опять позвонил губернатор и сообщил, что те ужасные новости подтвердились и что император в данный момент находится на пути во Псков, в штаб командующего Северо-Западной армией генерала Рузского. Далее он рассказал, что в Петрограде разразилась революция, что генерал-адъютант Иванов отправился из Генштаба специальным поездом с георгиевским батальоном из отборных солдат, которые награждены орденом Святого Георгия, потому что они самые храбрые воины и на них можно положиться, и что он, возможно, сумеет подавить начинающуюся революцию, что тем временем из членов Думы сформировано новое правительство и что говорят об отречении императора, но вот эта последняя новость еще не нашла своего подтверждения.

«И этого никогда не произойдет, дорогой граф, – ответила я. – Это невозможно!» Я была в таком волнении, что с трудом могла говорить. Для меня казалось невозможным жить без нашего обожаемого императора. Это было выше моего понимания.

И тут пришла ужасная весть об отречении императора. Два члена Временного правительства – Гучков и Шульгин – были посланы просить его величество отречься от трона. Скромный и добрый, каким всегда был император, он сказал им: «Вы полагаете, что для России будет лучше, если я отрекусь от трона?» На что делегаты осмелились ответить: «Мы абсолютно уверены!»

Император уже получил подобные послания по телеграфу от различных командующих – некоторые из них были в то время адъютантами его величества, – которые были такими жестокими и такими дерзкими, что просили его величество отречься как можно скорее.

Царь уступил перед лицом этой настойчивости, веря, что такое действие пойдет на пользу его стране и его народу – о которых он всегда думал в первую очередь, – и назначил своим преемником брата, великого князя Михаила. Однако великий князь отказался, заявив, что станет правителем России только в случае, если на то будет четко выраженное народное желание. Могу утверждать, что принять такую линию поведения его вынудил Керенский. Великий князь Михаил Александрович сам по себе был человеком скромным, он был женат морганатическим браком и, как мы знаем, имел сына, который, конечно, не имел отношения к наследованию трона, что серьезно осложняло дело.

ОБРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА
АЛЕКСАНДРОВИЧА К НАРОДУ

Передав мне императорский трон России, мой брат возложил на меня очень трудную задачу в период этой невиданной войны и внутренних потрясений.

Воодушевляемый, как и весь народ, верой, что благополучие нашей страны имеет первостепенное и самое важное значение, я принял твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, чьим долгом будет путем всеобщего голосования через своих представителей в Государственной думе решить вопрос о будущей форме правления и о новых основных законах России.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил

Петроград, 3(16) марта 1917 г.

Мы жили, охваченные ужасной тревогой и неопределенностью в отношении императора и императорской семьи. Каким ударом, должно быть, было понимание того, как мало вокруг императора верных слуг! Лишь вчера его восхваляли и обожали – а сегодня отвергают. Пленник в руках тех, кто от него не имел ничего, кроме доброго отношения и милостей!

Особенное внимание привлекало поведение генерала Рузского, георгиевского кавалера, назначенного во время войны генерал-адъютантом его величества. Он получил все возможные почести, а когда его величество оказался под протекцией его и его армии, генерал позволил себе быть наглым – даже грубым. Говорили, что мой племянник по мужу, граф Гендриков (который был моим информатором в этом вопросе), был так взбешен поведением генерала, что набросился на него, чтобы наказать, но его удержал генеральский адъютант. Могу добавить, что потом в связи с этим инцидентом моего племянника по приказу Керенского шесть месяцев держали в сумасшедшем доме Святого Николая в Петрограде.

Не могу не думать о том, что, если б царь поехал на фронт в район Луцка на Галицийский фронт, где дислоцировалась гвардия, которая в то время еще была верна ему, многое из того,

что случилось впоследствии, никогда бы не произошло. Действительно, чтобы остановить развитие революции, был отдан приказ гвардейцам идти на Петроград, и император сам приказал послать их на столицу.

А теперь императору приходилось выполнить очень тяжелую обязанность. Он отправился в свой штаб в Могилеве, чтобы попрощаться со всеми, кто работал вместе с ним во время войны. Мой друг, бывший там в то время, рассказывал мне, что глаза его величества были полны слез и он с огромным трудом сдерживал свои эмоции. Мой друг сказал, что сам никогда не забудет эту сцену. Многие из офицеров были очень взволнованы, прикладываясь к руке его величества для лобызания, некоторые плакали, а иные почти падали в обморок. И для императора, должно быть, было ужасным мучением сознавать, что все еще бушует гигантская европейская война и каждая минута дорога, а он бессилен помочь союзникам, его жена и дети страдают от болезни в Царском Селе, сам он уже не император и не главнокомандующий войсками и красный флаг революции уже реет над одним из официальных учреждений города.

Последнее обращение его величества к армии было таким:

Продолжайте вести войну во имя и ради чести России и не забывайте, что наши союзники ведут тяжелые бои за правое и справедливое дело. Мои возлюбленные воины, я обращаюсь к вам в последний раз. После отречения, которое я объявил от своего имени и от имени моего сына, верховная власть перешла в руки Временного правительства, сформированного по инициативе Думы империи. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и процветания. Да поможет Бог и вам, мои доблестные войска, успешно защищать нашу страну от жестокого неприятеля.

Два с половиной года вы непрерывно переносили тяжесть военной службы; много крови пролито, огромные усилия затрачены, и близко время, когда Россия, связанная с союзниками общим стремлением к победе, преодолеет последние усилия врага. Эту войну, как никакую другую, необходимо вести до тех пор, пока не будет одержана полная и окончательная победа. Тот, кто в это время думает о мире, кто желает его, есть предатель своей страны. Я знаю, что каждый честный солдат думает точно так же.

Посему исполняйте свой долг, мужественно защищайте нашу великую страну, подчиняйтесь

приказам Временного правительства, подчиняйтесь своим офицерам и помните, что любое ослабление уз дисциплины играет на руку врагу. Я твердо верю, что в ваших сердцах все еще горит любовь к вашей стране.

Пусть всех вас благословит Господь, и пусть великомученик святой Георгий ведет вас к победе!

Николай

Таков был текст последнего послания императора, которое так и не дошло до армии. Генерал Алексеев и военный министр Гучков не позволили послать его в войска! Они боялись – если это послание будет доведено до войск – перелома в настроениях в пользу императора, что, несомненно, так бы и произошло.

Когда его величество покидал штаб, многие из тех, кто был ему всем обязан и кто лишь недавно пользовался имперскими привилегиями, выказали отсутствие привязанности и преданности, которые удивительно редки в таких обстоятельствах. Увы! В этот мрачный момент нашей истории не нашлось швейцарской гвардии, как во время Французской революции, чтобы солдаты все до одного отдали жизнь за своего короля и королеву. Что в это время делал личный эскорт императора – конвой? Император вел себя по отношению к этим солдатам самым снисходительным образом, и вот чем они ему отплатили! Чиста ли их совесть? Император был практически брошен, и все же оставалось несколько верных ему людей, которые заслуживают восхищения за свою преданность в стремлении разделить участь нашего императора-мученика.

Вдовствующая императрица при первой же возможности уехала из Киева к своему сыну в Могилев, чтобы утешить его в эти мрачные дни страданий. Вместе с ней был великий князь Александр Михайлович. Новое правительство не позволило им поехать императорским поездом. Они отправились специальным поездом, в котором должны были в течение нескольких дней оставаться в Могилеве. Вдовствующая императрица три дня была с царем, а потом приехал комиссар с распоряжением Временного правительства доставить императора в Царское Село, и его величеству даже не дали возможности выбрать день и время отъезда. Комиссар отдал приказание и заявил: «А сейчас пора ехать!» Император пошел попрощаться со своей любимой матерью, а потом сел в поезд.

Для материнского сердца мучительно видеть, как поезд уносится вдаль, и при этом не знать, что станет с ее сыном, ожидает его в конце пути! Так ее величество в последний раз увидела нашего любимого царя. Потом вдовствующая

императрица сразу же возвратилась из Могилева в Киев, где проследовала в свой дворец.

Какие же перемены произошли за столь короткий отрезок времени! На станции ее не встретило ни одно официальное лицо, кроме комиссара, который не проявил к императрице должного уважения. Губернатор Киева граф Игнатъев был вынужден уйти в отставку, потому что принадлежал *старому режиму*. Возле дворца не было никакой почетной охраны, пост при воротах был в ужасном состоянии, а неопрятные солдаты вели себя так, будто охраняли заключенного – они даже не брали на караул. Было совершенно nepocтижимо, как за столь короткое время могли исчезнуть все следы дисциплины; как ни печально, она не была для солдат врожденным качеством, а поэтому, как только была ослаблена власть вышестоящего командира, они вернулись в свое первоначальное состояние.

Вскоре после этого ее величество уехала в Крым вместе с дочерью, великой княгиней Ольгой, и ее морганатическим мужем (НА. Куликовским. – *Ред.*), великим князем Александром Михайловичем, чья супруга, великая княгиня Ксения (Ксения Александровна, дочь Марии Федоровны. – *Ред.*), уже была там со своими детьми. Великий князь Александр в эти дни печали и беды активно поддерживал свою тещу, вдовствующую императрицу. Великий князь приехал попрощаться с нами, и мы испытали чувство огромного облегчения оттого, что могли свободно беседовать с ним о нашем общем горе. Он, как и мы, очень тревожился за будущую судьбу императора. Слова его были очень утешающими, он верил в Господа и говорил, что мы должны надеяться на лучшее и поступать соответственно.

Когда какой-то газетный репортер брал у великого князя интервью об императоре, он высказывался о его величестве с исключительным уважением. Меня впечатлила одна фраза, поскольку это было абсолютной правдой: он сказал, что все намерения императора были добрыми и достойными восхищения, он постоянно трудился ради блага своей страны и улучшения жизненных условий своего народа. Но его усилия неизменно омрачались вмешательством некоторых лиц, его окружавших, так что до стадии зрелости дошли лишь немногие из его проектов. В дело неизменно было вовлечено множество интересов и самая сильная воля не способна была подчинить их желаниям императора.

Мы все были глубоко опечалены отъездом ее величества из Киева. Нам казалось, что с ее отъездом мы утратили всякую надежду. Ее так все горячо любили, что, когда она уезжала на дрожках, возница сказал мне: «Не могу понять, почему

императрица уехала из Киева». Я ответила: «Она уехала по приказу комиссара». Тот озадаченно посмотрел на меня и, покачав головой, произнес: «Но императрице нет никакого дела до комиссара! Я несколько раз подвозил ее в коляске и видел, как ее величество благосклонно кланялась каждому! А еще я знаю, что она постоянно приезжала в госпиталь и что раненые радовались, видя ее, некоторые из них – мои земляки, из одной деревни». Эти добрые слова простого крестьянина утешили меня.

Все это время императрица Александра Федоровна пребывала в Царском Селе, не имея никаких вестей об императоре. Она сама выхаживала своих больных детей, находясь в окружении пьяных солдат-бунтовщиков, и ей трудно было даже получить воду (для питья), которую ей должны были приносить в бочках и бутылках, поскольку водопроводные трубы полопались от мороза, и этой поломкой никто не занимался, но она мужественно переносила все эти неудобства. Я особо хочу отметить один случай, когда императрица увидела, как ко дворцу подходят мятежники, а некоторые солдаты, все еще верные ей, желали защищать ее от бунтовщиков. Ее величество немедленно вышла вместе с одной из своих дочерей к воротам, через которые бунтовщики пытались прорваться ко дворцу, и умоляла, чтобы не было боя, – она не хотела кровопролития.

Как я раньше рассказывала, император послал генерала Иванова специальным поездом во главе георгиевского батальона в надежде, что они придут вовремя, чтобы справиться с революцией. Но было слишком поздно, потому что генерала Иванова и его войска так же останавливали, как и его величество, революционные рабочие на железной дороге, и лишь после сильного сопротивления ему разрешили войти в Царское Село. Генерал, прибыв в два часа дня, направился прямо во дворец и принес императрице первые печальные новости о том, что произошло с его величеством со времени, как он оставил Могилев. Он сообщил ей, где находится и что делает его величество. Первую новость об отречении императора принес императрице великий князь Павел Александрович, дядя царя.

Бедная императрица почти впала в прострацию, узнав обо всем, что случилось, но, быстро взяв себя в руки, проявила замечательное самообладание и мужество, думая только о своих детях и лежащей на ней обязанности утешать всех, кто находился вокруг нее. Хотя у нее самой здоровье было слабым и в любой момент мог произойти сердечный приступ, сопровождаемый жуткими болями, она никому не разрешала дотрагиваться до своих больных детей и ухаживала за ними сама.

Очень скоро почти вся челядь ее покинула, оставив одну в

горе. И все же среди них нашлось несколько верных душ, бывших к ней исключительно внимательными и проявивших сочувствие и симпатию. Например, граф Адам Замойский оставался при ней, пока его силой не изгнали из дворца по приказу Керенского. Аристократическое, галантное поведение и уважительное сочувствие этого поистине благородного человека, всегда делавшего все, что в его власти, чтобы облегчить трудности одиночества ее величества, оказали огромную поддержку несчастной императрице.

Встреча после разлуки императора с его супругой и семьей была невероятно трогательной, потому что царь обожал императрицу и своих детей, а они всегда были самой счастливой и нежно любящей семьей.

И вот теперь императору пришлось действительно «презреть наслаждения и пережить трудные дни». В Царском Селе ему разрешалось гулять только в маленьком уголке парка, который был окружен высокой металлической оградой, и здесь он часто с целью физической разминки и снятия душевного напряжения вскапывал землю. За высокими прутьями забора многими часами стояли солдаты-бунтовщики, которые, похоже, находили удовольствие в том, что издевались над ним, делали оскорбительные замечания и глумились над его величеством.

Император в то время подвергался немыслимым унижениям и оскорблениям: поведение рядовых солдат становилось все более наглым и агрессивным, и они сознательно стремились создать для него наиболее невыносимую атмосферу. Как-то перед окном комнаты маленького цесаревича они убили его маленького ручного козлика, причем сделали это так, что он не мог не видеть этой сцены. Солдаты и другими самыми разнообразными способами демонстрировали свою грубость и жестокость.

Его величество был вынужден принимать все эти страдания от тех, кто до сих пор были его верными подданными, а теперь стали злейшими врагами и могли в любое время угрожать жизни своего монарха. Какой же удивительной натурой и каким характером должен был обладать император, чтобы вынести все эти мучительные испытания! Потом императора разлучили с императрицей, и они могли видеться и разговаривать только во время приема пищи.

У нас все было очень мрачно. Но ни с чем нельзя было сравнить состояние беспорядка, царившее на киевском железнодорожном вокзале, которое воистину не поддавалось описанию. Я буквально пришла в ужас, когда увидела все это. Бывший императорский зал ожидания, специально устроенный для приема монаршей семьи, напомнил мне авгиевы конюшни.

Вся настенная шелковая драпировка была разорвана и превратилась в лохмотья, уже непристойно грязные. На полу, который был покрыт темно-красным ковром, от которого сейчас осталось лишь несколько потрепанных полос, лежали вповалку солдаты, ожидавшие поезда, чтобы добраться домой.

Такая же картина была на перроне, где было не пройти, не наткнувшись на массы людей, которые в большей своей части унесли с собой с фронта винтовки, принадлежавшие их воинским частям. Когда поезд остановился у перрона, эта толпа людей вскочила, побежала, толкаясь, крича и матерясь, стремясь прорваться в вагоны, пытаясь взять их штурмом. Это была настоящая атака. (Было бы лучше, если бы они сберегли свою энергию для атаки на врага.) Вагоны немедленно были набиты битком; остальные солдаты, которым не удалось втиснуться, забирались на крыши вагонов, и многие тут же падали, как только поезд трогался с места. Все эти солдаты были дезертирами, бросившими фронт, несмотря на усилия их командиров и офицеров поддержать их энтузиазм призывами к их чувству патриотизма.

Однажды, когда я проходила по площади на главной улице, где был установлен памятник бывшему премьер-министру Столыпину, убитому в Киеве, я стала невольным свидетелем сцены столь же отвратительной, как и дикой. Этот памятник должен был быть убран согласно приказу – не могу сказать, какого правительства, потому что Россия уже была неуправляема, а просто плыла без руля и ветрил. В момент, когда я проходила мимо, кто-то из толпы, окружившей это место, попытался свалить статую в глубокую яму, вырытую рядом с пьедесталом, в которую памятник рухнул с ужасным грохотом. К шее статуи привязали длинную веревку, чтобы можно было перетащить эту тяжелую каменную глыбу. Вокруг толпились зеваки, хихикая и произнося неприличные шутки. (Не думаю, что хотя бы половина из них вообще представляла, чья это статуя.) На меня нахлынуло чувство отвращения – подумать только, что я оказалась невольно зрителем такой сцены, – и я постаралась как можно быстрее пробраться сквозь толпу и уйти.

На следующее утро в революционных газетах сообщили, что был повешен и исчез навсегда главный враг России.

Мне казалось, что люди просто возвратились в состояние своей первобытной дикости.

Очень скоро Временное правительство утратило влияние на массы. Новый военный министр Гучков приказом по армии разрешил создание комитетов, состоявших из рядовых солдат и имевших власть над офицерами. И среди командного состава

появились «советы», развращенные большевистской пропагандой.

В своем заявлении об отречении император передал командование всеми войсками на русском фронте великому князю Николаю Николаевичу, своему наместнику на Кавказе, который уже был главнокомандующим в начале войны, до того как император взял на себя верховное командование. Новое Временное правительство, целиком управляющееся Керенским, к нашему большому удивлению, не возражало против назначения великого князя, так как все другие министры *старого режима* были арестованы и брошены в тюрьму. Великий князь немедленно выехал с Кавказа в Могилев, в ставку Российской армии.

Великий князь был очень популярен в войсках. Его благородная осанка также производила огромное впечатление на массы, потому что он был чрезвычайно высок ростом и держался прямо. У него был очень твердый характер и железная воля. По дороге, где бы ни проезжал или ни останавливался его поезд, его узнавали и приветствовали. Но он так и не приехал в Могилев. Пришел приказ, отменяющий его назначение. Керенский задумал предательский план с целью выманить его с Кавказа, где его очень любили и уважали местные жители, которые были хоть и не очень образованными, но искренними. Считалось, что ни один член семьи Романовых не должен занимать какой-либо официальный пост, так что все это было просто ловушкой, устроенной для того, чтобы удалить его с Кавказа. После случившегося великий князь Петр и его брат Николай Николаевич с семьями уехали в свои имения в Крыму.

Все надежды на то, что теперь война будет вестись в содружестве с союзниками, испарились, потому что мы полагались только на популярность великого князя. В очередной раз зависть и политические разногласия возобладали над патриотизмом, и это показало, что люди, ныне правящие Россией, вообще не думают о ее благе.

В то время большая часть Галиции все еще находилась в наших руках, и поэтому Юго-Восточный фронт требовал серьезного внимания. Там командовал генерал Брусилов. Когда разразилась революция, многие полагали, что со своей огромной популярностью и кипучей энергией он спасет ситуацию и будет твердо придерживаться своих прежних принципов. Мне он никогда не нравился, потому что я ему не верила (сама не знаю почему), вот почему я часто спорила о нем со своим деверем, который служил в его штабе во время войны и который был его великим обожателем. А я (как упоминалось ранее) была противоположного мнения, зная из абсолютно надежных

источников, как много интриг он плетет против нашего дорогого друга, генерала Иванова.

Я часто говорила своему деверю: «Ты только посмотри ему в глаза. Ведь они ни на секунду не останавливаются. Генерал лжив и не заслуживает доверия. И я не верю, что он будет верен императору». Он отвечал на это: «Нельзя формировать мнение на основе личных впечатлений!» Но мой деверь очень быстро разочаровался, когда в самом начале революции бывший генерал-адъютант императора осмелился высказываться об их величествах в самой неуважительной форме. Он имел наглость сказать репортеру, бравшему у него интервью, что заговаривать о военных делах в присутствии императрицы Александры Федоровны небезопасно, потому что однажды, когда он так сделал, последствия оказались просто катастрофическими. К сожалению, эта клевета циркулировала по всему фронту и породила слухи, что под дворцом проложен кабель, по которому осуществляется связь с врагом. Было организовано расследование, которое, конечно, не дало результатов.

Одним из первых командиров на фронте, отдавших под власть совета солдатских депутатов, был генерал Брусилов. Мой деверь присутствовал при гротескной сцене, в которой генерал для увеличения своей популярности позволил, чтобы солдаты подняли и понесли его в кресле, драпированном в красное, и поцеловал (перед своим штабом) красное революционное знамя, принадлежавшее пожарникам маленького городка Бердичева, в котором тогда располагался штаб Юго-Восточной армии.

После этого скандального эпизода мой деверь и другие лояльные офицеры оставили генерала Брусилова; все его поступки были мелочными и показывали предубеждение против царя, погоны с вензелем которого он целовал при своем назначении генерал-адъютантом, чтобы отметить свое благоговение перед императором. Вот так вел себя человек, которому доверял его величество.

Все эти мрачные дни в моем мозгу стояло видение нашего несчастного императора, и всегда я видела перед собой его ласковое лицо, на котором, несомненно, была печать печали и разочарования. Горестно было думать, что три года почти нечеловеческих усилий привели его к такому жуткому результату – он оказался пленником в собственной стране, которую так любил, он вынужден был, не имея сил вмешаться, дожидаться финала, который мог настать в любой момент.

Я пыталась не затрагивать в беседах с мужем этих душераздирающих тем – он был слишком болен и слишком страдал сам, чтобы позволить себе какую-то дискуссию. К

счастью, он все еще был склонен к большому оптимизму и верил в приход «невозможного», а я не могла себя заставить поверить во что-то вообще. Я видела конец славы России и апогей ее бесчестия. Казалось, рука Божья уже не ведет Россию, а те, кто находится у власти, поступают в противовес Божественной воле. Народ, погрязший в бездонном невежестве, отдался во власть тех, кто лишил его самых скромных прав и привилегий.

Я все еще содержала свой маленький госпиталь, который стал чем-то вроде особого убежища для беглых офицеров. Каждый день ко мне поступали бедные, убитые горем собратья с фронта, за которыми охотились солдаты, когда-то гордившиеся службой под их началом. Многие из офицеров были ранены в стычках с бунтовщиками. Многие провели годы в одном и том же полку, посвятив лучшие годы своей жизни службе и воспитанию своих солдат. Но их преданность, патриотизм и их многие жертвы были впустую, а жизни и идеи разбились вдребезги.

Примечателен случай с гвардейскими полками – привилегированными, потому что эти полки развалились на кусочки быстрее, чем остальная армия (я, конечно, говорю о солдатах, а не офицерах), возможно, из-за того, что были, главным образом, расквартированы в столице, где революция шла гигантскими шагами. Несчастные офицеры не знали, куда деваться. Полки Петрограда самораспустились, но солдаты продолжали жить в казармах и даже в квартирах, специально отведенных для офицеров, так что последние не могли туда вернуться. Многие из офицеров во время войны были вынуждены оставить свои семьи в служебных квартирах, но тех выгнали оттуда мятежные солдаты. Обездоленные женщины приезжали с детьми в Киев, надеясь воссоединиться с мужьями. Это тоже было очень трагично. Поначалу мой госпиталь, а потом и квартира заполнились до предела, а когда я попыталась отказать в приеме раненых в свой госпиталь – потому что у нас людей было едва ли не до крыши, – офицеры расставляли свои походные кровати прямо на лестничной площадке и предпочитали провести ночь там, чем отправляться куда-либо.

Моя племянница, месяц назад уехавшая в Сибирь, только что вернулась из Омска, где должна была закупить масло и другие продукты для моего госпиталя и некоторых других. Она совершенно неожиданно попала в самую стремнину потока революции, поскольку в момент отъезда из Киева все было тихо и спокойно. Как-то утром, взяв с собой деньги, которые ей надо было заплатить за заказанные продукты (а сумма была достаточно большой), она отправилась на склад, располагавшийся за городом (Омском). Как обычно, она взяла

дрожки, но добрую часть пути ей пришлось прошагать пешком. Как только она сошла с коляски, на нее напали и ограбили три солдата.

Бедная девушка была так перепугана, что еле добралась до склада, в котором находился представитель Красного Креста (который был и руководителем всей организации). Он был в панике, потому что только что услышал об отречении императора и о революции, так что ограбление моей племянницы прошло незамеченным. «Уезжайте как можно быстрее! – посоветовал он ей. – В Сибири очень много подозрительных личностей, особенно сейчас, когда по приказу новых министров Временного правительства раскрылись двери тюрем».

Племянница несколько раз телеграфировала мне в Киев, но безуспешно, с просьбой прислать сколько-то денег на обратный билет, но я не получила ни одной из ее телеграмм – тогда Россия испытывала состояние абсолютного хаоса. Тот же самый представитель Красного Креста по-дружески одолжил ей денег на дорогу, а несколько месяцев спустя он погиб страшной смертью, пытаюсь спасти склады от грабежа.

Моя бедная племянница почти целый месяц добиралась до дому. На одной из станций она присутствовала на встрече Брешко-Брешковской, которую называли «бабушкой революции». Все было так абсурдно, эти речи и идеи, которые тут преподносились... Плотная толпа кричала «Ура!», а некоторые спрашивали мою племянницу, кто это такая, по поводу кого так много шума. А потом, как стадо баранов, те же люди продолжали орать свое «Ура!».

С каждым днем мне становилось все труднее содержать свой госпиталь. Цены постоянно росли, и к тому же я уже не могла положиться на мой санитарный персонал, потому что все санитары собирались разъехаться по домам. Мои всепоглощающие обязанности медсестры приносили мне огромное облегчение от горестных мыслей, которые иначе бы одолели меня, так что мне очень не хотелось закрывать свой госпиталь. Ко мне приходили многие друзья и говорили: «Если будешь продолжать использовать его как прибежище для гвардейцев, тебя арестуют!» И часто меня на улице встречали словами: «А вас еще не арестовали, княгиня? Очень боюсь, что это произойдет».

Печальные вести доходили до нас почти отовсюду. Бунтовщики даже осмелились произвести подлый обыск во дворце в Крыму, где жила вдовствующая императрица. Уже почти рассвело, когда был произведен этот позорный акт. Когда они постучались в дверь, ее величество все еще находилась в кровати,

и пришедшие унесли почти все, на что могли наложить руки.

Большевизм стал прогрессировать после того, как Ленину было разрешено новым правительством вернуться в Россию. Так как ему не был разрешен проезд через Англию, немцы организовали его поездку через их страну. Ленин проследовал через Германию в закрытом вагоне и прибыл в Петроград на Финляндский вокзал 4 апреля 1917 года.

Один мой друг, офицер, которому посчастливилось в то время быть на станции, задержался, чтобы увидеть весь процесс, а потом пересказал мне увиденное. Приезд был триумфальным. За некоторое время до прихода поезда огромная плотная толпа заполнила площадь перед Финляндским вокзалом. Все движение было остановлено, повсюду развевались красные флаги, а среди них выделялся один со следующими словами: «Центральный комитет социал-революционной партии большевиков». В бывших императорских комнатах ожидания, к этому времени находившихся в очень грязном и запущенном состоянии, собрались многочисленные делегации от солдат и рабочих.

Было одиннадцать часов ночи, очень темно. Под ветром колыхались огни факелов, что придавало месту действия какой-то злоеущий и сверхъестественный вид, а в это время на платформе выстроились войска, ну точь-в-точь как во времена императора, готовые в любой момент произвести салют. Рядом стояла большая автомашина – одна из принадлежавших императорской семье. Там же присутствовал и военный оркестр. По сути, это была пародия на церемониал, соблюдавшийся ранее при приезде императора. С букетами в руках ожидали два представителя социалистов-революционеров (но не экстремистов) – Чхеидзе и Скобелев.

Поезд сильно запаздывал, но наконец подъехал и остановился у перрона. Тут же оркестр на вокзальном дворе заиграл «Марсельезу», и войска задвигались. Когда капельмейстер произнес: «Российский гимн», оркестр поначалу проиграл вступительные ноты «Боже, царя храни!» (российский национальный гимн), потому что тогда еще не было мысли, что «Марсельеза» станет в будущем нашим национальным гимном.

Первым появился человек, который действовал как заведующий протоколом, и стал расталкивать всех, продвигаясь вперед требуя от людей освободить проход, как и в старые дни это делалось для его величества. Потом вышел Ленин, скорее бегом, чем шагом. На его лице было очень суровое выражение, и он чувствовал себя очень неловко. На нем была круглая серая фетровая шляпа, а в руке он нес книгу. Увидев Чхеидзе, он подошел к нему и с удивлением уставился на него, пока тот

приветствовал его следующими словами: «Товарищ Ленин, я приехал сюда, чтобы приветствовать вас от имени советского правительства солдат и рабочих Петрограда, а также от имени всех революционеров России. Мы с вами солидарны – мы должны продолжать нашу революцию и охранять ее от внутренних и внешних врагов, а также продолжать войну. Для этого мы должны работать вместе, даже если мы можем и не разделять какие-то идеи. Я надеюсь, что вы сможете работать с нами».

Осмотревшись в течение нескольких секунд вокруг себя, Ленин ответил (почти повернувшись спиной к этим двум представителям): «Мои дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице русскую революцию и видеть, что вы – пионеры пролетариата всего мира. Война, в которой вы участвуете, была империалистической войной грабителей, но скоро настанет час, когда мы поднимем наш меч против капиталистов, которые сосут кровь бедноты. Недалеко время, когда наш друг Карл Либкнехт поможет нам, а потом наступит крушение европейского капитализма. Да здравствуют социалистические революционеры всего мира!»

Чхеидзе казался весьма озадаченным, поскольку он ожидал не такого ответа, а Ленин, очевидно, считал, что война, по крайней мере для России, закончена. Потом Ленина повели было к машине, стараясь оттеснить толпу назад, чтобы освободить место для прохода. Но Ленин выбрался из машины и взобрался на броневи́к – причем сделал это с большим недовольством, – превратив его в свою трибуну, и еще раз обратился к толпе. Мой информатор смог расслышать только очень громкий голос и такие отрывки из речи, как: «Товарищи... капиталисты-грабители... империалистическая бойня... это не война, а побоище бедноты» и т. д.

Потом Ленин проехал к дому знаменитой балерины Кшесинской, которая не так давно вышла замуж за великого князя Андрея. Так что Ленин устроился в этом прекрасном дворце посреди ее удивительной коллекции произведений искусства. Он снова обратился к толпе с балкона, говоря на ту же тему, против войны и очень антипатриотично. Как вообще Керенский мог позволить этому человеку въехать в Россию, зная его идеи и то, какое отравляющее влияние он окажет на массы?

Одно его присутствие – этого лидера мятежных солдат и рабочих – в изумительных комнатах Кшесинской было сродни святотатству. Но, увы, скоро весь дворец превратился в хлев. Полы были целиком завалены большевистской пропагандистской литературой, а прекрасное содержимое различных комнат было сознательно расколочено, сломано и расхищено, и за очень

короткое время это когда-то очаровательное жилище стало более похожим на задний двор, чем на артистический дом элегантной женщины.

С приездом Ленина революция, которая поначалу отличалась тенденцией к избежанию кровопролития, стала грубее и более жестокой. Г-н Альбер Тома, известный французский социалист, приехал в Россию и выражал свое восхищение тем, что Россия станет страной победившей демократии. «Как мирно развивается революция!» – восхищался он. Но еще до отъезда у него появилась возможность изменить свое мнение. Он признался, что ранее полагал, что будет иметь дело с цивилизованными людьми. Однако он слишком поспешно сформировал свое мнение об этой революции. В действительности его первые идеи были всего лишь мечтой, а сейчас он понял, что люди, в которых он видел идейных борцов, приводились в действие злой, хотя и свободной волей.

Но я хорошо знала, что ждет нас впереди, и дрожала от страха за исход, когда будет отброшена последняя видимость сдержанности, а народ даст волю всей своей невежественной жестокости.

Наша главная тревога была за судьбу императора и императорской семьи. Керенский издал распоряжения, запрещающие применение какого-либо насилия по отношению к ним. Он пользовался огромным влиянием на толпу. Он говорил с такой впечатляющей выразительностью, что массы ему по-настоящему верили. К сожалению, его реальные поступки редко совпадали с его словами. Его речи представляли собой фразы, фразы и фразы, и больше ничего. Когда я впервые наблюдала его выступление в Киеве, его пронзительный голос звучал визгливо, и в нем было что-то истерическое. К тому же меня поразило, как он непрестанно жестикулировал и размахивал руками, что выглядело и смешно, и театрально. Ни разу не слышала, чтобы он произнес что-то здоровое.

Несомненно, он мог бы, если бы захотел, спасти императора. Он был всемогущим, самым великим диктатором из всех существовавших. Ему позволялось творить все, что ему заблагорассудится, и он делал блестящую карьеру с молниеносной скоростью. Он предвидел, что ему надо спешить, потому что узурпаторы никогда не правят долго. Будучи адвокатом с незначительной практикой, он начал с депутата Думы, стал министром юстиции и назначил себя военным министром и председателем нового правительства, а потом и Верховным главнокомандующим, хотя не имел ни малейшего представления о военных делах. Он даже изобрел для себя нечто вроде военного мундира, похожего на английский «хаки». Затем

он переехал в императорские комнаты в Зимнем дворце в Петрограде, которые обычно занимал сам царь, лишив его величество всех удобств. Хотя Керенский всегда проповедовал простоту и равенство, он был весьма далек от того, чтобы придерживаться своих принципов.

Пресловутая Брешко-Брешковская, которая, как я говорила раньше, именовалась «бабушкой революции», также жила во дворце.

На улицах Киева все еще происходили митинги, и я часто слышала такие фразы, как «Отнимите все у буржуазии! Это все ваше собственное!.. Смелее, товарищи...». Я очень не хотела появляться на улице, но из-за ужасной жары была вынуждена выходить из дому, чтобы подышать свежим воздухом. В один особенно жаркий вечер мы с несколькими друзьями отправились в местечко, известное как Купеческий сад. Это было живописное место – отсюда, с высокого холма открывался замечательный вид на Днепр и окрестные сады. Хотя парк и был небольшим, в его тенистых аллеях в жаркие летние дни можно было ощутить прохладу, покой и тишину. А по вечерам там играл оркестр и даже устраивались великолепные концерты симфонической музыки.

В тот самый вечер на этой сцене проходил митинг. Среди бури восторженных аплодисментов на нее поднялся какой-то человек. Вокруг кричали: «Кирпичников! Кирпичников!» Это был тот самый пресловутый солдат-предатель Волынского гвардейского полка, перед войной расквартированного в Варшаве. Этот солдат был первым, кто стал подстрекать полк к мятежу и также кто разжигал недовольство в других полках, что стоило жизни многим доблестным офицерам. На груди его был солдатский Георгиевский крест – награда за мужество. Увы, он получил ее от генерала Корнилова за свои подлые действия – скорбная страница в генеральской биографии.

Мне не было слышно, что происходило на митинге, да я и не желала слышать, но атмосфера этого красивого места, которое стали использовать в таких подлых целях, произвела на меня удручающее воздействие, и мы ушли домой в еще большем унынии, чем когда-либо.

Проходя через сады, которые вели к городу, я не могла не заметить тот же беспорядок и ту же грязь, что и везде: земля была усеяна окурками, шелухой от подсолнечных семечек, которые российская беднота постоянно грызла. На скамейках по главным аллеям, по которым я проходила, солдаты расслаблялись с сомнительного вида молодыми женщинами в одеянии сестер милосердия – с некоторыми современными вольностями,

привнесенными эпохой в эту скромную и строгую одежду.

Вскоре я выехала на лечение и отдых в Одессу, поскольку очень страдала от болей в почках, и доктора посоветовали мне принять грязевые ванны. Через два дня после своего приезда я вывихнула лодыжку (на самом деле она была сломана), и местный доктор предписал мне немедленно начать лечение на знаменитом Лимане. Так как я не могла ездить по железной дороге, а грязелечебница располагалась в нескольких милях от меня, я обратилась за помощью к президенту Красного Креста (ведь я была сестрой Красного Креста), не сможет ли он давать мне по утрам автомашину, чтобы отвозить меня, если возможно, до мест принятия ванн. Он (это президент Красного Креста на всем румынском фронте, который в нормальное время обладал значительной властью) мне ответил, что все зависит от того, захотят ли шоферы возить меня или нет.

Я была не одна. Меня сопровождала еще одна дама, которая тоже была медсестрой. Шоферу было сказано приехать за нами на следующее утро в семь часов – это время назначил он сам. Но чтобы показать нам, как безвластны и ничтожны мы были, он приезжал, когда считал нужным, – то слишком рано, то слишком поздно, а в один прекрасный день он вообще не появился, и, похоже, ни у кого не было достаточно власти, чтобы заставить его. Для иностранцев просто немыслимо такое положение вещей! Но это еще ничто по сравнению с тем, что нам пришлось вытерпеть позже.

В Hotel de Londres, где я остановилась, полным румынских беженцев, потому что часть их страны была в руках нашего общего врага, а эти беженцы глубоко нам симпатизировали, я вновь встретила с генералом бароном Маннергеймом. Он все еще командовал армейским корпусом и, хотя ситуация на Румынском фронте была лучше, чем на других, питал мало надежд на благоприятное завершение войны.

В отеле были проведены большие приготовления к приезду главнокомандующего Керенского. Случайно морской офицер, служивший адъютантом у одного из адмиралов Черноморского флота, поехал с этим адмиралом встречать главнокомандующего (Керенского) на станцию. Как он рассказывал, это было и смешное, и печальное для нас зрелище – видеть, как тот путешествует, копируя стиль императора.

Он приехал в императорском вагоне, и, хотя литера «Н» под короной была стерта, все равно осталось темное место там, где букву удаляли, и ее все еще можно было угадать по очертаниям. Окруженный солдатами, отобранными из гвардейских полков, Керенский спустился по ступенькам из салон-вагона с видом

завоевателя. Глава города немедленно преподнес ему красную ленту с золотой бахромой, которую тот перекинул через плечо на манер орденской ленты. Перед ним был расстелен красный ковер, и, пока он стоял, вцепившись пальцами в манишку своей импровизированной формы, он походил на пародию великого человека, каковой он и был. Звучали дежурные приветствия, дежурные речи, полные обещаний, даваемых без оглядки.

Так как мои окна выходили на бульвары, я видела его приезд в отель, а поскольку из-за своей ноги должна была преимущественно лежать, то наблюдала за всем, что происходило снаружи.

Через короткое время прибыла Брешко-Брешковская, и ее фотографии были выставлены на аукционе прямо под моими окнами. Два часа я слышала одну и ту же фразу: «Кто больше?», но без всякого успеха, потому что никто, похоже, не предложил больше стартовой цены.

В честь Керенского был дан грандиозный обед, но никто не знал кем, потому что хозяину отеля так никто и не заплатил. Керенский произнес длинную речь, в которой заявил, что скоро храбрые революционные войска перейдут в наступление и весь мир увидит успех, которым увенчаются усилия «свободной России». До моих ушей донеслись издалека крики «Ура!» – возгласы восторга этих бедных безграмотных людей.

Власть, которую он узурпировал, похоже, ослепляла Керенского. Что же до остальных, то они были просто группой услужливых подхалимов без чувства благоразумия. Когда наступление началось, Керенского поставили во главе его, но какой ужасной катастрофой это стало! Генералы и офицеры, бывшие под его командованием, пытались спасти положение, и в стремлении спасти честь России они встречали свою смерть, большей частью погибая от рук своих же солдат в обстановке крайней жестокости. Для этих негодяев даже госпитали не были святы. Они, как дикие звери, набрасывались на своих жертв и избивали их любым попавшимся под руку оружием.

Возле Тернополя, где шло наступление, царил неопиcуемый хаос. Дороги и лесные тропы были забиты отступающими, бегущими от врага солдатами, которые бросали после себя огромное количество боеприпасов. Война была проиграна, и, оставляя фронт, эти солдаты заявляли: «Нам обещали покончить с войной, которую мы ненавидели, а потом дать нам землю. Нам говорили, что не будет ни аннексий, ни контрибуций, а так как Галиция принадлежит Австрии, мы должны ее вернуть тамошним беднякам, а сами мы хотим вернуться домой». С врагом у солдат были самые дружеские отношения.

Из Петрограда пришла весть, что Временное правительство перестало существовать, что советы солдатских и рабочих депутатов силой захватили аппарат власти и что Ленин и Троцкий возглавили правительство. Потом в газетах появились другие, противоположные новости, в которых утверждалось, что Керенский все еще у власти, что Троцкий исчез, что эти два большевистских лидера, как говорилось в одной газете, находятся в Кронштадте и в Финляндии, а другая газета заявляла, что это Керенский не позволил их арестовать.

Наш дорогой император и его семья находились в Царском Селе под постоянной угрозой, окруженные жестокими людьми, которые уже сами не понимали, чего хотят. Приехав в Киев, я узнала, что императорскую семью вывезли в Тобольск, в Сибирь, в суровый, холодный климат, где бедный цесаревич сильно болеет, а императрица так страдает... Почему не сослали их в Крым? С разрывающимся от этой ужасной новости сердцем я возвратилась в свой госпиталь. Многие офицеры уже знали об отъезде их величеств и говорили мне: «Может быть, оттуда императорской семье будет легче выбраться из России. Они уже не будут так бросаться в глаза». Но все осознавали крайнюю серьезность ситуации.

Нам причиняли страдания рассказы о том, как позорно обращались с их величествами на пути в Тобольск: купе плохо обогревалось и вообще не было никаких удобств для монарших путешественников. Это действительно было равносильно депортации.

Мой госпиталь был полон офицеров, раненных во время неудачного наступления 18 июля, и они детально рассказали мне об этом жутком побоище. Они опасались, как бы дезертиры не пришли в города и не принялись грабить их, но, к счастью, те не остановились в Киеве, а просто проехали через него по пути к себе домой. Я подумывала было закрыть свой госпиталь, но офицеры уговорили меня немного подождать с этим. Они говорили: «А что станет с нами, если вы закроете госпиталь, княгиня?» На это я отвечала: «Я бы с радостью не закрывала, но у меня нет денег. Из имений ничего не поступает, а помощи Красного Креста недостаточно».

К моему огромному удивлению, революция не повлияла ни на кого из моего персонала. Даже ассистенты, помогавшие во время хирургических операций, были очень дружелюбны ко мне и никогда не позволяли наглости или даже неуважения по отношению к офицерам и ко мне. Должна упомянуть, что эти ассистенты были рядовыми солдатами, ставшими инвалидами в ходе войны. Я твердо верю, что благодаря им нам удалось спасти

свою жизнь, потому что они хорошо отзывались о нас большевикам, когда те вторглись в город.

Вскоре после моего возвращения из Одессы офицеры пожаловались, что один из пациентов ведет себя странно и вызывающе. Происшедший после этого по вине офицера инцидент получил неприятное развитие. Я обязана описать, что же произошло.

Прежде всего он позволил себе оскорбить семью императора, потом он выколол карандашом глаза на портрете императора. Он отказался от своих наград и заменил их медалью Керенского, прикрепленной на красном банте (это он носил на груди). Он дошел даже до того, что разорвал икону, висевшую над кроватью, а вместо нее повесил фотографию убийцы великого князя Сергея Александровича. Он насмеялся над другими пациентами и стал настолько невыносим, что офицеры уже не могли его терпеть.

Пытаясь успокоить их, я предположила, что, возможно, на него так повлияла революция. Я вежливо спросила его: «Вы бы не могли перейти в другой госпиталь? Я бы не хотела, чтобы здесь происходили политические дискуссии».

Он категорически отказался, и я слышала, как он в своей палате произносит самые страстные большевистские лозунги. Я выразила свое недоумение: «Нельзя ли успокоиться? Вы будоражите весь дом. Не могу понять, как вы, прежде убежденный монархист, плакавший от нахлынувших эмоций, при виде императрицы, посетившей этот госпиталь, офицер, получивший несколько ранений на службе их величествам, так выражаетесь об императоре и императрице, особенно сейчас, когда они находятся в такой опасности и беде».

Офицера звали капитан Р., в переводе на русский это означает «рев». Ответ его был настолько возмутительно груб, что я уже больше не могла оказывать ему приют и решила тут же идти к главнокомандующему войсками в Киеве полковнику Обручеву и просить его перевести этого пациента куда-нибудь в другое место. Но у меня было мало надежды на то, что моя просьба будет удовлетворена, потому что Обручев состоял в партии левых социалистов-революционеров.

Перед тем как пойти к командиру, я узнала, что прошедшей ночью наш постоялец вел себя настолько оскорбительно по отношению к офицерам, что один из них не удержался и ударил его по лицу своими тапочками.

К своему великому изумлению, я получила от полковника Обручева куртуазный ответ: пациент будет немедленно переведен. Рядом с ним сидел рядовой солдат из совета, контролирующий действия полковника. Командир сказал мне:

«Определенно, сестра Барятинская (мой титул опускался по причине его социалистических убеждений), ему нельзя позволять беспокоить других. Есть ли у вас санитар, которому хватит сил, чтобы заковать в наручники этого упрямого?»

Эти слова меня удивили, и, несомненно, это проявилось на моем лице. «Заковать в наручники офицера? Я бы не осмелилась делать такое!» Я подумала про себя, что при *старом режиме* такое оскорбление не могло бы произойти.

Когда я уходила, он сказал: «Я пошлю к вам А.Р.М. из штаба». И вечером, как он и обещал, прибыл А.Р.М. с приказом перевести капитана Р. в другой госпиталь. Он появился во время ужина, когда все пациенты были в сборе и стали очевидцами последовавшей за этим сцены. Я тоже была там.

Как только он вошел, появился какой-то рядовой солдат из совета депутатов и громко и вызывающе объявил: «Капитан останется там, где находится, а вы будете подчиняться *моим* приказам!» Было заметно, что солдатский совет обрел большую власть в противоположность революционному правительству.

А.Р.М. не знал, что делать, поскольку капитан Р. категорически отказывался следовать за ним. Я немедленно бросилась к телефону и позвонила полковнику Обручеву, сообщив ему, что произошло. Он взял трубку не сразу, голос его был неуверенным, и он не дал мне конкретного ответа, а попросил позвать к телефону солдата и стал говорить с ним.

Меня удивило то, что главнокомандующий войсками не имеет власти над рядовым солдатом, который, когда я ему передала просьбу полковника, нехотя подошел к аппарату и после долгой дискуссии милостиво согласился не отменять приказ о переводе, который, к моей радости, был выполнен без применения наручников.

После ухода А.Р.М. с капитаном Р. солдат из совета остался в госпитале и приступил к официальному допросу моих пациентов. Он был безграмотен и даже не умел писать, но в своей большой тетради делал какие-то не поддающиеся расшифровке заметки. Это просто смешно! Однако мы были бессильны и могли лишь догадываться, что будет с нами, если мы станем протестовать или смеяться над ним. Мы знали, что можно было ожидать самых серьезных последствий.

За несколько недель до этих событий начальник Генерального штаба в Киеве генерал Оболецев, наложивший дисциплинарное взыскание на солдата, члена совета, за то, что тот был груб с ним, был вначале арестован, а потом ему запретили покидать помещение без часового, и в конце концов он был вынужден подать в отставку.

Из вышеупомянутых инцидентов видно, как все мы зависели от милости этих необученных, распущенных рядовых солдат.

Наконец, солдат ушел после того, как я повторила ему несколько раз, что правила госпиталя запрещают присутствие посетителей после девяти часов вечера. Перед тем как исчезнуть в дверях, он объявил мне: «Вы – банда контрреволюционеров, и вы обо мне еще услышите!»

На следующее утро с первой почтой я получила совершенно безграмотную газету «Рабочий и солдат» со статьей, подчеркнутой красным карандашом. В этой статье утверждалось, что в большом доме, принадлежащем Гинзбургу (то есть в том, в котором занимали квартиру мы), под вывеской Красного Креста существует контрреволюционное гнездо. «Там жестоко обращаются с бедными офицерами, а дама, которая руководит госпиталем, называет себя княгиней. Это очень смешно, потому что каждый знает, что в России уже нет больше князей и княгинь».

Спустя несколько недель на улицах начались бои между горожанами и украинцами, пожелавшими создать из Малороссии Украину, а Киев сделать ее столицей. Ежедневно велась стрельба, а недалеко от нашего дома возникли баррикады. Было много раненых и убитых, но через три дня боевые действия прекратились и делами в Киеве занялось Временное правительство Украины. В него входили знаменитый Петлюра, Винниченко и профессор Грушевский, который придумал украинский язык, являвшийся смесью малороссийского и его собственного сленга, непонятного даже коренным жителям этой страны.

В последнюю ночь этих боев я пробудилась от появления возле моей постели одной из моих медсестер. Она мне сказала: «Пожалуйста, княгиня, спуститесь! Только что в госпиталь доставили какого-то офицера в ужасном состоянии, и я боюсь, что он в любую минуту умрет».

Я поспешно оделась и спустилась по лестнице. В зале я увидела на носилках какого-то офицера из георгиевского батальона. Его лицо было так обезображено и распухло от шрамов, ушибов и грязи, что почти невозможно было разобрать черты, а сам он не мог произнести ни слова.

Мы его помыли, раздели и положили на кровать. Тело его также было покрыто кровоподтеками. Мы влили ему в горло немного молока и коньяка и сидели подле него всю ночь. Только к утру он смог заговорить, и то очень неразборчиво. Ему удалось сообщить нам свое имя, а потом я узнала в нем одного из офицеров Комитета Святого Георгия, членом которого была я

сама.

Он рассказал: «Полагая, что перестрелка закончилась, я рискнул с одним из своих товарищей пройти по улицам и проходил мимо дома А. Р.М., который только что вышел. Нас внезапно схватила группа украинских солдат, и одним из них был депутат, который приходил в госпиталь от совета. Они предложили нам: «Идемте с нами, вы же знаете, как опасно для русских офицеров тут прогуливаться».

Мы без всякого подозрения пошли за ними. Темнело, а улицы освещались плохо. Солдаты, к нашему огромному удивлению, привели нас на Аскольдову могилу, что на холме над Днепром. Они поставили нас к стене и один за другим стали стрелять в нас. Видя, что спасения нет, я притворился, что пуля поразила меня, и покатился вниз, как убитый; к несчастью, упал вниз лицом, которое уже было разбито.

Когда я пришел в себя, я все еще слышал над собой выстрелы и предсмертные крики. Вероятно, не все жертвы были убиты сразу же. А потом я опять потерял сознание.

Утром я попытался немного проползти, а потом подумал, что будет лучше, если останусь здесь, пока не смогу уйти под покровом темноты. Тут меня нашли два человека и стали расспрашивать, что произошло. Они сказали мне лежать тихо, пока они сходят за носилками для меня, потому что я не был в состоянии двигаться. Я умолял их донести меня до вашего госпиталя, потому что вы меня знали и всегда были так добры ко мне».

В тот же день ко мне зашла одна молодая дама. Она была в огромной печали и заявила, что три дня назад пропал ее муж, и умоляла меня помочь ей. «Кто вы?» – спросила я. Она ответила: «Я – жена А.Р.М.». Я как можно осторожнее рассказала ей, что произошло. Она тут же пожелала поговорить с раненым офицером. После того как он описал ей эту ужасную сцену, она сразу же отправилась на кладбище, чтобы выяснить, там ли находится тело ее мужа. Я настояла на том, чтобы ее сопровождала одна из моих сестер, потому что бедняжка почти обезумела. Увы, все это оказалось правдой. Дама нашла тело своего мужа, изуродованное настолько, что оно было почти неузнаваемо.

Глава 15

Ужасы Киева при большевиках

К осени 1917 года генерал Корнилов подготовил свой план похода на Петроград с верными ему войсками, чтобы спасти город от большевизма и сохранить порядок во время выборов в Учредительное собрание. В действительности речь шла о спасении самой России – если это вообще было возможно. Во главе войск стоял генерал Крымов, а сам Корнилов остался в штабе, чтобы следить за развитием событий. Весь план был известен Керенскому, который теперь был главнокомандующим и фактическим диктатором.

Когда Крымов с огромным трудом дошел со своими войсками до Петрограда, он отправился прямо к Керенскому, который жил в Зимнем дворце. Крымов был совершенно уверен, что Керенский, являясь участником заговора, согласится на арест большевистских лидеров Ленина и Троцкого. Каково же было его удивление, когда Керенский отказался. Он передумал и не согласился с арестами. Крымов, видя, что все рухнуло, и догадываясь о последствиях, оставил Керенского и, по одной версии, поехал домой и застрелился. Но по другой версии, он был застрелен в апартаментах Керенского. В любом случае это черная страница в биографии Керенского.

Теперь уже Керенский послал в штаб бывшего начальника императорского Генштаба генерала Алексеева, чтобы арестовать Корнилова. Алексеев выполнил свою миссию и отдал приказ арестовать Корнилова, опасаясь, что, если этого не сделать, толпа линчует Корнилова, поскольку теперь власть находилась полностью в руках солдатского совета. Корнилова арестовали и поместили в местечко под названием Быхов (возле Могилева), куда был доставлен и командующий Юго-Восточным фронтом генерал Деникин, участвовавший в Корниловском заговоре.

Генералу Деникину пришлось пережить трудные времена, когда его арестовали в городе Бердичеве, в штабе Юго-Восточного фронта. Он подвергался оскорблениям толпы, и над ним постоянно висела угроза смерти. В конце концов его вместе с его начальником штаба бросили в вагон четвертого класса и привезли в Быхов. К счастью, Корнилов, Деникин и другие арестованные генералы сумели сбежать и с помощью начальника штаба, генерала Духонина, добрались до Южной России. Я уже упоминала имя генерала Духонина в одной из предыдущих глав своей книги, когда капитаном он помогал моему мужу в работе в

Киеве, составляя регулярные доклады, которые так высоко оценил император.

Из Петрограда пришла очень плохая весть. Учредительное собрание так и не сформировалось, солдаты не дали провести первое заседание и арестовали ряд его членов. Рядовой солдат по имени Крыленко, дезертир из бригады моего мужа, был поставлен на место Духонина, чтобы руководить штабом. Могилев скоро оказался в руках большевиков, которые стали полными хозяевами положения. Ничего не было слышно о Керенском, кроме того, что большевики его разыскивают. Перед приездом Крыленко в штаб друзья генерала Духонина изо всех сил пытались уговорить его бежать, предлагая прятать его, пока тот не сможет совершить бегство, но Духонин отказался бросить свой пост. Поскольку все документы были у него, он решил выполнять свои обязанности до конца.

Когда Крыленко во главе большевиков добился доступа к штабу, генерала Духонина арестовали, довели до железнодорожной станции и поместили в вагон, шедший на Петроград, где его намеревались предать суду. Самое серьезное обвинение против него заключалось в том, что он сопротивлялся идее заключения мира с Германией, намеревался содействовать дальнейшему пролитию крови бедного русского народа, а также дал генералам возможность сбежать.

Зная, что его совесть чиста, он спокойно сидел в вагоне, ожидая, когда поезд тронется, как вдруг на сцене появилась толпа взбешенных солдат и матросов, которые окружили его вагон. Среди них выделялся высокого роста матрос, который разбил окно купе и заговорил с генералом в самых оскорбительных выражениях. «Зачем отправлять его на суд в Петроград, – заявил он, – если мы можем судить его сами?»

Толпа вела себя все более угрожающе, пока, наконец, подстрекаемая жестоким матросом, она не сорвала дверь вагона и не набросилась на генерала, вначале с кулаками, а потом и штыками. Поиздевавшись над ним, они выбросили его полумертвым на перрон и топтали до тех пор, пока его не покинула жизнь. Они не уважали даже саму смерть, потому что проткнули штыком глаза трупа и воткнули в рот папиросу. Его бросили там, заявив: «Пусть люди видят, как мы обращаемся с теми, кто был к нам несправедлив и навязал нам эту империалистическую войну. Смерть кровопийцам российского народа!»

Молодая жена генерала была уже на пути к своему мужу в Могилев. Она приехала на станцию несколько часов спустя после этой жуткой трагедии и столкнулась с чудовищным зрелищем –

ее муж лежит мертвый на перроне, его глаза проткнуты и во рту торчит папираса. С удивительным самообладанием она обратилась с просьбой разрешить ей забрать тело в Киев для похорон.

Похоронная процессия была остановлена на пути и вынуждена была вернуться домой, но той же ночью группа людей, включая и жену генерала, тайно перенесла тело патриота на кладбище. И они сами похоронили генерала, не оставив следов его могилы из опасения, что украинские большевики могут натворить еще больше бед, если прознают о том, что случилось. Таков был конец самого верного и мужественного человека, который неизменно пользовался любой возможностью, чтобы спасти честь России, и который был предан высоким принципам императора, который хотел завершения войны и доведения ее до почетного мира.

Хотя украинские большевики хозяйничали в Киеве, я все еще содержала госпиталь с его полным комплектом пациентов. Раненые офицеры поступали ко мне со всех сторон. Некоторые случаи были очень тяжелые, и мое сердце не позволяло отказать им в приеме.

За несколько дней до нового, 1918 года в мой госпиталь ворвались два украинских офицера в сопровождении пяти солдат и приказали мне закрыть его немедленно, потому что им требовались помещения для персонала отряда броневиков, один из которых тут же загнали в наш гараж. Я протестовала изо всех сил, потому что в Киеве осталось очень мало госпиталей, а имевшиеся были переполнены, к тому же многие раненые не могли передвигаться. Однако мой протест был бесполезен, а украинские офицеры вели себя так нагло и оскорбительно, что я чуть не плакала.

Я показала им палату, в которой лежал офицер, болевший тифом в тяжелой форме. «Этого человека нельзя трогать, это будет нечеловечно и жестоко!» – заявила я. Один из украинских офицеров, полковник Гладкий, мне ответил: «Мне наплевать! Мы не можем жить на улице. А вы обязаны подчиняться моим приказам». Голос его был грубым, с оскорбительной и злобной интонацией. Я повернулась к нему и сказала: «Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне? Не забывайте, кто я!» – «Я отлично знаю, что вы – княгиня, – был его ответ, – но времена переменились, и это обстоятельство на меня не производит ни малейшего впечатления! (Офицер ранее был полковником в полку императрицы Александры Федоровны, а теперь выдавал себя за украинца.) Чем скорее вы забудете о своем социальном положении, тем лучше», – продолжил он.

Офицеры ушли, но оставшиеся солдаты принялись откровенно грабить столовую, кухню и т. д., съедая все, что им нравилось, а мы были полностью во власти этих животных.

На следующее утро в госпиталь прибыл отряд солдат и начал выносить кровати, мебель и т. д. К моему удивлению, они попросили меня (фактически приказали) оставить кое-какое оборудование, принадлежавшее госпиталю, для себя, поскольку у них ничего не было. Они позволили мне сохранить за собой две-три палаты до 1 января, так что мои бедные пациенты все набились в эти две маленькие комнаты. Чтобы снять напряжение, я уступила комнаты в своей квартире для тяжелых больных, а сама отправилась просить российский Красный Крест оказать мне помощь и взять мой госпиталь под свою защиту. Но они ничего не могли для меня сделать, потому что сами точно так же пострадали и их тоже выселяли. Фактически закупленные ими болеутоляющие средства, инструменты и всевозможное медицинское оборудование были упакованы в ящики и стояли на улице.

Два дня спустя, в канун Рождества, мой госпиталь был окончательно закрыт. Бог ведает, что стало с нашими пациентами! Я знаю только, что это был один из самых несчастливых дней в моей жизни, потому что я три года держала свой госпиталь, а некоторые офицеры неоднократно были моими пациентами. Мне удалось оставить нескольких офицеров из бригады моего мужа в своей квартире, потому что беднягам было некуда идти. У меня нет слов, которыми можно было бы описать эту трагедию.

Через короткое время начались бои между русскими большевиками и украинцами. Первые хотели удержать Киев и скоро стали обстреливать город из артиллерии. Мы оказались на краю настоящего вулкана, который мог поглотить нас в любую минуту, а так как наш девятиэтажный дом стоял на холме, он бросался в глаза и был хорошей мишенью, что подтверждалось тем фактом, что однажды на него пришлось было четырнадцать попаданий из крупных орудий, которые большевики установили на противоположном берегу реки. Все окна во всех квартирах были выбиты, кроме нашей, потому что мы находились на первом этаже. Так как была зима и двадцать градусов мороза, можно представить себе дискомфорт и тяготы, которые это причиняло всем обитателям дома. Многие из них покинули свои квартиры и искали убежища.

Опаснее всего было выходить на улицу, но я была вынуждена это делать, потому что надо было закупать продовольствие. Я пользовалась временным затишьем в перестрелке, но она вдруг

вспыхивала вновь. Со мной был мой племянник, когда мы увидели вблизи от себя бельгийского офицера, который споткнулся и упал. Пуля, убившая его, просвистела совсем рядом с нами. Поэтому нам пришлось отказаться от своей экспедиции и поспешить домой. Улицы были абсолютно пусты, и мы не слышали ничего, кроме непрерывной стрельбы, похожей на щелканье хлыста, и грохота больших орудий, который действовал на нервы и приводил в ужас. Пуля попала в окно моей спальни, и с тех пор в одной из рам осталось маленькое круглое отверстие.

Несколько раз, когда украинцы брали большевиков в плен, они расстреливали их у стены во дворе позади нашего дома. Некоторые из них не погибали сразу и мучились часами. Почти каждую ночь мы слышали этот жуткий шум и понимали, что стена вновь потребовала своих жертв. Все население жило в страхе, опасаясь, как бы большевики не взяли Киев. Среди людей, живших в моей квартире, была одна молодая дама, только что приехавшая из Петрограда. Она пыталась успокоить меня словами: «Поверьте мне, княгиня, большевики лучше, чем украинцы, – они более аккуратные!»

Наконец, после ужасной бомбардировки, длившейся всю ночь, большевики взяли город штурмом. Что это было за вступление в город! Как раз перед тем, как это произошло, хотя многие и верили, что украинцы победят, я благоразумно поменяла украинские паспорта, напечатанные на красной бумаге, на справку, в которой говорилось, что мой госпиталь закрыт по приказу украинцев и что я обязана устроить своих пациентов в своей квартире, так как им некуда было идти. Хотя наши офицеры и были тогда обеспокоены, у них скоро появилась причина благодарить меня за мою предосторожность.

В 11.30 кто-то постучал в мою дверь (электрические звонки во всем городе не работали). Это был полковник Гладкий, который был столь груб, когда захватывал мой госпиталь для людей своего дивизиона броневиков. Сейчас он пришел ко мне в большой тревоге и заявил: «Украинцы проиграли, а мне надо как можно скорее спрятаться, потому что я боролся против большевиков». Теперь, когда он понял, что находится в опасности, у него был совсем другой тон, и он пожаловался мне: «Вот 60 000 рублей, которые находятся под моей охраной. Сохраните их, княгиня!» Он оставил мне эти деньги и ушел. Мы спрятали деньги за шелковыми обоями в гостиной. Полковник Гладкий добавил: «Единственное лицо, которому вы должны выдать эти деньги, если меня убьют, – это кассир дивизиона. Пожалуйста, дорогая княгиня, помогите мне!» – «Теперь я уже «дорогая княгиня», – заметила я. – Вспомните, как вы уверяли, что все князья и

княгини отменены!»

К счастью для меня, этот разговор происходил в присутствии свидетельницы – одной из оставшихся со мной медсестер. Я дала ему расписку на эту сумму, хотя он заявлял, что в этом нет необходимости.

Как я уже рассказывала, у моей дочери была гувернантка-француженка, а также ее старая няня. Хотя британский и французский консулы обеспечили специальный поезд для того, чтобы доставить своих соотечественников до границы, они предпочли остаться с нами и взять на себя риск подвергнуться ужасам, которые, как они знали, могут испытать в любую минуту. Слава богу, мы уцелели, но еле-еле!

Всю ту ночь я не могла уснуть, потому что стрельба не прекращалась и затихла лишь к шести часам, когда большевики, вероятно, уже овладели городом.

В семь часов утра раздался громкий стук; за дверью оказался отряд вооруженных до зубов большевистских солдат, наставивших на нас револьверы. Их командир отрывисто произнес: «Проверка, не прячете ли вы какое-нибудь оружие в своем доме. Можете ли предъявить какие-нибудь справки?» Я показала им свой сертификат сестры милосердия, и они нас покинули.

Едва лишь первый отряд большевиков ушел с нашей стороны квартиры, как слуга моего мужа Жозеф, проживший с нами двадцать лет, подбежал ко мне с белым как мел лицом и сказал: «Княгиня, не теряйте времени! Идите сюда!»

Солдаты-большевики пришли провести обыск в поисках оружия и боеприпасов, спрашивая при этом, где находится мой муж, генерал. Из дома вытащили пять офицеров и хладнокровно расстреляли неподалеку. Я страшно боялась, как бы мой муж (который прежде был адъютантом императора, князем, зажиточным человеком – и все это было против него) не разделил участь этих уже убитых офицеров. Я надела форму сестры, надеясь, что они уважат ее и что я смогу спасти своего мужа. Облик медсестры, по моему разумению, мог сгладить напряженную ситуацию, и тогда солдаты воспринимали бы меня скорее медсестрой, нежели княгиней, ведь большевикам были ненавистны все титулы.

Я поспешила в комнату мужа и обнаружила его беспомощно лежащим в постели. Его рана была настолько серьезной, что он просто не мог двигаться. Он был окружен этими животными с их ужасными мордами, и у многих глаза были залиты кровью, не оставляя места для белков. «Теперь пришло наше время! – выкрикивали они. – Ты уже не сможешь пить нашу кровь!» Под

дулом револьвера они приказали ему встать и следовать за ними. Тут я заговорила с солдатами и спросила: «Разве вы не видите, что он не в силах подчиниться вам? Он слишком болен, чтобы идти!»

Тут они, увидев стоявшую в углу комнаты золотую саблю, приказали: «Немедленно сдайте оружие!» Мой муж ответил слабым, но твердым голосом: «Мою саблю я не отдам! Я был награжден ею за храбрость в двух войнах. Делайте что хотите, ведь вас много, а я один». Тогда они обратились ко мне: «Это вы – сестра Барятинская, которая содержит госпиталь на нижнем этаже?» Они все еще целились своими револьверами в мое лицо. «Да, я». Они сказали, что сожалеют, что этот госпиталь только для раненых офицеров, но не для солдат. «Почему же?» – спросила я. «Офицеры так плохо обращались с солдатами. В любом случае, – добавили они, – вы не сосали народную кровь. Но у вас все еще есть несколько офицеров в доме. Где они?»

И вновь мое сердце заныло от тревоги. Я пошла за ними в палаты, где на кроватях спали офицеры. Большевики потребовали предъявить справки, но я, к счастью, заранее поменяла бумаги, как говорила ранее. Большевики не стали делать никаких замечаний, как и не приказали раненым подняться с постелей и следовать за ними, как это они делали с теми, у кого были украинские сертификаты и кто воевал против них. Потом в конце концов большая их часть исчезла в дверях, но перед этим они угостили себя кое-какими серебряными приборами, лежавшими в столовой.

Я вернулась к мужу, который разговаривал с одним из солдат, который еще не ушел. Я услышала, как он сказал моему мужу на не очень хорошем русском: «Можете оставить себе вашу саблю!» И потом ушел. Я едва не потеряла сознание от облегчения, которое испытала при мысли, что почти чудом была спасена жизнь моего мужа и наших друзей. Я открыла дверь на лестницу, и швейцар воскликнул: «Княгиня, вы себе не можете представить, как я переживал за князя и офицеров, которые остались в доме! В соседней квартире сегодня рано утром забрали какого-то полковника и двух офицеров и расстреляли прямо на улице. Их служанка пошла вслед за ними и видела всю сцену. Она чуть не сошла с ума от всего этого ужаса. На улице валяются сотни трупов».

Вечером мы узнали подробности этого наводящего ужас побоища. Первым расстреляли митрополита Киевского Владимира. Это был человек строгих принципов, и его перевели из Петрограда в Киев, потому что он резко протестовал против влияния Распутина, чьи претензии на святость митрополит

полностью отвергал. Императрица была этим глубоко оскорблена и настояла на беспрецедентном переводе митрополита Владимира из Петрограда в Киев.

Едва вступив в ограду, где располагалась Киево-Печерская лавра, солдаты-большевики вытащили из постели бедного семидесятилетнего старика и приказали ему следовать за ними. «Куда и зачем?» – спросил он. «Увидишь!» – был ответ. В темноте они отвели его в небольшой лес рядом с монастырем и расстреляли.

Многих наших друзей вытащили из их домов и убили, обвиняя в оказании помощи украинцам. Среди них были и юноши девятнадцати – двадцати лет, ставшие офицерами в годы войны. Их согнали в парк у дворца, где во время войны останавливалась вдовствующая императрица, а сейчас жили командиры большевистских войск, захвативших город. В парке лежали трупы убитых молодых людей, причем убийцы срывали с них одежды. Одна только семья потеряла пять своих мужчин. Лишь с огромными трудностями жены и матери убитых смогли забрать их останки и похоронить. И даже тогда им не дали гробов.

Осознав, что творится вокруг, я поблагодарила Господа за то чудо, которое сохранило жизнь моему мужу и его товарищам-офицерам, жившим в нашей квартире.

Я узнала, что некоторые французские офицеры из военно-воздушной миссии союзников на нашем фронте, которые не смогли уехать во Францию, были выброшены большевиками из своих квартир. Тотчас же я отправилась к ним, уговорила их прийти к нам и оставаться у нас. Потом мы прикрепили снаружи табличку, извещавшую, что квартира занята французской миссией, надеясь тем самым хоть немного обезопасить как себя, так и членов этой миссии.

Эти офицеры из всех сил старались убедить меня, что если уж большевики пощадили нас поначалу, то теперь уж не станут нас трогать. Они полагали, что слухи преувеличивают истинное положение вещей.

Однако на утро следующего дня они получили повестки, в которых им приказывалось прибыть к полковнику Муравьеву, командовавшему большевистскими войсками, оккупировавшими город. Полковник Муравьев был выходцем из очень хорошей семьи и во время войны служил в дивизионе броневых автомобилей, поднявшись до звания командира дивизиона. И тем не менее он не стыдился находиться во главе этих кровавых бандитов!

Французские офицеры прибыли к Муравьеву во дворец в 9.00. В час дня они возвратились, не помня себя от ужасов, которые там увидели. У одного из них на самом деле в то утро появились

седые волосы. «Княгиня, княгиня! – восклицали они. – Это просто неопишимо!» Они рассказали, что по всему дворцу – кровь, а бедняги-арестанты сидят на полу, без пищи, дрожа от холода. Еще до того, как они добрались до дворца, они натыкались на кучи раздетых и искалеченных трупов. Из окна комнаты, в которой их приняли, они видели тело офицера, расстрелянного в парке за домом. Им сказали, что миссия должна покинуть город, поскольку в ней уже нет нужды, а война заканчивается. Вне себя от счастья, что могут убраться подальше от сцен, которым они были свидетелями, офицеры собрали свои вещи и уехали в ту же ночь. Однако перед тем, как выбраться из России, им пришлось преодолеть долгий путь, потому что они могли покинуть страну только через Архангельск, поскольку все другие пути были закрыты.

Мы редко осмеливались выходить на улицу после всего того, что слышали. Тем не менее в тот же самый день, когда уехали французы, мне пришлось выйти из дому, потому что пришла мать одного молодого человека по фамилии Михайлов – единственного ее сына – и стала умолять меня отправиться в одежде медсестры во дворец и попросить пощадить его жизнь, потому что он был арестован. Она упала на колени, умоляя меня, и я, конечно, не могла ей отказать. Я один раз попробовала, но безуспешно, а потом вместе с другой сестрой сумела добраться до дворца, где сама увидела наводящие ужас груды трупов, лежавших там десятками. Среди них я узнала тело одного старого генерала по фамилии Рыдзевский, которому было восемьдесят шесть лет. Рассказывали, что он пытался спрятаться в Свято-Никольском монастыре, но его обнаружили и протащили по улицам за ноги – это похоже на правду, потому что голова трупа была совершенно разбита.

Я увидела печально известную правую руку Муравьева – матроса Ремнева, который был еще хуже, чем его хозяин, и обладал страшной властью над большевистской толпой, которая его боялась. Пальцы его были сплошь усеяны украденными кольцами, и в одной руке он обычно носил хлыст, а в другой часто держал золотую табакерку. У него было лицо настоящего бандита. Я спросила его о гражданине Михайлове. Он показал мне на следующую комнату и грубым хриплым голосом сказал пойти туда. Там сидела какая-то девушка и писала на столе, на котором лежали какие-то грязные бумаги. Я спросила ее о моем протеже, но она лишь устало заглянула в грязный список и произнесла: «Михайлов... Михайлов? Поищите его в парке», имея в виду, что он расстрелян.

Я поспешила прочь из этого дворца ужасов туда, где стояла

мать, ожидая меня за воротами. Я не смогла рассказать ей того, что произошло, опасаясь ее непредсказуемого поведения, ведь последствия для всех нас могли быть самыми худшими. Я попыталась убедить ее, что для ее сына будет сделано все, что можно.

Перед уходом из дворца я разглядела в одной из комнат среди группы пленников господина Евреинова, брата фрейлины великой княгини Ксении, которая сейчас находилась в Лондоне. Господин Евреинов был одним из руководителей сети складов Красного Креста в Киеве. Там также был господин Шульгин, редактор одной из ведущих газет в Киеве, – тот самый, кто вместе с несколькими другими лицами осмелился обратиться к императору с предложением отречься от престола. С ними, как и со всеми пленниками, обращались как с животными – заставляли сидеть день за днем на голом полу, не давали стульев или кроватей.

Лишь тогда, когда мы вернулись в город, я рискнула рассказать бедной матери правду, и она сразу же бросилась назад, в надежде отыскать тело своего сына. «Почему же вы, княгиня, не сказали мне раньше? – воскликнула она. – Я бы сказала этим убийцам, что я о них думаю!» И я поняла, что правильно сделала, не сказав ей об этом сразу.

Мы узнали, что некоторые из наших друзей находятся взаперти в театре уже около десяти дней, где их держат под замком в ложах без каких-либо удобств. Единственное снисхождение, которое они получили, в том, что они могут получать еду от друзей, оставшихся на свободе. Среди заключенных были знаменитые генералы Драгомиров и Половцев. Заключенных ежедневно забирали на расстрел. Когда до генералов, как они полагали, дошла очередь, они попросили, чтобы их отвели к Ремневу на допрос. Рассказывают, что стоявший рядом большевик дал им понять, что согласен. Так как охрана их не знала и считала просто богатыми торговцами, генералов отпустили. Они немедленно бежали и, к счастью, не возвращались домой до тех пор, пока большевики не оставили город.

Пока у власти были украинцы, мы обменяли все свои деньги на только что выпущенные украинские ассигнации, напечатанные на столь плохой бумаге, что она рвалась при первой же возможности. Когда в город вошли большевики, эта украинская валюта потеряла всякую ценность, поэтому нам пришлось обменять ее в Национальном банке на русские деньги. То есть мы хотели поменять их, но в очередях на холоде весь день стояли толпы народа, жаждущие получить свои вклады. Потом

выяснилось, что украинцы перед отступлением забрали все деньги. В итоге банк начал выдавать квитанции с обещанием выплатить деньги через неделю или десять дней. Поскольку эти деньги были нужны бедному люду на еду, можно себе представить, какие это влекло за собой трудности. К счастью, у нас нашлись добрые друзья, одолжившие нам денег.

Продовольствия в городе становилось все меньше, пока, наконец, большевики не сформировали Временное правительство, в котором министром финансов был восемнадцатилетний мальчишка. В практику был введен выкуп, и за нашего старого домовладельца Гинзбурга запросили 500 000 рублей. Большевики грозили протащить его по городу, привязав к лошадям, и он был вынужден дать письменное обещание уплатить сумму в течение трех дней.

Как-то днем зазвонил телефон, что происходило очень редко, потому что мы старались разговаривать по телефону как можно реже. Портной моего мужа сообщил мне, что есть новость: украинцы и австрийцы недалеко от города и будут в Киеве, возможно, через два-три дня, чтобы спасти нас. Большевики правили здесь около двух недель и за это время убили более 3000 человек, в большинстве своем из лучших семей и во многих случаях – самым зверским образом. Последние дни их власти не поддаются описанию. Они не позволяли даже хоронить их жертв.

В связи с этим я забыла упомянуть один поразительный случай, происшедший на раннем этапе их правления в Киеве. Они устроили самую пышную церемонию похорон тех, кто был убит украинцами. Событие было отмечено с огромной помпой. В основном были заказаны красные гробы, но для Пятакова, человека из добропорядочной семьи, ставшего большевиком и поднявшегося до уровня руководителя, был сделан гроб из сплошного серебра. Процессия была очень длинной, и в ней не было позволено участвовать ни одному из священников. Пели «Марсельезу» и «Интернационал». Улицы, по которым двигалась процессия, были пусты, потому что никто из жителей не осмелился появиться, опасаясь испытать на себе гнев толпы. А в это время тела самих жертв большевиков валялись сотнями там, где пали.

Тела погибших большевиков были похоронены в дворцовом парке, но недостаточно глубоко, так что весной гробы были отчетливо видны, а запах был таким омерзительным, что пришлось засыпать эти могилы негашеной известью.

В конце периода оккупации австрийцы, с которыми, как стало ясно, пришли и германские войска, заявили большевикам, что, если те немедленно не оставят город, он будет подвергнут

артиллерийскому обстрелу. В итоге новоиспеченное большевистское Временное правительство обратилось в бегство. Босяки вместе с заключенными, выпущенными из тюрем после взятия города, принялись громить винные склады по всему Киеву. Здесь и там по улицам бродили, как сумасшедшие, пьяные бандиты. Что же теперь будет? Мы собрали всех жильцов для того, чтобы обсудить положение и решить, как защитить наши квартиры от озверевшей толпы. Было решено запереть большую переднюю дверь и ворота и забаррикадировать их бревнами. Для круглосуточной охраны мы наняли тридцать шесть бывших офицеров. Достать оружие было нетрудно, потому что большевики перед уходом по дешевке продавали все подряд.

За два дня до отступления большевиков нас в полночь разбудил наш верный Жозеф и взволнованным голосом сообщил, что ворвались большевики и застрелили двоих охранников, бывших в это время на посту. Я вышла и увидела нашего часового, лежавшего в луже крови. Разрывная пуля попала ему в живот. Он ужасно страдал, и ничем нельзя было ему помочь, кроме перевязки, до тех пор, пока смерть не избавила его от мучений. Похоже, нападавшие убежали туда, откуда появились. Однако другой подошедший охранник сообщил, что они возвращаются.

Я, увидев, как подходят вооруженные люди, бросилась к двери своей квартиры, но тут во всем городе вдруг погас электрический свет – мы узнали потом, из-за аварии на электростанции. И это нас спасло, потому что, хотя во двор и ворвалось около семидесяти бандитов, они оказались в темноте и не разглядели наших дверей. Я кинулась к телефону и позвонила во дворец, требуя, чтобы центр Красного Креста послал мне защиту от грабителей. Меня спросили, кто говорит, и я ответила: «Сестра Барятинская». На это мне пообещали направить отряд. Ситуация была чрезвычайной, поэтому пришлось обращаться к красным за помощью и защитой от еще более ужасной банды красных. Мой муж боялся, что положение самое критическое.

Ожидая прихода отряда, мы забаррикадировались в нашей квартире, поскольку ничего иного поделать не могли, а головорезы, как мы догадывались по шуму, уже были внутри дома. Полковник Воейков, находившийся среди нас, был очень сильным человеком, и он плечами подтолкнул огромный шкаф к дверям, подкрепив его для большей безопасности чемоданами. Я чуть не падала от перенапряжения и тревоги, думая о своей дочери, которой тогда было лишь четырнадцать лет, и о муже, лежавшем больным в постели. Полковник раздал всем по револьверу. Мы сумели взобраться наверх и выглянуть в окно над

дверью и так заметили в неясном свете приход отряда Красной гвардии. Это была весьма пестрая группа, одетая в разномастные мундиры и другие одеяния. Отряд подошел около двух часов ночи и примерно три часа вел оживленную дискуссию с грабителями, но без какой-либо конфронтации. О чем они говорили, нам было неизвестно. Наконец, в пять часов утра все ушли.

Я тут же кинулась к нашему раненому, но он уже умер. В любом случае его было невозможно спасти, настолько ужасны были его раны.

Так завершилось то наше ночное приключение. Хотела бы добавить несколько слов о полковнике Воейкове, чьи сила и мужество так помогли нам вытерпеть все эти мучения. Не так давно до нас дошла печальная новость: он умер в Сербии, оставив после себя жену и двоих маленьких детей без каких-либо средств к существованию. В первые дни революции он был офицером в том же полку, что и мой муж, – стрелков императорской семьи, о котором я рассказывала ранее. Когда большевизм дошел и до этого полка, в то время находившегося на фронте, был сформирован совет солдатских депутатов, который взял в свои руки власть и стал решать, кому из офицеров оставаться, а кому – уйти. Он пришел к решению, что полковник Воейков – один из тех, кто должен уйти.

Офицеры организовали для Воейкова прощальный ужин. На нем у него хватило смелости поднять свой бокал и произнести во всю мощь голоса тост: «За здоровье его величества императора!» За этими словами последовал хор «Ура!», а застигнутые врасплох солдаты присоединились к своим офицерам.

Но его вестовой, заметивший, что среди солдат было немало таких, которым вовсе не по вкусу здравицы в честь императора, быстро увел полковника с вечеринки и помог ему спрятаться в соседнем лесу, укрыв его листьями. Там полковник проспал ночь, согретый, вероятно, сопровождавшим ужин вином. Утром пришел ординарец и вывел его на дорогу в Киев, где он присоединился к нам. Оказалось, что ординарец спас Воейкову жизнь, потому что солдаты разослали поисковые группы с приказом схватить полковника.

Глава 16

Киев взят немцами. – Убийство императорской семьи. – Наше бегство из России

На следующее утро после большевистского рейда собрались все жители дома, и мы решили почти целиком заделать кирпичами парадный вход в дом и ворота во дворе, оставив только небольшой проход, через который мы могли бы при необходимости выбраться на улицу. Наш гарнизон из офицеров и жильцов оставался на посту, и мы решили не ложиться спать. Тогда же из многочисленных грузин, живших в Киеве, была сформирована защитная рота, которая была готова по телефонному вызову прийти на помощь, если на кого-то нападут большевики. Рота, чтобы не допустить нарушения в работе линий связи, также взяла под свой контроль телефонную службу.

До часу ночи все было спокойно. Потом мы слышали неподалеку от себя стрельбу. Бой происходил в двух шагах от нас, в доме, где раньше располагалась украинская газета, враждебная большевикам. Сейчас здание было окружено окопами, и там оборонялся гарнизон из состава его обитателей. Большевики сосредоточили свои усилия на этом доме и держали его под непрерывным пулеметным обстрелом в течение примерно четырех часов. Потом пулеметчика убили, а заменить его было нечем, так что бой прекратился. Большевики во время атаки рвались и к нашим воротам, и это постоянно держало нас в состоянии возбуждения. Все это время поступали телефонные звонки из многих мест с мольбой о помощи. Но мы никому не могли помочь, так как не могли отворить ворота, иначе большевики ворвались бы и к нам.

Как хорошо я помню эту последнюю ночь, с 16 на 17 февраля 1918 года, когда немецкие войска вошли в Киев! Я приготовила чай в своей квартире для всех защитников нашего дома, и мы какое-то время сидели вокруг стола, как вдруг снаружи раздался жуткий грохот. К утру, однако, все вокруг нас стихло. Только в полдень на улицах появились первые немцы и украинцы.

До этого мы были свидетелями странных сцен. С крыши нашего «небоскреба» мы часами наблюдали беспорядочное бегство большевиков и прохождение через город чехословацких войск в полной амуниции, которые старались более коротким путем вернуться домой из Сибири, отступая перед немцами и

ведя все время арьергардные бои под командой Масарика, ныне президента страны. Киев и его пригороды стали настоящим полем сражения, и трудно было понять, кто с кем воюет.

Потом последовало вступление в Киев украинцев и немцев. Украинцев в численном отношении было совсем немного, и внешний вид у них был совсем не военный. Германские войска являли собой мощную силу и порядок, но выглядели усталыми и голодными. Странно было ощущать, что освобождение от ужасов, через которые мы прошли, приходит от наших врагов, немцев. И мы чувствовали себя частично виновными, радуясь их приходу, как будто совершали какое-то преступление против своего бедного императора, который был так верен нашим союзникам и который так дорого за это заплатил.

И все же с приходом немцев в городе восстановился порядок. Вечером прибыла украинская Рада, Петлюра, Винниченко, Грушевский и другие. Ликование по случаю спасения города от большевиков было всеобщим, и часто слышались возгласы радости. Но не стоило быть слишком оптимистичными. Немцы запретили держать двери открытыми, так как все еще бесчинствовали мародеры. Поэтому мы продолжали жить за решетками и замками. Все время ходили слухи, что немецкие войска посланы туда-то, где возникли волнения, или в какое-то имение, где убили управляющего.

Немецкий мэр города генерал Эберхард и его администрация разместились в доме бывшего предводителя дворянства. Во время войны это здание использовалось под госпиталь для раненых, который содержали некоторые дворяне Киевской губернии. В свои ранние дни госпиталь удостоился чести посещения нашим императором и вдовствующей императрицей. Стены его были свидетелями доброго сердца его императорского величества, и я хорошо помню сцену, когда он посещал и говорил слова утешения лежавшим здесь раненым. Какие же разительные перемены произошли с этим домом! То место, где когда-то жили предводители дворянства со своими семьями, давали званые обеды и устраивали приемы, большевики превратили в прибежище для отбросов общества, отдав его в распоряжение совета поваров. Среди этих лиц, кстати, был и наш собственный, Финлей, человек с английской родословной, но родившийся в нашем имении. Как ни странно это звучит, но он стал одним из злейших большевиков.

Я не бывала в этом доме в период большевистской оккупации. Когда я сделала это после нашего освобождения немцами, сердце мое чуть не остановилось в груди при виде того, какая судьба выпала на долю прекрасной гостиной, обставленной

в стиле ампира. Повсюду валялась солдатская амуниция. Все пространство было разделено деревянными перегородками на маленькие кабины, и повсюду виднелись грязные следы сапог. Какой же нелепостью все это выглядело!

К нам пришла телеграмма от графа Форгача, которого мы хорошо знали по России, поскольку он долго работал в посольстве Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге. Он направлялся в Киев со специальным поручением – подписать экономический договор между Австрией и новоявленной страной Украиной и испрашивал у нас разрешения занять нашу квартиру. Мы были рады принять его у себя, потому что он являл собой приятное отличие от украинцев, которые перед этим реквизировали наши комнаты, поразив нас своей неопрятностью.

Перед вступлением большевиков я побывала у протестантского пастора в Киеве – немца, много лет прожившего в России, а потому бывшего российским подданным. Поскольку я знала, что он собирается в Австрию, то попросила его взять с собой письмо моего мужа принцессе Дитрихштайн, умоляя ее посодействовать с получением разрешения на проезд через Австрию в Швейцарию по причине плохого состояния здоровья моего мужа. Принцесса Дитрихштайн – русская по рождению и наша родственница, до замужества была княгиней Долгорукой. Граф Форгат привез для нас разрешение, подписанное графом Менсдорф-Пуи, дальним родственником принцессы, который, надо напомнить, многие годы был послом Австро-Венгрии в Лондоне и был также родственником королевы Виктории и принца-консорта. Мы стали первыми с начала войны русскими, получившими разрешение на проезд через Австрию.

Вскоре граф Форгач нас покинул, но потом вернулся, чтобы остановиться на жительство, для чего реквизировал пять комнат в нашей квартире, где было открыто посольство Австрии, а персонал его включал принца Фюрстенберга, единокровного брата знаменитого принца Макса Эгона, друга кайзера.

До нас дошла новость, что большевики взяли Крым, где находились вдовствующая императрица и другие члены императорской семьи, а также моя бедная свекровь, которая жила в своем имении в Ялте с дочерьми. Эта весть породила в нас огромную тревогу за судьбу, которая может выпасть, а может, уже и выпала, на долю тех, кого мы любили. Но потом пришли сообщения о том, что немцы начали наступление на Крым, где, как и в Киеве, все же было безопаснее. Мы отправили со своим верным Жозефом продукты и другие вещи нашим родственникам, а также письмо, выражающее нашу верность ее императорскому величеству.

Когда мы, наконец, получили более подробные сообщения, то узнали, что большевики действительно побывали в подвалах дома моей свекрови, пили всю ночь, пока она наверху лежала на своей кровати, больная пневмонией, и лишь приход немцев на следующее утро спас беспомощных женщин от дальнейших приставаний. Мы также узнали, что наши родственники очень тревожились за нас, находившихся в Киеве, потому что долгое время у нас не было с ними никакой связи.

Собственно говоря, хотя в самом Киеве немецкие войска под командой фельдмаршала Эйнгорна, который был и главой Украины, порядок поддерживали, состояние дел на периферии было вовсе не удовлетворительным. Во всяком случае, мы не могли ни добраться до своих, ни получить оттуда какие-нибудь деньги. Нашего старого управляющего убили. Украинская Рада оказалась немногим лучше большевиков, так что немцы в конце концов решили разогнать ее.

После того как было злодейски убито несколько немецких офицеров, игре пришел конец. Как-то днем улицы Киева заполнились стремительнодвигающимися германскими войсками и танками, которые устремились к зданию музея, в котором тогда заседала Рада. Многие из министров были арестованы, а на следующий день гетманом Украины стал генерал Скоропадский. Его выборы проходили в большом помещении цирка. Так как это было совсем рядом с нами, мы отлично слышали крики. Германские солдаты заняли арену, впечатление было произведено, и землевладельцы послушно избрали гетмана; несомненно, немцы заплатили им, чтобы они голосовали за кого надо.

Генерал Скоропадский служил в полку конной гвардии, чьим почетным командиром была императрица Мария Федоровна, а потом вырос до командующего дивизией. Его прадед был гетманом, так что он мог считать, что сам имеет право на этот пост.

Однако его задача была не из легких. У него не было ни свободы выбора, ни людей, на которых он бы мог опереться. Кроме того, тем, кто рожден русскими, было трудно признать независимую Украину. Ведь еще во времена Петра Великого такое считалось бы государственной изменой. Надо вспомнить, что преступлением Мазепы было то, что он как гетман украинских казаков сражался против Петра на стороне шведов.

Мой муж, считавший, что Скоропадский дал согласие стать гетманом, имея в виду восстановление России, написал ему письмо с пожеланием успехов в его усилиях установить порядок в Малороссии и выразил надежду на то, что это будет означать

освобождение Петрограда и Москвы из лап большевизма.

Ситуация была очень необычной. Южная Россия, перестроенная генералом Корниловым, обрела новую армию под командованием генерала Деникина. Казаки тоже реорганизовались и имели своих представителей в Киеве. Казалось, надежды на восстановление страны обоснованны. Беспорядки энергично подавлялись германскими карательными экспедициями, которые посылались в различные районы юга.

Правда, положение немцев также было весьма странным. С одной стороны, они 3 марта 1918 года подписали в Брест-Литовске мирный договор с большевиками – настолько позорный для России, что один из подписавших его, полковник Скалон, остро переживавший позор, ушел и застрелился, – и устроили в российском императорском посольстве в Берлине советского эмиссара Иоффе. С другой стороны, на Украине немцы беспощадно преследовали большевиков. При этом в Киеве работала комиссия по демаркации границы между Украиной и Советской Россией, и представитель большевиков Раковский жил в городе в отеле, на крыше которого развевался красный флаг.

Об одном из немецких офицеров, с кем я встречалась в Киеве, я должна отозваться с высшей похвалой. Мы дошли до этой оценки следующим путем. Однажды к моему мужу приехал герцог Лейхтенбергский, чтобы сообщить, что в Киеве с особой миссией находится атташе германского кайзера, желающий побеседовать с ним. И на следующее утро очень рано – где-то в 8.00 – появился сам полковник барон Штольценберг. Поскольку мой муж все еще испытывал недомогание и находился в постели, я встретила барона первой. Это был высокого роста человек, примерно пятидесяти лет, очень симпатичный, с приятными манерами и безукоризненным тактом. Он потерял одну руку ниже локтя. Встретив его, я провела гостя в спальню к мужу, где они в течение часа беседовали один на один. Барон Штольценберг сказал, что сегодня же вечером отбывает в Крым, и было похоже, что кайзер хотел бы знать, нуждаются ли члены нашей императорской семьи в Крыму в какой-либо помощи, а также хотели бы они уехать из России в Копенгаген или куда-нибудь еще. Мой муж сразу же ответил ему, что императорская семья никогда не примет подобное предложение. [23]

Муж передал барону письмо для великого князя Александра Михайловича, супруга великой княгини Ксении, с объяснением миссии, с которой он был послан. Спустя некоторое время барон Штольценберг вернулся в Киев, привезя с собой письма от великого князя и моей свекрови, которую он также видел. Оба были абсолютно очарованы бароном, и было приятно иметь

возможность с такой искренностью хорошо отзываться о представителе когда-то враждебной нации. Мы часто виделись с бароном в Киеве до того момента, когда он сообщил нам, что вот-вот собирается в Германию, чтобы отпраздновать двадцать пятую годовщину своей свадьбы. Как увидим позднее, беднягу постигло разочарование в его планах.

Скоро стали очевидны сложности положения гетмана Скоропадского. Он сформировал свои собственные полки, но на них нельзя было положиться. Петлюру арестовали за его экстремистские взгляды, но украинские большевики усердно вели свою тайную пропаганду в огромном масштабе. В результате в Киеве то и дело возникали беспорядки. Скоропадский не смог удержать ситуацию под контролем. Каждый день мы узнавали об убийствах, взрывах бомб и поджогах. Гигантский пожар на складах динамита почти стер Киев с лица земли.

Этот последний инцидент заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробно. Я уже упоминала, что была занята тем, что оказывала помощь беженцам, которые толпами прибывали из России в состоянии ужасной нищеты. Все благотворительные учреждения, бывшие под опекой императрицы Марии Федоровны, уже не имели средств. Сотни вдов и сирот выбрасывались на улицу. Просьбы о помощи приходили со всех сторон, и мы пытались сделать все, что могли, чтобы ответить на них. Но наши усилия были как капля в море. Я отвечала за эту помощь, и у меня в городе продолжала работать канцелярия – где, к слову, я получала много прошений, все еще адресованных на имя вдовствующей императрицы, от людей, не ведающих истинного положения дел.

На утро дня взрыва я шла в свою канцелярию вместе с вдовой полковника, которая жила со мной и чьего мужа крымские большевики бросили в топку эсминца, оставив ее с маленькой дочерью совершенно без средств к существованию. Мы встретили барона Штольценберга и поговорили с ним об ожидаемом через несколько часов отъезде его в Германию. В течение четверти часа нашей беседы его, однако, осколком стекла ранило в глаз, и он чуть не потерял зрение. Так что он смог уехать лишь через месяц. Должна добавить, что мы часто навещали нашего друга в госпитале.

И вот когда мы вошли в канцелярию, секретарь, полковник Фуллон, обратил мое внимание на гигантское пламя, которое очень хорошо было видно из окна. «Не могли бы вы подойти к этому окну, княгиня? – произнес он. – Отсюда виден огромный пожар». Я только успела ответить: «Да, иду». И тут раздался ужасный взрыв.

Высоко над домами поднялось яркое зарево, которое то тут, то там было затянуто густыми облаками дыма. Город трянуло, и отовсюду донесся звон разбитых стекол. Все бросились вниз по лестнице, которая ходила ходуном, и едва мы успели добраться до ее низу, как она рухнула позади нас. Мы стояли, сбившись в кучу, а на нас дождем падали всевозможные предметы, земля тряслась, и стоял ужасный грохот. Взрывы становились все более мощными, и люди бросились на середину улицы. На тротуаре было небезопасно оставаться, потому что отовсюду падали вывески, лампы и оконные рамы. В любое другое время некоторые сцены выглядели бы комично. Один мужчина бежал по улице, одетый только в купальный халат, а другие были вообще почти без одежды. Кто-то подбежал ко мне и сообщил, что дом, в котором мы жили, рухнул.

В то время моя дочь была в школе, куда ходила, чтобы сдать экзамен. Так как я не могла добраться до нее, мы решили пойти в австрийский военный штаб, откуда я надеялась позвонить ей по телефону. Однако с коммутатора не было никакого ответа, и поэтому мы решили, что и он разрушен.

Все еще продолжались взрывы ужасной силы, но наконец они стали ослабевать, и я на машине поехала домой.

Некоторые улицы были практически уничтожены за это короткое время. Мой муж очень беспокоился и за меня, и за наш дом, как выяснилось, не слишком надежный, весь дрожащий от толчков. Но оказалось, что сообщение о его разрушении было ложным. Наша квартира находилась на первом этаже, и многие люди с верхних этажей, некоторые совершенно нам незнакомые, спустились к нам в поисках безопасности.

Немцы действовали энергично и спасли от взрывов другие склады, большинство из которых содержало взрывчатку. Если бы взорвались и они, Киев был бы полностью уничтожен. А так оказался целиком разрушенным один район, где долгое время дымились руины домов. Очень многие люди остались бездомными.

Мой муж через Одессу выехал в Ялту, чтобы заняться лечением своей раны, которая никак не заживала и причиняла ему огромные страдания. С собой он взял нашу дочь и мисс Вайз, оставив их в Одессе у моей племянницы, госпожи Игнатьевой. Моей бедной девочке было суждено пройти через еще один взрыв, организованный большевиками в Одессе, но, к счастью, она осталась целой и невредимой. Муж хотел заняться бизнесом в Крыму – фактически создать компанию с ограниченной ответственностью для управления имением в Полтавской губернии и построить там сахарные заводы. Так он надеялся

спасти хоть какую-то часть нашего состояния. Он собирался задержаться там надолго, чтобы поставить это дело на прочные рельсы в том, что касается финансирования, а потом вернуться и забрать нас в Швейцарию.

И пока я дожидалась его в Киеве, до меня дошла ужаснейшая весть о смерти обожаемого императора и его семьи, зверски убитых в Екатеринбурге. Когда одна моя подруга пришла ко мне с этой вестью, я не могла этому поверить. Она рассказала, что митрополит Антоний получил телеграмму от патриарха Московского, в которой содержалась эта жуткая информация и где говорилось, что завтра будет проведена заупокойная месса. Никаких подробностей не сообщалось, но говорилось, что погибла вся семья.

На следующее утро отслужили заупокойную мессу – против желания украинцев, так что для избежания беспорядков пришлось разместить возле церкви германские войска. Гетман Скоропадский, бывший генерал-адъютант при императоре, на литургии не присутствовал. И это обстоятельство всех шокировало. Похоже, оно отражало намерение четко обозначить разрыв между Украиной и Россией и обозначить это особо возмутительным способом.

Я была совершенно подавлена этой новостью, вселившей в меня величайшую за все время печаль, какую только мне довелось пережить. Это означало, что жизнь в России для нас закончилась. Этому было невозможно поверить, и я не могла думать об императоре как об умершем человеке.

Вскоре последовали противоречивые сообщения, но за ними – другие, противоречившие предыдущим. Даже потом, находясь в Крыму, муж телеграфировал мне, что император жив. Но – увы! Истиной было то, что дошло до нас первым. Император, императрица, их маленький сын и четыре прекрасные дочери – все были варварски убиты 16 июля 1918 года с возмутительной жестокостью. После многих недель заточения в тесной комнате, где их подвергали нечеловеческому обращению и непрекращающимся оскорблениям со стороны озверевших солдат, их отвели в подвал и беспощадно расстреляли одного за другим. Император умер с наследником на руках. Потом эти святые тела были сожжены так, что не осталось никаких следов. Преступников, виновных в этом ужасном злодеянии, мы оставим на волю правосудия Божьего.

Несколько месяцев спустя, когда адмирал Колчак со своей армией вошел в Сибирь, он провел расследование обстоятельств гибели императорской семьи, но ничего нового не было получено. Я сама видела фотографию залитой кровью комнаты и отверстия

в стенах, оставшиеся от пуль подлых убийц.

Не могу писать об этой трагедии без глубокого волнения – она навсегда осталась в моей жизни. Все мы должны отдать должное благородным мужчинам и женщинам, которые оставались на своих постах до конца, последовав за императором в изгнание и на смерть, – воистину к ним относятся слова Христа: «Нет человека, любящего больше, чем этот». Да будем достойны мы, избежавшие их участи, воссоединиться с ними всеми на Небесах!

Убийство императорской семьи наверняка стало самым потрясающим преступлением во всех анналах истории.

Память о нашем первом большом взрыве все еще была свежа, когда однажды мы вновь услышали жуткий грохот. Оказалось, это взорвалась бомба, поразившая и фельдмаршала Эйнгорна, и его адъютанта.

Каждый день мы надеялись узнать о возвращении моего мужа из Крыма, но дела его затягивались, и, хотя мы уже были готовы к отъезду в Швейцарию, как он нас просил, все еще не было никаких признаков его возвращения. Дочь моя все еще находилась в Одессе с моей племянницей, и я страшно волновалась. Меня переполняли мрачные предчувствия, которые – увы! – слишком скоро стали реальностью.

Ужасно думать, что можно оказаться без дома, в постоянной тревоге и незнании, как долго будут продолжаться скитания. Мой дом был полон беженцев, прибывших из разных мест и имевших разное социальное положение. У нас остановилась моя бывшая золовка, княгиня Оболенская-Юрьевская (дочь царя Александра II от морганатического брака), вместе со своим вторым мужем, князем Оболенским. Она приехала из Москвы, где жила под вымышленным именем у своих друзей.

Муж ее бежал из Крыма по приходе туда первых большевиков, еще до германской оккупации, поскольку принимал участие в обороне Ялты. Ему пришлось скрываться в горах, а жена его вынуждена была терпеть на своей вилле частые обыски, проводившиеся с целью выявления следов его пребывания. Наконец, она была вынуждена покинуть дом, но найти другой было очень трудно, так как все боялись принять ее из-за близости к императорской семье, а большевики относились к ней с подозрением. В одежде сестры милосердия она доехала до Москвы и там встретилась с мужем, а по пути ехала рядом с матросом, который обыскивал ее дом в Ялте, и все боялась, что он ее узнает. Она много рассказала мне о событиях в Ялте.

Тетю моего мужа, супругу князя Ивана Барятинского, посадили в тюрьму, и были опасения, что ее расстреляли. С его

кузиной, графинею Толстой, однако, произошел замечательный случай. Большевики украли у нее алмазы и спрятали их. Но вору ушли без своей добычи! Она впоследствии обнаружила их в печи, куда их схоронили и забыли.

В моем доме жила и великая княгиня Мария Павловна, ранее принцесса Шведская. Она была очаровательнейшей особой. Была замужем за князем Путятиным, офицером в полку моего мужа. Вместе с ней спаслись отец и брат ее мужа. Бедная великая княгиня очень тревожилась за своего любимого отца, великого князя Павла Александровича^[24]. Его арестовали, но из-за плохого здоровья поместили в большевистский госпиталь. А также она очень переживала за своего брата, великого князя Дмитрия Павловича, который все еще находился в Персии по приказу императора. Сейчас он служил в английской армии, и о нем давно ничего не было известно.

Всех нас бесконечно волновало, какое же будущее нам уготовано и, особенно, останутся ли немцы на Украине. Мы прекрасно понимали, что, как только они уйдут, вновь начнется большевистский террор – с сопутствующими убийствами и грабежами. Еще свежи были в памяти происшедшие события и то, как много жизней было унесено... А сколько прекрасных дворцов оставлено в руинах, сколько цветущих имений стерто с лица земли!

Первым выпало пострадать поместью в Белой Церкви в районе Киева, принадлежавшему очаровательной старой даме графине Браницкой, с которой, как я уже рассказывала, мы провели много счастливых дней в ее чудесном доме. (Потом я видела фотографию этого замка – он был полностью уничтожен пожаром.) Графиня с дочерью, княгиней Бишет Радзивилл, была вынуждена спастись бегством, оставив грабителям почти все свои ценности. Некоторые сочувствующие люди прятали их несколько дней, пока две женщины не смогли уйти. В конце концов, после великих переживаний и опасностей, они добрались до Киева, где стали жить в маленьком городском домике графини.

Милая старая дама очень болела после перенесенных лишений, через которые она прошла. Стали готовить ее поездку с дочерью через Австрию и Швейцарию в Париж, где у нее также был дом. Но, к несчастью, уже было поздно – она умерла до отъезда. Бедная княгиня Бишет была охвачена горем, мы также погрузились в печаль оттого, что ушла из жизни одна из лучших и самых очаровательных личностей в Европе.

Наконец-то дочь моя была со мной! Пришлось отправить множество телеграмм в Одессу, чтобы она не дожидалась отца,

который заедет за ней, поскольку он был чересчур оптимистичен и был настроен еще остаться со своей матерью в Крыму, думая, что нет причин для беспокойства. Я, однако, думала иначе, и одной из моих величайших ошибок было то, что я слушалась советов моего мужа и не делала никаких шагов для спасения хотя бы части нашей собственности и денег. Дочь с трудом добралась до Киева – железнодорожное сообщение было сильно расстроено немцами и австрийцами, торопившимися убраться домой после общего фиаско, которое потерпели их военные планы.

В Киеве наши предчувствия реализовались даже быстрее, чем мы ожидали. Украинские экстремисты заставили гетмана Скоропадского отпустить на свободу Петлюру, пообещавшего не предпринимать враждебных действий. Но тот тут же стал собирать войско для штурма города. Помню, как однажды в мою комнату вошел принц Фюрстенберг и сказал, что Петлюра замышляет зло, но он сам не верит, что это произойдет, потому что германцы и австрийцы скоро поставят его на место. Конечно, это было неверно, ведь в самой Германии уже произошла революция, кайзер отрекся от престола, и главной заботой немцев стало как можно скорее вернуться к своим семьям в фатерланд.

Дальнейшие события вынудили Скоропадского стать активным сторонником союзников, и, к нашему величайшему удовлетворению, вновь можно было увидеть на улицах русские мундиры, а в городе обосновался представитель Деникина. Но украинские националисты под руководством Петлюры быстро набирали силу, и в Киеве шла оживленная вербовка в войска для борьбы с ними. Силы обороны возглавил знаменитый генерал, граф Келлер, смелый и верный воин; все порядочные русские спешили встать под его знамена. Однако, к сожалению, эти формирования были малочисленны и плохо вооружены. Кроме того, у генерала Келлера возникли проблемы с гетманом, и в результате войсками стал командовать князь Долгорукий. До штаба князя через французского консула, некоего г-на Е., дошла весть, будто бы с юга приближаются французы с намерением освободить город, а поэтому необходимо продержаться. Но французы так и не появились, поскольку это было собственное и неофициальное предположение г-на Е., немцы не предпринимали никаких шагов против Петлюры, так что ситуация оставалась очень сложной.

В конце концов в город после ожесточенных боев вошел Петлюра, объединивший силы с войсками гетмана, которые уже запятнали себя большевизмом и бросили своего командира. Снова началась стрельба на улицах. Немцы оставались нейтральными и только обещали поддерживать порядок и

препятствовать грабёжам. Было арестовано много русских офицеров, а представителю Деникина пришлось спешно уехать на юг.

Как раз перед подходом Петлюры к Киеву мой племянник, находившийся в рядах защитников, был вынужден бежать в Крым и там встретился с моим мужем. По дороге ему приходилось дважды прятаться под поездом, потому что, когда украинцы обыскивали на станциях вагоны, в нем можно было легко узнать офицера, к тому же при нем были компрометирующие документы.

Русских офицеров, воевавших против Петлюры, заперли в музейных зданиях. Всех министров и сторонников Скоропадского посадили в тюрьму или держали под арестом в маленькой гостинице из-за отсутствия других помещений. Среди них были мой племянник, граф Гендриков, и князь Оболенский, наш друг по Туркестану. Они более месяца находились под стражей, не зная, чего ожидать. Вступление Петлюры в город было, однако, столь стремительным, что многие офицеры все еще сражались за городом, не зная о его приходе.

Следующие эпизоды помогут понять, какой сумбур творился в то время. Один из русских офицеров, полковник Бروفельд, посетивший меня днем, сказал мне, что торопится добраться до фронта. «Какого фронта? – спросила я. – Фронта уже не существует. Не показывайтесь, иначе вас арестуют». И тогда он сказал, что поедет домой, но я посоветовала ему оставаться на месте. К счастью для него, он последовал моему совету, потому что в его собственном доме был произведен обыск – его уже искали.

К этому времени с юга надвигались большевики. Генерал граф Келлер был вместе со своим адъютантом, полковником Пантелеевым, арестован и заключен в Михайловский монастырь. Схватившие его люди пытались лишить его золотой сабли (награды за героизм) и его эполет, но ему удалось их сохранить. Его могли бы спасти немцы, но он, будучи великим патриотом, отказался от их помощи. Я ходила его навестить и передать кое-какую еду и хорошо помню сцену в монастыре, где украинцы держали лошадей даже во внутреннем дворе. Генералу не пришлось долго ждать решения своей участи. Его ночью вместе с адъютантом отвели на площадь возле монастыря и там зверски расстреляли. Так погиб настоящий герой и рыцарь, верный своей клятве. На следующее утро, когда мы с дочерью проходили по этой площади, она заметила лужи крови на снегу. Это были следы убийства генерала Келлера.

В один из дней я узнала, что меня собираются арестовать в качестве заложницы за моего мужа, ведь он – землевладелец. И

тогда я решила бежать вместе с дочерью. Я также пообещала взять с собой свою племянницу, няню моей дочери мисс Вайз, мою гувернантку-француженку мадемуазель Пуйоль и мою чехословацкую служанку Барбару. Я пошла в германское консульство за паспортами для поездки в Швейцарию через Берлин. Это было трудной задачей, если помнить, что мы были «злейшими врагами», но в конце концов, переделав мисс Вайз в фрейлейн Марию Вайсс, а мадемуазель Пуйоль – в швейцарку, а также выдав Барбару за австрийку, мы добились своего. Нам также поставили печать германского солдатского комитета, которая в дальнейшем оказалась очень полезной, поскольку эти комитеты с легкой руки большевиков вскоре быстро появились во всей немецкой армии.

Большевики приближались, и некоторые части петлюровских войск перешли на их сторону. Почти все поезда останавливались, а вокзалы и вагоны подвергались грабежу бандами разбойников. Киев был практически отрезан от остального мира. Петлюра повсюду разыскивал Скоропадского, и тому пришлось бежать в Германию, переодевшись в раненого – целиком забинтованного немецкого солдата. Если б его поймали, его ждала бы ужасная смерть.

Вновь Киев заполонила полупьяная толпа, повсюду творящая хаос.

Для того чтобы получить разрешение уехать из Киева, мы должны были обратиться к украинскому чиновнику. Несколько дней мы часами безрезультатно стояли в очереди перед его дверями. Но наконец, мы сумели прорваться к нему. Увидев мое имя, чиновник, похоже, пришел в смятение и, закрыв дверь, произнес: «Княгиня, для вас все будет сделано!» Мне вручили паспорт старой формы, но в него было вписано мое имя без указания титула.

Потом он добавил: «Однажды ваш муж спас мне жизнь. Я оказался в беде, когда был капитаном артиллерии и ударил своего полковника. Меня осудили на казнь или, по крайней мере, к пожизненному заключению, поскольку была война. Как вы помните, мой брат приносил мое прошение на имя императора в вашу палату в госпитале, попросив вас переслать это князю. Ваш муж передал письмо его величеству, который со своей обычной безграничной добротой изменил приговор на понижение в чине, а позднее разрешил мне сражаться за мою страну рядовым солдатом в знак доказательства моей преданности императору. Я вновь получил звание капитана и был награжден Георгиевским крестом за исключительное мужество. Но настали плохие времена, и я вам советую немедленно уехать из Киева, хотя

путешествие будет опасным, потому что притесняют и грабят даже немцев в поездах, возвращающихся на родину. А убийства стали обычной вещью».

Наконец, настал день нашего отъезда – 27 декабря 1918 года. Мои дочь и племянница вообще не хотели уезжать из России, думая, что скоро город возьмут французские войска, и мне пришлось буквально заставлять их уезжать. Дочь возражала: «Я не верю, что придут большевики, и я не хочу уезжать в Германию от дома и друзей, оставлять своего отца в Крыму!» К ним присоединилась мисс Вайз. «Когда-нибудь вы будете благодарить меня за то, что я вас увезла!» – ответила я на это. Сердце мое разрывалось на части, но я считала своим долгом не допустить, чтобы они подвергались здесь дальнейшему риску.

Чтобы продемонстрировать, насколько моя дочь была уверена, что скоро вернется, я могу упомянуть то, что она, имея несколько своих комнат (с мебелью и прочими принадлежавшими ей вещами), к сожалению, отказалась продать все это за значительную сумму. «Мы уезжаем всего на несколько недель», – заявила она. Поэтому все осталось и, конечно, было потеряно.

Принц Фюрстенберг, заменивший в австрийском посольстве графа Форгати, любезно одолжил свою машину, чтобы отвезти нас и багаж на вокзал. Но так как в поезде не было багажных вагонов, мы не смогли забрать с собой многое. Утром перед отъездом мы услышали, что банды украинских солдат грабят, стреляют и совершают акты насилия на каждом углу. По этой причине немецкий командир дал нам охрану из пяти солдат. Как ни странно, они защищали троих русских подданных, одну француженку, одну англичанку и одну чешку – а ведь все представляли противоборствующую сторону. Мы благополучно доехали до вокзала, который находился в неописуемо грязном состоянии, и с трудом отыскивали свой вагон. Потом мы обнаружили, что по дороге у нас украли два чемодана.

Моя служанка, приехавшая последней, привезла с собой остатки багажа. По дороге на вокзал кто-то бросил бомбу в музей, где находились русские офицеры, и эта бомба едва не попала в машину, в которой она ехала. Несколько украинских солдат остановили машину и обыскали мою служанку, но в конце концов она уехала и добралась до вокзала в самый последний момент. Мой багаж остался на перроне, так как не было времени перенести его в вагон. И конечно, потом мы его так и не нашли.

Мне было очень грустно покидать нашу любимую страну в таких обстоятельствах. У нас почти не было денег – только те, что я смогла прихватить с собой. Мы, однако, утешали себя мыслью, что скоро будут восстановлены закон и порядок и мы вновь

вернемся к себе домой. А пока я надеялась, что смогу добраться из Германии до Франции, где, быть может, мой муж присоединится к нам.

Первая ночь в поезде прошла без особых происшествий, но утром в нашем купе появилась банда украинцев и потребовала револьверы, которые носили с собой наши охранники. Те, соответственно, подчинились, но никого из нас не тронули.

В следующем вагоне, однако, была дама, путешествовавшая в одиночку. У нее, несмотря на ее мольбы оставить хоть что-то из вещей, отобрали все. Я подумала и сказала нашим германским стражникам, что они легко могли бы вмешаться и предотвратить это ограбление. Но мне ответили, что если бы грабителям оказали сопротивление, то находившиеся поблизости украинцы быстро бы пришли на помощь своим товарищам и все это обернулось бы против нас. «Если б мы обратили внимание на это происшествие, они бы наверняка арестовали вашу светлость», – сказали они, и я поняла, что они были правы.

Наконец, мы доехали до временной германской пограничной станции Голобы. Это было просто скопление хижин, спешно построенных для размещения войск. Платформы не существовало. Мы, стоя на льду, чуть не замерзли от холода, пока граф Зигфрид, начальник станции, любезно не пригласил нас пройти в офицерскую столовую, что мы с радостью и сделали. Мисс Вайз, которую я предупредила не говорить по-английски, забылась и обратилась к моей дочери: «Не стой на льду, девочка!» Граф Зигфрид тут же повторил мое предупреждение: «Ради бога, попросите свою английскую няню быть здесь поосторожнее! Война еще не закончена, а мы находимся посреди революции – здесь у солдат, как и в России, есть свои комитеты, и мне необходимо получить их разрешение до того, как я смогу разрешить вам проезд!»

При этом объявлении сердце мое ушло в пятки, но я вручила ему наши паспорта, как он и просил. Просмотрев их, он явно почувствовал облегчение. «О, с вами все в порядке! – сказал он. – На ваших паспортах стоит печать Германского солдатского комитета».

Той ночью поезд не отправился дальше, так что для нас были поставлены кровати в офицерской столовой, и *что* это была за ночь! Мое ложе состояло из пружинного матраса, уложенного меж стульев, на который командир любезно накинул свою меховую шубу. При каждом моем движении пружины начинали звенеть, как арфа, а некоторые из них выпирали из матраса, вовсе не содействуя доброму ночному отдыху. Для моей дочери ложе устроили на двух маленьких чемоданах, принадлежавших

солдатам из нашего эскорта. Племяннице достался стол, кто-то спал на стульях, а иные – прямо на полу. Ночью к нам пытались вломиться какие-то пьяные солдаты, но дверь была крепкой, и они так и не смогли проникнуть. Иногда доносился шум отрывочной стрельбы – это украинские солдаты пытались ограбить возвращающихся немцев.

Наутро мы попытались уехать, но солдаты не дали нам разрешения на отъезд, потому что приберегали эти поезда для самих себя. Наконец, тем не менее, необходимое разрешение было получено, и нам отвели маленькое купе, рассчитанное на шесть человек. Нас набралось одиннадцать, да и багаж находился здесь же. В окнах не было стекол, и в купе стоял ужасный холод.

Нам предстояло сделать одну пересадку в Брест-Литовске, где мы увидели немецкого генерала Гофмана, заключившего этот ужасный договор с большевиками. Возможно, просто по совпадению, но в этом же месте три года назад император поздравил моего мужа с проявленным мужеством и произвел его в генералы своей свиты. Какие страшные перемены и какие печальные воспоминания!

Здесь мы купили немецкую газету и узнали, что в Берлине идут бои и что там тоже произошла революция. На улицах продолжалась стрельба, а спартаковцы (немецкие большевики) были хорошо вооружены, и с ними было трудно справиться. Походило на то, что мы попали из огня да в полымя.

Глава 17

Берлин. – Здесь тоже революция. – Отъезд в Лондон

Наконец, мы приехали в Берлин. Пока мы добирались до отеля «Континенталь», где уже останавливались до войны, отметили, что вокруг все спокойно. Правда, в ресторане мы нашли только черный хлеб – и не так уж его много, – никакого масла, сахара и чая, мясо вообще отсутствовало. Ситуация очень отличалась от того, по крайней мере в отношении продуктов, что имело место в России.

Два дня спустя, желая разузнать, как доехать до Франции, я отправилась к зданию посольства Франции, где жил генерал Дюпон, глава французской военной миссии. Меня принял адъютант генерала, капитан Башелар, очень приятный человек, который сообщил, что добраться до Франции все еще трудно. Потом я увидела и самого генерала, который в ходе беседы рассказал мне историю, как во время первого визита царя в Париж, когда тот возвращался домой через всю страну, власти одного небольшого городка загорелись желанием устроить его величеству овацию. Была поздняя ночь, и царь спал. Полковник Дюпон (такое у него тогда было звание) убедил муниципальные власти отказаться от этого плана из сочувствия к уставшему монарху.

Генерал спросил меня, имею ли я какое-нибудь отношение к князю Анатолию Барятинскому, который тогда был адъютантом при царе. Я ответила, что я – его жена, а мой муж как-то говорил мне о доброте полковника Дюпона и том ночном случае.

Во французское посольство я ходила вместе с одним русским профессором – тоже беженцем из Киева и тоже желавшим уехать во Францию. Как только мы покинули посольство, со всех сторон началась стрельба, продолжавшаяся около двух часов, во время которой мы вынуждены были прятаться в каком-то магазине. Оттуда я позвонила дочери, успокоив ее, что мы в безопасности, поскольку, заслышав стрельбу, она, естественно, стала волноваться за нас. Все старались покинуть улицу, и на это была веская причина. Я видела убитых и раненых. Вокзал Фридрихштрассе напротив нашего отеля был захвачен спартаковцами и удерживался ими, поскольку там также располагались редакции некоторых крупных газет. Все это очень напомнило мне происходившее в Киеве, и действительно

казалось, что мы никогда не сбежим от беспорядков.

Во время перестрелки на улицах, посреди всего этого грохота и неразберихи я вдруг услышала, как меня кто-то окликнул: «Княгиня! Княгиня!» Я обернулась и увидела четырех офицеров из своего госпиталя в Киеве, которые позже были среди пленных в музее, но сбежали и вот очутились в Берлине. Мы были вне себя от радости. Но немецкие полицейские вдруг заставили нас уйти с этого места, сообщив, что в Берлине много русских большевиков и нам лучше не говорить по-русски, потому что у них уже и так достаточно проблем.

Солдаты под командованием какого-то офицера охраняли наш отель. Он очень удивился, увидев меня здесь в такое тревожное время, и хотя я не могла припомнить где, но мне казалось, что я его где-то видела. Когда я проходила мимо, он произнес: «Добрый вечер, ваша светлость!» Стараясь выяснить его имя, я спросила об этом у одного из солдат. «Я не знаю, как его зовут, ваша светлость, – ответил он, – но он не умеет ни читать, ни писать». Что за странный офицер, подумала я. Следующим вечером ко мне зашли два русских офицера-беженца. Вдруг вошел бледный и взволнованный хозяин гостиницы и произнес: «Немецкий офицер на дежурстве хочет поговорить с капитаном Адлербергом», и, к моему огромному удивлению, этого капитана попросили следовать за ним. «Но почему? – спросил он. – Ведь я ничего не сделал. Что ему от меня надо?» После долгих препирательств вызов был отменен, а капитану Адлербергу было позволено остаться.

На другую ночь снова разгорелась ожесточенная перестрелка у вокзала напротив нашего отеля, и хозяин объявил нам, что не может гарантировать нашу безопасность. О сне не могло быть и речи, особенно на фасадной стороне здания, где располагалась моя спальня. Поэтому я пользовалась номером, отведенным моей служанке в задней части гостиницы. Примерно в три часа ночи я услышала, как кто-то весьма громко зовет меня по имени, и, слегка приоткрыв дверь, увидела дежурного офицера, который бежал по лестничной площадке к моей гостиной. И, войдя, он тут же убежал.

Потом я вновь его увидела, на этот раз во главе отряда из десяти – двенадцати солдат, окруживших капитана Липпе, племянника очень богатого русского землевладельца. У этого человека были обширные имения в Крыму, в одном из которых он устроил зоосад. Главным источником его доходов, однако, было разведение овец, которых у него было огромное количество. Говорили, что сам он не имел представления, сколько их было, но охраняли их десять тысяч собак. Ему удалось увезти с собой

значительную сумму денег, но по натуре он был страшно скупым и ни разу не помог ни одному русскому, хотя огромное их множество нуждалось в помощи. Окружившие племянника солдаты отобрали у него 8000 марок, а потом арестовали и его, и его секретаря и увели их куда-то.

Весь день прошел без новостей, хотя и военное министерство, и министерство иностранных дел были извещены об исчезновении эмигрантов. Поздно ночью они вернулись крайне усталые и потрясенные. Их отвезли в какое-то незнакомое место, где обращались с ними с исключительной жестокостью и угрожали, что их расстреляют спартаковцы. Потом дежуривший по отелю офицер исчез. Были посланы поисковые группы, и в конечном итоге секретарь и племянник были найдены.

Та же самая группа обнаружила дежурного офицера, то есть того, которого я почти узнала, и его арестовали в отеле «Кайзерхоф». Эта гостиница усиленно охранялась и была по-настоящему укреплена – были установлены большие орудия, пулеметы и проволочные заграждения, – потому что там работал Кабинет министров. Конечно, для офицера его ранга не составляло большого труда проникнуть в отель, там он почувствовал себя в безопасности. И сейчас я припомнила, где его видела, – это был латышский солдат, который приходил к нам на квартиру в Киеве вместе с большевиками и который разрешил моему мужу оставить себе свою золотую саблю. Теперь его заперли в подвале отеля «Кайзерхоф», но ему удалось бежать, переодевшись в пальто и надев на себя цилиндр премьер-министра Эберта.

После этого инцидента мы не пожелали более оставаться в этой гостинице и поэтому переехали в отель «Эспланада», надеясь позднее отыскать себе квартиру.

Берлин был в состоянии ужасного хаоса, и никто не знал, чем закончится революция, которая во многих отношениях так походила на нашу, – уничтожение всего и создание ничего, кроме страданий. Те же солдатские советы, та же травля офицеров, на которых только что смотрели с почтением и которым безоговорочно и охотно подчинялись. Опаснее всего было появляться на улице. Винтовочная перестрелка не прекращалась, как и пулеметная стрельба, и, пока мы не переехали в другой отель «Эспланада», наши окна в прежнем постоянно были открыты огню.

В Берлине относились к нам самым дружелюбным образом и делали все, чтобы нам помочь. В это время британскую военную миссию возглавлял генерал Нил Малькольм. Он и его штаб были к нам очень добры. Среди них был капитан Брин, снабжавший нас

знаменитыми английскими продуктовыми посылками. Мы также общались с капитаном Элиотом Варбуртоном и лейтенантом графом Энтони де Салисом, очаровательными людьми, относившимися к нам и ко всем русским беженцам как к родным. В то время британская военная миссия работала в контакте с российским Красным Крестом с целью оказания помощи военнопленным и другим лицам.

Капитана Брина сменил капитан Чарли. Он был очень строг, и поначалу мы считали, что чересчур. Но мы не знали его, потому что на деле он оказался очень добросердечным человеком, и мы получали от него продовольствие, пока снабжение в Берлине не наладилось. Перед ним тоже стояла трудная задача. «Почему, княгиня, – спрашивал он меня, – я должен давать эту посылку вам, когда мне не хватает их, чтобы снабдить моих соотечественников?» Тем не менее он нам помогал.

Приятными людьми были и полковник и мадам Тилвелл из английской миссии. В Англии мы встретились добрыми друзьями и возобновили дружеские отношения ко взаимной великой радости.

Обстановка в Берлине постепенно становилась спокойнее, и город начал походить на самого себя. И тут вдруг случились убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта – самых опасных лидеров «Спартакса», которые работали в тесном контакте с русскими большевиками. Либкнехта арестовали, когда он скрывался под вымышленным именем в доме своего друга, и убили при хорошо известных обстоятельствах – он был застрелен при попытке бегства, когда его везли в тюрьму.

Розу Люксембург после ареста доставили в здание, где располагался штаб конной гвардии. Находящиеся там офицеры очень жестоко обращались с ней – фактически ее почти убили, а потом сунули в такси и увезли. С тех пор ее не видели. Предполагалось, что ее бросили в реку, поскольку оттуда день-два спустя выловили тело, принадлежавшее, как говорили, ей. Никто не мог опознать труп. Однако спартаковцы похоронили его с огромными почестями, так же как и тело Либкнехта. Власти были не в состоянии помешать этой демонстрации экстремистов.

Ожидалось, что произойдут волнения, а поэтому на всех главных улицах были установлены орудия, особенно там, где жили министры и высокопоставленные чиновники. Чтобы выйти на улицу, требовалось разрешение. Сегодня Берлин был совсем как русские города: тот же самый беспорядок, та же запущенность, то же отсутствие дисциплины среди солдат, которые продавали на улицах все подряд.

Я посетила оперу, но почувствовала омерзение от того, что

увидела, – грубые, плохо одетые солдаты, расположившиеся в самых лучших ложах, а некоторые из них позволили себе устроиться даже в императорской ложе, где всего лишь несколько лет назад я видела кайзера и императорскую семью с их окружением в ослепительных мундирах.

Общественная жизнь, однако, не замерла. Богатые люди устраивали вечера для своих друзей, много танцевали, все рестораны были полны, и царило странное веселье, как будто Германия совершенно не ведала о своем поражении. Фрау фон Фридландер-Фаулд (ее дочь перед войной вышла замуж за англичанина, Джона Фримен-Митфорда, с которым она вскоре развелась и в прошлом году вышла замуж за знаменитого министра Кульмана, заключившего договор с большевиками) на широкую ногу гуляла в своем изумительном доме на Паризерплац Кульман после подписания договора отправил в Москву своего дипломатического представителя, графа Мирбаха, где того убили.

Перед нашим приездом в Берлин большевики заняли российское посольство, что было для нас, русских, большим оскорблением. Не так давно в тех же самых комнатах останавливался наш император, приезжавший на свадьбу дочери кайзера. Теперь вместо российского императорского штандарта над зданием развевался красный флаг. Говорили, что там все запущено и загажено. Во дворе этого комплекса зданий находилась русская церковь, которую вознамерились было переделать в картинную галерею. К счастью, после гибели Мирбаха большевистское влияние пошло на убыль, и это последнее поругание так и не случилось. В период нашего пребывания посольство было закрыто, и единственное русское, что там оставалось, – та самая церковь. Тогда это служило утешением, но, к сожалению, теперь ее уже нет.

В то время, казалось, дела у Деникина пошли хорошо, и нам советовали не уезжать из Берлина, поскольку появилась надежда вскоре вернуться в Россию. Также к походу на Петроград готовился генерал Юденич, а адмирал Колчак успешно шел по Сибири, так что мы были полны ожиданий. Вновь появились в обращении русские деньги.

Между тем я ничего не знала о своем муже и своей свекрови. Я писала письма и пыталась связаться с ними всеми возможными способами, но от них не было никакого ответа. Моя тревога стала расти, ведь я надеялась, что он мог воссоединиться с нами еще раньше.

Но вдруг пришла печальная весть, что генерал Деникин разбит и большевики вновь стали хозяевами положения на юге

России. Я была уверена, что вернутся старые ужасы, и, хорошо зная ситуацию, находилась в жуткой тревоге. Я посетила английскую миссию в попытке узнать что-либо про Крым, где было так много людей, за которых болела моя душа.

Во всех газетах сообщалось, что большевики вторглись в Крым и что там, как и ожидалось, по отношению ко всем, кто не смог бежать из Южной России, совершаются жуткие зверства. Мы были в ужасной тревоге, не зная, что случилось с императрицей Марией Федоровной и остальными членами императорской семьи, не имея никаких сведений, схватили ли моего мужа и его родственников или нет. Ни одна из союзнических миссий не располагала информацией, потому что связь с Крымом была прервана.

Наконец, пришли добрые вести. За два дня до Пасхи 1919 года я была в церкви. Моя дочь, подошедшая несколько позже, с сияющим от радости лицом прошептала мне, что только что звонила герцогиня Мария-Антуанетта Мекленбургская и сказала, что ее величество вдовствующая императрица и все члены находившейся там императорской семьи были спасены британской эскадрой и покинули Крым. Императрица находилась на борту адмиральского флагмана, корабля ее величества «Marlborough», а среди других пассажиров были князь и княгиня Барятинские. Все они сейчас находятся на Мальте.

Мы обе просто обезумели от радости. Слава богу, после стольких жестокостей хоть это ужасное горе избегло нас! Лишь несколько недель назад во время страшной резни в Петрограде было убито еще несколько великих князей и среди них великий князь Николай Михайлович и его брат Георгий. Мы особенно оплакивали гибель последнего, прекраснейшего человека, которого мы так любили. Он был супругом княгини Марии Греческой, которая находилась в Англии с двумя дочерьми. Мы часто встречались с великим князем Георгием во время войны. Он обожал свою семью и постоянно говорил о ней. Было приятно наблюдать, как его лицо освещалось внутренним светом, когда он получал письма от них. Он мог бы избежать этой участи, но не оставил своего брата и родственников в опасности и погиб вместе с ними.

В Петрограде оставались также великий князь Павел, самый младший брат императора Александра III, который был тяжело болен и едва мог двигаться, и великий князь Дмитрий Константинович, брат королевы Ольги Греческой.

Говорили, что великий князь Николай Михайлович был в таком плохом состоянии здоровья, что его чуть ли не несли к месту расстрела.

Этих мучеников – великих князей расстреляли во дворе Петропавловской крепости, недалеко от собора, где в императорском склепе были похоронены тела всех царей и членов их семей. Но великим князьям был уготован заурядный ров, который был выкопан перед их глазами до того, как их расстреляли.

Большое облегчение приносила мысль, что оставшиеся в Крыму были избавлены от подобных ужасов. Несколько дней спустя я прочла в газетах, что вдовствующая императрица Мария Федоровна находится в Англии, в «Мальборо-Хаус». Я написала письмо, которое генерал Малькольм пообещал отправить в Англию с курьером князю Долгорукому, который был придан персоне ее величества. В нем я расспрашивала ее о местонахождении моего мужа. Некоторое время спустя я узнала от князя Долгорукого, что мой муж, свекровь и золовка, ее муж и дети все еще находятся на Мальте, в Шлиеме, в лагере для русских беженцев.

Мы очень переживали за свое собственное будущее, потому что у нас не было денег. Фактически оставалось всего лишь на несколько недель существования. Никогда не забуду доброту барона Врангеля, председателя российского Красного Креста в Берлине, который из всех сил старался нам помочь.

Трагические новости обрушивались на нас одна за другой – поражение армии адмирала Колчака, его пленение и героическая смерть. В то короткое время, пока он был в Сибири, адмиралу удалось провести расследование обстоятельств, связанных с гибелью императора и всей императорской семьи. Но он умер слишком скоро, чтобы узнать больше, чем простые наброски самой жуткой из всех вообразимых трагедий. И в самом деле, сегодня мы знаем немногим больше, чем тогда.

Благодаря усилиям адмирала Колчака стало возможно отыскать изуродованные тела замученных великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры императрицы Александры Федоровны), которая жила и умерла как истинная святая, Сергея Михайловича, трех сыновей великого князя Константина, князя Палея, сына от морганатического брака великого князя Павла. Невозможно забыть, как всех их столкнули в горную шахту... Потом в шахту бросили бомбу, чтобы завалить ее и уничтожить все останки. Но бедные мученики жили еще несколько дней, и из шахты доносились их стоны.^[25]

Присутствовавший при этой сцене по долгу службы солдат был так ошеломлен, что сошел с ума и дезертировал. Пробродив несколько дней по лесам, он вернулся к своей жене и все ей рассказал. Она открыла истину, когда ее посетил

уполномоченный Колчака. Таким образом, тела были найдены и отправлены в Китай. Тело великой княгини Елизаветы было отправлено в Иерусалим и там похоронено, поскольку люди помнили, что она с особым уважением относилась к этому месту. На похоронах присутствовала ее сестра, княгиня Виктория (ныне вдова маркиза Милфорда Хейвена). Утверждали, что тело осталось таким же, каким было и при жизни, а выражение лица – будто великая княгиня спит.

В Берлине продолжались беспорядки, вызываемые забастовками рабочих. Мы уже жили в многоквартирном доме и хорошо ощущали все происходящее. Неделями не было света и газа, и наши комнаты, как и улицы снаружи, были погружены во тьму. Пешком добираться было невозможно, а немногие водители такси запрашивали гигантские суммы. Берлин велик, а мы жили на большом удалении от центра, и единственным ресурсом для нас стали особые телеги со скамейками, приводимые в движение лошадьми. Таким образом мы передвигались по улицам.

Вскоре пришла ободряющая новость о наступлении генерала Юденича. Во главе своих войск он дошел до пригородов Петрограда, и в то время я думала, что наша столица будет спасена, а вместе с ней и мы, потому что, если будет взята столица, на страну это произведет огромное впечатление. Но – увы! От наших надежд не осталось камня на камне. Поход провалился с большими потерями, и Белая армия была обращена в бегство перед лицом во много раз численно превосходящего противника.

Несчастные офицеры добрались до Берлина, чтобы вступить в армию генерала Врангеля, который сейчас контролировал Крымский полуостров. Эти офицеры ежедневно заходили ко мне; некоторые из них бывали в моем госпитале. Как-то пришли двое из них, которые жили на вокзале, и признались, что им некуда идти и нечего есть, а хуже того – нечем умываться, так как у них не было мыла. Как приятно было видеть их радость при виде горячей пищи и разрешения использовать заднюю комнату нашей квартиры. Один из них был, однако, так болен, что его пришлось отправить в госпиталь.

Еще раз должна упомянуть о величайшей доброте генерала Малькольма и его адъютанта, капитана Ворбартона, которые из всех сил старались помочь, найти одежду и пищу для этих несчастных страдальцев из армии Юденича.

Кстати, в некоторых германских газетах говорилось, что я формирую в Берлине армию для поддержания действий генерала Врангеля в Крыму. А согласно «Daily Herald», я снабжала офицеров и солдат сказочными суммами денег! Я попросила

нашего представителя выступить с опровержением, но никто не озаботился этим, и впоследствии абсурдные истории обо мне продолжали ходить в обществе, обогащаясь всякими небылицами.

Я была очень рада, когда узнала, что генерал Малькольм получил Красный крест 1-го класса, который ему прислали из Парижа, штаб-квартиры старого Красного Креста. Я сказала генералу, что раньше почетным президентом этого института была наша вдовствующая императрица, которую мы все еще считали таковой. Сейчас она жила в Копенгагене. Поэтому, получив от короля Георга разрешение носить этот крест, генерал Малькольм написал ее величеству письмо с благодарностью и устроил парад в ее честь. Он очень хотел, чтобы наш бывший посол (до войны) в Германии Свербеев тоже присутствовал на этом параде. Однако тот был так скромен, что не приехал. Это был приятный человек, которого я часто видела и считала настоящим другом, особенно в эти печальные и одинокие дни, которые мы с дочерью провели в Берлине.

По-прежнему не было никаких вестей от моего мужа, и я подумала было, что он вернулся в Крым. Моя свекровь вместе с замужней дочерью и семьей вернулись туда, на свою горе. Моему мужу повезло, что он не поехал с ними, а иначе разделил бы их трагическую участь.

В Берлине разразились новые беспорядки. Начался так называемый капповский путч, возглавляемый генералом Лютвицем, который предпринял попытку свергнуть новое правительство и добился успеха. Потом в течение нескольких дней военные имели перевес, и на улицах вспыхивали драки, звучали выстрелы, и можно было видеть много раненых. Несколько недель длилась всеобщая забастовка.

Я забыла упомянуть, что познакомилась с очень интересной личностью, герром Носке, который действительно спас столицу – практически и саму Германию – от спартаковцев. Он был обыкновенным работником физического труда, но, будучи очень популярным, сумел утвердиться во главе антиспартаковских сил. Он сформировал из последних полки и стал главнокомандующим войск в Берлине и военным министром. Говорили, что он ультрадемократ и враждебно относится ко всем аристократам.

Каково было наше удивление потом, когда однажды мы с дочерью встретили его в доме своих друзей, очень хорошо одетым, очень вежливым и были буквально очарованы, когда кто-то назвал его «превосходительство». Это был человек исключительного ума и огромного такта. Во время капповского путча его заподозрили в симпатиях к генералу Лютвицу, и ему пришлось подать в отставку.

Все эти недели обстановка в Берлине действовала на нервы, потому что крайние левые отказывались подчиняться властям, и на улицах происходили неприятные демонстрации. Мы часто слышали шум стрельбы. Однажды мы отправились навестить наших английских друзей. Когда настало время идти домой, выяснилось, что и таксисты забастовали, и нам пришлось проделать длинный путь пешком. С нами были два английских офицера Королевских военно-воздушных сил. На углу одной улицы мы заметили проезжавший мимо одноконный кеб. Обрадовавшись, мы окликнули его и уселись в коляску, но вокруг собралась толпа и заставила нас покинуть кеб, и его тут же перевернули. Мы продолжили свой путь домой пешком, и до нас постоянно доносились похожие на щелканье хлыста такие знакомые звуки винтовочных выстрелов. Но в конце концов мы добрались до дому целыми и невредимыми.

Нынешняя забастовка длилась дольше, чем все остальные. Было очень трудно – и, что еще хуже, очень дорого – покупать продовольствие. Нам не разрешали открыто покупать мясо или белый хлеб. Но все в конце концов кончается, и в Берлине, наконец воцарился порядок.

Примерно в это время произошел известный скандал, за которым последовал судебный процесс, связанный с рестораном «Adlon». Там имела место драка между несколькими гостями, и с двумя французскими офицерами, капитаном Ружевэном и лейтенантом Кляйном, очень плохо обошлись. Сообщалось, что сигнал к беспорядкам подал кузен кайзера, принц Иоахим Альбрехт. Его даже посадили в Моабитскую тюрьму и организовали судебное разбирательство. Но было доказано, что он не принимал активного участия в этом деле. В другой раз на входе в этот же самый ресторан поссорились генерал Гофман и какой-то французский офицер и стали осыпать друг друга дикими оскорблениями.

В Берлине с большим подозрением смотрели на тех, кто был связан с подданными союзнических держав, и особенно если это были русские. И все-таки многие молодые немцы, имевшие родственников в Англии, появлялись на улице и на публике в обществе членов Межсоюзной комиссии. Жизнь в Германии той эпохи была полна источников раздражения. Не было конца слухам и скандалам, а иной раз и неприличным политическим интригам.

Летом 1920 года я поехала с дочерью в Карлсбад на воды. Она вернулась в Берлин раньше меня в компании моей племянницы, чтобы поискать для нас жилье на зиму. В это время она очень близко сошлась с женой одного английского офицера,

который, казалось, был очень к ней любезен. Вскоре и я вернулась в Берлин, где эта английская пара познакомила меня со своим хорошим другом, как они мне говорили, крайне зажиточным человеком. Однажды эта английская леди попросила меня прийти к ней поболтать, так как она неважно себя чувствовала и не могла выйти на прогулку.

Каково же было мое удивление, когда я там услышала, что ее друг горит желанием помочь русским и изъявил готовность оплатить учебу моей дочери в школе, так как ее образование еще не было законченным. Она сказала мне, что присмотрит за моей дочерью и готова забрать ее с собой в Англию, куда она вскоре должна отбыть. Она также возьмет на себя проведение каникул. Я ответила, что должна вначале поговорить со своей дочерью. Так велико было мое волнение при мысли о расставании с моей Малышкой, что я разразилась слезами.

Мне трудно было принять решение, и было очень горько думать о разлуке, и все-таки мой рассудок говорил, что я должна принять это предложение. Во мне шла непрекращающаяся война, но в итоге я убедила себя, что должна ставить интересы моего ребенка превыше всего и пожертвовать своими чувствами ради нее. Наше финансовое положение было катастрофическим, и я видела перед собой лишь мрачные дни, ожидавшие нас впереди.

Так что я дала свое согласие – но один лишь Бог ведает, чего это мне стоило. Мне казалось, что я умираю, когда начались приготовления к отъезду.

За день до их отбытия я зашла навестить г-жу Х. и окончательно обсудить с ней наши дела.

Я вновь заявила ей то же, что и говорила ранее господину, проявившему такую щедрость по отношению к моей дочери, – что хочу, чтобы моя Малышка приезжала ко мне на каникулы, если это возможно, и что я не передаю ему никаких прав опекунства.

Малышка была очарована г-жой Х., и на следующий день они уехали. Был вечер, и я никогда не забуду страданий, которые ощутила, когда поезд с моим любимым ребенком ушел, а я осталась одна. Как опустел этот мир!

В Лондоне моя дочь сначала чувствовала себя неважно. Когда ей стало лучше, ее отправили в школу в Уэстгейт. На Рождество она поехала в Париж к семье Х., которая была в это время там. Я увидела дочь в Брюсселе, куда поехала специально, чтобы встретиться с ней. Но с какими же трудностями мне удалось заполучить ее к себе на Рождество!

Этой зимой я очень часто встречалась с кузиной, баронессой Бенкендорф-Гинденбург, урожденной принцессой Мюнстер, и ее общество давало мне большое утешение. Это была женщина

редкой доброты, благородных чувств и большого интеллекта. Ее сын и невестка, до замужества мисс Хей из Кинноула, также мне понравились, и все трое проявили большое великодушие и доброту ко мне в моем горе.

Новости, приходящие из России, были самыми мрачными. Наша последняя надежда на то, что генерал Врангель сможет удержать Крым и тем самым сохранит плацдарм, с которого можно будет освободить Россию от ее тиранов, рассеялась как дым. Какая страшная катастрофа! Неизбежен новый приступ отчаяния для тысяч беженцев, оказавшихся без каких-либо средств к существованию...

Я особо тревожилась за судьбу моей бедной свекрови, которой было семьдесят четыре года и которая была очень слаба здоровьем, за свою золовку, которая, к несчастью, вместе со своей семьей покинула Мальту и вернулась в Крым. К несчастью, мои наихудшие опасения подтвердились. Мы узнали, что наша дорогая старушка – настоящая святая, которая прожила свою жизнь, делая всем добро, – была расстреляна вместе с моей золовкой и ее мужем, капитаном Мальцовым. Это было для меня огромным горем. Трое их детей после полутора лет неописуемых страданий выбрались из Ялты и после путешествия, полного риска и приключений, сумели воссоединиться с моей золовкой, их тетей, княгиней Щербатовой, в Болгарии.

Вернемся к моей истории. Во мне росло ощущение, что я не смогу больше существовать без своей дочери, и поэтому я решила сама поехать в Англию. Оказавшись в Лондоне, я отправилась прямо к г-же Х. и стала расспрашивать о своей Малышке. Когда она вышла ко мне, на ней был какой-то странный наряд и выглядела она совсем по-другому!

Когда начались летние каникулы и я стала ожидать свою дочь, то, к огромному удивлению, узнала, что та уже в Лондоне. Один из моих друзей случайно встретил ее на улице. Я не могла этому поверить.

И я приняла решение. Я забрала свою дочь к себе, хотя нам приходилось вести тяжелую борьбу за существование. Я часто приходила в отчаяние, но была глубоко благодарна всем добрым друзьям, которые помогли мне в Лондоне, и я благословляю тот день, когда я приехала в Англию, где могу работать не без надежды на успех, как я верю.

Какое счастье и гордость для всех истинных русских, что наша обожаемая императрица тоже находится в Лондоне! Ее мужество – это великий пример для всех нас, который придает нам силу и веру в лучшие времена, когда мы вновь увидим нашу дорогую Родину.

Глава 18

Впечатления от Англии

На следующий день после приезда в Англию я пошла к своей золовке, княгине Оболенской-Юрьевской, которая жила на Виктория-роуд, Кенсингтон, и спросила ее: «Можно ли найти в Лондоне какую-нибудь работу?»

Сама она с трудом зарабатывала себе на хлеб с помощью голоса, выступая в различных концертах. Вместе с ней жила приятная греческая дама, которая помогла мне найти комнату неподалеку.

После нескольких безуспешных попыток найти подходящую работу я стала подумывать о литературе как способе заработать на жизнь. Первая написанная мной статья была принята в «Westminster Gazette». Это был анализ крестьянской жизни в России до и после революции. Редактор газеты, г-н Спендер, принял меня очень обходительно и показался мне исключительно умным и приятным человеком. «Westminster Gazette» стала первой газетой, для которой я писала.

У меня также состоялась интересная беседа с ныне покойным лордом Нортклиффом до того, как он отправился в свое последнее путешествие. Мы говорили о нашей старой России, о которой он был весьма неблагоприятного мнения, и я сумела избавить его от многих ошибочных впечатлений о русской жизни. Я рассказала ему, как все мы были счастливы, когда наш обожаемый царь был с нами, каким великим патриотом он был, какой трудной являлась задача управления такой обширной территорией, включающей в себя столь много рас и различных языков. Я сказала ему, что история России четко показывает, что монархия – это единственная форма правления, которая соответствует ее многочисленным потребностям.

Все население с незапамятных времен верило в божественное право царей. С момента царской коронации и его миропомазания елеем он был священен и считался избранником Божиим. В крестьянских хижинах рядом со святыми иконами находился портрет их любимого монарха. К несчастью, Россия – страна таких чудовищных контрастов, что у людей, которые видят только поверхностный слой, формируются ложные впечатления о ее внутренней жизни. Только те, кто проник сквозь грубую кору ее цивилизации, могут авторитетно говорить о настоящей России. И сама императрица Александра Федоровна, столь преданная принявшей ее стране, никогда по-настоящему не понимала ее.

«Не забудьте, лорд Нортклифф, – добавила я, – что Россия все еще отстает от Европы на двести лет. Даже Петр Великий, изменяя русскую одежду и манеры и вводя в стране новые порядки, не смог изменить истинной природы русских людей. Присущая им простота, эта странная смесь наивности и безответственности в сочетании со слепой верой в божественную деятельность Провидения – они такие же, что были и столетия назад». Лорд Нортклифф ответил: «Я уверен, княгиня, вам будет сопутствовать успех в вашей литературной деятельности, потому что у вас есть идеи».

Я нашла Лондон очень переменившимся после войны. Улицы были грязными и неубранными в сравнении с прежними годами. Что особенно меня поразило – это большое количество домов на продажу, также люди в основной своей массе были не так хорошо одеты. Прискорбное сборище человеческих развалин – многие из них бывшие солдаты, – продающих на улицах спички и тому подобное, создавало впечатление огромной бедности и нищеты. Никакой работы было не найти. Отовсюду слышалось одно и то же выражение: «Как мы можем давать рабочие места иностранцам, когда наши собственные люди голодают?»

Только одно не изменилось – если еще возможны более высокие стандарты долга, – а улучшилось: отличная лондонская полиция. Та же неизменная любезность, умелое управление мощными потоками транспорта, доброжелательная подсказка ошавшим гостям, заблудившимся в лабиринте бестолковых лондонских улиц, трогательная забота о беспомощной детворе и нетвердо шагающих взрослых. Да, лондонская полиция великолепна.

Есть одна приятная деталь в моей жизни в изгнании, которую я не могу упустить и о которой всегда буду хранить самые счастливые воспоминания. Я имею в виду Литературное общество Лондона. Никогда не забыть безукоризненную любезность и помощь, оказанные мне столь многими его членами. Хорошо известная писательница Даусон-Скотт была среди моих первых знакомых по литературе, и на одном из ее интересных вечеров я встретила г-на Стюарта Эллиса, чьи литературные труды и суждения слишком высоко оценены, чтобы требовать какой-либо моей похвалы. В этом очаровательном доме с его художественным окружением всегда можно быть уверенным, что восхитительно проведешь время.

Странно, как сталкиваешься с друзьями по всему свету. Однажды я возвращалась домой и услышала свое имя, произнесенное знакомым голосом. Это была моя старая подруга Мэри Хартман, а с ней ее золовка – княгиня Белозерская. К моему

величайшему удивлению, я узнала, что они живут недалеко от меня на той же самой улице. Уверена, что они никогда и не догадывались, как много горя и тревог пришлось мне пережить за это время. Я вправду была счастлива вновь встретиться с ними, а также с подругой моей юности графиней Торби, чьи неизменные любовь и очарование были для меня огромным утешением, как и для многих других русских друзей, находившихся в изгнании.

В прошлом году в Англию приезжал экс-президент Тафт, и я ходила повидаться с ним в американское посольство. Это была наша первая встреча после многих лет, и он проявил ко мне так много симпатии, что у меня в глазах стояли слезы.

Приехав в Лондон, я сразу же пошла в русскую церковь, где впервые после революции увидела великую княгиню Ксению, сестру нашего обожаемого убиенного царя. Какое душевное волнение я испытала при встрече с ней! Как много старых друзей встретила я там и узнала, с каким исключительным мужеством и стойкостью противостояли они великим переменам судьбы. Все пытались найти работу – нелегкое дело для беженцев в стране, так страдающей от последствий страшной войны, но которая тем не менее делала все возможное, чтобы облегчить нашу участь.

В нашем бывшем посольстве, «Чешэм-Хаус», были организованы несколько концертов и балов для оказания помощи русским беженцам, нашему сообществу изгнанников, выброшенных большевиками из своих домов и своей страны. Должна добавить, что г-н Саблин, представитель антибольшевистской политики, выполнял свою трудную задачу с подлинным искусством, ловкостью и большой добротой.

Мы, русские, совершаем много ошибок – величайшая из них в том, что мы беспечны, живем как придется и не задумываемся о завтрашнем дне, а это имеет для нас огромную важность, вспомним «*Le demain est la base de notre existence*»^[26]. Но у русских есть и хорошие качества, и главное из них – наше гостеприимство, и за это нас любят и ценят. Поэтому я уверена, что когда Россия вновь займет свое место среди держав мира, когда ее церковные колокола своим звоном призовут ее сыновей к труду для ее преобразования, тогда она откроет свои ворота и воскликнет: «Да здравствует наша Родина и все, кто оказал нам гостеприимство и помощь, когда мы были изгоями, потерявшими надежду!»

Когда я пишу эти строки, то есть в апреле 1923 года, во главе русских, живущих в Лондоне, стоит наша любимая императрица Мария Федоровна, живущая в «Мальборо-Хаус» с не менее любимой вдовствующей королевой Александрой. Также в Лондоне живут великая княгиня Ксения со своими детьми, вдова-

королева Ольга Греческая (великая княгиня Российская, супруга греческого короля Георга I), ее дочь, жена великого князя Георгия, недавно вновь вышедшая замуж, и две ее замужние дочери: княгиня Нина – супруга Павла Чавчавадзе и княгиня Ксения, вышедшая замуж за г-на В.М. Лидса.

Перед тем как расстаться с моими читателями в этот момент, когда будущее России представляется мрачным, как никогда прежде, «Дом Христа» уже больше не свят, его верные слуги подвергаются преследованиям и предаются смерти, а богохульное учение распространяется по всей стране, я тем не менее подтверждаю свою непоколебимую веру в возрождение моей страны.

notes

Примечания

Родители кн. М.С. Бярытнскон – Сергей Дмнтрлевч Башмаков (1831—1877) и Варвара Карловна, урожд. Шмидт (1841—1873). Бабушка – Варвара Аркадьевна (1802—1885), урожд. кн. Суворова-Рымникская, в первом браке Башмакова, во втором – кн. Горчакова (жена кн. Андрея Ивановича Горчакова (1776—1855). *(Здесь и далее примеч. ред.)*

Речь идет о Марии Дмитриевне Батуриной, урожд. Башмаковой (1828—1895), жене сенатора Александра Дмитриевича Батурина. Она родная сестра отца кн. М.С. Барятинской.

Речь идет о кн. Елизавете Ивановне Суворовой-Рымникской (1839—?), урожд. Базилевской, жене кн. Николая Александровича Суворова-Рымникского (1834—1893). Она двоюродная тетка кн. М.С. Барятинской.

Имеется в виду кн. Александр Иванович Барятинский (1815—1879), генерал-фельдмаршал, командующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник на Кавказе с 1856 г. Предпринял энергичные наступательные действия против войск Шамиля и одержал над ними победу.

Первым мужем кн. М.С. Барятинской был Алексей Владимирович Свечин.

Завоевав в конце XVIII в. остров Мальту, Наполеон Бонапарт изгнал оттуда рыцарей Мальтийского ордена. Они нашли приют в России, а русский император Павел I принял звание гроссмейстера Мальтийского ордена. Наиболее знатным изгнанникам были отведены квартиры в здании Пажеского корпуса, здесь же была построена для них церковь – Мальтийская капелла, а всех воспитанников корпуса Павел зачислил в мальтийские рыцари. Поскольку этот указ Павла впоследствии так и не был отменен, пажи вплоть до революции продолжали считать себя рыцарями и носить на груди мальтийские крестики.

Аксельбант – скрученный шнур из золотого или серебряного галуна, носившийся на правом плече. Был знаком должности адъютанта.

В нем больше гимнастики, чем чувства (фр.).

В природе есть место всем вкусам (фр.).

...влюблен в ее очаровательное лицо с задумчивыми глазами
(фр.).

Прозвище Белый Царь было распространено применительно к российскому императору у жителей национальных окраин России – главным образом в Сибири и Средней Азии.

...обретал важное значение (фр.).

Спаги (иначе – сипаи) – мусульманские кавалеристы, в данном случае арабы.

Свинѣи, свинѣи! (фр.)

Туркестан – историческая область в Центральной Азии, включающая Таджикистан, Туркмению, Узбекистан, Киргизию, Каракалпакию, а также Афганистан. В XIX – начале XX в. территории Туркестана принадлежали Китаю, Афганистану и России, где с 1867 г. существовало Туркестанское генерал-губернаторство (с 1886-го по 1917 г. – Туркестанский край) со столицей в Ташкенте.

Молниеносная смерть (фр.).

Поживем – увидим! (фр.)

Долг прежде всего (фр.).

Речь идет об известном имении Марьино (в селе Ивановское Курской области), принадлежавшем гетману Мазепе, а затем князьям Барятинским. Описываемый ниже дворец (1811—1820, арх. К.И. Гофман; перестроен в 1869—1872 гг. арх. И.А. Моничетти и К.Ф.Шольпем) и парк в основном сохранились до нашего времени.

Но человек предполагает, а Бог располагает (φρ.).

С 1815-го по 1918 г. значительная территория Польши входила в состав Российской империи и управлялась императорским наместником (генерал-губернатором).

Ныне г. Хелм (Польша).

Императорская семья не могла принять такое предложение от Германии, с которой Россия находилась в состоянии войны, но охотно приняла помощь союзной Великобритании. 31 марта 1919 г. императрица Мария Федоровна с родственниками отбыла из Ливадии (Крым) на английском корабле «Мальборо».

Великий князь Павел Александрович вместе с другими великими князьями (Николаем Михайловичем, Георгием Михайловичем и Дмитрием Константиновичем) был расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости.

Как известно, великий князь Павел был женат дважды. В первый раз – на принцессе Александре Греческой, которая умерла молодой, оставив ему двоих детей – великую княгиню Марию Павловну (упоминавшуюся выше) и великого князя Дмитрия. Второй раз он вступил в морганатический брак с разведенной баронессой Пистолькорс, которой был пожалован титул принцессы Палей.

Речь идет о расстреле в Алапаевске в июне 1918 г.

Завтра – основа нашего существования (фр.).